Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля

Изданіе т-ва И. Д. Сытина

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.
РЕДАКЦІЯ:
А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. ПИЧЕТА.

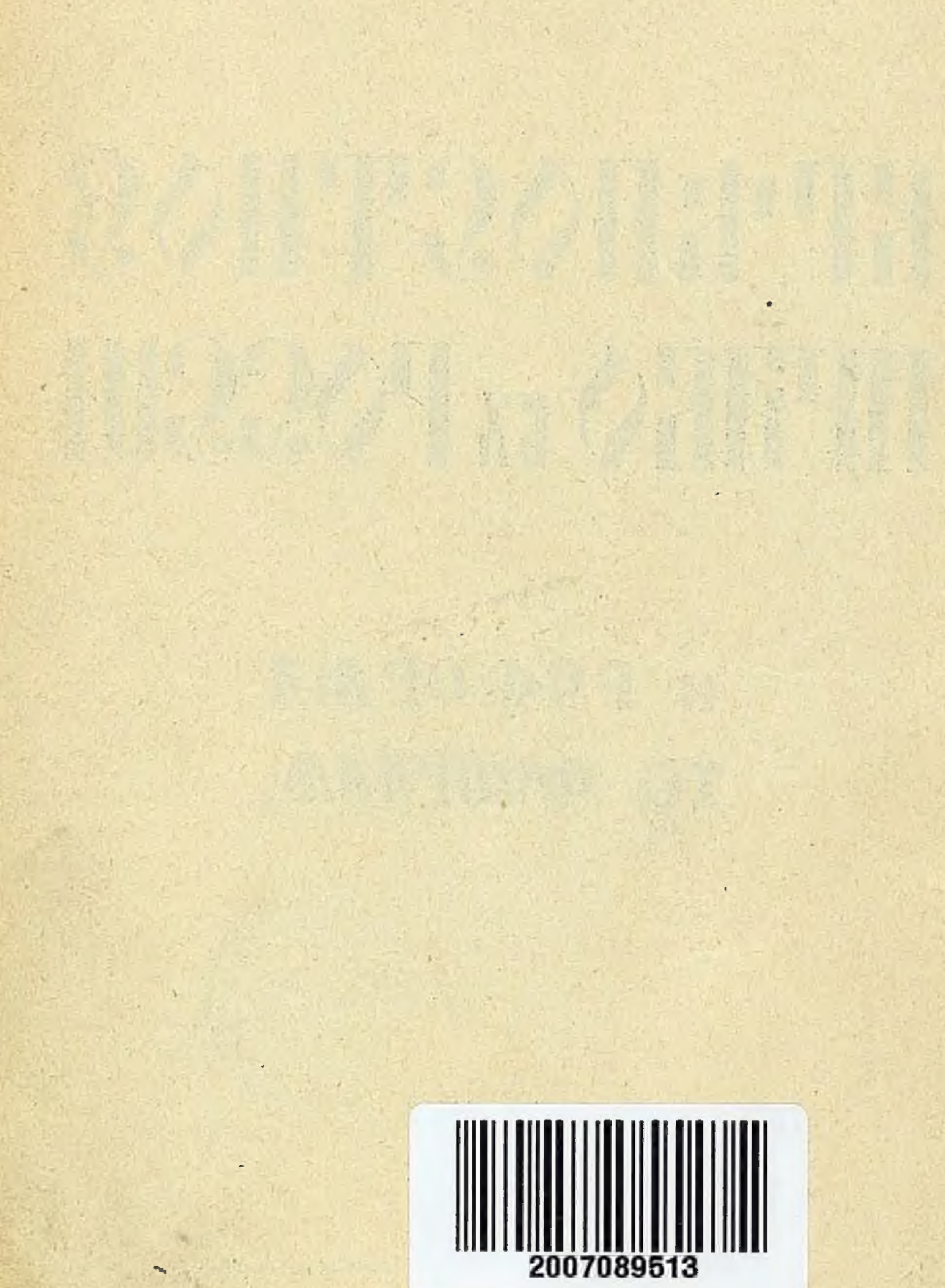
КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ РОССІИ

И РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Закрѣпощеніе крестьянъ.

I.

Положеніемъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 года «отмѣнено навсегда» «крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей», и крестьяне призваны манифестомъ отъ того же числа къ «свободному труду». Въ частности Положеніемъ отмѣнена обязанность помѣщиковъ отвѣчать за крестьянъ во взносѣ государственныхъ податей, ходатайствовать за нихъ въ судѣ, заботиться объ ихъ продовольствіи и т. п. и распространены на нихъ «общія гражданскія права», въ силу которыхъ имъ не требовалось теперь разрѣшенія помѣщика на вступленіе въ бракъ, занятіе торговлей, ремеслами, заключеніе всякаго рода договоровъ и условій и т. д. И отнынѣ крестьяне не могли быть подвергаемы «никакому наказанію иначе какъ по судебному приговору или по законному распоряженію властей».

То, что отмѣнило Положеніе 1861 года и чего крестьяне были лишены до сихъ поръ, и составляетъ сущность крѣпостного права. Въ общихъ и краткихъ чертахъ оно сводится къ праву помѣщиковъ на трудъ крестьянина и его семьи, на его имущество и на личность его самого и членовъ его семьи. Для полноты картины крѣпостного состоянія слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ жестокостяхъ и мученіяхъ, которыя позволяли себѣ помѣщики относительно крестьянъ.

Указать моментъ возникновенія крѣпостного права съ такою же точностью, какъ моментъ его отмѣны, мы не въ состояніи, ибо этого момента не было. Отмѣна крѣпостного права состоялась въ законодательномъ порядкѣ, оно пало въ силу манифеста 19 февраля 1861 года, и потому мы точно датируемъ этотъ историческій фактъ. Образовалось же крѣпостное право не вслѣдствіе отдѣльнаго распоряженія правительства, извѣст-

наго законодательнаго акта, сразу. Оно складывалось исподволь, постепенно, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, дѣйствительно распоряженій правительства, съ другой — обстоятельствъ жизни, въ теченіе очень продолжительнаго времени, едва ли не вплоть до освобожденія крестьянъ. Начавшись въ XV в. и установившись въ главнѣйшихъ чертахъ въ половинѣ XVII вѣка въ силу Уложенія царя Алексѣя, оно не остановилось здѣсь въ своемъ развитіи. (Практика и законъ продолжали расширять права помѣщиковъ на крестьянъ и суживать права крестьянъ. Въ теченіе XVIII вѣка каждое царствованіе наносило свои штрихи на картину крѣпостного состоянія крестьянъ, считало долгомъ подчеркнуть ихъ зависимое и безправное положеніе соотвѣтствующей новой мѣрой и узелъ крѣпостничества не слабѣлъ и, наоборотъ, все туже затягивался на шеѣ крестьянства даже въ XIX вѣкѣ).

Въ виду такого происхожденія крѣпостного права намъ слѣдуетъ, чтобы узнать, какъ оно сложилось, и понять его сущность, обратиться къ изученію процесса закрѣпощенія крестьянъ на всемъ его протяженіи и прослѣдить дѣйствіе всѣхъ факторовъ, участвовавшихъ въ установленіи крѣпостного права.

II.

Въ крѣпостной зависимости находились только владѣльческіе крестьяне. Значительный разрядъ такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ не зналъ подобной зависимости. Но раздѣленіе крестьянъ на государственныхъ и владѣльческихъ есть фактъ уже сравнительно поздняго времени. Было время, когда такого различія не существовало, — сельское населеніе было единымъ. И исторія закрѣпощенія крестьянъ, совпадающая съ исторіей крестьянъ, какъ сословія, должны по необходимости начинаться съ этого древнѣйшаго времени.

Тогда сельчане носили названіе «людей» и «смердовъ», крестьянами же или «христіанами», выражаясь языкомъ древнихъ актовъ, они стали называться позднѣе, вѣка съ XIII — XIV. Они были свободны и сидѣли на собственной землѣ, т.-е. были одновременно и земледѣльцами и землевладѣльцами. Какъ свободные и полноправные граждане, сельчане (смерды, потомъ крестьяне) владѣли движимой и недвижимой собственностью, участвовали вмѣстѣ съ прочими классами насе-

ленія въ войнахъ, занимали иногда даже высшія должности при князьяхъ, вообще свободно располагали собой. Этимъ они отличались отъ несвободнаго населенія — рабовъ, холоповъ. Холопъ разсматривался, какъ полная собственность своего господина. Владѣлецъ холопа могъ его мѣнять, продавать, увѣчить, даже убить, не испрашивая на то ни у кого разрѣшенія, ни передъ кѣмъ за то не отвѣчая. Правъ холопъ, конечно, никакихъ не имѣлъ.

Около того же времени появляются эпитеты «численные», «письменные» люди, прилагаемые къ сельскому населенію Руси, т.-е. люди, занесенные въ «число», записанные въ по-

Село Зимогорье XVII в. (изъ Мейерберга).

датной окладъ. Здѣсь разумѣется татарское «число», обложеніе населенія данью въ пользу татаръ. Дань эта, установленная татарами, какъ извѣстно, собиралась сначала самими татарами исключительно въ ихъ казну, затѣмъ же ее стали собирать русскіе князья, удерживая часть въ свою пользу, а послѣ сверженія ига она стала поступать цѣликомъ въ княжескую казну. Тогда она получила характеръ государственнаго налога и называлась «тягломъ», платившее же его населеніе — «тяглымъ». Главными плательщиками государственнаго налога, тяглецами, были крестьяне. И такъ какъ они платили тягло по землѣ, на которой жили и которою кормились, то правительство, чтобы не лишаться съ уходомъ съ земли крестьянъ, плательщиковъ, старалось удержать ихъ на землѣ,

прикрѣпить ихъ къ землѣ. Такое стремленіе правительства обнаруживается очень рано, и очень рано появляются мѣры противъ ухода крестьянъ со своей земли. Когда Русь была еще раздроблена на отдѣльныя удѣльныя княжества, князья уже заключали между собой договоры «людей къ себѣ (на землю) звати... не тяглыхъ и не письменныхъ», «а письменныхъ тяглыхъ имъ къ себѣ не принимати». И частнымъ землевладѣльцамъ было запрещено поселять на своей землѣ тяглецовъ. Только тѣмъ изъ крестьянъ, которые еще не попали въ тягло, правительство не препятствовало оставлять землю, не лишало ихъ права передвиженія, даже, наоборотъ, въ своихъ договорахъ князья прямо оговаривали это право, замѣчая, что «крестьянамъ межъ насъ *вольнымъ* воля». Въ запрещеніи тяглымъ людямъ оставлять землю, несомнѣнно, заключалось ограниченіе ихъ въ правахъ, именно, въ правѣ передвиженія, извѣстное нарушеніе ихъ свободы. Но изъ этого ограниченія и стѣсненія былъ выходъ. Тяглый крестьянинъ могъ посадить на свое мѣсто другого, прежде чѣмъ уйти. Подобной замѣнѣ правительство не препятствовало, такъ какъ ему было безразлично, кто будетъ сидѣть на землѣ и тянуть тягло, лишь бы не пустовала тяглая земля, шла съ нея подать, прикрѣплять же непремѣнно крестьянъ къ землѣ не входило въ цѣли правительства. Обыкновенно крестьяне такъ и поступали, — уходя, сажали на свое мѣсто «садока» и благодаря этому сохранялась за ними свобода передвиженія.

Итакъ, сельчане въ разсматриваемое время (XII — XIV вв.) свободные и полноправные люди.

Однако, несмотря на свободу и правоспособность, сельчане уже въ эту древнюю пору оказываются низшимъ классомъ населенія. «Люди» и «смерды» противополагаются не только князю, но и его дружинѣ, «мужамъ», какъ высшему классу. И положеніе сельчанъ сравнительно съ другими классами — приниженное. Такъ, «Русская Правда», законодательный памятникъ XII вѣка за обиду, нанесенную княжескому слугѣ, т.-е. лицу, близкому князю, его помощнику, взыскиваетъ 12 гривенъ, а за обиду смерда вчетверо меньше — 3 гривны. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и законодательство позднѣйшаго времени. По Судебнику 1550 года за обиду, «безчестье» боярскаго человѣка полагается 5 рублей, за обиду же крестьянина — 1 рубль. Стало-быть, законодатель того времени разсматриваетъ сельчанъ именно какъ низшій классъ

и потому такъ дешево оцѣниваетъ ихъ честь, человѣческое достоинство. Самое слово «смердъ» получаетъ очень рано уничижительное значенiе, а въ числѣ названiй сельчанъ появляется характерное для ихъ соцiальнаго положенiя слово «сироты». Наконецъ отъ XIII вѣка мы имѣемъ извѣстiе о томъ, что «сильные» люди «свободные сироты (сельчанъ) порабощаютъ и продаютъ».

Чѣмъ же объяснить такое явленiе,— что ставило свободное сельское населенiе въ зависимость отъ другихъ и опускало ихъ на общественный низъ?

Существованiе въ древней Руси такъ называемыхъ «ролейныхъ закуповъ» проливаетъ свѣтъ на только что указанное явленiе. Ролейный закупъ — это безземельный крестьянинъ, порядившiйся въ работники къ помѣщику и обрабатывающiй землю орудiями помѣщика. Въ случаѣ нерасплаты съ помѣщикомъ ролейный закупъ обращался въ холопа, раба. Закупъ, вслѣдствiе задолженности, стоитъ на границѣ между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ, постоянно рискуя перешагнуть за предѣлы свободнаго состоянiя. Съ личностью такого человѣка можно было не считаться. И грубому и жестокому обращенiю подвергались именно задолжавшiе крестьяне. По словамъ извѣстнаго религiознаго борца XVI в. Вассiана Косого, монастыри неоплатныхъ должниковъ крестьянъ «выгоняли изъ своихъ селъ съ женами и дѣтьми, провожая побоями». Стало-быть, въ нуждѣ и потерѣ земли, какъ основы благополучiя сельчанина, надо искать объясненiя зависимости и приниженности сельскаго населенiя.

Такъ рано обозначилась связь общественнаго положенiя земледѣльческаго класса съ землей. Оказавшись въ тѣсной связи съ положенiемъ крестьянъ въ обществѣ, земля затѣмъ обусловила и свободу крестьянскую. Именно, пока крестьяне владѣли землей и были самостоятельны въ хозяйственномъ отношенiи, они были свободны. Когда же потеряли землю, утратили и свободу.

III.

Опасность для крестьянъ лишенiя земли пришла со стороны крупнаго частнаго землевладѣнiя.

Опредѣлить съ точностью, когда именно возникло частное землевладѣнiе, мы не въ состоянiи. Объяснить же его происхожденiе можно. Мелкое крестьянское землевладѣнiе явилось въ результатѣ приложенiя труда къ землѣ.

Крестьянинъ силами своей семьи поднималъ новь, «куда его топоръ и соха хватали», «сколько его мочи было», воздѣлывалъ ее и становился обладателемъ этого участка, своего «посилья», какъ тогда сами крестьяне называли воздѣланный участокъ. Крупное же землевладѣніе возникло путемъ пожалованія. Князья, а потомъ цари московскіе раздавали земли на поминъ души въ монастыри и своимъ боярамъ за службу. Монастырскія и боярскія земли положили начало крупному землевладѣнію. Съ ростомъ Московскаго государства росла раздача земель служилымъ людямъ за службу, и росло крупное землевладѣніе. Въ концѣ-концовъ, крестьяне оказались окруженными со всѣхъ сторонъ крупными помѣщиками. Но мелкое землевладѣніе не можетъ уживаться рядомъ съ крупнымъ при равенствѣ хозяйственныхъ условій. Экономически сильный всегда съѣстъ экономически слабаго. Крестьяне отлично и сразу поняли это. Когда св. Антоній Сійскій хотѣлъ поселиться около крестьянъ и устроить монастырь, то мѣстные крестьяне воспрепятствовали этому. «Они подумали про себя: какъ этотъ старецъ поселится близъ насъ, такъ по маломъ времени овладѣетъ нами и селами нашими». А понявши опасность со стороны крупнаго землевладѣнія, крестьяне стали на стражѣ своей земли. И передъ нашими глазами развертывается полная драматизма борьба крестьянъ за землю, за которой стоитъ борьба за свободу.

Прежде всего крестьяне всячески старались препятствовать самому возникновенію крупнаго частнаго землевладѣнія. Отъ XV — XVI вѣковъ и ранѣе намъ извѣстны случаи, когда крестьяне не давали на сосѣднихъ съ ними пустопорожнихъ земляхъ селиться монахамъ и строить монастыри, а селившихся вопреки ихъ просьбамъ и предостереженіямъ, вооружившись дрекольями, выселяли силой. Но дреколья не могутъ защитить отъ натиска жизни, и экономическіе вопросы не разрѣшаются такъ просто, какъ хотѣли ихъ разрѣшать крестьяне XV — XVI вв., прогнавшіе Антонія Сійскаго. Согнать одного, двухъ и больше старцевъ было можно, но остановить ростъ монастырскаго и боярскаго землевладѣнія было нельзя. И вопреки усиліямъ отдѣльныхъ крестьянъ послѣднее росло, и наступленіе его на крестьянское землевладѣніе шло своимъ чередомъ. Монастыри, напримѣръ, занимали какъ пожалованную имъ землю, такъ захватывали и крестьянскую. Въ теченіе XVI и XVII вѣковъ идутъ по-

стоянныя, нескончаемыя недоразумѣнія и тяжбы между крестьянами и монастырями за землю. Но путь захвата земли не всегда представлялся лучшимъ и не всегда достигалъ цѣли. На судѣ надо было доказывать свое право на землю, что при захватѣ затруднительно. И монастыри нашли другой путь для освоенія крестьянской земли—вполнѣ законный этотъ путь открыла имъ форма крестьянскаго землевладѣнія при крестьянской нуждѣ.

Крестьянскіе типы XVII в. (изъ Олеарія).

Крестьяне, живя волостями, мірами, сообща владѣли лишь угодьями, пашенная же земля принадлежала каждому въ отдѣльности. Каждый крестьянскій дворъ велъ самостоятельное хозяйство. Дворъ съ усадьбой, пашней и угодьями назывался «деревней». Во дворѣ жила семья — отецъ, дѣти, братья и т. д., и каждый членъ семьи имѣлъ свою «долю» въ «деревнѣ». Своей «долей» каждый членъ семьи могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію — мѣнять, закладывать, продавать. И «доли» такимъ образомъ переходили изъ рукъ въ руки. «Деревня» оставалась безъ измѣненія, а владѣльцы «долей» мѣнялись, на «доли» садились даже посторонніе семьѣ люди. Эти дольщики, совладѣльцы назывались «складниками». Стало-быть, доступъ въ «деревню» со стороны былъ полный.

Монастыри и воспользовались этой лазейкой. Вслѣдствіе «скудости», будучи не въ состояніи «ни дани давать великаго князя», «ни всякихъ разрубовъ (расходовъ) волостныхъ платити», крестьянинъ шелъ въ монастырь и закладывалъ ему свою «долю». Давши ссуду крестьянину подъ его «долю», монастырь уже одною ногою входилъ въ крестьянскій міръ,— заложившій землю, оставаясь собственникомъ ея, переставалъ съ момента заклада быть ея полнымъ хозяиномъ. Связь съ землей у крестьянина-закладчика слабѣла, у монастыря же возникала, завязывалась. Но за закладомъ обыкновенно слѣдовала продажа «доли» подъ вліяніемъ той же «скудости». Тогда связь съ землей у крестьянина порывалась уже окончательно, онъ переставалъ быть ея собственникомъ. У монастыря же, наоборотъ, закрѣплялась, и онъ входилъ въ крестьянскій міръ обѣими ногами. На проданную монастырю «долю» садился какой-нибудь монастырскій старецъ и велъ хозяйство съ другими складчиками «деревни». Цѣпляясь за уходящую изъ его рукъ землю, крестьянинъ обыкновенно, продавъ свою «долю» монастырю, поряжался въ арендаторы къ нему и соглашался на какія угодно условія, лишь бы остаться на своей «долѣ». Но монастырь былъ равнодушенъ къ этой привязанности крестьянъ къ своей землѣ и гналъ ихъ съ родного пепелища или своей эксплуатаціей доводилъ до того, что они сами уходили съ проданныхъ «долей». Такимъ путемъ «доля» за «долей» монастыри прибирали къ своимъ рукамъ крестьянскую землю. На помощь отдѣльнымъ крестьянамъ въ борьбѣ съ монастырями приходилъ крестьянскій міръ, старался выжить непрошенныхъ совладѣльцевъ, складниковъ. Не выбиралъ монастырскихъ старцевъ на мірскія вліятельныя должности, не приглашалъ на сходы, облагалъ освоенныя монастыремъ земли втрое, впятеро больше крестьянскихъ. Въ отвѣтъ на это монастырь уклонялся совсѣмъ отъ несенія мірскихъ расходовъ и платежа государственнаго тягла, къ чему обязанъ былъ, какъ совладѣлецъ крестьянъ, членъ міра. Тогда крестьяне жаловались на монастырь правительству. Пріобрѣтеніе монастыремъ крестьянскихъ земель было невыгодно правительству, — земля уходила изъ тягла *). И потому оно нерѣдко принимало сторону

---

*) Монастыри обыкновенно освобождались отъ тягла особыми грамотами.

Свозъ крестьянъ въ XVI в. (Карт. *Лебедева*).

крестьянъ и даже, чтобы пресѣчь уходъ земли изъ тягла, стало запрещать монастырямъ пріобрѣтать тяглыя крестьянскія земли. Но запрещеніе мало помогало. При посредствѣ ссудъ и покупки крестьянскія земли продолжали переходить къ монастырямъ.

Точно такъ же подбирались къ крестьянскимъ землямъ и другіе капиталисты — посадскіе, купцы и изъ крестьянъ богатѣи-міроѣды. Они входили въ долю, въ складство и стягивали постепенно въ свои руки крестьянскую землю. И въ результатѣ получалась та же картина, что и при освоеніи земли монастырями. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, напримѣръ, посадскіе люди «у скудныхъ крестьянъ покупили себѣ лучшія деревни», «крестьянъ тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ своихъ», наконецъ, «всякими притѣсненіями подати съ себя сметали на худыхъ крестьянишекъ», отчего тѣ «оскудѣли и обнищали» до крайности и заложили послѣднія «деревенишки» за двойныя и тройныя цѣны. Многіе же, не выдержавъ эксплуатаціи, «врознь разбрелись безвѣстно» (1676 г.).

Такимъ образомъ, изъ борьбы за землю крестьяне выходили въ конечномъ итогѣ не побѣдителями, а побѣжденными. Слишкомъ ужъ неравны были силы борющихся сторонъ. И отъ крестьянскаго землевладѣнія въ средней Россіи не осталось никакого слѣда, а на сѣверѣ только обломки въ видѣ владѣній «черносошныхъ» или «черныхъ» крестьянъ. Послѣдніе сохранили за собой и землю и свободу — уберeглись отъ крѣпостной зависимости.

IV.

Черносошные, черные крестьяне получили свое названіе отъ земли, на которой сидѣли. Земля эта называлась «черной», т.-е. обложенной «чернымъ боромъ», государственной данью, тяглой, въ отличіе отъ земли владѣльческой (боярской, монастырской) не тяглой, свободной отъ дани, иначе «бѣлой». Впослѣдствіи черные крестьяне получили названіе «государственныхъ».

Отличительную особенность черныхъ крестьянъ составляло именно то, что они остались землевладѣльцами и свободными людьми.

Правда, правительство считало черныя земли государственной собственностью и распоряжалось ими совершенно

свободно. Когда былъ присоединенъ Новгородъ къ Москвѣ, то многія земли черныхъ крестьянъ были пожалованы боярамъ и монастырямъ. А въ средней Россіи такимъ образомъ были розданы всѣ черныя земли. Но это не мѣшало крестьянамъ, въ свою очередь, считать черную землю своею — «великаго князя, а моего владѣнья», какъ они выражались. И не мѣшало имъ эту землю передавать по наслѣдству, закладывать, мѣнять, даже продавать. Въ то же время черные крестьяне — свободные и полноправные граждане.

Они заключаютъ всякаго рода сдѣлки, ведутъ торговлю, отвѣчаютъ сами за себя на судѣ и т. д. Какъ полноправные граждане они являются въ качествѣ депутатовъ на земскіе соборы («уѣздные люди»). Ихъ же позднѣе мы видимъ въ извѣстной екатерининской законодательной комиссіи 1767 года. Правительство, правда, мало считается съ правами черныхъ крестьянъ — предаетъ ихъ вмѣстѣ съ землей владѣльцамъ, не справившись объ ихъ желаніи. Но вѣдь это обычное въ то время безцеремонное обращеніе власти со своими подданными. Что же касается запрещенія перехода крестьянъ съ черной земли на «бѣлую», то, какъ мы уже говорили, оно стѣсняло свободу передвиженія крестьянъ, но совсѣмъ не уничтожало ея и направлено было это запрещеніе противъ перехода земли, обращенія ея изъ «черной» въ «бѣлую», а не противъ крестьянъ. Свобода и обладаніе землей — вотъ что важно въ положеніи черныхъ крестьянъ.

Эти особенности своего положенія черные крестьяне сохранили за все время своего существованія. Земля спасла ихъ отъ неволи.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказались владѣльческіе крестьяне.

V.

Потерявшему свою землю крестьянину ничего не оставалось, какъ садиться на помѣщичью — боярскую или монастырскую землю, чтобы не умереть съ голода. Помѣщикъ охотно позволялъ крестьянину селиться на своей землѣ и отводилъ ему участокъ, «жеребій», но на извѣстныхъ условіяхъ. Въ болѣе древнее время эти условія заключались устно, а потомъ стали записываться въ особый документъ, называвшійся «порядной записью». Условія были обыкно-

венно такого рода. Получивъ участокъ, крестьянинъ обязывался платить помѣщику оброкъ, большею частью хлѣбомъ, иногда деньгами, и дѣлать всякое «издѣлье» на помѣщика, т.-е. исполнять всякія работы и отбывать различныя повинности въ его пользу — пахать пашню, убирать хлѣбъ, сѣно, рубить и возить дрова, прудить прудъ, прясть ленъ и т. д. Относительно собственно своего участка, «жеребья», крестьянинъ обязывался — если на немъ были уже надворныя постройки, «хоромы», то починить ихъ, если же «хоромъ» не было, воздвигнуть новыя; «пашню (на своемъ жеребьѣ) распахать, поля расчистить, городьбу около полей огоро-

Переправа черезъ рѣку Мошну (изъ Мейерберга).

дить и луга расчистить» и ни въ коемъ случаѣ не запустить пашни. Наконецъ своимъ порядкомъ крестьянинъ долженъ былъ платить государственныя подати.

Такимъ образомъ, садясь на помѣщичью землю, крестьянинъ долженъ былъ привести въ полный порядокъ свой участокъ и кормить себя, помѣщика и казну. Себя онъ могъ кормить какъ хотѣлъ, хотя бы впроголодь, помѣщика же и казну удовлетворять въ полной мѣрѣ. Особенно много отнималъ у крестьянина помѣщикъ. По словамъ иностранца, бывшаго въ Россіи въ XVI вѣкѣ, Герберштейна, крестьянинъ работалъ на помѣщика шесть дней въ недѣлю. Но работа на помѣщика и повинности въ его пользу сами по себѣ ничего бы не значили. Крестьянинъ могъ уйти и такимъ образомъ изба-

виться и отъ того и отъ другого. Повинности крестьянина были связаны съ долгомъ.

Дѣло въ томъ, что крестьянинъ приходилъ рядиться съ помѣщикомъ обыкновенно, что называется, безъ гроша за душой. Не имѣлъ ни сѣмянъ, ни хлѣба до новаго урожая, ни сохи, ни лошади, — словомъ, не имѣлъ того, что называется капиталомъ и безъ чего нельзя завести хозяйство. И бралъ у помѣщика «подмогу» на обзаведеніе, «ссуду» — деньгами, хлѣбомъ, орудіями и т. д. Такая ссуда равнялась 120 — 300 рублямъ. Ее, конечно, крестьянинъ обязанъ былъ возвратить помѣщику. Стало-быть, крестьянинъ начиналъ свое хозяйство съ долга. Крупный самъ по себѣ, долгъ этотъ становился еще тяжелѣе при тѣхъ условіяхъ аренды земли, о которыхъ мы только что говорили. И огромная задолженность крестьянъ въ XVI — XVII вв. становится общимъ явленіемъ крестьянской жизни. Если, по свидѣтельству Вассіана, монастыри въ XVI в. отнимали «все имущество крестьянъ за долги», стало-быть, послѣдніе были велики. И тягость бремени долговъ и безвыходность своего положенія крестьянинъ начиналъ особенно сильно чувствовать и ясно видѣть именно въ тотъ моментъ, когда собирался уходить отъ помѣщика. Тогда вмѣстѣ съ возвратомъ ссуды выдвигалась еще «неустойка» и «пожилое». Это гарантіи, которыми помѣщикъ обезпечивалъ себѣ выполненіе крестьяниномъ условій аренды. Договоръ (порядная) обыкновенно заключался на извѣстное число лѣтъ. Крестьянинъ обязывался держать землю извѣстное число лѣтъ и, если уходилъ, не доживъ срока, то долженъ былъ уплатить «неустойку» рублей въ 70 — 140 и «пожилое», за пользованіе дворомъ, за проживаніе въ немъ, рублей 40 — 50 за каждый годъ. Появились также новые государственные налоги.

Въ такой моментъ, чтобы облегчить положеніе крестьянъ, необходимо было вмѣшательство правительства во взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ. Правительство и вмѣшалось, но вмѣсто того, чтобы стать на сторону слабѣйшаго, оно стало на сторону сильнѣйшаго — помѣщиковъ. Именно, оно увеличило размѣръ «пожилого» и тѣмъ еще болѣе затруднило для крестьянина расплату съ помѣщикомъ. А безъ расплаты крестьянину нельзя было двинуться съ мѣста.

VI.

Потеря крестьянами свободы передвиженія, ухода отъ помѣщика была началомъ потери свободы вообще.

Крестьяне издавна переходили отъ помѣщика къ помѣщику, и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ. Правительство только требовало, какъ мы знаемъ, чтобы тяглый крестьянинъ прежде, чѣмъ уйти, посадилъ на свое мѣсто тяглеца. Правда, нѣкоторые крестьяне засиживались на однихъ мѣстахъ подолгу — жили 50, 80 и 100 лѣтъ (скорѣй всего вслѣдствіе задолженности). Такіе крестьяне назывались «старожильцами», и помѣщики, привыкши считать ихъ своими, просили правительство возвращать ихъ, въ случаѣ ухода, на старыя мѣста. И «старожильцовъ» очень часто возвращали.

До конца XV вѣка крестьяне могли уходить отъ помѣщика, когда хотѣли. Въ 1497 же году былъ изданъ законъ, который установилъ одинъ срокъ въ году для ухода — недѣля до Юрьева дня осенняго (24 ноября) и недѣля послѣ. При этомъ законъ предписалъ, чтобы крестьяне заявляли помѣщику о своемъ уходѣ («отказъ») и расплачивались съ нимъ во всемъ.

Законъ 1497 года, а потомъ подтвердившій его 1550 года (Судебникъ) не лишилъ крестьянъ свободы перехода, онъ лишь ввелъ ее въ границы: установилъ одинъ срокъ въ году и обставилъ расчетомъ съ помѣщикомъ. И тѣ крестьяне, которые были въ силахъ разсчитаться съ помѣщикомъ, уходили, пользовались свободой перехода. Но такихъ было немного. Большинство же, задолжавши помѣщику, не могло двинуться. И свобода крестьянскаго перехода вслѣдствіе задолженности стала постепенно замирать. Вмѣсто перехода появляется «перевозъ», или «свозъ» крестьянъ помѣщиками. За крестьянина, который собрался уходить, расплачивался другой помѣщикъ и свозилъ къ себѣ. Въ XVI вѣкѣ такой свозъ существовалъ уже въ широкихъ размѣрахъ. Переходъ же крестьянъ сошелъ на нѣтъ. Но быть свезеннымъ отъ одного помѣщика къ другому для крестьянина не значило выйти на свободу. Это означало лишь перейти изъ одной зависимости въ другую. Одинъ долгъ съ крестьянина снимался, а другой сейчасъ же накладывался. Недаромъ же помѣщикъ свозилъ крестья-

нина у своего сосѣда. Поэтому крестьяне, чтобы дѣйствительно выйти на свободу, избавиться отъ кабалы, стали уходить отъ помѣщиковъ безъ отказа и безъ расплаты, проще сказать — убѣгать. И законный переходъ крестьянъ самъ собой превратился въ незаконный побѣгъ.

Въ бѣгствѣ крестьяне искали спасенія отъ неволи, но обманулись въ своихъ расчетахъ. Бѣгство лишь ускорило наступленіе для нихъ этой неволи.

Для помѣщиковъ бѣгство крестьянъ грозило разореніемъ. Раньше, въ кіевскую эпоху владѣльческія поля обрабатывались рабами, которыхъ тогда было очень много. Въ одномъ селѣ черниговскаго князя Святослава Ольговича числилось до 700 рабовъ. Рабскимъ трудомъ пользовались и послѣ землевладѣльцы. Но количество рабовъ все уменьшалось, а размѣры пашни увеличивались. Рабовъ уже не хватало, и приходилось искать свободныхъ работниковъ. Безземельные крестьяне и явились такими работниками для помѣщика. Но вотъ теперь изъ заведеннаго и налаженнаго хозяйства эти работники стали уходить. Понятно, хозяйство неминуемо должно было рухнуть. Надо было принимать мѣры противъ все разраставшагося бѣгства крестьянъ. Борьба за рабочія руки, за крестьянъ съ этого времени дѣлается главной задачей помѣщиковъ. И въ этой-то борьбѣ гибнетъ окончательно крестьянская свобода.

Помѣщики прежде всего стали затруднять переходъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые могли самостоятельно и по закону уйти. Они «изъ-за себя ихъ не выпущали, а поймавъ мучили и грабили и въ желѣзо ковали и пожилое съ нихъ снимали не по судебнику (т.-е. не по закону), рублей по пяти и по десяти». Затѣмъ крестьянъ, приходившихъ къ нимъ рядиться вновь, со стороны, они начали укрѣплять за собой особой «крѣпостью». Именно, въ «порядныхъ записяхъ» теперь появляются совершенно новыя условія. Крестьяне обязываются никуда «не сбѣжати» отъ помѣщика, «на сторону никуда не уйти», а въ случаѣ ухода предоставляютъ помѣщику право отыскать и вновь посадить «въ деревню на участокъ» и жить за помѣщикомъ «вѣчно», «безвыходно». «А впредь-таки я государю своему (помѣщику) во крестьянствѣ крѣпокъ» — обычное выраженіе порядныхъ начала XVII вѣка. Жить за помѣщикомъ «вѣчно», «безвыходно» вмѣстѣ со всей семьей — безъ этого обязательства со стороны крестьянина въ XVII в.

не заключается ни одна «порядная запись». И всѣ такого рода «крѣпости» на крестьянъ записывали въ правительственномъ учрежденіи — въ помѣстномъ приказѣ. Обязательство жить «вѣчно» за помѣщикомъ крестьянинъ давалъ самъ, но, конечно, по требованію помѣщика, который, пользуясь нуждой крестьянина, обезпечивалъ себѣ такимъ образомъ рабочую силу.

Но крѣпость страховала отъ законнаго перехода, отъ побѣга же она застраховать не могла. И такъ какъ бѣгство крестьянъ продолжалось, то помѣщики стали обращаться съ просьбой къ правительству принять мѣры противъ бѣг-

Помѣщичья усадьба XVII в. (изъ Мейерберга).

ства крестьянъ. Правительство, заинтересованное въ томъ, чтобы земля обрабатывалась, была обезпечена рабочими руками и помѣщики исправно служили военную службу, вняло ихъ просьбамъ. Въ 1597 году былъ изданъ законъ, въ которомъ помѣщики получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 5 лѣтъ, и власти обязаны были возвращать найденныхъ крестьянъ помѣщикамъ. Но этотъ законъ не достигъ цѣли.

Средніе и мелкіе помѣщики, занятые военной службой, часто на отдаленныхъ границахъ, не успѣвали въ теченіе 5 лѣтъ отыскать и вернуть къ себѣ своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Пока они собирались въ Москву, чтобы начать дѣло и приняться за розыски крестьянъ, пока искали, проходило 5 лѣтъ и бѣглаго крестьянина уже нельзя было требовать обратно

Между тѣмъ крупные помѣщики, пользуясь запрещеніемъ закона отыскивать послѣ 5 лѣтъ сбѣжавшихъ крестьянъ, укрывали у себя въ отдаленныхъ помѣстьяхъ бѣглыхъ крестьянъ, а по истеченіи 5 лѣтъ оставляли ихъ за собой. Мало того, они высылали своихъ приказчиковъ въ деревни другихъ помѣщиковъ и тѣ, вооруженные, на лошадяхъ хватали крестьянъ, заковывали и увозили къ себѣ и опять-таки держали до 5 лѣтъ. Отвѣтить тѣмъ же средніе и мелкіе помѣщики не имѣли силъ. И помѣстья ихъ, лишенныя рабочихъ рукъ, забрасывались, а сами владѣльцы уходили «безвѣстно», «скитались межъ дворъ», т.-е. нищенствовали и даже поступали въ услуженіе къ состоятельнымъ людямъ, зачислялись въ холопы.

Вотъ что далъ законъ 1597 года тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые всего болѣе страдали отъ бѣгства крестьянъ и болѣе всѣхъ нуждались въ рабочихъ рукахъ. Имъ нужно было полное по закону запрещеніе ухода крестьянъ, а не частичное преслѣдованіе бѣглыхъ крестьянъ. Имъ нужно было разрѣшеніе искать бѣглыхъ крестьянъ и судиться съ помѣщиками-свозчиками безъ всякихъ сроковъ, всегда, пока не отыщутся и не возвратятся ихъ крестьяне. Но добились они этого только въ XVII вѣкѣ.

VII.

Какъ свободные люди и полноправные граждане, крестьяне подлежали вѣдѣнію правительства по суду и управленію. Но не располагая въ достаточномъ числѣ собственными органами власти и еще плохо сознавая свои государственныя обязанности, правительство въ древнѣйшее и даже позднѣйшее время (XVI—XVII вв.) часто перелагало обязанность суда и управленія съ себя на частныхъ лицъ — поручало судъ и управленіе боярамъ, монастырямъ. Подобнымъ же образомъ оно передало помѣщикамъ судъ и расправу надъ крестьянами, обыкновенно вмѣстѣ съ пожалованіемъ землей. Передъ помѣщиками правительство въ такомъ случаѣ обязывалось, что его «намѣстники и волостели къ нимъ въ околицу не въѣзжаютъ и крестьянъ ихъ» не судятъ и не арестуютъ, кромѣ уголовныхъ преступленій. А крестьянамъ правительство предписывало, чтобы они своего помѣщика «слушали во всемъ и доходы ему всякіе платили». Само по

себѣ это право суда и расправы помѣщиковъ надъ крестьянами, несовмѣстимое теперь съ понятіемъ о государствѣ и объясняемое слабымъ развитіемъ государственныхъ понятій, не означало ограниченія въ правахъ крестьянъ и не предполагало непремѣнно закрѣпощенія ихъ личности помѣщику. Кромѣ того, при условіяхъ того времени, когда отдѣльная личность была мало обезпечена отъ всякихъ посягательствъ и правительственные органы не отличались безпристрастіемъ и честностью, покровительство и защита «сильнаго» человѣка въ лицѣ помѣщика являлись для крестьянъ даже выгодными и привлекательными. Обычай «закладываться», т.-е. становиться подъ защиту «сильныхъ» людей, въ то время былъ очень распространенъ.

Но правительство, передавъ помѣщикамъ судъ и расправу надъ крестьянами, не опредѣлило закономъ точно границы ихъ власти (изъяло лишь изъ ихъ вѣдѣнія уголовныя дѣла) и совершенно не вмѣшивалось въ ихъ отношенія. Въ атмосферѣ такой неопредѣленности, безотвѣтственности и безгласности пышно расцвѣлъ произволъ помѣщиковъ, и явилось какъ слѣдствіе его закрѣпощеніе крестьянской личности.

В. Алексѣевъ.

Крестьяне въ XVII вѣкѣ.

«Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» — въ такой иронической поговоркѣ выразилась народная память о потерѣ свободы крестьянскаго перехода.

Въ началѣ XVII столѣтія поговорка была уже вполнѣ примѣнима. Экономическія условія русской жизни — обезземеленіе и задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ въ теченіе предыдущаго XVI ст. сдѣлали свое дѣло: крестьяне фактически уже не пользуются правомъ законнаго выхода, «въ срокъ и по отказу», т.-е. по выполненіи всѣхъ долговыхъ обязательствъ, налагаемыхъ на крестьянъ условіями «порядныхъ грамотъ» и закономъ (въ Судебникахъ). Послѣдній дошедшій до насъ документъ, въ которомъ упоминается о необходимости соблюденія законныхъ условій перехода, относится къ 1592 г. Это царская грамота по поводу челобитья игумена съ братіей Николо-Корельскаго монастыря о побѣгѣ крестьянъ изъ монастырской вотчины *«безъ отказу и безпошлинно»*. Позднѣе уже подобныхъ документовъ не встрѣчается, — вѣрный признакъ того, что крестьяне больше не пользуются Юрьевымъ днемъ. Правда, отъ XVII в. сохранилось множество исковъ владѣльцевъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Но то былъ уже совершенно нелегальный побѣгъ и свозъ крестьянъ, лишившихся права свободнаго выхода. Крестьянинъ бѣжалъ отъ владѣльца и этимъ путемъ выражалъ свой протестъ противъ надвинувшагося на него крѣпостного ярма.

Есть еще признакъ, свидѣтельствующій, что крестьяне первой половины XVII в. уже не пользуются правомъ перехода. До насъ сохранилось отъ этого времени много «порядныхъ записей» на крестьянство. Самъ по себѣ этотъ фактъ прихода къ землевладѣльцамъ и «ряда» крестьянъ, добровольно заключающихъ извѣстныя условія, казалось, долженъ былъ гово-

рить, объ обратномъ, т.-е., что крестьяне еще не утратили свободы перехода. Но при внимательномъ разсмотрѣніи крестьянскихъ «порядныхъ» XVII в. оказывается совсѣмъ другое. Во-первыхъ, мы видимъ, что среди новыхъ пришельцевъ — «новопорядчиковъ» — совсѣмъ нѣтъ крестьянъ, перешедшихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ. То были другіе люди: вольные, гулящіе люди, ни за кѣмъ прежде не жившіе, каковыхъ было мало еще въ первой половинѣ XVII в., выходцы изъ-за рубежа польско-литовскаго и нѣмецкаго и, наконецъ, дѣти, братья, племянники и другіе родственники тяглыхъ людей, не попавшіе сами въ тягло и не записанные ни въ какія офиціальныя записи. Случаевъ «поряда» во крестьянство владѣльческихъ крестьянъ мы не видимъ. Затѣмъ порядныя грамоты разсматриваемой эпохи заключаютъ въ себѣ характерное условіе, не встрѣчающееся въ «порядныхъ» XVI в., это—условіе о невыходѣ изъ-за землевладѣльца: «А изъ Софѣйской вотчины (новгородскаго митрополита), — такъ говорятъ крестьяне-новопорядчики въ 1621 г.,—намъ *никуда вонъ не выйти* и впредь жити за митрополитомъ въ Софѣйской вотчинѣ неподвижно по сей порядной записи»; или въ другихъ записяхъ 20-хъ годовъ XVII ст. говорится: «И покиня пашни, вонъ не сойти и впредь *безъ выходу* жити въ Софѣйской вотчинѣ, на томъ участкѣ»; «А язъ во крестьянствѣ, Иванко, по сей записи въ Мирожской монастырь *крѣпокъ*, гдѣ я не учну жити, вольно меня въ мирожскую вотчину вывесть» *)... Такъ, порядныя записи XVII в., являясь добровольнымъ актомъ со стороны поряжавшихся во крестьянство, въ результатѣ приводили послѣднихъ къ крѣпостной зависимости.

Закрѣпощеніе крестьянъ было въ интересахъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые пріобрѣтали въ крѣпостныхъ даровыя рабочія руки и источникъ дохода. Правительство, заботясь объ обезпеченіи служилыхъ людей и о своемъ собственномъ, казенномъ, интересѣ, идетъ навстрѣчу владѣльческимъ домогательствамъ.

Послѣднее десятилѣтіе XVI в. было важнымъ моментомъ и въ дѣлѣ юридическаго прикрѣпленія крестьянъ **). Но вообще въ этомъ отношеніи замѣчается большая неясность, не-

*) Мирожскій монастырь — въ нынѣшн. Псковской губ.

**) Запись крестьянъ въ писцовыя книги 1592—93 гг. и изданіе закона о бѣглыхъ крестьянахъ 1597 г.

послѣдовательность и колебанія правительства. Такъ, постановленія Судебника объ «отказѣ» крестьянъ въ Юрьевъ день не были отмѣнены, у крестьянъ не было прямо отнято право перехода, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это право сплошь и рядомъ нарушалось и владѣльцами и приказными властями. Борисъ Годуновъ, указами въ 1601 и въ 1602 гг. временно, на одинъ годъ, возстановляетъ право выхода крестьянъ изъ-за владѣльцевъ, но не всѣхъ, а только провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и притомъ въ ограниченномъ количествѣ (по 1—2 крестьянина). Но въ 1607 г. правительство вновь подтверждаетъ значеніе писцовыхъ книгъ 1592—1593 гг., вводитъ обязательный сыскъ бѣглыхъ крестьянъ и даже штрафъ за держаніе бѣглыхъ. Срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ указами 1597 г. и 1606 г. былъ установленъ пятилѣтній, въ 1607 г. — пятнадцатилѣтній, а послѣ Смуты, въ началѣ царствованія Михаила Өеодоровича, снова пятилѣтній.

Чѣмъ же объясняются эти колебанія и непослѣдовательность правительства? Почему оно просто и сразу не отмѣнило Юрьева дня?

Отчасти это объясняется невыработанностью законодательства въ XVI и въ первой половинѣ XVII вв., господствомъ обычая въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ теперь преобладаетъ писаный законъ. Но были здѣсь и другія причины. Политика правительства въ крестьянскомъ вопросѣ долгое время двоится, такъ какъ здѣсь раздваиваются и правительственные интересы. Съ одной стороны, прикрѣпленіе крестьянъ, какъ указывалось выше, представляло выгоду и для государства. Но, съ другой — оно могло сопровождаться нѣкоторыми неблагопріятными послѣдствіями, могло задѣвать его интересы. Отъ вниманія правительства не могло укрыться, что поползновенія землевладѣльцевъ не останавливаются на прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, а идутъ дальше. Они стремятся совсѣмъ закабалить крестьянъ, распоряжаться ихъ личностью, превратить ихъ въ холоповъ, въ рабовъ. А это было уже невыгодно для государства, прежде всего въ финансовомъ, податномъ отношеніи (холопы не платили податей). Свободное распоряженіе личностью крестьянина, сдѣлки на крестьянъ, продажа и купля ихъ, могли повести также къ запустошенію помѣстій. Вотъ почему правительство издаетъ указы, запрещающіе владѣльцамъ обращать своихъ крестьянъ въ холопы, отпускать крестьянъ изъ помѣстій на волю и пр. Затѣмъ въ XVII в., какъ и

въ XVI в., продолжалась колонизація юго-восточныхъ окраинъ, для заселенія которыхъ нужны были свободные общественные элементы. Наконецъ на правительственной политикѣ отразилось и то, что въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ не всѣ владѣльческія группы были одинаково солидарны. Краснорѣчивѣе всего это послѣднее обнаружилось въ той упорной борьбѣ, которая разгорѣлась въ первой половинѣ XVII в. около такъ называемыхъ «урочныхъ лѣтъ».

Урочныя или указныя лѣта — это тѣ самые сроки давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, которые были введены съ конца XVI в., и продолжительность которыхъ затѣмъ не разъ измѣнялась правительствомъ. Первоначальнымъ побужденіемъ для введенія этихъ исковыхъ сроковъ было то, чтобы ввести какой-нибудь порядокъ въ безконечные споры и тяжбы владѣльцевъ по поводу выбѣжавшихъ или вывезенныхъ крестьянъ. Затрудненіе разобраться въ этихъ тяжбахъ заключалось въ неопредѣленности понятія старины или «старожильства»: обѣ спорившія стороны могли называть спорныхъ крестьянъ своими, старинными, какъ тѣ, у которыхъ крестьяне раньше жили въ помѣстьяхъ или въ вотчинахъ, такъ и тѣ, къ которымъ крестьяне перебѣжали, успѣли прожить нѣкоторое время и «застарѣть» на новомъ мѣстѣ. Поэтому правительство царя Θеодора Ивановича устанавливаетъ для всѣхъ такихъ случаевъ опредѣленный пятилѣтній срокъ, подтвержденный, какъ мы видѣли, въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича.

Крест. XVIII в. (съ гравюры Дальстона).

Для массы землевладѣльцевъ, въ особенности мелкихъ провинціальныхъ людей, установленіе такого срока было невыгодно. Если выбѣжавшіе или вывезенные изъ-за нихъ крестьяне за кѣмъ-либо «урочныя лѣта зажили», то прежніе владѣльцы,

не нашедшіе ихъ и не предъявившіе къ новымъ владѣльцамъ исковъ въ установленный срокъ, теряли на нихъ право. Между тѣмъ крупные вотчинники, богатые монастыри — землевладѣльцы, бояре и прочіе «сильные люди», располагая многочисленными вотчинами и помѣстьями, разсѣянными въ разныхъ, часто весьма отдаленныхъ уѣздахъ Московскаго государства, легко могли укрыть на урочные годы вывезенныхъ у сосѣдей-помѣщиковъ крестьянъ и затѣмъ совсѣмъ ихъ освоить. Такимъ образомъ урочные годы, невыгодные для мелкихъ землевладѣльцевъ, оказывались выгодными для крупныхъ.

Для себя же «сильные люди», на случай побѣга отъ нихъ крестьянъ, успѣвали выхлопотать у правительства привилегію сыска бѣглыхъ въ теченіе болѣе продолжительныхъ сроковъ. Такую, напримѣръ, привилегію въ 1613—1614 гг. получилъ крупнѣйшій землевладѣлецъ — Троицкій-Сергіевъ монастырь. По челобитью троицкихъ властей, былъ изданъ указъ, разрѣшавшій искать и вывозить обратно бѣглыхъ крестьянъ въ троицкія вотчины въ теченіе 9 лѣтъ.

Отсюда понятной становится та острая вражда, которой проникнуты мелкіе служилые люди къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Въ теченіе всего царствованія Михаила Θеодоровича и въ первые годы его преемника служилые люди многократно «бьютъ челомъ» государю на притѣсненія въ дѣлахъ о крестьянахъ и домогаются сначала прибавки урочныхъ лѣтъ, а затѣмъ и полной ихъ отмѣны. Такъ, елецкіе помѣщики жаловались на приказчиковъ и крестьянъ боярина Ивана Никитича Романова; челобитчики писали: «Намъ въ украинномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ въ сосѣдствѣ жить невозможно: мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало! Каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва поплѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ; пуще намъ стало крымской и ногайской войны: во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьяго жеребья (т.-е. третьей части)». Въ 1615 г. дворяне и дѣти боярскія жаловались, что «возятъ въ троицкія вотчины ихъ старинныхъ крестьянъ, которые жили за ними лѣтъ 20 и больше».

Жалобы и челобитья дворянъ долгое время остаются «безъ послѣдствій». Лишь въ 1637 г. царь Михаилъ Θеодоровичъ «пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и за-

Забава.

(Карт. *Корелина*).

московныхъ городовъ, по ихъ челобитью, велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ давать судъ противъ Троицкаго Сергіева монастыря властей», т.-е. предоставить имъ тоже девятилѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1642 г. по новому челобитью служилыхъ людей, которые уже просятъ урочные лѣта совсѣмъ «отставить», правительство находитъ возможнымъ увеличить урочные годы до 10 лѣтъ и распространяетъ этотъ срокъ на всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, отъ патріарха, митрополита и монастырей до городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Такъ медленно и осторожно уступаетъ правительство царя Михаила Θеодоровича въ дѣлѣ объ урочныхъ годахъ. Оно не рѣшилось отмѣнить ихъ совсѣмъ, а только увеличило вдвое первоначальный срокъ, установленный за 50 лѣтъ передъ тѣмъ. Но служилые люди на этомъ не примирились. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1645 году они обращаются къ молодому, только что вступившему на престолъ, царю Алексѣю Михайловичу съ новымъ челобитьемъ, въ которомъ такъ описываютъ свое положеніе: отъ безпрестанныхъ службъ они «обѣднѣли и одолжали великими долги и коими опали, а помѣстья ихъ и вотчины опустѣли, и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку безъ войны изъ-за сильныхъ людей: которые де люди ихъ и крестьяне выходятъ изъ-за нихъ за сильныхъ людей, за бояръ и за окольничихъ, и за ближнихъ людей, и за власти, и за монастыри, и государевъ-де указъ къ отдачѣ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ — урочные годы десять лѣтъ, а они де по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ, и въ тѣ урочные годы про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ... И государь бы пожаловалъ, велѣлъ къ отдачѣ бѣглыхъ ихъ крестьянъ урочные лѣта отставить... Велѣлъ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отдавать имъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ».

Правительство царя Алексѣя Михайловича на первый разъ отказало служилымъ людямъ въ челобитьѣ и только годъ спустя (въ 1646 г.), въ наказѣ писцамъ по поводу составленія новыхъ переписныхъ книгъ, оно ограничилось обѣщаніемъ отмѣнить на будущее время урочные годы. Но вотъ, когда въ 1648 г. въ Москвѣ собрался земскій соборъ для разсмотрѣнія новаго Соборнаго Уложенія, то служилые люди «всѣхъ городовъ» снова обратились къ правительству съ челобитьемъ, въ которомъ уже просили не только о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, но и о запрещеніи кому бы то ни было принимать бѣг-

лыхъ крестьянъ подъ страхомъ наказанія, «чтобъ въ нашемъ Московскомъ государствѣ промежъ всякихъ чиновъ людей въ томъ ссоръ и продажъ (убытковъ) не было»; крестьянъ же, которые вздумали бы отказываться отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ, перемѣняя свои имена и пр., подвергать пыткѣ.

На этотъ разъ правительство, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что разразившагося въ Москвѣ мятежа, вызваннаго злоупотребленіями «сильныхъ людей», рѣшило пойти навстрѣчу пожеланіямъ мелкихъ и среднихъ служилыхъ людей.

Такъ была подготовлена полная отмѣна урочныхъ лѣтъ по Соборному Уложенію *). Въ немъ было постановлено: сыскивать и отдавать бѣглыхъ крестьянъ «по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людямъ *безъ урочныхъ лѣтъ*». Слѣдовательно, владѣлецъ могъ теперь отыскивать и возвращать своихъ крестьянъ когда угодно, безъ всякаго ограниченія времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось кому бы то ни было принимать чужихъ крестьянъ и держать ихъ за собой. За каждаго бѣглаго крестьянина было постановлено взимать съ тѣхъ, кто ихъ принялъ, въ пользу настоящаго владѣльца по 10 руб. въ годъ «за государевы подати и за помѣщиковы доходы».

Прикрѣпленіе теперь распространялось на женъ и дѣтей, братьевъ, племянниковъ и всѣхъ родственниковъ крестьянина, считавшихся прежде вольными людьми.

Хотя Уложеніе запрещаетъ обращать крестьянина въ холопа и тѣмъ полагаетъ различіе между крестьяниномъ — подданнымъ государства и холопомъ — рабомъ владѣльца, но въ то же время, по закону, крестьяне лишаются важнѣйшихъ личныхъ правъ и отдаются почти въ полную личную зависимость отъ владѣльцевъ. Уложеніе разрѣшаетъ переводъ крестьянъ изъ однѣхъ вотчинъ въ другія, запрещая только переводить изъ помѣстій въ вотчины, разрѣшаетъ отпускъ крестьянскихъ дочерей и вдовъ за особую плату въ пользу владѣльца, «за выводъ», при выдачѣ ихъ замужъ въ вотчины другихъ владѣльцевъ. Если же крестьянская дочь-дѣвица или вдова сбѣжитъ и въ бѣгахъ выйдетъ замужъ за чьего-либо крестьянина, то владѣлецъ можетъ вернуть ее къ себѣ съ мужемъ и дѣтьми; притомъ, если бы она вышла замужъ за вдовца, имѣвшаго дѣтей отъ первой жены, то этихъ «первыхъ

*) Въ Соборномъ Уложеніи крестьянамъ посвящена XI гл. подъ заглавіемъ «Судъ о крестьянехъ».

дѣтей истцу не отдавать, а быть имъ у того, у кого они въ холопствѣ или во крестьянствѣ родилися». Такъ, уже по Уложенію допускается дробленіе семьи въ удовлетвореніе правъ собственности владѣльца. Уложеніе признаетъ, далѣе, полюбовныя сдѣлки на бѣглыхъ крестьянъ, при чемъ возможенъ былъ обмѣнъ одного крестьянина на другого и пр.

Уложеніе упоминаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьянина, но очень туманно и неясно, какъ и вообще неясно опредѣляются отношенія

Народныя развлеченія XVII в. (изъ Олеарія).

между владѣльцемъ и крестьянами. Личность и права крестьянина почти ничѣмъ не обезпечены на случай злоупотребленія со стороны владѣльца. Такъ, Уложеніе не устанавливаетъ наказанія господину за жестокое обращеніе съ крестьяниномъ, даже причинившее смерть. Въ то же время Уложеніе постановляетъ «не вѣрить» крестьянамъ-извѣтчикамъ въ доносахъ на господъ ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ государевой измѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ вотчинники получаютъ право суда надъ своими крестьянами, за исключеніемъ важныхъ уголовныхъ преступленій. Наконецъ имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, повинностей

и платежей въ пользу землевладѣльца, остаются безъ всякаго опредѣленія. Въ такъ называемыхъ «ввозныхъ» и послушныхъ грамотахъ, которыя выдавались помѣщику при поверстаніи его помѣстьемъ, крестьянамъ, живущимъ въ этомъ помѣстьи, указывалось пашню на помѣщика пахать и оброкъ помѣщичій платить, «чѣмъ онъ ихъ изоброчитъ». Крестьяне послѣ Уложенія, хотя и владѣютъ имуществомъ, заключаютъ сдѣлки по куплѣ, продажѣ и пр., но все это дѣлается только «попущеніемъ господина», насколько владѣлецъ позволяетъ и не чинитъ препятствій. Законъ смотритъ на имущество крестьянина, какъ на собственность землевладѣльца. Такъ, на крестьянъ возлагается отвѣтственность за долги ихъ владѣльца; если владѣлецъ задолжаетъ, и ему «откупиться нечѣмъ», то предписывается долгъ за него править въ помѣстьи и вотчинѣ на его людяхъ и крестьянахъ; крестьянъ ставятъ на правежъ за долги помѣщика; на нихъ же правятъ штрафы за «нѣты», т.-е. за неявку на службу ихъ господъ. Если прибавить къ этому, что на послѣднихъ возлагается отвѣтственность за уплату крестьянами казенныхъ податей, то будетъ понятно, какая широкая власть открывалась помѣщикамъ и вотчинникамъ надъ личностью ихъ крестьянъ по закону.

Дѣйствительность, однако, шла гораздо дальше. Во второй половинѣ вѣка все больше и больше входятъ въ обычай всевозможныя сдѣлки на крестьянъ: владѣльцы мѣняютъ крестьянъ на крестьянъ и даже на холоповъ, закладываютъ, дарятъ, продаютъ. Въ своемъ хозяйствѣ владѣльцы безконтрольно распоряжаются трудомъ крестьянъ, по своему усмотрѣнію облагаютъ ихъ сборами, а за ослушаніе подвергаютъ ихъ наказаніямъ до нещаднаго битья кнутомъ включительно.

Чтобы лучше представить себѣ положеніе крестьянъ въ XVII в., мы заглянемъ въ самую жизнь эпохи, взявъ нѣсколько примѣровъ изъ живой дѣйствительности.

Вотъ, напримѣръ, какъ живутъ вотчинные крестьяне ближняго боярина Бориса Ивановича Морозова. Воспитатель и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, съ восшествіемъ послѣдняго на престолъ, занялъ, хотя и на короткое время, положеніе правителя всего государства, могущественнаго временщика. Высокое положеніе Морозова сдѣлало его богатѣйшимъ вотчинникомъ, владѣльцемъ обширныхъ и многочисленныхъ селъ и деревень въ Московскомъ, Галицкомъ, Рязанскомъ, Нижегородскомъ и др. уѣздахъ Московскаго государства.

Такъ, царь Алексѣй, въ началѣ своего царствованія, когда онъ и Морозовъ, оба только что поженились на сестрахъ Милославскихъ, пожаловалъ своему любимцу богатыя, извѣстныя и теперь, приволжскія села, Лысково и Мурашкино, изъ которыхъ въ первомъ было 5.400 десятинъ земли, во второмъ—11.700 дес., со множествомъ разныхъ сѣнокосныхъ, лѣсныхъ, рыбныхъ и другихъ угодій. Къ концу жизни Морозова (ум. въ 1662 г.) въ его вотчинахъ насчитывалось до 8.000 дворовъ съ 20.000 крестьянскихъ душъ и до 80.000 дес. земли.

Такими громадными владѣніями можно было управлять только при помощи цѣлаго ряда лицъ и учрежденій, организація которыхъ напоминала какъ бы Московское государство въ миніатюрѣ. Въ центрѣ управленія стоялъ самъ государь, Борисъ Ивановичъ, и боярскій приказный дворъ въ Москвѣ, въ которомъ сидѣли двое довѣренныхъ лицъ боярина изъ его дворовыхъ людей—холоповъ, съ цѣлымъ штатомъ стряпчихъ—писцовъ. Для управленія вотчинами на мѣстѣ посылались особые приказчики, также изъ дворовыхъ людей. Какъ воеводамъ, при посылкѣ ихъ изъ Москвы въ города, такъ и приказчикамъ давались наказы, въ которыхъ опредѣлялись обязанности приказчика, его отношеніе и власть надъ вотчиннымъ крестьянскимъ населеніемъ. До насъ сохранился одинъ изъ такихъ наказовъ, относящійся къ 1649 г., т.-е. какъ разъ къ году изданія Соборнаго Уложенія.

По наказу, приказчикъ долженъ былъ «вѣдать во всемъ» крестьянъ и бобылей *), судить ихъ и расправу межъ ими чинить «безволокитно, безпосульно (безъ взятокъ) и безкорыстно». Правда, при этомъ приказчику указывалось судить вмѣстѣ со старостой, цѣловальниками и выборными изъ крестьянъ, но на практикѣ въ большинствѣ случаевъ онъ проявлялъ свою власть единолично. Выборные изъ крестьянскаго міра большею частію играли служебную роль при нарядѣ крестьянъ на барщину—«издѣлье» (работа на барскомъ дворѣ и на барской пашнѣ), при сборѣ и отвозѣ оброчныхъ запасовъ боярину и пр.

Изъ крестьянъ же выбирались, а чаще всего прямо назначались приказчикомъ особые «заказчики»—для полицейскаго надзора за крестьянами, за порядкомъ среди нихъ какъ въ деревенской жизни, такъ и на барской работѣ. Заказчики строго наблюдали, чтобы крестьяне не покупали у воровъ ло-

---

*) Бобыли—безземельное сельское населеніе.

шадей, разбойныхъ и краденыхъ, и никакой рухляди (пожитковъ, вещей), и сами бы не воровали и съ ворами не знались. Если въ вотчинѣ появлялись такіе «воры», то приказчикъ долженъ былъ ихъ «смирять», вмѣстѣ со старостой и цѣловальниками, передъ всѣми вотчинными крестьянами. «Первая вина—спустить, смотря по тому, если небольшая вина, побранить словомъ и дать на поруки; а своруетъ вдругорядь—и такихъ бить батогами; а своруетъ въ третіе, и такихъ бить кнутомъ», и въ обоихъ случаяхъ отдавать ихъ на крѣпкія поруки. «А по комъ порукъ не будетъ (т.-е. сосѣдніе крестьяне не согласятся взять виновнаго на свою отвѣтственность), такихъ сажать въ тюрьму, покамѣстъ поруки крѣпкія будутъ, и писать объ этомъ боярину въ Москву».

Особо строптивыхъ крестьянъ велѣно было сажать «въ колоду» (надѣвать на нихъ ножныя колодки), или «въ желѣза» (цѣпи). Только въ случаяхъ тяжелыхъ уголовныхъ преступленій и при столкновеніи съ посторонними людьми, виновные отправлялись въ городъ на воеводскій судъ или въ «губу» (къ губному старостѣ).

Такъ мы видимъ, что вотчинный судъ надъ крестьянами въ большихъ вотчинныхъ хозяйствахъ отправлялся даже не самимъ владѣльцемъ, а поручался въ концѣ-концовъ приказчику, дворовому человѣку—холопу, котораго самого, бывало, бояринъ подвергалъ битью батогами за нерадѣніе о хозяйскихъ интересахъ. Въ распоряженіи приказчика, какъ судьи и администратора, было право сажать въ тюрьму, въ колоду и въ желѣза, бить батогами и кнутомъ. Подсудимые подвергались и пыткѣ. Наставленія приказчику судить безволокитно и безпосульно были, на самомъ дѣлѣ, только хорошими словами, которыя врядъ ли исполнялись, судя по частымъ жалобамъ крестьянъ на притѣсненія приказчиковъ. Да, впрочемъ, и самъ бояринъ не отличался мягкостью нрава, что видно изъ нѣкоторыхъ случаевъ судебной практики, въ разрѣшеніе которыхъ вмѣшивался бояринъ лично. Въ его распоряженіяхъ то и дѣло пестрятъ приказанія бить кнутомъ, батогами, сажать въ тюрьму и проч.

Далѣе, по морозовскому наказу, крестьяне «безъявочно» (безъ спросу, безъ разрѣшенія) никуда не должны были отлучаться изъ вотчины. Кому случалось куда ѣхать, тотъ долженъ былъ являться къ приказчику. Послѣдній выдавалъ особую «проѣзжую память», въ которой прописывалось, что такой-то

приказный отпустилъ крестьянина туда-то, при чемъ обозначалось также, за какою надобностью ѣдетъ крестьянинъ. Если крестьянинъ ѣхалъ въ Москву, то предписывалось, чтобы онъ явился съ этой отпускной на боярскій дворъ, къ московскому приказчику или дворецкому. Безъ такой отпускной, имѣвшей значеніе современнаго паспорта, крестьянинъ не смѣлъ никуда выѣхать изъ вотчины.

Приказчику, между прочимъ, бояринъ наказывалъ, во избѣжаніе ссоры съ сосѣдями, не принимать въ вотчину прохожихъ изъ-за мелкихъ помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, крестьянъ, хотя бы они называли себя вольными людьми. Но и эти наставленія давались тоже больше для формы, для виду, что приказчикъ отлично понималъ. Въ томъ же самомъ наказѣ ему предписывалось: вотчину «строить, крестьянъ старыхъ собирать, въ пустые дворы сажать», вообще, чтобы пустыя тяглыя мѣста были заполнены. Отъ этого зависѣла доходность вотчины, отъ этого же зависѣло благоволеніе самого боярина къ приказчику. Поэтому приказчикъ старался всѣми силами пополнять пустые крестьянскіе дворы и принималъ приходящихъ крестьянъ, лишь бы исполнены были необходимыя формальности. Чтобы замести за собой слѣдъ, пришлые крестьяне прибѣгали къ тѣмъ самымъ уловкамъ, которыя какъ разъ запрещались Уложеніемъ: мѣняли имена, обозначали какое-нибудь другое мѣстожительство и пр. Что бѣглыхъ крестьянъ

Ливонскій крестьянинъ (нач. XVIII в.).

было не мало въ вотчинахъ Морозова, на это указываетъ большое количество челобитныхъ къ боярину отъ разныхъ мелкихъ помѣщиковъ; они просятъ объ отдачѣ имъ бѣглыхъ крестьянъ, проживавшихъ за бояриномъ подъ видомъ людей, пришедшихъ съ воли. Изъ этихъ и многихъ другихъ случаевъ видно, что и послѣ Уложенія практиковался переходъ крестьянъ, при чемъ даже само правительство въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ возстанавливало прежній порядокъ, существовавшій до отмѣны урочныхъ лѣтъ: по искамъ владѣльцевъ, потерпѣвшихъ отъ побѣга крестьянъ, правительство отказывало имъ, ссылаясь, что ими уже пропущенъ срокъ иска. Чаще всего это были случаи перехода крестьянъ къ «сильнымъ людямъ».

Въ хозяйственномъ отношеніи приказчикъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы крестьяне «дворы себѣ строили неоплошно и всякіе дворовые заводы заводили, и лѣсъ подъ пашню расчищали и пахали неоплошно»; также неоплошно бы крестьяне пахали и боярскую пашню во всѣхъ трехъ поляхъ указанное количество десятинъ.

Крестьянскій міръ, находившійся подъ такимъ бдительнымъ надзоромъ приказчичьяго управленія, сохранялъ нѣкоторую самостоятельность въ общинныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Деревенская или сельская община черезъ посредство старостъ и выборныхъ крестьянъ, но подъ наблюденіемъ того же вотчиннаго приказчика, разверстывала между отдѣльными крестьянскими дворами земельные пахотные и сѣнокосные надѣлы, производила раскладку повинностей и сборовъ въ пользу помѣщика и казны, руководясь тѣмъ правиломъ, чтобы каждый получалъ земельный участокъ и платилъ «по животамъ», или по достаткамъ.

Разрубы (разверстаніе надѣловъ) и раскладка тягла производились обыкновенно «повытно». Выть—земельная единица отъ 6—8 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей, слѣдовательно, во всѣхъ трехъ поляхъ—отъ 18—24 десятинъ. Выть дѣлилась на болѣе мелкія доли. Средній крестьянскій надѣлъ въ морозовскихъ вотчинахъ равнялся «осмаку» или «осмухѣ» ($^1/_8$ выти). Были надѣлы больше и меньше. Только рѣдкіе богатые дворы владѣли цѣлой вытью.

Крестьянскіе повинности и платежи отличались большимъ разнообразіемъ и неравномѣрностью не только въ вотчинахъ разныхъ владѣльцевъ, но даже въ одной вотчинѣ, между разными деревнями и селами. Крестьяне отбывали въ пользу

владѣльца: 1) барщину или «издѣлье», 2) платили оброкъ, въ XVII в. большею частью денежный, и, кромѣ того, 3) давали помѣщику разные мелкіе такъ называемые «столовые запасы» и случайные поборы.

Крестьянскія издѣльныя повинности состояли: 1) изъ работы на барскомъ дворѣ (дворъ, гумно починивать, хоромы ставить, сады оплетать и исполнять другія болѣе мелкія «издѣлья»), 2) полевой работы—«страды» и, 3) наконецъ, «повоза», т.-е. обязанности доставлять на крестьянскихъ подводахъ всякіе сборы и хозяйственные продукты на барскій дворъ, а иногда и въ столицу. Главную, болѣе или менѣе регулярную, повинность составляла полевая страда: крестьяне пахали помѣщичью пашню, сѣяли, жали и возили, сѣно косили и убирали. По мѣрѣ увеличенія боярской запашки въ XVII в., увеличивались и барщинныя работы крестьянъ. Обыкновенно они пахали на помѣщика отъ 1—2 и болѣе десятинъ пашни съ крестьянской выти. Но въ общемъ количество пашни было не одинаково: тѣ крестьяне, которые больше пахали, платили меньше оброку, и наоборотъ; или еще тѣ крестьяне, которые жили ближе къ боярскому «селу», отбывали барщину больше и чаще, тогда какъ отдаленные крестьянскіе дворы, взамѣнъ того, облагались болѣе высокимъ оброкомъ. Крестьяне вообще предпочитали барщинѣ оброчную систему, такъ какъ установленіе издѣльныхъ повинностей допускало со стороны землевладѣльца больше произвола, чѣмъ оброкъ; при уплатѣ оброка крестьянская община могла сохранять за собой больше самостоятельности.

Но, какъ мы видимъ на примѣрѣ морозовскихъ крестьянъ, бояринъ не стѣснялся непомѣрно увеличивать и денежный оброкъ. Такъ, крестьяне села Лыскова, пока они были въ дворцовомъ вѣдомствѣ, платили по 7 руб. 50 коп. съ выти; когда Лысково (въ 1646 г.) было пожаловано Морозову, то онъ болѣе, чѣмъ вдвое, повысилъ размѣръ оброка съ крестьянъ, назначивъ платить по 20 руб. съ выти въ самомъ селѣ и по 15 руб. въ приселкахъ и деревняхъ *). Правда, при введеніи новаго оброка лысковцы были освобождены отъ всѣхъ издѣльныхъ повинностей и уплаты столовыхъ запасовъ; но это условіе было очень скоро нарушено: крестьянъ попрежнему заставляли ходить на барскую работу и давать барановъ, куръ, яйца,

---

*) Рубль половины XVII в. равнялся 16 руб. современнымъ.

сыръ, масло и пр. мелкій доходъ. По этому поводу лысковскіе крестьяне послали челобитную бояріну, въ заключеніе которой писали: «Отъ твоего государева оброку большого прибавочнаго и издѣлья мы, сироты твои, оскудали и одолжали великими долгами, нынѣ намъ твоего оброку платить невозможно, многіе изъ насъ, сиротъ, скитаются по-міру. Умилосердись, государь Борисъ Ивановичъ! Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ бѣдныхъ, для своего многолѣтнаго здоровья, какъ тебѣ объ насъ, бѣдныхъ, Богъ извѣститъ, на нынѣшній годъ въ своемъ государевѣ оброкѣ и въ столовыхъ запасахъ, чтобъ намъ, сиротамъ, впредь твоего государева тягла не отбыть. Государь, смилуйся, пожалуй!» Неизвѣстно, какъ отвѣтилъ Морозовъ на это челобитье лысковцамъ; но вотъ что онъ писалъ въ 1651 г. мурашкинскому приказчику: «Ты ужъ ко мнѣ писалъ, что указалъ я собрать недоборныя деньги со крестьянъ прошлыхъ годовъ, и крестьяне-де не платятъ, и тебѣ бъ однолично тѣ деньги со крестьянъ собрать всѣ сполна, безо всякаго переводу; а которые бѣдны и взять съ нихъ нечего, и имъ велѣть работать у буднаго дѣла (на поташныхъ заводахъ) и зачитать въ оброкъ, или велѣть жечь золу и возить къ будному дѣлу, и тоже зачитать въ оброкъ».

Также въ очень мрачныхъ чертахъ обрисовывается положеніе крестьянъ въ деревняхъ другого вотчинника второй половины XVII ст., стольника Андрея Ильича Безобразова, отъ котораго сохранилась обширная переписка съ его вотчинными приказчиками и старостами.

Побѣги были обычнымъ и наиболѣе распространеннымъ способомъ реагированія крестьянъ на тяжесть крѣпостного права. Полное запрещеніе крестьянскаго перехода, когда экономическій и нравственный гнетъ надъ владѣльческими крестьянами еще болѣе увеличился, не только не прекратило побѣговъ, но, быть-можетъ, даже усилило ихъ, что видно изъ постоянныхъ жалобъ на это служилыхъ людей и цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ, принимавшихся противъ крестьянскихъ побѣговъ уже послѣ Соборнаго Уложенія.

Указомъ 1658 г. правительство постановило послать во всѣ города сыщиковъ для сыска бѣглецовъ всякими мѣрами. Пойманныхъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ велѣно было отдавать прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Тѣмъ же указомъ въ первый разъ налагалось по закону наказаніе на бѣглыхъ крестьянъ за ихъ «воровство, что они, разоря помѣщиковъ

своихъ и вотчинниковъ, отъ нихъ бѣжали»; указано было за то ихъ бить кнутомъ нещадно, а «пущихъ воровъ», которые при побѣгѣ убивали своихъ владѣльцевъ, ихъ женъ и дѣтей, или дома ихъ пожгли,—казнить смертью. Принимавшіе и укрывавшіе бѣглыхъ должны были платить штрафъ по Уложенію (10 р.). Но скоро и по отношенію къ укрывателямъ усилены были мѣры взысканія. Новымъ указомъ 1661 г. велѣно было приказчиковъ, принявшихъ крестьянъ самовольно, безъ при-

Въ избѣ XVIII в. (грав. Le Prince).

казанія ихъ господъ, бить кнутомъ, «чтобы инымъ впредь неповадно было чужихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ принимать»; если же приказчики дѣйствовали по волѣ ихъ господъ, то послѣдніе, помимо того, что должны были переводить бѣглыхъ крестьянъ на свой счетъ къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ и уплатить за «зажилые годы» по Уложенію, за каждаго бѣглаго крестьянина должны были отдать еще одного «наддаточнаго» съ женою, дѣтьми и имуществомъ. Слѣдующими указами (1664 г., 1682 г., 1698 г.) штрафы усиливались: за каждаго бѣглаго велѣно было отдавать 4 «наддаточныхъ» крестьянъ и 20 руб. «пожилого».

Но, несмотря на рядъ такихъ грозныхъ указовъ, правительство дѣйствовало не всегда послѣдовательно и твердо. Какъ указывалось выше, правительство и во второй половинѣ вѣка въ отдѣльныхъ случаяхъ покрывало переходы крестьянъ къ «сильнымъ людямъ», а также на дворцовыя земли и въ украинные города. Въ особенности участились побѣги на Украйну. Тамъ можно было найти двоякій выходъ: или поступить на службу, записаться въ «приборные» служилые люди (стрѣльцы, казаки, станичные ѣздоки и пр.), или же пойти казаковать въ степь. Правительство было очень озабочено колонизаціей юго-восточныхъ степей, устройствомъ новыхъ городовъ по украинскимъ оборонительнымъ чертамъ и наборомъ людей для гарнизоновъ въ эти города. Хотя воеводы украинскихъ городовъ офиціально, въ указахъ, предупреждались на счетъ того, чтобы не принимать бѣглыхъ людей, но, хорошо зная виды правительства, они сквозь пальцы смотрѣли на запись въ службу пришельцевъ, относительно вольнаго происхожденія которыхъ можно было сильно усумниться, какъ это доказываетъ множество исковъ во крестьянствѣ къ украинскимъ служилымъ людямъ со стороны разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ.

Но еще больше бѣглецовъ шло къ вольнымъ казакамъ на тихій Донъ, нижнюю Волгу и др. степныя мѣста обширной юго-восточной Украйны, гдѣ не было ни царскихъ воеводъ ни помѣщиковъ, и гдѣ могла быть достигнута та «вольная воля», о которой московскій крестьянинъ XVII в. зналъ только по наслышкѣ и изъ преданій далекаго прошлаго. Но естественно, что необходимость покинуть родныя насиженныя мѣста не могла не вызывать въ бѣглецахъ тяжелыхъ чувствъ,—чувствъ злобы и мести къ виновникамъ ихъ невольнаго бѣгства. Раздраженіе крѣпостныхъ противъ ихъ господъ сказалось въ тѣхъ случаяхъ убійства помѣщиковъ и поджоговъ, о которыхъ упоминаетъ указъ 1658 г. Въ странѣ скоплялся горючій матеріалъ для вспышекъ народнаго недовольства, народныхъ волненій и бунтовъ, которыми ознаменована вторая половина XVII стол.

Бунты были активнымъ проявленіемъ народнаго недовольства. Въ частности, величайшій бунтъ этого вѣка, бунтъ Стеньки Разина получилъ столь широкое распространеніе благодаря тому, что нашелъ опору въ недовольствѣ крестьянской массы. Уже самое донское казачество, среди котораго Разинъ нашелъ первыхъ своихъ приверженцевъ, въ значительной своей

части состояло изъ бѣглыхъ русскихъ людей, крестьянъ, холоповъ, посадскихъ. «Во многіе донскіе городки пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и отъ того нынѣ на Дону голодъ большой», такъ писало московское правительство астраханскому воеводѣ, предупреждая его по поводу дошедшихъ до Москвы слуховъ о «воровскихъ» замыслахъ казаковъ. Донъ къ концу 60-хъ гг. оказался

Стенька Разинъ (совр. нѣм. гравюра).

уже переполненнымъ всякимъ пришлымъ людомъ, и тамъ начался голодъ.

Съ толпой голодной казацкой голытьбы Разинъ и предпринялъ первый свой походъ (въ 1668 г.) внизъ по Волгѣ и въ Каспійское море, къ персидскимъ берегамъ. Но то былъ пока просто «воровской» казацкій набѣгъ за добычей. Другое дѣло—второй походъ Стеньки (въ 1670 г.) сначала на Астрахань, а потомъ вверхъ по Волгѣ, на Саратовъ, Самару, Симбирскъ. Кличъ Стеньки Разина, призывавшій всѣхъ на борьбу

съ боярами, воеводами и приказными людьми, сулившій всѣмъ богатство, вольность и всеобщее равенство, затрогивалъ какъ разъ самыя больныя струны низшаго населенія, и потому встрѣтилъ всеобщее сочувствіе народныхъ массъ.

Первоначально казацкое возстаніе Разина сдѣлалось *народнымъ движеніемъ*. По документамъ видно, кто принималъ въ немъ участіе; это вообще «чернь», городская и сельская, посадскіе и уѣздные «мужики», главнымъ образомъ, крестьяне и холопы. Были тутъ и низшіе служилые люди—стрѣльцы и служилые казаки, приволжскіе инородцы и пр. Вездѣ охотно слушали и читали «прелестныя письма» Разина и отъ слова быстро переходили къ дѣлу: поджигали помѣщичьи усадьбы, грабили богатыхъ людей, нападали въ городахъ на воеводскія приказныя избы, убивали приказныхъ людей, сжигали документы, вводили въ городахъ казацкое устройство. Народныя страсти разгорѣлись: крестьяне не ограничивались простымъ убійствомъ помѣщиковъ, ихъ женъ и дѣтей, а часто подвергали ихъ поруганію и мученіямъ. Пламя возстанія охватило громадное пространство, все нижнее и среднее Поволжье и дальше на востокъ и западъ, нынѣшнія губерніи: Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую, Казанскую, Нижегородскую.

Но стихійное народное возстаніе, хотя и не безъ усилій, было подавлено войсками московскаго правительства. Извѣстна судьба самого Разина. Послѣ захвата его въ плѣнъ и казни въ Москвѣ (въ іюнѣ 1671 г.) московскіе воеводы разбивали одинъ за другимъ отряды возставшихъ казаковъ и крестьянъ, при чемъ поступали съ ними необычайно жестоко. Такъ же, какъ въ свое время возставшіе, воеводы старались дѣйствовать страхомъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ этомъ направленіи: они выжигали взятыя мятежныя села и деревни, подвергали пыткамъ захваченныхъ въ плѣнъ и безъ пощады казнили. Такъ, воевода кн. Барятинскій доносилъ въ Москву слѣдующее объ укрощеніи имъ мятежа въ Козьмодемьянскѣ и Козьмодемьянскомъ уѣздѣ: «И по сыску, государь, тѣхъ воровъ и измѣнниковъ бито кнутомъ нещадно 400 человѣкъ; да изъ нихъ же, государь, казнено 100 человѣкъ: отсѣчено по персту у правой руки, а инымъ отсѣчены руки, а пущихъ воровъ и заводчиковъ казнено смертью 60 человѣкъ».

Мятежъ былъ подавленъ. Не въ обычаѣ было принимать какія-либо мѣры къ устраненію на будущее время соціаль-

ныхъ и политическихъ причинъ, вызывавшихъ смуту. Въ частности, по отношенію къ ограниченію крѣпостного права не только ничего не было сдѣлано, но процессъ закрѣпощенія фактически и юридически шелъ быстрыми шагами впередъ. Владѣльцы крѣпостныхъ крестьянъ уже давно старались игнорировать различіе между крестьянами и холопами. Правительство во второй половинѣ XVII в. пошло навстрѣчу и этому домогательству, стараясь оградить только фискальные интересы. Во время податной реформы 1679—1680 гг. *) нѣкоторые разряды холоповъ были обложены тягломъ, что уравнивало ихъ съ крестьянами. Въ это же приблизительно время записи и сдѣлки на крестьянъ, которыя раньше, въ отличіе отъ сдѣлокъ на холоповъ, записывались и утверждались въ Помѣстномъ приказѣ, стали вноситься на утвержденіе въ приказъ Холопьяго Суда.

Оставалось сдѣлать небольшой шагъ для полнаго сліянія крестьянскаго и холопскаго населенія, что и случилось въ скоромъ времени, въ началѣ XVIII вѣка.

И. М. Катаевъ.

---

*) Когда обложеніе тягломъ было перенесено съ земли на дворы.

Крестьяне при Петрѣ Великомъ.

Царствованіе Петра Великаго почти все было заполнено войнами, которыя опредѣляли ходъ и направленіе всей преобразовательной дѣятельности первой четверти XVIII в. Соціальнымъ реформаторомъ Петръ никогда не былъ; все его вниманіе было сосредоточено на разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые выдвигались событіями то турецкой, то сѣверной войны. Реорганизація военныхъ силъ, образованіе флота и изысканіе новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ силъ, — вотъ на что была направлена вся энергія царя-преобразователя, вотъ къ чему сводились въ основныхъ чертахъ всѣ существенныя реформы его царствованія. Соціальныя реформы осуществлены были въ русской жизни въ эпоху Петра лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ соприкасались съ преобразованіями въ сферѣ военной и финансовой. Смотря на все съ военно-хозяйственной точки зрѣнія, Петръ видѣлъ въ обществѣ лишь необходимый соціальный матеріалъ, который весь цѣликомъ долженъ былъ итти на пользу государству. Каждая общественная группа должна была служить государству, неся тѣ повинности, которыя были возложены на нее правительственной властью. Никто не долженъ былъ избѣгать государева тягла, всѣ должны были быть закрѣпощены къ своимъ сословнымъ обязанностямъ.

Эту полицейско-фискальную точку зрѣнія Петръ проводилъ и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя непосредственно касались крестьянскаго сословія. Законодательнымъ путемъ въ его царствованіе права помѣщиковъ надъ крестьянами не были расширены, но косвенно, цѣлымъ рядомъ правительственныхъ мѣропріятій, особенно въ связи съ податной реформой 1718 г., власть помѣщика надъ крестьянами

значительно усилилась. Тѣ элементы крѣпостного права, которые довольно ясно намѣчались еще въ XVII в., развились и усилились въ эпоху Петра, подъ вліяніемъ закрѣпостительнаго характера всѣхъ преобразованій этого времени. Петръ не былъ, да и не могъ быть, личнымъ противникомъ крѣпостного права. Въ данномъ случаѣ онъ шелъ въ уровень съ современной ему дѣйствительностью въ Западной Европѣ, гдѣ, по словамъ К. П. Побѣдоносцева, «и на практикѣ и въ наукѣ прочень былъ взглядъ на крестьянина, какъ на крѣпостного». Помѣщичья власть была нераздѣльной принадлежностью тогдашняго общественнаго быта. Петру она казалась сильнымъ орудіемъ управленія, и онъ употреблялъ ее для своихъ цѣлей.

Крестьянинъ XVIII в. (Аткинсонъ).

Законодательныя мѣропріятія Петра касались почти исключительно владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ, лишь слегка затрогивая крестьянъ черносошныхъ и дворцового вѣдомства, поэтому и мы, въ данномъ очеркѣ, сосредоточимъ преимущественно свое вниманіе на положеніи владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ въ эпоху Петровскихъ преобразованій. Что касается крестьянъ дворцоваго вѣдомства, то ихъ численность при Петрѣ довольно значительно сократилась, такъ какъ только за періодъ 1682 — 1710 гг. пожаловано было въ помѣстья и вотчины 43.655 дворовъ, т.-е. болѣе 170.000 душъ дворцовыхъ крестьянъ. Во второй половинѣ XVII в. еще не успѣла сгладиться довольно рѣзкая хозяйственно-правовая грань между крестьянами и холопами, но уже и въ

это время бывали случаи обезземеленія крестьянъ путемъ перевода ихъ во дворъ, и этотъ обычай, не санкціонированный закономъ, терпѣлся московскимъ правительствомъ XVII в. Къ началу царствованія Петра владѣльческіе крестьяне не представляли изъ себя вполнѣ безправной массы: они отбывали государственныя повинности наравнѣ съ дворцовыми крестьянами, выбирали цѣловальниковъ и старостъ. Они вели судебныя дѣла отъ своего имени, подавали челобитныя въ надлежащія правительственныя учрежденія, независимо отъ помѣщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на рубежѣ XVII и XVIII столѣтія въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ замѣчается цѣлый рядъ противорѣчій: владѣльческій крестьянинъ, напримѣръ, могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ становился крѣпостнымъ своего владѣльца, свободно распоряжавшагося имъ; онъ могъ искать и отвѣчать за себя въ судѣ, и, тѣмъ не менѣе, во многихъ случаяхъ подлежалъ вотчинному или помѣщичьему суду; онъ могъ имѣть свою собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывался чуть ли не полною собственностью своего господина; наконецъ, онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола. Всѣ эти противорѣчія законодательство Петра не старалось уничтожить, то раздвигая, подъ вліяніемъ государственныхъ потребностей, рамки крестьянскихъ правъ, то, изъ фискально-полицейскихъ соображеній, усиливая власть и опеку землевладѣльцевъ надъ ихъ крѣпостными. Въ первой половинѣ царствованія Петра законодательныя мѣропріятія правительства по крестьянскому вопросу формировались подъ вліяніемъ военныхъ потребностей государства, а съ 1715 — 1718 гг. измѣненія въ положеніи крестьянъ и холоповъ начинаютъ проводиться въ связи съ широко задуманной податной реформой.

Еще въ эпоху азовскихъ походовъ въ 1695 г. велѣно было записывать охотниковъ изъ боярскихъ людей въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки. Съ началомъ сѣверной войны нужда въ солдатахъ усилилась и правительство 1 февраля 1700 г., подтвердивъ право землевладѣльцевъ отпускать на свободу крестьянъ и холоповъ, обязало ихъ послѣ явки въ приказѣ холопьяго суда отправляться «въ Преображенскъ» и которые изъ нихъ годятся въ военную службу, тѣхъ писать въ солдаты. Въ дальнѣйшемъ все возраставшая потребность въ

регулярномъ войскѣ вынуждала Петра къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. 31 марта 1700 г. холопамъ и крестьянамъ предложили самимъ записываться въ военную службу, запрещено было принимать на службу только преступниковъ, которые этимъ путемъ хотѣли избавиться отъ наказанія, и крѣпостныхъ крестьянъ, которые бросали свои пашни съ цѣлью поступить въ солдаты. Принятый въ военную службу могъ требовать отъ своего прежняго господина жену и несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Помѣщикъ могъ ходатайствовать о возвращеніи неправильно записаннаго въ солдаты крестьянина, уплативъ предваритсльно полностью все жалованье, выданное такому солдату казною. Вслѣдствіе этихъ указовъ у крѣпостныхъ отъ временъ Петра Великаго сохранилось воспоминаніе, что записью въ солдаты можно избавиться отъ крѣпостного состоянія. Во время сѣверной войны указъ о добровольной записи въ солдаты крѣпостныхъ людей не разъ повторялся, и только послѣ заключенья Ништадтскаго мира (въ 1721 г.) послѣдовало запрещеніе принимать крестьянъ и дворовыхъ въ военную службу безъ согласія ихъ владѣльцевъ.

Осуществляя свою военную реформу, Петръ началъ стирать правовую грань между крестьянами и холопами. Такъ въ 1705 г. относительно рекрутской повинности задворные и дѣловые люди, устроенные отдѣльными дворами, окончательно сравнивались съ крестьянами, а съ 1711 г. и крѣпостные дворовые люди, наравнѣ съ крестьянами, должны были поступать въ число даточныхъ людей на службу государству, съ введеніемъ же правильныхъ рекрутскихъ наборовъ для того, чтобы не пострадали финансовые интересы правительства, съ дворовыхъ людей, не сидѣвшихъ на пашнѣ и не платившихъ, такимъ образомъ, податей, стали брать вдвое, втрое и даже всемеро больше рекрутовъ, сравнительно съ крестьянами и задворными людьми. Въ связи съ рекрутскими наборами дано было въ 1717 г. разрѣшеніе всякаго званія людямъ, кромѣ дворянъ, ставить за себя въ рекрута наемныхъ людей. Этотъ законъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи сыгралъ крайне печальную роль въ судьбахъ крѣпостного крестьянства.

Для вновь заведенной регулярной арміи требовалось большое количество военныхъ запасовъ, огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, — все это заставляло Петра обратить вниманіе

на развитіе въ Россіи фабрично-заводской промышленности и на усиленіе численнаго состава городского торгово-промышленнаго класса. Въ связи съ усвоенной Петромъ экономической политикой стоятъ нѣсколько его узаконеній, касающихся крестьянскаго сословія. Такъ, указомъ 1 января 1699 г. дозволено было владѣльческимъ крестьянамъ записываться для промысловъ въ тягло по городамъ и слободамъ, а указъ 4 февраля 1714 г. разрѣшалъ заниматься торговлей всѣмъ крестьянамъ безъ различія, подъ условіемъ уплаты ими и торговыхъ и крестьянскихъ податей. Насаждая у насъ въ крупныхъ размѣрахъ обрабатывающую промышленность, Петръ долженъ былъ столкнуться съ вопросомъ о снабженіи открываемыхъ имъ фабрикъ и заводовъ необходимымъ контингентомъ рабочихъ рукъ. И вотъ въ 1721 г. разрѣшается покупка къ фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ крестьянъ, даже лицамъ недворянскаго происхожденія, съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне числились не иначе, какъ при фабрикахъ и заводахъ. Этимъ узаконеніемъ количественно раздвигались рамки крѣпостного состоянія и положено было начало образованію того разряда крѣпостныхъ крестьянъ, которые впослѣдствіи получили названіе поссесіонныхъ.

Въ связи съ новыми военными и финансовыми тяготами обнаружился громадный экономическій кризисъ, сопровождавшійся и усиливавшійся явленіями, хорошо знакомыми предшествовавшему столѣтію: особеннымъ развитіемъ крестьянскихъ переселеній и всяческаго укрывательства отъ податей. Въ отвѣтъ на это бродяжничество населенія Петръ издаетъ рядъ грозныхъ указовъ о бѣглыхъ, которые непосредственно вытекаютъ изъ строгихъ узаконеній его предшественниковъ. Въ 1698 г. былъ удержанъ законъ о двадцатирублевой пенѣ за пріемъ бѣглыхъ, хотя возстановлено было и старое узаконеніе о 4 наддаточныхъ крестьянахъ. Приказчикамъ и старостамъ, сверхъ того, угрожало нещадное наказаніе кнутомъ. Съ начала XVIII ст. строгости усиливаются: въ 1704 г. за укрывательство бѣглыхъ грозила смертная казнь: въ 1706 г. издается указъ о конфискаціи половины имѣнія на государя и объ отдачѣ другой половины владѣльцу удержанныхъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1707 г. воеводамъ самимъ велѣно было ѣздить по уѣздамъ, отбирая сказки о бѣглыхъ у мѣстныхъ выборныхъ крестьянъ. Особенно удачно, по свидѣтельству современника Петра, кре-

стьянина Посошкова, укрывались бѣглые въ понизовыхъ и украинныхъ мѣстахъ, гдѣ сплошь и рядомъ попадались крупныя частновладѣльческія села въ 300 — 400 и болѣе дворовъ. Поэтому въ 1709 г. велѣно было выселить всѣхъ бѣглыхъ изъ Малороссіи; аналогичные указы повторялись въ 1713, 1715 и 1720 гг. Для розыска бѣглыхъ въ 1713 и 1715 гг. отправляются спеціальные сыщики изъ царедворцевъ. Опасаясь розыска и наказанія за пріемъ бѣглыхъ, нѣкоторые помѣщики, по свидѣтельству Посошкова, топили скрывавшихся у нихъ бѣглыхъ, чтобы не платить за нихъ штрафа. Во время первой ревизіи былъ назначенъ полутора-годичный срокъ, въ теченіе котораго помѣщики, принявшіе чужихъ крестьянъ и бобылей, обязывались вернуть ихъ прежнимъ владѣльцамъ и уплатить штрафъ въ 20 рублей. На будущее же время денежная пеня за пріемъ бѣглаго была опредѣлена въ 100 рублей за каждую душу мужского пола и 50 рублей за душу женскаго пола. За укрывательство въ пользу потерпѣвшаго владѣльца конфисковалось имѣніе; доносчикамъ же давалась изъ него четвертая часть. Но всѣ эти суровыя мѣры не помогали. При повѣркѣ переписи 1717 г. обнаружено было $1^1/_2$ милліона утаенныхъ душъ, а по первой ревизіи 1719 –1727 гг. бѣглыхъ оффиціально значилось 198.876 душъ.

Крестьянка XVIII в. (Аткинсонъ).

Во время производства первой ревизіи, чуть не ежегодно издавались указы одинъ грознѣе другого: въ 1719 г. указъ Сената за утайку душъ грозитъ конфискаціей вдвое большаго числа душъ, сравнительно съ количествомъ утаенныхъ. Инструкція генералитету 1722 г. предписываетъ конфискацію цѣлыхъ селъ и деревень, въ которыхъ оказались бы утаенныя души, съ отдачею ихъ переписчикамъ. Наконецъ указъ 5 ноября 1723 г. назначаетъ конфискацію всѣхъ имѣній виновнаго помѣщика и, не ограничиваясь имущественнымъ взысканіемъ, грозитъ ссылкою виновнаго на галеры. Гражданскимъ властямъ подавала руку помощи власть церковная въ лицѣ Св. Синода. Священникамъ и причетникамъ, не донесшимъ объ извѣстной имъ утайкѣ душъ во время переписи, Синодъ грозилъ, что они по лишеніи сана и «по безпощадномъ на тѣлѣ наказаніи порабощены будутъ каторжной работѣ, хотя бы кто и въ старости не малой былъ». Грозныя предписанія указовъ нерѣдко приводились въ исполненіе и, по словамъ М. М. Богословскаго, «неразлучнымъ спутникомъ переписчика сдѣлался палачъ, и вмѣстѣ съ переписными канцеляріями по всей Россіи усиленно заработали застѣнки».

Но для всѣхъ было ясно, что какіе бы грозные указы ни издавались, какія бы суровыя мѣры ни предпринимались правительствомъ, съ повальнымъ бѣгствомъ и разореніемъ плательщиковъ ничего нельзя было подѣлать. Такъ какъ бѣглыхъ укрывали и утаивали, преимущественно, лица, власть имущія, то борьба съ ними путемъ суровыхъ указовъ была довольно безцѣльна, «понеже, замѣчаетъ Посошковъ, тотъ указъ токмо на однихъ маломочныхъ людей. И сильнымъ людемъ онъ ничтоженъ есть: старыхъ не отдадутъ, а вновь кто къ нимъ придетъ, принимать будутъ». По свидѣтельству другого современника Петра, историка Татищева, прежній штрафъ въ 10 рублей былъ гораздо страшнѣе сторублеваго, котораго «и по сей день никто еще не заплатилъ». Само правительство издавало указы, шедшіе въ разрѣзъ съ узаконеніями о не пріемѣ бѣглыхъ; такъ, бѣглыхъ съ фабрикъ и заводовъ не велѣно было возвращать прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они записывались по ревизіи, «дабы тѣхъ заводовъ не опустошитъ». Но къ концу производства первой ревизіи правительство само сознало тщету всѣхъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыми оно грозило за пріемъ и укрывательство бѣглыхъ. Въ 1723 г. послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣ-

валось, чтобы всѣ бѣглые оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ этотъ указъ. Такимъ образомъ правительство однимъ ударомъ разрубало тотъ гордіевъ узелъ, въ который запутаны были многочисленныя тяжбы о бѣглыхъ, становясь при этомъ въ противорѣчіе съ ранѣе изданными имъ же самимъ законами. Въ слѣдующемъ 1724 г. отнята была льгота и у владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, которымъ впредь воспрещено было принимать къ себѣ бѣглыхъ. Правительство кончало, такимъ образомъ, признаніемъ полнѣйшаго банк-

Наказаніе батогами (Аткинсонъ).

ротства своей прежней политики въ вопросѣ о бѣглыхъ и укрывательствѣ при переписи. Основными причинами повальнаго бѣгства и разоренія первой четверти XVIII в. были непосильныя для населенія жертвы людьми и деньгами въ періодъ сѣверной войны, но правительство и его «доносители» какъ бы закрывали глаза на эти основные источники пустоты и объясняли исчезновеніе громадной массы государственныхъ плательщиковъ или бѣгствомъ и бродяжничествомъ, или утайкой и обманомъ при самомъ производствѣ переписи, или злоупотребленіями областной администраціи.

Грандіозные размѣры пустоты, обнаруженные переписью 1710 г., ставили правительство лицомъ къ лицу съ грознымъ

призракомъ грядущаго финансоваго кризиса. Обсуждая послѣдствія крестьянскаго разоренія «доносители», указываютъ прежде всего на неравномѣрность обложенія. Всѣ они въ одинъ голосъ осуждаютъ раскладку прямой подати по дворовому числу, и мысль о введеніи посемейной или подушной подати вытекала логически изъ ихъ критики подворнаго обложенія. Уже съ 1714 г. эти публицисты первой четверти XVIII в. начинаютъ обращать вниманіе преобразователя на необходимость замѣны прежней единицы обложенія — двора, новой — головой или душой. Самъ Петръ въ письмѣ къ Сенату въ апрѣлѣ 1717 г. впервые упоминаетъ о поголовщинѣ и приказываетъ ввести ее, какъ то во всемъ свѣтѣ ведется. Доносители въ своихъ проектахъ стремились путемъ введенія подушной облегчить податное бремя плательщиковъ, а для Петра главный интересъ сосредоточился на предполагаемомъ при этомъ увеличеніи цифры государственнаго дохода.

Указомъ 26 ноября 1718 г. открывался цѣлый рядъ узаконеній, связанныхъ съ введеніемъ подушной подати и съ первой ревизіей податного населенія. Если этотъ указъ и не различалъ прямо крестьянъ отъ холоповъ, при внесеніи въ податныя сказки, то въ послѣдующихъ указахъ встрѣчается на этотъ счетъ цѣлый рядъ колебаній. Въ XVII в. крестьяне, какъ платившіе государственныя подати, довольно рѣзко отграничены были отъ холоповъ, не несшихъ никакихъ повинностей въ пользу государства. Къ этому времени холопы подраздѣлялись на людей дворовыхъ, дѣловыхъ и задворныхъ; «одни, по словамъ В. О. Ключевскаго, жили во дворахъ своихъ господъ, состоя въ домашнемъ услуженіи; другіе исправляли сельскія работы на господъ, живя въ ихъ сельскихъ усадьбахъ и на ихъ содержаніи; третьи, исправляя сельскія работы на господъ, получали отъ нихъ земельные участки въ пользованіе и жили особыми дворами, имѣя каждый свое особое хозяйство». Привлеченіе этихъ группъ несвободнаго холопьяго населенія къ несенію податного бремени имѣетъ свою довольно продолжительную исторію. Этотъ процессъ начался съ 80 гг. XVII в., когда въ податной окладъ занесены были задворные люди, ничѣмъ не отличавшіеся, по своему хозяйственному положенію, отъ крестьянъ и бобылей. Затѣмъ начиная съ 1704 г., при составленіи народныхъ переписей, предписывалось вносить въ переписныя

книги, какъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, такъ и дворы дворовыхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей и въ нихъ людей по именамъ. Но эта мѣра направлена была только къ регистраціи неподатныхъ группъ сельскаго населенія и только со времени введенія подушной окончательно упраздняются тѣ податныя льготы, которыми ранѣе пользовались холопы. Въ 1719 г. указомъ 22 января дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею, только «для вѣдома»; затѣмъ деревенскихъ холоповъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно «класть въ расположеніе». Наконецъ резолюціей 19 января 1723 г. Петръ предписалъ заносить въ сказки и класть въ подушный сборъ, наравнѣ съ крестьянами, всѣхъ слугъ, не различая пашенныхъ и не пашенныхъ, сельскихъ и городскихъ дворовыхъ. Этой резолюціей упразднялся многочисленный классъ древне-русскихъ холоповъ, при чемъ временные холопы, кабальные и жилые, превращались въ вѣчныхъ и потомственныхъ крѣпостныхъ своихъ владѣльцевъ. Данное мѣропріятіе имѣло громадное соціально-политическое значеніе: законодательная отмѣна холопства была не освобожденіемъ холоповъ, а ихъ укрѣпленіемъ на другихъ основаніяхъ, одинаковыхъ съ условіями крестьянской крѣпости. Такъ завершался тотъ процессъ сближенія крестьянъ съ холопами, который сталъ намѣчаться еще до Петра, когда въ 1681 г. владѣльцамъ было повелѣно записывать за собой крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ приказѣ холопьяго суда, а въ слѣдующемъ 1682 г. брать съ нихъ тѣ самыя пошлины, какія взимались съ записи холопьихъ кабалъ.

Однако подушная подать и сопровождавшая ее первая ревизія не только привлекали къ несенію государственныхъ повинностей несвободныхъ людей—холоповъ; но и раздвигали рамки, какъ численнаго состава государственныхъ тяглецовъ, такъ и самаго крѣпостного права. Ревизія существеннымъ образомъ измѣняла соціальный строй преобразованной Россіи: она включила въ составъ тяглецовъ вольно-гулящихъ людей и дѣтей священно и церковнослужителей, затягивая на ихъ шеѣ мертвую петлю крѣпостной зависимости. Въ 1722 г. зачислены были въ подушный окладъ дѣти священнослужителей, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ, а также оказавшіеся излишними церковнослужители и ихъ

дѣти, при чемъ они вносились въ ревизскія сказки за тѣми владѣльцами, на земляхъ которыхъ жили въ моментъ составленія переписи, т.-е. превращались въ ихъ крѣпостныхъ. Въ томъ же 1722 г. пробилъ послѣдній часъ свободы для такъ называемыхъ гулящихъ людей или «вольницы»; всѣ негодные въ солдаты гулящіе люди должны были записываться въ крестьяне или дворовые, «а безъ службъ бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства». Въ заключеніе всѣхъ, шатающихся безъ дѣла, правительство грозило сослать въ галерную работу. Всякихъ чиновъ людямъ разрѣшалось записывать за собой вольныхъ людей, не принятыхъ въ солдатскую службу. Этимъ какъ бы расширялся кругъ лицъ, имѣвшихъ право владѣть крѣпостными. Духовные, купцы, горожане, церковные и монастырскіе служители, низшіе чиновники, разночинцы получили теперь право записывать за собой своихъ слугъ, и всѣ они стали смотрѣть на этихъ людей, какъ на своихъ крѣпостныхъ. У правительства сложился взглядъ, по которому вольные люди отождествлялись съ гулящими, а гулящіе—съ бездѣльниками и ворами. Поэтому вполнѣ естественно, что въ 1729 г. появляется указъ о ссылкѣ гулящихъ людей въ Сибирь въ случаѣ, если ихъ никто не приметъ къ себѣ въ крѣпостные. Сенатскимъ указомъ 11 января 1725 г. существенно ограничена была свобода и для крестьянъ половниковъ поморскихъ уѣздовъ: они должны были вноситься въ ревизскія сказки за владѣльцами, на земляхъ которыхъ сидѣли, и имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому только съ предварительнаго согласія своихъ хозяевъ и съ разрѣшенія земскаго и полкового комиссаровъ, вѣдавшихъ сборъ подушной подати.

Послѣ цѣлаго ряда строгихъ мѣропріятій къ маю 1724 г. правительству удалось опредѣлить съ достаточною точностью цифру ревизскихъ душъ 5.409.930. Новая подушная подать въ финансовомъ отношеніи оказалась весьма тягостной для податныхъ классовъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего служитъ цифра недоимки въ 1.000.000 руб., обнаруженная уже въ 1724 г. Первая ревизія составила эпоху въ исторіи русскаго крестьянства; до введенія подушной основные классы крестьянства еще не вполнѣ сложились: всѣ общественныя группы, кромѣ холоповъ, служили государству. Послѣ же податной реформы Петра появился опредѣленный

признакъ, по которому «подлыхъ» людей стали отличать отъ «благородныхъ» или шляхетства.

Въ періодъ 1718—1727 гг., когда производилась ревизія, опредѣлился составъ крѣпостного населенія. По вполнѣ вѣрному замѣчанію А. С. Лаппо-Данилевскаго записка «души» въ ревизскую сказку того времени имѣла гораздо болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Смѣшавъ въ одну крѣпостную массу крестьянъ и холоповъ, включивъ въ нее бывшихъ

Обработка льна (Аткинсонъ).

гулящихъ людей и нѣкоторыя группы священно и церковнослужителей, правительство указами о первой ревизіи способствовало усиленію помѣщичьей власти и умаленію правъ крѣпостного крестьянства. Помѣщики сами должны были вносить своихъ подданныхъ въ ревизскія сказки и, такимъ образомъ, односторонняя воля владѣльца опредѣляла принадлежность даннаго лица къ податному или крѣпостному состоянію. Правда, записанный въ сказку неправильно могъ вчинять искъ объ утраченной свободѣ, но если судебное мѣсто признавало его жалобу неподлежащей удовлетворенію, то челобитчика подвергали суровому тѣлесному наказанію за

своевольство. На владѣльца была возложена обязанность платить восьмигривенный подушный окладъ за всѣхъ лицъ, записанныхъ за нимъ въ ревизскихъ сказкахъ, и, такимъ образомъ, онъ превращался въ финансоваго агента правительства, становясь между государственною властью и податной массой крѣпостного крестьянства. Приписка къ лицу землевладѣльца преслѣдовала цѣли податной исправности и отвѣтственности, но не закрѣпощенія. Однако нѣкоторыя выраженія указовъ о ревизіи — «тому вотчиннику владѣть ими (записанными людьми)» или « владѣть ими вѣчно»—вполнѣ опредѣленно говорятъ о связанномъ съ податной отвѣтственностью правѣ владѣнія. По своимъ принципамъ первая ревизія отрицала, слѣдовательно, прежнія права владѣльческихъ крестьянъ, способствуя тѣмъ усиленію барскаго произвола. На ряду съ податной отвѣтственностью законодательствомъ Петра на помѣщика возложена была забота о сохраненіи порядка въ деревнѣ. Еще въ 1713 г. было постановлено по жалобѣ помѣщика наказывать кнутомъ крестьянъ, возмущавшихся противъ его власти. Помѣщикъ, такимъ образомъ, признавался судьей и непосредственнымъ начальникомъ надъ своими крестьянами. Расширенію помѣщичьихъ правъ косвенно способствовалъ знаменитый законъ объ единонаслѣдіи 1714 г., которымъ крестьяне бывшихъ помѣстныхъ земель сливались въ одну массу съ крестьянами земель вотчинныхъ, при чемъ и тѣ и другіе получили названіе подданныхъ своихъ владѣльцевъ. Этотъ терминъ «подданные помѣщика», заимствованный изъ западно-европейской практики, какъ бы придавалъ власти помѣщика публично-правовой характеръ. Одновременно съ этимъ въ XVIII в. всѣхъ лицъ, подвластныхъ своему господину, все чаще начинаютъ называть крѣпостными, примѣняя къ нимъ то самое наименованіе, которое раньше прилагалось исключительно къ холопамъ.

Подъ покровомъ многочисленныхъ указовъ начала XVIII ст. права помѣщиковъ стали быстро расширяться, на что мы имѣемъ прямое указаніе въ словахъ одного изъ современниковъ Петра Великаго: «многіе дворяне говорятъ,—замѣчаетъ Посошковъ,—крестьянину де не давай обрости, но стриги его, яко овцу догола. И тако говоря, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ». По словамъ того же писателя: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ

единаго дня, еже бы ему на себя что сработать». Съ тѣхъ поръ, какъ подать была оторвана отъ земли и перенесена на души, владѣльцы могли распоряжаться землею, какъ имъ было угодно, нарѣзая крестьянамъ надѣлы по своему желанію или даже отводя всю землю подъ свою личную запашку, снабжая крестьянъ пропитаніемъ и одеждою.

Параллельно съ ростомъ помѣщичьей власти, умалялись тѣ личныя и имущественныя права, которыми крестьяне пользовались въ исходѣ XVII в. Такъ, въ 1704 г. крестьянамъ духовнаго вѣдомства запрещено было, безъ согласія монастырскихъ или церковныхъ властей вступать въ казенные подряды. Съ 1707 г. всѣ вообще крестьяне лишены были права брать на откупъ разные сборы ратушскаго вѣдѣнія. Съ 1722 г. крестьянинъ, отправляющійся въ городъ для подрядовъ, долженъ былъ запастись свидѣтельствомъ о своемъ достаткѣ за подписью помѣщика, его дворецкаго или стряпчаго. Наконецъ плакатомъ 1724 г. вводились письменные виды на срокъ за подписью помѣщика, безъ которыхъ крестьяне не могли никуда отлучаться изъ предѣловъ имѣнія. Имущество крестьянина не было ограждено отъ посягательства со стороны владѣльца. Когда послѣдній нуждался въ деньгахъ, онъ бралъ ихъ «на перехватку» у того или другого богатаго крестьянина, поручая приказчику сказать, какъ читаемъ въ хозяйственной перепискѣ кн. Долгорукова, «чтобы онъ того себѣ въ оскорбленіе не ставилъ, потому что тѣ деньги ему отдадимъ». Но все-таки и послѣ первой ревизіи крестьяне не лишены были права заниматься различными не крестьянскими промыслами, имѣть собственные заводы и торговыя предпріятія, состоя по нимъ въ посадскомъ тяглѣ. Однако передъ лицомъ правительства крестьяне иногда начинали сливаться съ имуществомъ помѣщика въ одну нераздѣльную массу. Это видно, напримѣръ, изъ указа 1717 г., которымъ велѣно было взыскивать на крестьянахъ излишнее жалованье, забранное ихъ господами-чиновниками. Къ концу царствованія Петра подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ условій успѣлъ уже выработаться типъ помѣщика-самовластца, столь характерный для русскаго общества XVIII в. Нерѣдко въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ помѣщикъ въ своемъ имѣніи упорно не выполняетъ требованія правительства, господствуя съ полнымъ произволомъ надъ своими крѣпостными крестьянами и открыто возставая, при помощи этого господства, противъ

общественной власти. Правительство фактически было безсильно положить предѣлы барскому самоуправству и произволу. На большихъ дорогахъ попадались нерѣдко цѣлыя шайки разбойниковъ, грабившихъ и разбивавшихъ проѣзжающихъ подъ предводительствомъ своихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, въ исходѣ царствованія Петра были налицо всѣ элементы крѣпостной неволи, которая стала такъ быстро развиваться въ теченіе XVIII в.

Однако, раздвигая рамки крѣпостного права, увеличивая численно составъ крѣпостного населенія, усиливая тяжесть податного обложенія и даже измѣняя отчасти юридическое основаніе крестьянскаго прикрѣпленія, Петръ рядомъ указовъ старался положить предѣлъ нѣкоторымъ проявленіямъ барскаго произвола въ отношеніи крѣпостныхъ людей.

Такъ, въ 1723 г. крестьянамъ разрѣшено было приписываться къ посадамъ, уплачивая владѣльцу подушныя деньги, въ размѣрѣ 80 коп., и обычный крестьянскій оброкъ. «А которые прежде были въ посадахъ,—читаемъ въ томъ же указѣ,—а отданы помѣщикамъ, такихъ взять въ посады». Такимъ образомъ, правительство узаконяло для крестьянъ свободу выбора сферы хозяйственной дѣятельности, стремясь при этомъ поднять численный составъ городского торгово-промышленнаго класса, на который Петръ преимущественно опирался въ своей экономической политикѣ.

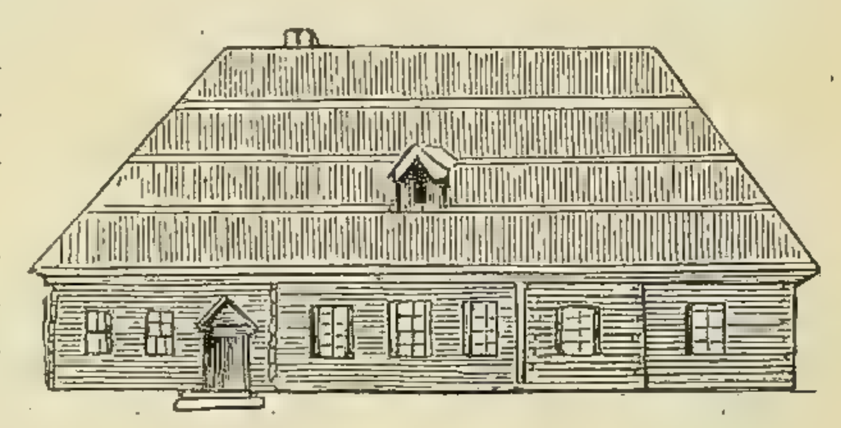
При Петрѣ была сдѣлана попытка ограничить произволъ землевладѣльцевъ, при вступленіи въ бракъ крѣпостныхъ. Формальное запрещеніе господамъ насильственно выдавать замужъ и женить своихъ крѣпостныхъ послѣдовало въ 1724 г., но еще за два года передъ тѣмъ Синоду было велѣно вѣдать дѣла «о бракахъ въ рабахъ по принужденію господъ, безъ произволенія сочетанныхъ». Наиболѣе рѣшительно по данному вопросу выражена воля законодателя въ плакатѣ 1724 г., который воспрещалъ помѣщику удерживать невѣсту, если женихъ уплачивалъ обычный въ той мѣстности выводъ, хотя въ данномъ случаѣ могли подразумѣваться женихи изъ солдатъ, расквартированныхъ въ данной мѣстности.

Ограждая личность крестьянина, законодательство Петра сохранило за нимъ право искать и отвѣчать въ судѣ отъ своего лица, воспретило владѣльцамъ выставлять своихъ крѣпостныхъ въ судебныхъ мѣстахъ къ присягѣ вмѣсто себя и подвергать ихъ правежу за господскіе долги. Это воспреще-

ніе послѣдовало въ 1711 г. и было подтверждено въ 1720 г. Почти одновременно въ 1714 г. воспрещена была отдача всякихъ чиновъ людей въ заживъ и въ крестьянство за частные иски, а вмѣсто того тѣхъ, кому долговъ платить нечѣмъ, велѣно ссылать на галеры.

Такъ какъ произволъ владѣльцевъ надъ крѣпостными людьми могъ усиливаться еще на почвѣ религіозныхъ притѣсненій, то въ 1713 г. изданъ былъ указъ, воспрещавшій помѣщикамъ «басурманамъ» Поволжскихъ губерній, въ случаѣ, если они въ полгода не крестятся, владѣть православными крестьянами и холопами, при чемъ всѣ ихъ помѣстія и вотчины должны были быть отписаны на великаго государя.

Вопросъ о крестьянскомъ разореніи довольно упорно занималъ вниманіе Петра, и въ связи съ нимъ онъ предпринималъ мѣры противъ жестокихъ и разорительныхъ помѣщиковъ. Такъ, мотивомъ для изданія закона о единонаслѣдіи 1714 г. выставлено то обстоятельство, что «одинъ наслѣдникъ можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять». Самимъ крестьянамъ не предоставлено было право подавать жалобы на разоряющихъ владѣльцевъ, но дѣло о пустотѣ и разореніи возбуждали земскіе комиссары съ воеводами, выяснивъ путемъ обыска, «отчего оная пустота явилась и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ какого наглаго разоренія». Разорители, согласно воеводскому наказу 1719 г., отдавались подъ началъ, а имѣнья ихъ, до исправленія, передавались родственникамъ или свойственникамъ. Въ виду того, что землевладѣльцы часто не выполняли своихъ обязанностей относительно прокорма своихъ старыхъ и увѣчныхъ людей и крестьянъ, а также не снабжали хлѣбомъ въ голодные годы своихъ крѣпостныхъ, Петръ рядомъ указовъ повелѣлъ помѣщикамъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, прокармливать своихъ неработоспособныхъ людей, собирая имъ на хлѣбъ и на одежду съ остальныхъ обывателей тѣхъ селъ и деревень. А

Помѣщичій домъ XVIII в. (изъ записокъ Болотова).

для того, чтобы въ голодные годы крѣпостные не бродили по міру, Петръ указалъ владѣльцамъ снабжать ихъ необходимымъ пропитаніемъ. Въ цѣляхъ искорененія злоупотребленій помѣщиковъ при производствѣ переписи, правительство поощряло доносы на нихъ ихъ же собственныхъ крѣпостныхъ людей, обѣщая имъ свободу въ случаѣ, если доносъ окажется справедливымъ. Но не допуская существованія вольно-гулящихъ людей, законодательство Петра обязывало такихъ доносчиковъ въ теченіе года пріискать себѣ новаго владѣльца, а въ противномъ случаѣ ихъ или сдавали въ солдаты или возвращали прежнимъ господамъ. Преобразователемъ затронутъ былъ и самый больной вопросъ тогдашняго крѣпостного быта, именно продажа крестьянъ «врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится... отъ чего не малый вопль бываетъ». Въ своей перепискѣ съ Сенатомъ въ 1721 г. Петръ довольно рѣшительно выразилъ свою волю по данному вопросу: «оную продажу людемъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хоть по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями и семьями, а не порознь». Однако это желаніе царя не получило силы закона и отмѣчено было, какъ юридическая норма, долженствующая войти въ новое Уложеніе, составляемое въ то время Сенатомъ. Хотя Петръ и держался правила, что «всуе законы писать, коли ихъ не исполнять», но большинство тѣхъ мѣръ, которыми преобразователь хотѣлъ нормировать крѣпостное состояніе, не примѣнялось вовсе на практикѣ. Всѣ эти указы оставались мертвою буквою, потому что у правительства не было средствъ слѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ и оно не проявляло никакихъ заботъ къ тому, чтобы наказывать ослушниковъ издаваемыхъ имъ же самимъ строгихъ законовъ.

Въ эпоху Петра Великаго на крестьянскій вопросъ было обращено вниманіе не въ однѣхъ только правительственныхъ сферахъ. Въ защиту угнетеннаго сельскаго населенія поднимались голоса и изъ среды самого общества, такъ, публицистъ-самоучка Посошковъ, самъ крестьянинъ по происхожденію, стоитъ за составленіе «расположенія указнаго для опредѣленія высоты оброка и продолжительности барщины». «Для опредѣленія всякихъ крестьянскихъ поборовъ такъ, чтобы крестьянству было не тягостно», онъ проектировалъ совѣщаніе «высокихъ господъ и мелкихъ дворянъ», постановленія котораго должны были утверждаться государемъ. Судьямъ

Прорытіе Ладожскаго канала.

(Карт. *Моравова*).

же слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность «смотрѣть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили». Для болѣе прочнаго обезпеченія крестьянъ землею Посошковъ предполагалъ надѣлить ихъ на дворъ пашнею отъ 6 — 9 десятинъ при 2 десятинахъ сѣнокоса. При этомъ крестьянскія земли должны были быть навсегда отдѣлены отъ помѣщичьихъ, которыя, по его мнѣнію, должны были быть обложены несравненно меньшимъ налогомъ, чѣмъ крестьянскія. Но особенно важно отмѣтить, что уже въ то время въ общественномъ сознаніи зарождалась мысль о недолговѣчности крѣпостного права. Въ своей книгѣ «О скудости и богатствѣ» Посошковъ весьма ярко формулировалъ этотъ взглядъ: «крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство богатство царственное». Но далеко не сразу этотъ трезвый взглядъ крестьянина-самоучки былъ усвоенъ правительственными сферами и почти 140 лѣтъ пришлось ждать крѣпостной деревнѣ того момента, когда точка зрѣнія Посошкова могла быть осуществлена въ русской дѣйствительности.

В. Бочкаревъ.

Крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ.

I.

Крѣпостное право при Петрѣ Великомъ было сдѣлано тѣмъ фундаментомъ, на которомъ онъ возводилъ по западно-европейскимъ образцамъ зданіе «регулярнаго» государства. Къ этой постройкѣ Петръ привлекъ всѣ классы русскаго общества, обложилъ ихъ тяжелой «государевой службой». Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ зоркаго хозяйскаго глаза Петра не могла укрыться и вся та масса отдѣльныхъ единицъ и группъ населенія, которая не входила еще въ составъ того или другого класса и ускользала отъ податныхъ сѣтей правительства. Учрежденіемъ подушной подати Петру удалось значительную часть этой массы, которая жила среди сельскаго населенія подъ именемъ холоповъ и задворныхъ людей, втянуть въ составъ податной организаціи, но совсѣмъ уничтожить вольныхъ, «гулящихъ людей» Петръ не успѣлъ, и эта задача осталась послѣ него въ наслѣдство слѣдующимъ правительствамъ.

Принципъ петровскихъ указовъ о ревизіи, «чтобы никто въ гулящихъ не былъ» и «безъ службъ не шатался», неуклонно развивался послѣ Петра. Рядъ указовъ съ 1729 г. рѣшительно требуетъ, «чтобы шатающихся и праздныхъ безъ дѣлъ и безъ платежа подушныхъ денегъ никого не было». Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ вольныхъ людей, правительство предоставило частнымъ лицамъ записывать за собой «гулящихъ» даже противъ ихъ желанія, и, когда, напр., послѣ второй ревизіи въ царствованіе Елизаветы, въ Сенатъ стали поступать многочисленныя жалобы отъ такихъ на незаконную приписку, Сенатъ запретилъ подавать подобныя жалобы. Такъ, вольные люди все послѣдовательнѣе захватывались въ крѣпостную зависимость; вольный человѣкъ,

кто бы онъ ни былъ, вольноотпущенный ли, незаконнорожденный или просто сирота, обязательно долженъ былъ «приписаться»; такъ, вольный человѣкъ сталъ немыслимъ въ русскомъ обществѣ до самаго конца XVIII в., когда указами 1775 и 1783 г. было дозволено «ни за кого не записываться» всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе оказался внѣ крѣпостной зависимости.

Но стягивая все общество въ отдѣльные классы и все шире распространяя крѣпостную зависимость, правительство не имѣло возможности стать въ непосредственныя отношенія къ каждой отдѣльной крѣпостной душѣ. Оно, правда, пересчитывало ихъ въ ревизіи и на основаніи данныхъ ревизіи требовало подушной подати, но ревизіи производились лѣтъ черезъ двадцать, и ревизскія души никогда не соотвѣтствовали живымъ. Нужно было потому найти средство, чтобы обезпечить себѣ болѣе или менѣе правильное поступленіе податей. Съ этой цѣлью еще Петръ Великій сдѣлалъ помѣщика отвѣтственнымъ за сборъ подушныхъ денегъ, и это начало податной отвѣтственности помѣщика, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе развивалось въ XVIII в.: въ 1727 г. было постановлено взыскать недоимки не съ крестьянъ, а съ помѣщиковъ, а въ 1731 г. эта отдѣльная мѣра была возведена въ постоянное правило, и съ тѣхъ поръ помѣщикъ долженъ былъ и самъ собирать съ крестьянъ и самъ платить подушную подать.

Крестьянка XVIII в. (изъ альбома Le Prince).

Разъ помѣщикъ получилъ обязанность отвѣчать за исправный сборъ подушныхъ денегъ, было естественно предоставить ему право опеки надъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Поэтому еще при Петрѣ для отлучекъ на заработки крестьянинъ долженъ былъ получить отъ помѣщика письменный видъ, а если крестьянинъ хотѣлъ взять какой-либо подрядъ, то долженъ былъ представить предварительное согласіе на это помѣщика и его поручительство въ исправномъ выполненіи подряда.

Но при Петрѣ превращенію помѣщика въ опекуна надъ крестьянскимъ хозяйствомъ сильно мѣшало то, что крестьянинъ имѣлъ право безъ согласія помѣщика записываться въ военную службу и переходить въ городъ для занятія торговлей съ условіемъ платить ему лишь обычный оброкъ. Первое условіе сокращало число податныхъ душъ, состоящихъ за помѣщикомъ, второе — лишало его наиболѣе зажиточныхъ изъ этихъ душъ. Это противорѣчило требованію государства, чтобы помѣщикъ несъ отвѣтственность за сборъ податей.

Послѣ Петра противорѣчіе было сглажено: въ 1736 г. крестьяне потеряли право безъ разрѣшенія помѣщика отправляться на промыслы, въ 1737 г. имъ было запрещено брать откупа и подряды, въ 1742 г. былъ закрытъ и выходъ изъ крѣпостной зависимости въ солдаты, при чемъ указъ грозилъ, что впредь тѣмъ изъ крестьянъ, которые явятся просить о записи въ военную службу, «чинено будетъ жестокое наказаніе, биты кнутомъ и сосланы въ работу вѣчно». Потомъ крестьяне лишаются права покупать на свое имя земли, крѣпостныхъ, заводить фабрики, и такимъ образомъ теряютъ свою хозяйственную независимость, а теряя ее, они все болѣе теряютъ и права личности: помѣщикъ закрѣпляетъ за собой въ законѣ старинный обычай переселять крестьянъ съ одной земли на другую (1732 г.) и расширяетъ право, предоставленное ему еще Петромъ, продавать въ розницу своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ для сдачи въ рекруты (1747 г.). Цѣлый рядъ такихъ законодательныхъ опредѣленій далъ помѣщику возможность въ своихъ хозяйственныхъ видахъ широко распоряжаться имуществомъ и личностью крѣпостного. Это расширеніе помѣщичьихъ правъ вполнѣ объясняется осложненіемъ ихъ обязанностей передъ правительствомъ, какъ отвѣтственныхъ сборщиковъ податей

и хозяйственныхъ опекуновъ. Послѣдняя роль въ 1734 г., послѣ предыдущаго неурожайнаго года, усложнилась новымъ обязательствомъ кормить крестьянъ въ случаѣ неурожая на свой счетъ, не допускать ихъ до нищенства и на свой счетъ обсѣменять ихъ поля, при этомъ нерадивымъ опекунамъ правительство грозило «жестокимъ истязаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ». Благодаря новымъ обязанностямъ, возложеннымъ государствомъ на помѣщика, онъ самъ входитъ въ составъ административнаго механизма и заслоняетъ своей фигурой крестьянина отъ государства. Крестьянамъ уже предписывается «слушать» помѣщика, а помѣщикамъ правительство обѣщаетъ «вспомогать по ихъ требованію» въ случаѣ непослушанія. Такъ какъ самые предѣлы этого «послушанія» нигдѣ не опредѣляются закономъ, то тѣмъ самымъ крестьянская личность вполнѣ отдавалась на усмотрѣніе помѣщика. Съ этой точки зрѣнія было вполнѣ естественно, что въ 1741 г., при вступленіи на престолъ Елизаветы, крестьяне были устранены отъ присяги на вѣрноподданничество.

Крестьянинъ XVIII в. (Le Prince).

Такъ послѣ Петра закончился одинъ процессъ въ области крѣпостного права: оно захватило теперь собою всѣ элементы сельскаго населенія, и надъ этимъ населеніемъ поставило безконтрольную власть помѣщика, какъ правительственнаго уполномоченнаго по сбору податей и по надзору за крестьянскимъ хозяйствомъ.

II.

После Петра начинается процессъ раскрѣпощенія дворянства отъ обязательной службы и ростъ его соціальныхъ привилегій, что необходимо поставить въ связь съ участіемъ дворянства въ дворцовыхъ переворотахъ.

После Петра вокругъ трона не разъ происходила борьба разныхъ кандидатовъ на него, и дворянская гвардія стала принимать въ дворцовыхъ переворотахъ руководящее значеніе, а при воцареніи Анны Ивановны дворянство сдѣлало даже попытку ограничить въ свою пользу самодержавіе. Верховная власть поэтому чувствовала свою зависимость отъ благожелательнаго отношенія къ ней дворянства, и ей приходилось, чтобы отстоять неограниченность своего самодержавія, усиленнымъ образомъ поддерживать ростъ привилегій дворянства въ области соціально-экономическихъ интересовъ этого сословія. Благодаря этому, послѣ Петра дворянство стало командующимъ классомъ общества, а верховная власть—послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дворянства, и не даромъ Екатерина II въ тяжелую годину Пугачевщины, чтобы подчеркнуть солидарность власти съ дворянствомъ, объявила себя казанской помѣщицей.

Отнынѣ дворянинъ началъ прочно внѣдряться въ провинціи; обширныя его права надъ крестьянами, какъ сборщика податей и опекуна надъ крестьянскимъ хозяйствомъ, заранѣе подготовили уже почву для пересадки дворянина изъ центра въ область. Вмѣстѣ съ этимъ и права на крѣпостной трудъ дворянство мало-по-малу дѣлаетъ своей монополіей. Рядомъ указовъ всѣ лица, недворянскаго происхожденія, за небольшимъ исключеніемъ, теряютъ право на владѣніе крѣпостными душами, а въ межевой инструкціи 1754 г. права на крѣпостныхъ отбираются даже у тѣхъ изъ дворянъ, которые получили дворянство не по происхожденію, а благодаря личнымъ заслугамъ по табели о рангахъ. Всѣмъ, не имѣющимъ права на владѣніе крѣпостными, предписывалось продать ихъ въ указанный срокъ. Наконецъ дворяне въ 1760 г. получили важное право ссылать въ Сибирь строптивыхъ изъ своихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ въ XVIII в. все шире развертывались дворянскія права и все суживался кругъ дворянскихъ обязан-

ностей передъ государствомъ. Дворянство немолчно твердитъ теперь о своемъ желаніи окончательно освободиться отъ обязательной службы, и въ 1762 г. указомъ Петра III дѣйствительно добивается этого освобожденія. Съ изданіемъ этого указа крѣпостное право потеряло свое государственное значеніе, свой характеръ исторической необходимости, оно сдѣлалось теперь правомъ безъ обязанностей: крѣпостные служили дворянамъ, а дворяне потеряли обязательность службы государству.

Въ избѣ (Аткинсонъ).

III.

По третьей ревизіи, произведенной въ 60-хъ гг. XVIII в., крѣпостные составляли въ Великороссіи и Сибири 3.786.771 д. муж. п. изъ семи слишкомъ милліоновъ крестьянскаго населенія, т.-е. составляли 53% общаго числа крестьянъ.

Разными путями увеличивалось количество крѣпостного населенія, въ числѣ ихъ мы уже отмѣтили усиленную запись вольныхъ людей по ревизіямъ, но еще больше, чѣмъ путемъ записи, крѣпостное населеніе увеличивалось путемъ пожалованія населенныхъ имѣній. Такимъ путемъ въ царствованіе

Петра было роздано около 170 тысячъ крестьянъ; его преемники, а особенно преемницы, возлѣ которыхъ всегда кружился цѣлый рой фаворитовъ, эту раздачу продолжали ускореннымъ темпомъ. За 35 лѣтъ послѣ Петра до Екатерины было роздано 500 тысячъ душъ. Екатерина начала свое правленіе пожалованіемъ 18 тысячъ крестьянъ въ награду тѣмъ «сподвижникамъ», которые доставили ей престолъ, а въ теченіе всего своего царствованія успѣла раздать 800 тысячъ душъ.

Императоръ Павелъ царствовалъ всего нѣсколько лѣтъ, но въ теченіе ихъ поторопился раздать 530 тысячъ душъ. Раздача крестьянскихъ душъ въ собственность была прекращена лишь въ царствованіе Александра I.

Крѣпостное населеніе распредѣлялось по территоріи страны неравномѣрно: наиболѣе густо крѣпостное населеніе группировалось въ центральныхъ губерніяхъ: въ Калужской, Смоленской и Тульской крѣпостные составляли больше 80% всѣхъ крестьянъ. Чѣмъ дальше отъ центра къ окраинамъ, тѣмъ крѣпостныхъ было все меньше, въ Уфимской, напр., губерніи крѣпостные составляли 21% всего крестьянскаго населенія, въ Вятской —2, а въ такихъ отдаленныхъ углахъ, какъ Архангельская губернія и Сибирь, почти и вовсе не было крѣпостныхъ. Больше трехъ четвертей помѣщиковъ были мелкопомѣстными (до 60 душъ); крупныхъ было около четверти всего числа помѣщиковъ, но зато этой четверти принадлежало 80% всѣхъ крестьянъ. Среди крупныхъ встрѣчались владѣльцы десятковъ тысячъ душъ, напр., у П. Б. Шереметьева было около 60 тысячъ душъ, у Потемкина—около 50.000, у К. Разумовскаго—болѣе 45.000.

Въ зависимости отъ свойства почвы, отъ величины имѣнья и отъ его отдаленности отъ столицъ примѣнялось два типа хозяйства: оброчное, когда крестьяне за пользованіе землей выплачивали въ пользу помѣщика опредѣленный взносъ деньгами, и барщинное, когда въ пользу помѣщика обрабатывалось извѣстное количество земли. Оброчное хозяйство преобладало въ нечерноземныхъ мѣстахъ, гдѣ больше половины (55%) крестьянъ было на оброкѣ. Скудная почва не могла дать здѣсь большихъ урожаевъ, и не земледѣліе, а разные промыслы и работы на сторонѣ служили основой крестьянскаго хозяйства. Въ интересахъ помѣщиковъ было поэтому не привязывать крестьянъ къ обработкѣ земли, а обложить ихъ промысловые заработки. Наоборотъ, въ черноземной полосѣ глав-

ный заработокъ давало земледѣліе, и здѣсь помѣщику было выгоднѣе заставлять крестьянъ обрабатывать ему барскую запашку. Поэтому въ черноземныхъ губерніяхъ барщинное хозяйство преобладало надъ оброчнымъ: три четверти крестьянъ сидѣли на барщинѣ и лишь четверть—на оброкѣ. Но, кромѣ свойствъ почвы, еще и другія условія опредѣляли примѣненіе того или другого типа хозяйства: барщина, напр., преобладала въ мелкихъ имѣньяхъ и въ тѣхъ, въ которыхъ жили сами владѣльцы, такъ, напр., въ Московской губ., хотя она лежитъ въ нечерноземной полосѣ, только 36% крестьянъ были на оброкѣ, остальные отбывали барщину.

Для крестьянъ была безусловно выгоднѣе оброчная система. Въ оброчныхъ вотчинахъ въ ихъ распоряженіе обыкновенно отдавалась вся земля помѣщика, такъ что иной разъ на душу приходилось десятинъ двадцать. Не вся, конечно, земля распахивалась, но въ среднемъ пахотной земли на душу приходилось отъ 2 до 6 десятинъ. Кромѣ пашни, крестьяне пользовались угодьями и лѣсомъ и въ отдѣльныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ развивали обширные лѣсные промыслы: въ приволжскихъ, напр., мѣстахъ, строили суда, вырубали лѣсъ для сплава на продажу и т. п.

Такъ какъ на оброкъ обыкновенно сдавались тѣ имѣнья, гдѣ не жили сами владѣльцы, то крестьянинъ былъ въ значительной степени избавленъ здѣсь отъ произвольнаго вмѣшательства барина въ его хозяйство, и это поддерживало въ немъ большую или меньшую энергію и предпріимчивость. Въ крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ среди крестьянъ попадались люди очень состоятельные, въ вотчинахъ, напр., Шереметьева и кн. Голицына нѣкоторые изъ крестьянъ владѣли кожевенными, мыловаренными заводами, имѣли ткацкія фабрики. Встрѣчались крѣпостные крестьяне, имущество которыхъ простиралось до 200.000 рублей.

Сообразно съ такимъ имущественнымъ различіемъ и оброки налагались на крестьянъ различные. Въ началѣ царствованія Екатерины наиболѣе обычнымъ оброкомъ было 2—3 руб. съ души, но уже въ 1783 г. правительство само признается, что «помѣщичій оброкъ или доходъ всемѣстно до 4 руб. съ души простирается, большею же частью гораздо сіе число превосходитъ»; къ концу XVIII в. оброкъ возросъ до 5—10 руб. съ души. Само собой разумѣется, что состоятельные изъ крестьянъ облагались помѣщикомъ особымъ оброкомъ, иной разъ

въ 200—300 руб. съ души. Если обычный оброкъ привести въ связь съ тѣмъ количествомъ земли, которымъ крестьянинъ пользовался въ оброчныхъ вотчинахъ, то окажется, что оброкъ этотъ соотвѣтствовалъ обычной арендной платѣ за землю. Такого соотвѣтствія уже нельзя замѣтить въ барщинныхъ вотчинахъ. Количество земли, которое въ нихъ приходилось на крестьянскую душу, было обычно меньше, и за пользованіе ею приходилось въ пользу помѣщика обработать (т.-е. вспахать, засѣять, вымолотить и вывезти) участокъ барской пашни, который по величинѣ обыкновенно составлялъ половину крестьянскаго участка, такъ что, если крестьянинъ, напр., обрабатывалъ для себя три десятины, то въ пользу помѣщика приходилось обработать $1^1/_2$ десятины. Обычнымъ размѣромъ барщины были три дня въ недѣлю, но въ горячее лѣтнее время помѣщикъ требовалъ сначала окончить его работу, а потомъ уже приниматься за свою, или для крестьянской работы отводилъ ненастное время. Кромѣ работы, съ барщинныхъ крестьянъ требовались еще продукты натурой: встрѣчается сборъ въ $^1/_5$ всякаго родившагося хлѣба и овощей, далѣе съ каждаго семейства брали извѣстное количество домашней птицы, яицъ, мяса, масла, меда, холста и сукна.

Въ зимніе вечера женщины занимались приготовленіемъ холста и сукна. Мужское населеніе зимой обыкновенно отправляло въ пользу барина подводную повинность, т.-е. отвозило, куда прикажетъ баринъ, продукты урожая. Если всѣ обычныя работы барщинныхъ крестьянъ и всѣ сборы съ нихъ натурой перевести на деньги, то окажется, что барщинные крестьяне должны были выплачивать приблизительно вдвое болѣе, чѣмъ оброчные: въ 60-хъ годахъ оброчные платили около двухъ рублей съ души, а барщинные—7—8 руб.; въ 90-хъ годахъ оброчные платили около 7 руб., а барщинные—14—16 руб. А кромѣ всего этого, положеніе барщинныхъ крестьянъ было хуже и потому, что они почти всегда были на глазахъ у барина, который всегда могъ наложить свою властную руку на всякій крестьянскій достатокъ. Этотъ достатокъ совершенно не былъ огражденъ закономъ отъ произвола помѣщика: и земля и крѣпостные считались его полной собственностью.

Такъ какъ законъ не ограничивалъ власти помѣщиковъ и въ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика, то обычныя нормы ихъ, указанныя выше, весьма

часто нарушались. Въ оброчныхъ вотчинахъ помѣщикъ, кромѣ оброка, сплошь и рядомъ требовалъ себѣ сборовъ натурой, и эти сборы по величинѣ часто равнялись денежному оброку, а, кромѣ ихъ, крестьянъ брали еще на барскую постройку, отнимали у нихъ время гоньбой подводъ, для барской прихоти заставляли копать пруды и т. п.

Самый размѣръ оброка повышался иной разъ гигантскими скачками.

Не по обычаю и барщинныя работы въ XVIII в., по отзыву современника, «частенько выступаютъ изъ сносности человѣческой». Вмѣсто трехъ дней помѣщикъ заставляетъ отбывать барщину всѣ дни, не исключая даже праздниковъ.

Группа крестьянокъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

И оброчная и барщинная системы хозяйства основаны были на простой эксплуатаціи крѣпостного труда: помѣщикъ, какъ сельскій хозяинъ, ничего не дѣлалъ, чтобы ввести какія-нибудь улучшенія въ обработку земли и тѣмъ поднять производительность крѣпостного труда. Да и зачѣмъ помѣщику было утруждать себя заботами о лучшей обработкѣ почвы, когда онъ заранѣе зналъ, что крѣпостной готовый трудъ обезпечитъ ему все, что нужно для жизни. При этомъ условіи ему нужно было позаботиться лишь о лучшемъ управленіи крѣпостными, чтобы они исправно отбывали всѣ платежи, наложенные на нихъ бариномъ.

IV.

Управленіе обыкновенно сосредоточивалось въ центральномъ учрежденіи —«домовой канцеляріи»; отсюда въ имѣнья шли приказы и наставленья, которые выполнялись тамъ вотчинными властями: управителями, приказчиками, старостами, бурмистрами. Для управителей сочинялись подробныя наставленія, гдѣ главной ихъ задачей являлся исправный сборъ казенныхъ и помѣщичьихъ поборовъ, затѣмъ благочиніе, чтобы крестьяне «жили добропорядочно и не были бъ праздношатающіеся и пьяные». Содержаніе вотчинныхъ властей иной разъ падало на крестьянъ лишней тяжелой повинностью, а если помѣщикъ былъ далеко, то крестьянамъ приходилось терпѣть и злоупотребленія со стороны этихъ властей. Правда, баринъ научаетъ управителя: «Грѣшно отягощать подданныхъ излишней работой, да и на сіе никогда воли моей не было», но такія поученія плохо, конечно, помогали. Гр. Румянцевъ предлагалъ даже и болѣе хитрую штуку: крестьяне должны были ежемѣсячно давать приказчику квитанціи, что отъ него «нападковъ и отягощенія излишняго не было».

Управленіе вотчинами происходило при дѣятельномъ участіи крестьянскаго міра. Этотъ міръ круговой порукой отвѣчалъ за исправную уплату повинностей, при чемъ болѣе состоятельные должны были помогать обѣднѣвшимъ. Само собой понятно, что въ оброчныхъ вотчинахъ міру представлялась большая самостоятельность, чѣмъ въ барщинныхъ, и міръ здѣсь обыкновенно получалъ право суда надъ неисправными членами и право наказанія виновнаго. Но по мѣрѣ того, какъ дворянинъ освобождался отъ обязательной службы, онъ все охотнѣе и точнѣе сталъ опредѣлять въ своихъ наказахъ каждый шагъ крестьянской жизни и тѣмъ ограничивалъ самостоятельность крестьянскаго міра.

Барскимъ приказомъ опредѣлялся порядокъ работъ, составъ крестьянскаго имущества, типъ и способъ постройки его жилища, какъ крестьянинъ долженъ готовить себѣ пищу, когда гасить огни и т. п.

Особенно тяжелымъ было такое вмѣшательство помѣщика въ семейныя отношенія крѣпостныхъ. Помѣщикъ на бракъ ихъ смотрѣлъ, какъ на средство размножить число своихъ плательщиковъ и откровенно ставилъ здѣсь крестьянина ря-

домъ со скотиной: «добрые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить, а человѣкъ, просвѣщеніе имѣющій, паче долженъ заботиться о размноженіи рода человѣческаго», гласитъ одно изъ правилъ хозяйственныхъ наставленій.

Въ инструкціи гр. Орлова есть такое правило: «Когда дѣвкѣ совершится двадцать лѣтъ, таковыхъ старшій въ семьѣ отдавалъ бы замужъ, а на пріисканіе жениха дать сроку полгода. Если же въ назначенный срокъ дѣвки выданы не будутъ, съ таковыхъ взыскивать ежегодно со средняго дома 25 руб., съ

Группа крестьянъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

богатаго –50 руб., бѣдныхъ же, кои не въ состояніи платить, наказывать».

Несмотря, однако, на такія мѣры, помѣщику нехватало иной разъ обычнаго дохода съ имѣнья: въ городахъ, особенно въ столицахъ, начинаетъ усиливаться роскошь; помѣщики жадно набрасываются на всякія привозныя новинки обстановки, одежды, пищи; усиленно развиваются всякія празднества, процвѣтаетъ «свѣтское житіе», а все это требовало усиленнаго притока денежныхъ средствъ. Помѣщикъ усиленно нажимаетъ крѣпостной трудъ, но это не всегда приводитъ къ желаннымъ результатамъ, и вотъ дворяне въ XVIII в. развиваютъ усиленную продажу крѣпостныхъ безъ земли въ

розницу. Во многихъ большихъ торговыхъ городахъ организуются настоящія ярмарки, гдѣ продаютъ людей, въ Петербургъ крѣпостные доставляются на продажу цѣлыми барками, и въ столичныхъ газетахъ встрѣчаются такія, напр., объявленія: «Продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь», «Продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и поддержанныя дрожки», «Продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента».

Такая продажа людей въ розницу предпріимчивымъ людямъ доставляла большіе барыши. Цѣны были сходныя: за красивую дѣвушку брали 25 руб., но въ источникахъ встрѣчаются указанія, что, напр., въ 1781 г. двѣ дѣвушки были проданы обѣ за 5 руб. Выше была цѣна взрослаго работника—100—120 р., а еще выше рекрута до 400 руб. Люди обученные цѣнились дороже, и, напр., можно было купить крѣпостного музыканта за 800 руб. Но выше человѣка цѣнились въ то время дворянами породистыя собаки: «Помѣщики-псари,—говоритъ одинъ современникъ,—на одну собаку мѣняли сотни людей. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ». Въ то время, какъ высшая цѣна рекрута была 400 руб., встрѣчаемъ указанія, что за борзаго щенка платили 3.000 руб.

V.

При такомъ отношеніи къ крестьянской личности и при ея сравнительной дешевизнѣ, будетъ понятно, что изъ своихъ крестьянъ помѣщики набирали огромную дворню. У кн. Голицына число дворовыхъ доходило до 10% наличнаго числа крестьянъ. Не рѣдкость, что штатъ прислуги опредѣлялся цифрой 300—500 человѣкъ. Въ числѣ этой прислуги были лица всевозможныхъ профессій: портные, башмачники, шорники, конюхи, ветеринары, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники, учителя, конторщики, артисты, живописцы, архитектора, астрономы, музыканты, даже крѣпостные богословы, которые должны были бесѣдовать съ бариномъ на божественныя темы, что всѣ люди братья.

По барской прихоти крѣпостныхъ отправляли учиться даже за границу; среди такихъ учениковъ иной разъ попадались положительные таланты, но такіе таланты цѣликомъ

зависѣли отъ каприза своего барина. Число дворни можно было увеличить по произволу, потому что за всѣхъ дворовыхъ подати должны были выплачивать крестьяне и крестьяне же содержали ихъ. Для многочисленной дворни помѣщикъ писалъ подробнѣйшія инструкціи, кому и какъ и что нужно дѣлать. При домѣ заводится строгая отчетность, изводится множество бумаги для писанія разныхъ приказовъ, отношеній, записокъ и т. п. Въ инструкціяхъ опредѣляется весь распорядокъ дома, начиная отъ уборки комнатъ и кончая религіознымъ настроеніемъ дворни.

У одного изъ баръ, Головина, слуги должны были все дѣлать, творя молитву Іисусову. Передъ отходомъ его ко сну эту молитву читали внутри дома, а извнѣ на нее другіе слуги отвѣчали: «Аминь», и съ этимъ словомъ начинали запирать ставни. Но предварительно нужно было привязать къ столу семь любимыхъ кошекъ барина, и если какая-нибудь изъ нихъ отрывалась и приходила безпокоить барина, то наказанію подвергалась и кошка и приставленная къ ней горничная. Другіе, любители музыки, требовали, чтобы дворовые разговаривали съ ними опернымъ речитативомъ, и можно себѣ представить, какова получалась музыка, когда баринъ приказывалъ итти кому-нибудь на конюшню для порки.

Въ имѣніи гр. Шереметьева, въ Кусковѣ, давалось ежегодно около 40 оперъ и въ числѣ зрителей бывали: сама Екатерина, польскій король Станиславъ Понятовскій и многіе принцы. По окончаніи спектакля сплошь и рядомъ всѣ крѣпостные артисты по приказу барина должны были потчевать, въ качествѣ лакеевъ, его гостей.

Хотя русскій помѣщикъ и не пользовался правомъ смертной казни надъ своимъ крѣпостнымъ, все-таки его власть въ отношеніи суда и наказанія была страшно огромной. Еще въ 1760 г. (при Елизаветѣ) помѣщики получили право ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь въ качествѣ наказанія. Здѣсь государство преслѣдовало задачу колонизовать окраину, но Екатерина это право еще расширила и лишила его государственнаго характера, именно въ 1765 г. она позволила помѣщикамъ «людей своихъ, по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе», отдавать въ каторжную работу и даже брать ихъ по усмотрѣнію обратно. При допущеніи послѣдняго условія, очевидно, что ссылка въ Сибирь перестала опираться на необходимость заселенія окраинъ. За

всѣхъ такихъ отправленныхъ въ Сибирь въ ссылку или на каторгу помѣщикъ получалъ изъ казны вознагражденіе: всѣ эти люди зачитались ему въ рекруты.

Государство требовало только, чтобы ссылаемые были не старше 45 лѣтъ и чтобы ихъ не разлучали съ женой; съ дѣтьми можно было разлучать по закону, а если помѣщикъ отпускалъ съ ссылаемымъ и дѣтей, то за нихъ изъ казны онъ получалъ плату: за мальчиковъ до 5 лѣтъ—10 руб., отъ 5 до 15 лѣтъ—20 руб.; за дѣвочекъ вдвое меньше.

На этой почвѣ развились громадныя злоупотребленія: помѣщики стали отдѣлываться отъ тѣхъ крестьянъ, которые за старостью или за увѣчьемъ не могли уже работать. Этихъ людей они стали теперь ссылать въ Сибирь. Какъ велико было число ссылаемыхъ, видно изъ того, что въ одномъ только 1771 г. было принято отъ помѣщиковъ 7.823 ч., но изъ всѣхъ этихъ лицъ въ Сибирь доходило не больше четверти: остальные помирали дорогой отъ трудности пути. Тѣ, которые доходили до Сибири, обыкновенно не могли заняться земледѣльческимъ трудомъ; про нихъ сибирскій губернаторъ доносилъ, что они «стары, дряхлы, такъ что и движенія не имѣютъ и въ разныхъ болѣзняхъ». Если помѣщики въ пользованіи закономъ умѣли произвести большія злоупотребленія, то еще болѣе они были возможны въ примѣненіи остальныхъ наказаній, гдѣ законъ не ставилъ никакихъ границъ власти помѣщика.

Помѣщики любили составлять для своихъ крѣпостныхъ цѣлыя уложенія о наказаніяхъ. По этимъ уложеніямъ мы знакомимся съ безконечной системой всевозможныхъ наказаній: штрафъ, вычетъ кормовъ, отбираніе имущества, поливаніе водой пьяныхъ, тѣлесныя наказанія розгами, батогами, плетьми, наказаніе арестомъ въ особой тюрьмѣ, заковываніемъ въ цѣпи, надѣваніемъ на ноги колодокъ, надѣваніемъ на шею желѣзнаго ошейника, рогатки и т. п. Наказывали за всякія провинности: за кражу, за плохое исполненіе дѣла, за опрокинутую солонку (по обычному представленію, разсыпанная соль предвѣщаетъ несчастіе), наказывали за лѣность, за неуплату оброка, за отсутствіе религіозности,—словомъ, за все могли наказать. Русскій дворянинъ подъ нѣмецкимъ платьемъ сохранилъ всѣ черты первобытнаго варварства, и теперь, сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ въ деревнѣ, свободный отъ службы, развращенный властью надъ человѣкомъ, придумывалъ всевозможныя утонченныя издѣвательства надъ крѣпостнымъ.

Въ приказахъ по имѣньямъ, которые дошли до насъ, мы встрѣчаемся съ невѣроятными наказаніями. Такъ, напр., въ одномъ указѣ мы читаемъ: «Говѣть и причащаться всѣхъ принуждать безъ пропуску. А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5.000 разъ нещадно». Такъ благочестивый бояринъ воспитывалъ въ религіозномъ чувствѣ своихъ крѣпостныхъ. А чтобы наказанный такъ жестоко не уклонялся все-таки отъ работы, помѣщикъ тоже принялъ мѣры: «Впредъ, ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетьми, дано будетъ 100 ударовъ, а розгами будетъ дано 17.000, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а которымъ дано будетъ плетьми по полусотни, а розгами по 1.000, таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто, сверхъ того, пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба и указнаго (содержанія) всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни придется, вычитать безъ упущенія». Особенной кровожадностью отличались женщины-дворянки. Невѣжественныя, праздныя, развращенныя дворней, онѣ иной разъ выдѣлялись какимъ-то особеннымъ болѣзненнымъ стремленіемъ къ мучительству. При такихъ условіяхъ ограниченіе власти помѣщика въ наказаніяхъ тѣмъ,

Пугачевъ (совр. портретъ).

что онъ не можетъ употреблять смертной казни, оказывалось очень несущественнымъ, и правъ былъ одинъ иностранецъ, который замѣтилъ, что «на дѣлѣ помѣщики получаютъ возможность казнить ихъ (крестьянъ) смертью». Дѣйствительно, мы знаемъ длинный рядъ случаевъ, когда наказанія кончались смертью. Достаточно вспомнить, что знаменитую Салтычиху обвиняли въ 75 убійствахъ. Трудно было найти правды на помѣщика въ судахъ, потому что судьи всѣ были тоже помѣщики: «Вы мнѣ ничего не сдѣлаете,—кричала Салтычиха къ жалобщикамъ,—сколько вамъ не доносить, мнѣ они (судьи) все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ». Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло объ убійствѣ при наказаніи доходило до суда, и виновность помѣщика была налицо, судъ находилъ для него смягчающія вину обстоятельства. Напр., по дѣлу о помѣщицѣ Масловой, засѣкшей до смерти дворовую женщину, судъ приговорилъ ее всего лишь къ церковному покаянію, такъ какъ, «чтобы имѣла намѣреніе означенную женку засѣчь до смерти, не изобличена», но зато были наказаны плетьми тѣ, которые по приказу помѣщицы сѣкли. Другого помѣщика судъ извинялъ тѣмъ, что преступленіе совершено «въ меланхолическомъ безпамятствѣ».

Екатерина знала объ этихъ злоупотребленіяхъ дворянства, но ничего не сдѣлала, чтобы ихъ прекратить, наоборотъ, въ 1767 г. былъ изданъ указъ, чтобы крѣпостные не смѣли жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Правительственная власть боялась подступиться къ помѣщику, который хорошо сознавалъ свою силу въ государствѣ. Въ этомъ отношеніи можно указать очень характерный фактъ, что воронежскій помѣщикъ гр. Девіеръ въ концѣ царствованія Екатерины перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему для разслѣдованія земскій судъ.

Къ концу XVIII в. крѣпостное право окончательно выросло со своей внутренней стороны: крестьянинъ, какъ рабъ, сдѣлался частной собственностью помѣщика. Но если до 1762 г., до жалованной грамоты, освобождавшей дворянство отъ обязательной службы, можно еще было оправдывать необходимость крѣпостного права, какъ платы дворянству за службу государству, то теперь крѣпостное право потеряло и это правовое основаніе, оно становилось теперь въ глазахъ народа беззаконіемъ. Непосредственно по-

Группа крестьянъ XVIII в. (Карт. *Эриксена*).

слѣ 1762 г. поэтому усиленно развиваются крестьянскія волненія, среди крѣпостныхъ носятся слухи, что правительствомъ и имъ издана жалованная грамота, но что дворяне скрываютъ ее.

Эти волненія приходилось усмирять вооруженной силой, даже пушками, и, такимъ образомъ, грозно вставалъ крестьянскій вопросъ. Сама Екатерина въ письмѣ къ Вяземскому, усмирителю крестьянскихъ волненій, писала: «Только генеральное освобожденіе отъ несноснаго и жестокаго ига» избавитъ дворянъ отъ нападеній; «если не будутъ приняты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій въ новомъ узаконеніи», то крестьяне «противъ воли сами оную возьмутъ рано или поздно». Однако правительство ничего не сдѣлало въ томъ направленіи. Когда собралась комиссія 1767 г., въ которой не были представлены крѣпостные, все такъ русскій народъ, угнетенный и задавленный крѣпостнымъ правомъ, чутко прислушивавшійся къ тому, что дѣлалось въ комиссіи, и ждалъ, что и на его нужды верхи обратятъ вниманіе и въ этомъ ожиданіи прекратилъ свои волненія, которыя непрерывной полосой тянутся съ 1762 г. Эти волненія, такъ частыя въ 1767—1768 гг., совершенно отсутствуютъ въ теченіе 1770—1773 годовъ. Но годы проходили, мертвая петля крѣпостного права все туже и туже затягивалась вокругъ заскорузлой мужицкой шеи, а депутаты, расходясь по домамъ, несли въ забытую Богомъ деревню странныя вѣсти, что ихъ положеніе въ комиссіи считали самымъ счастливымъ. И вотъ прорвалось, наконецъ, долготерпѣніе русскаго народа: Пугачевщина грозной волной захлестнула всю юго-восточную Россію. Въ Пугачевщину крестьянскій вопросъ тоже былъ поставленъ, но рѣшали его уже тогда не дворяне, а народная масса, и эта народная масса рѣшала вопросъ въ высшей степени опредѣленно, когда громко на всю Россію заявила, что ей нужна вся земля и вся воля.

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ,—писалъ Пугачевъ въ своемъ манифестѣ,—вольностью и свободой вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ поборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами безъ покупки и безъ оброку».

Пугачевщина была задавлена правительствомъ и ничего не дала народу. Екатеринѣ она лишній разъ напоминала, что ея положеніе на престолѣ зависитъ отъ дворянства: именно, когда правительство не могло долго справиться съ возста-

ніемъ, въ средѣ дворянства стали раздаваться голоса, что слѣдуетъ престолъ передать законному государю, сыну Екатерины, Павлу.

Послѣ Пугачевщины Екатерина особенно старается подчеркнуть свое расположеніе къ дворянству и, забывая свои мечты о «генеральномъ освобожденіи» крестьянъ, въ голосъ съ дворянствомъ начинаетъ заявлять: «Лутчее сюдбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Пугачевщина указала Екатеринѣ только на слабость областной администраціи, которая не сумѣла справиться съ движеніемъ въ его зародышѣ. «Сломавъ рога Пугачева и его сообщниковъ, мысли множествомъ вдругъ приходятъ», писала Екатерина по этому поводу. Это множество мыслей вылилось въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 г., когда вся власть въ уѣздѣ была отдана въ руки нижняго земскаго суда, во главѣ котораго стали выборные дворянами уѣзда капитанъ-исправникъ и засѣдатели. Имъ было поручено заботиться «о сохраненіи и излѣченіи рода человѣческаго» въ уѣздѣ, при чемъ подъ сохраненіемъ разумѣлась благонадежность уѣзда и его обитателей.

Въ 1785 г. была издана жалованная грамота дворянству, которая окончательно утвердила всѣ права помѣщиковъ на крѣпостной трудъ. Освободившись отъ обязательной службы и сохранивъ всѣ свои права и преимущества, дворянинъ правилъ теперь уѣздомъ и такимъ образомъ образовалъ изъ себя ту власть, про которую императоръ Павелъ говорилъ, что онъ имѣетъ сто тысячъ добровольныхъ полицмейстеровъ.

В. Боголюбовъ.

Бытъ дворянства XVIII вѣка.

Восемнадцатый вѣкъ — вѣкъ, когда крѣпостное право достигло своего полнаго расцвѣта, — длинный списокъ засѣченныхъ, замученныхъ и униженныхъ, и невольно хочется знать, что изъ себя представлялъ этотъ дворянинъ, владѣвшій сотнями, а иногда и тысячами людей и распоряжавшійся ими, какъ своей неотъемлемой собственностью.

Вплоть до манифеста 1762 г. все дворянство несетъ пожизненную военную службу. Имѣнія заброшены, и все сельское хозяйство ведетъ крѣпостной приказчикъ. Онъ же посылаетъ помѣщику доходы съ имѣнія. Самъ владѣлецъ, получивши отпускъ, иногда заглянетъ къ себѣ въ усадьбу и уже снова торопится вернуться въ свой полкъ. Только убогіе старики, вышедшіе въ отставку, и овдовѣвшія старухи живутъ круглый годъ въ деревнѣ, иногда у нихъ воспитываются малолѣтніе осиротѣвшіе внуки. Жизнь здѣсь груба, сурова и лишена комфорта. Домъ небогатаго помѣщика похожъ на крестьянскую избу, онъ одноэтажный, деревянный. Крыша поросла мохомъ. Крыльцо, передъ которымъ иной разъ выливаются остатки отъ обѣда, покосилось. Скупо льется дневной свѣтъ въ комнаты сквозь небольшія тусклыя окна. Войдя въ домъ, посѣтитель вступаетъ въ длинныя сѣни, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать двѣ большія комнаты. За сѣнями идетъ, такъ называемая «передняя комната», парадная, вся уставленная образами. Въ ней зимой очень холодно, и она, очевидно, не предназначена для жилья, такъ какъ строитель не позаботился поставить въ ней печь. Остальныя жилыя горницы поменьше. Обоевъ нѣтъ. Потолки не окрашены. Полъ грязенъ. Скамейки, нѣсколько стульевъ, шкапчикъ, полки для образовъ, да кровать — вотъ и вся мебель. Нѣтъ зеркалъ, картинъ, нѣтъ ни креселъ, ни канапе, ни комода.

Кровать придвинута ближе къ печкѣ, которая сложена изъ изразцовъ и иногда такъ велика, что занимаетъ полкомнаты, да еще порой снабжена затѣйливой топкой. Кромѣ этихъ горницъ, въ домѣ есть дѣвичья и кладовыя.

За домомъ тянется рядъ нелѣпо нагроможденныхъ дворовъ, амбаровъ, сараевъ, огородовъ. Есть иногда пчельникъ, погребъ и ледникъ. Но не при каждомъ домѣ имѣется садъ. Поэтому, если онъ есть, хотя бы и очень маленькій, его заботливо охраняютъ отъ дворовыхъ тѣмъ, что лѣтомъ запечатываютъ калитку восковой печатью.

Избы крѣпостныхъ находятся вблизи помѣщичьяго дома. Изъ нихъ изба приказчика безъ краснаго окна, такая же черная, какъ крестьянская, но лучше другихъ; остальныя избы, примыкающія съ чернаго двора къ кухнѣ, прямо жалкія лачуги.

У болѣе богатаго помѣщика деревянный домъ строился въ два этажа, при чемъ во второй этажъ можно было попасть только благодаря лѣстницѣ, устраивавшейся снаружи дома. Изнутри же оба этажа не сообщались. Въ домѣ было больше комнатъ. Здѣсь можно увидѣть зеркало и картины библейскаго содержанія. Стѣны иногда затягивались холстомъ, на которомъ доморощенный художникъ изъ крѣпостныхъ грубо и аляповато изобразилъ колонны, солдатъ, охоту или ландшафтъ. Такіе рисунки считались уже роскошью.

Можно было бы подумать, что жизнь свѣтскаго общества, высшаго дворянства столицы, была много комфортабельнѣе, но такое мнѣніе было бы ошибочно. За парадными комнатами и тамъ видны клѣтушки для жилья. Большинство домовъ построено изъ дерева. Эти дома сколочены какъ бы на скорую руку. Изъ всѣхъ щелей дуетъ. Печи дымятъ. Двери не закрываются. Мебели почти нѣтъ.

Даже и въ царскомъ дворцѣ Елизаветы Петровны, въ которомъ парадныя залы огромны, полы изъ мозаики, а во всю длину стѣнъ стоятъ цѣльныя зеркала, — жилыя комнаты неудобны. Въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ окна той половины, которая была отведена наслѣднику престола, впослѣдствіи Петру III, и Екатеринѣ, «выходили съ одной стороны на Фонтанку, которая была тогда вонючимъ болотомъ, съ другой на узкій грязный дворикъ». Въ Москвѣ было еще хуже. Въ деревянномъ флигелѣ Московскаго дворца «вода текла по стѣннымъ обшивкамъ, и комнаты были чрезвычайно сыры».

Спальня Екатерины была проходной комнатой, и прислужницы, помѣщавшіяся рядомъ съ ней, чтобы не безпокоить ее, приладили къ своему окну доску, служившую имъ вмѣсто лѣстницы, и такимъ образомъ сообщались съ внѣшнимъ міромъ.

«Дворъ былъ въ то время,—говоритъ Екатерина,—такъ бѣденъ мебелью, что зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые служили намъ въ Зимнемъ дворцѣ, перевозились вслѣдъ за нами въ Лѣтній дворецъ, оттуда въ Петергофъ и даже ѣздили съ нами въ Москву. При этихъ перевозкахъ многое ломалось и билось и въ такомъ изломанномъ

Егерь XVIII в. (Аткинсонъ).

видѣ ставилось на свое мѣсто, такъ что и пользоваться этой мебелью было трудно».

А между тѣмъ иностранцы утверждали, что русскій дворъ такъ же блестящъ, какъ Версаль, дававшій тонъ всей Европѣ. Въ высокихъ залахъ дворца на парадныхъ празднествахъ они видѣли нарядную толпу придворныхъ въ бархатѣ, въ камзолахъ, затканныхъ золотомъ. Дамы были наряжены по послѣдней модѣ. Головы напудрены, на лицахъ румяна и плѣнительныя мушки. У дверей стоятъ почетные караулы, и куда ни взглянешь, всюду егеря, гусары, скороходы, гайдуки, карлики.

Такова вообще жизнь Россіи XVIII вѣка, съ внѣшней стороны иногда парадная и блестящая, а съ внутренней еще убогая, неуютная и малокультурная.

Дворянство половины XVIII вѣка еще въ массѣ невѣжественно, женщины даже часто безграмотны, и мало кто сознаетъ необходимость образованія. Правительство принуждаетъ дворянъ учить своихъ сыновей, которые уже съ дѣтства приписаны къ гвардейскимъ полкамъ и которымъ порой отецъ-крестный на зубокъ старается выхлопотать сержантскій чинъ. Дворянинъ долженъ быть не только грамотенъ, но также знать геометрію, геодезію и фортификацію. Правительство устанавливаетъ надзоръ: въ 7, 12 и 16 лѣтъ малолѣтній дворянинъ (недоросль), если онъ получаетъ домашнее образованіе, обязанъ являться по мѣсту жительства на смотры или къ губернатору, или къ воеводѣ, или въ Сенатъ. Въ томъ же случаѣ, если онъ не имѣетъ средствъ обучаться дома, онъ получаетъ образованіе подъ надзоромъ правительства въ гарнизонныхъ школахъ, а затѣмъ въ корпусахъ.

Но въ сущности учиться не у кого. Учителей образованныхъ и знающихъ почти нѣтъ, Грамотѣ учитъ невѣжественный дьякъ или священникъ, а затѣмъ какой-нибудь штыкъюнкеръ или гарнизонный школьникъ (т.-е. ученикъ гарнизонной школы). Еще труднѣе найти учителя, который обучилъ бы иностраннымъ языкамъ. Жалованье учителю-иностранцу равнялось иногда годовому доходу изъ имѣнія (300 р.), а кромѣ этого, сами учителя были невѣжественные авантюристы, пріѣзжавшіе въ Россію безъ всякихъ знаній.

Малокультурная семья, среди которой протекало дѣтство и юность, не могла дать развитія и порой гасила добрыя чувства.

Невѣжественная мать унимаетъ капризничающаго ребенка тѣмъ, что заставляетъ его бить крѣпостную няню. Няня притворно плачетъ, а барыня приговариваетъ: «Бей ее, дуру! Бей посильнѣе!» Въ нѣкоторыхъ семьяхъ дѣтей такъ балуютъ, что вовсе не наказываютъ, а за ихъ проступки сѣкутъ крѣпостного мальчика. Иногда у слишкомъ снисходительныхъ бабушекъ дѣти растутъ въ деревнѣ безъ всякаго присмотра, предоставленные самимъ себѣ: то полѣзутъ на голубятню, то заглянутъ въ людскую, то украдутъ изъ кладовой какое-нибудь лакомство. Устраиваютъ глупыя игры съ отвратительнымъ сквернословіемъ, заглянутъ на гумно

и угонятъ у работающихъ тамъ мужиковъ лошадей, носятся на нихъ по деревнѣ, орутъ пѣсни. Ночью соберутъ дворовыхъ, катаются съ ними съ горъ и непристойно шутятъ.

Умственные интересы еще такъ скудны. Свадьба и похороны принадлежатъ къ важнѣйшимъ событіямъ общественной жизни. Гости-сосѣди пріѣзжаютъ рѣдко и то по большимъ праздникамъ. Душная атмосфера скопидомства, суевѣрій, сплетенъ и тяжбъ царитъ еще въ дворянской усадьбѣ.

Въ другихъ семьяхъ воспитываютъ строго—за всякій поступокъ грозятъ розги. Педагогъ изъ нѣмцевъ, какой-нибудь унтеръ-офицеръ, наставляетъ ребенка въ наукахъ опять-таки при помощи розогъ. Иногда, впрочемъ, розги замѣняются другими педагогическими пріемами: напримѣръ, зная, что ученикъ страшно боится звука выстрѣла, одинъ педагогъ придумываетъ слѣдующее въ наказаніе: онъ хватаетъ со стѣны ружье и палитъ на улицу. Но вотъ оказывается, что благодаря выстрѣлу старое ружье окончательно пришло въ негодность, и картина мѣняется. Педагогъ поспѣшно водворяетъ ружье на прежнее мѣсто и униженно умоляетъ ученика не говорить объ этомъ родителямъ. Уже взрослымъ съ ненавистью и отвращеніемъ вспоминаетъ ученикъ этого невѣжественнаго унтеръ-офицера, который его мало чему выучилъ, чуть не забилъ до смерти и такъ унижался и лгалъ предъ его родителями. А на ряду съ нимъ выплываетъ другой образъ,— это милый его сердцу крѣпостной дядька. Къ нему онъ привязанъ крѣпкой дѣтской привязанностью. Темный лѣсъ. Онъ съ дядькой возвращается изъ города, но дядька порядкомъ угостился. Сначала онъ пѣлъ какія-то пѣсни, потомъ выронилъ возжи, а теперь свалился съ повозки на землю. Спускается ночь. Въ лѣсу темно и страшно. Вокругъ бродятъ стаи волковъ и чудится ихъ вой. Но уѣхать одному и бросить въ лѣсу пьянаго дядьку невозможно: надо скрыть все отъ старшихъ, иначе дядьку постигнетъ строгое наказаніе, и ребенокъ дрожитъ отъ страху и, тѣмъ не менѣе, остается, пока случайно проѣхавшій мимо мужикъ не подбираетъ ихъ обоихъ. Но эти добрыя чувства, которыя вспыхиваютъ въ душѣ ребенка, жизнь потомъ безпощадно растопчетъ.

Ученье окончено. Смотры пройдены. Осуществлена завѣтная мечта о чинѣ. Молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь.

Въ столицѣ молодой офицеръ заводитъ себѣ пріятелей, которые живутъ благородно, т.-е. имѣютъ хорошій обѣдъ, часто принимаютъ гостей, ведутъ веселыя бесѣды, любятъ выпить и поиграть въ карты, и вотъ онъ мало-по-малу втягивается въ праздную разгульную жизнь. Путь скользкій—проигрываются карманныя деньги, затѣмъ крѣпостной, полюбившійся новому пріятелю, выдается первый вексель, относится въ закладъ первая попавшаяся подъ руку вещь. Нужда въ деньгахъ растетъ и растетъ. Нечѣмъ заполнить праздный досугъ, нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, да и книгу добыть еще порой трудно. Книги наперечетъ и такія, какъ Жилъ Блазъ и Арсеница, читаются по очереди и переписываются А тутъ заимодавцы любезно обѣщаютъ свои услуги и даютъ сколько угодно денегъ подъ закладъ крестьянъ. Сдѣлка улаживается очень скоро, и дѣло оканчивается тѣмъ, что офицеръ, получивши, напримѣръ, всего 1.500 рублей, выдаетъ обязательствъ на 4.000 рублей. Разоряется семья, чтобы спасти его отъ долговой тюрьмы. Вотъ одинъ изъ такихъ офицеровъ, вернувшійся въ свой родной городъ, въ Малороссію. Его финансовыя дѣла уже благодаря долгамъ, сдѣланнымъ въ Петербургѣ, совершенно разстроены. Все имущество заключается уже въ пустомъ городскомъ домѣ, въ плохой мельницѣ и въ нѣсколькихъ семьяхъ крѣпостныхъ. Отъ нечего дѣлать онъ вооружаетъ дубинами своихъ мужиковъ, которыхъ у него всего на все 18 человѣкъ. Праздные, пьяные бродятъ они съ своимъ хозяиномъ по городу, страшны всѣмъ своимъ буйствомъ. Куда онъ ни заглянетъ, повсюду какое-нибудь побоище. Пріѣхалъ въ гости въ монастырь—выпилъ, избилъ монаховъ, а потомъ насилу замялъ дѣло.

Бѣдная кибитка, запряженная одной парой плохихъ лошадей, увозитъ злополучнаго офицера изъ родныхъ краевъ навсегда. Онъ направляется въ Петербургъ. Хозяйство разорено имъ въ конецъ. У него остался всего одинъ крѣпостной. Одежды и бѣлья рублей на триста, денегъ всего 35 рублей. Нѣтъ больше ни дома ни мельницы. Все прокучено, все уже въ чужихъ рукахъ.

Манифестъ 1762 г. освобождаетъ дворянъ отъ обязательной службы, и вотъ молодое полное силъ дворянство устремляется къ себѣ въ деревни. Хотя, благодаря семилѣтней войнѣ, русская армія почти вся перебывала за границей, но, тѣмъ не менѣе, воспринята была только внѣшняя сторона

культуры. Тѣсенъ теперь и неуютенъ отцовскій домъ, слишкомъ убога обстановка, — начинается перестройка, разбиваются сады, насаждаются новыя фруктовыя деревья, цвѣты, чистится прудъ. Къ одному только глубоко равнодушенъ даже

Паркъ въ Архангельскомъ, имѣніи Юсуповыхъ.

самый лучшій помѣщикъ того времени, — это къ своимъ крѣпостнымъ. Вся забота его ограничивается тѣмъ, что онъ покупаетъ своимъ дворовымъ нѣсколько дѣвокъ-невѣстъ (благо человѣкъ не дорогъ — стоитъ всего 15 рублей) и женитъ ихъ. . . . .

Въ другія деревни, гдѣ живутъ его крестьяне, онъ бы и не заглянулъ, если бы не генеральное размежеваніе, предпринятое правительствомъ. Въ виду того, что многіе помѣщики захватили государственныя земли, правительство постановило размежевать и продать эти земли помѣщикамъ.

Только боязнь упустить нѣсколько десятинъ земли вынуждаетъ помѣщика остановиться въ деревнѣ, которая считалась года два тому назадъ самой доходной въ его хозяйствѣ. Но теперь благодаря двухлѣтнему неурожаю она разорена. Дворы открыты, навозу накоплено подъ самыя крыши. Самый лучшій домъ — изба приказчика, въ которомъ поневолѣ останавливается помѣщикъ. Эта избушка — въ сажень съ небольшимъ величиной, стѣны въ дырахъ, двери въ аршинъ вышиной расколоты надвое и тоже просвѣчиваютъ отъ дыръ. Окна затянуты кожуринкой, такъ что въ избѣ не то день, не то ночь. Внутри изба закопчена, скользкій земляной полъ весь въ ямахъ. Съ потолка сыплется какая-то черная дрянь, по стѣнамъ избы лазятъ кошки, внутри этого убогаго жилья невыносимо гудятъ мухи и сверчки, а подъ поломъ ютятся два кролика. Устроивъ свои дѣла, помѣщикъ возвращается къ себѣ обратно, предоставивъ деревню своей судьбѣ. А между тѣмъ этотъ помѣщикъ одинъ изъ лучшихъ людей того времени, образованный и любознательный. Все останавливаетъ на себѣ его внимательный пытливый взглядъ, каждая былинка, каждый камешекъ. Въ саду онъ разводитъ новый сортъ яблока, открываетъ въ землѣ какіе-то минералы и цѣлебный источникъ. И только, когда онъ подходитъ къ своему крѣпостному, его душа замыкается, и иногда холодно и презрительно онъ говоритъ о «подломъ народѣ». Онъ осуждаетъ помѣщиковъ, истязающихъ своихъ крестьянъ, но признаетъ за ними право наказывать. Мирное теченіе деревенской жизни прерывается пожарами; шалятъ, какъ полагаетъ помѣщикъ, крестьянскіе ребятишки, и онъ придумываетъ радикальную мѣру для искорененія пожаровъ—перепороть всѣхъ крестьянскихъ дѣтей подъ рядъ. А вотъ воры забрались на мельницу. Одного удалось захватить, другіе бѣжали. Задержаннаго, по приказу помѣщика, подвергаютъ нещадной поркѣ, чтобы заставить выдать сообщниковъ. Но это средство оказывается недѣйствительнымъ. Тогда помѣщикъ придумываетъ слѣдующее: вора кормятъ селедкой, а затѣмъ сажаютъ въ жарко натопленную баню и не даютъ пить. Онъ не выдерживаетъ этой пытки и на-

зываетъ своихъ товарищей по кражѣ, послѣ этого его раздѣваютъ и обмазаннаго съ ногъ до головы дегтемъ водятъ по деревнѣ.

Даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка въ экономіи, образцово поставленной, гдѣ во главѣ полевого хозяйства стоитъ англичанинъ, а сахарнымъ заводомъ управляетъ нѣмецъ, выписанный изъ Любека, и гдѣ уже отмѣнены розги, батоги, все-таки существуютъ наказанія для крѣпостныхъ. Провинившійся отбиваетъ опредѣленное количество поклоновъ или же его сажаютъ въ стулъ, т.-е. приковываютъ за руку къ тяжелой дубовой колодѣ вѣсомъ въ 2 пуда и болѣе. На этой колодѣ онъ можетъ сидѣть, или же тащить ее за собой.

И невольно самъ собой напрашивается вопросъ: почему же даже самые просвѣщенные помѣщики XVIII вѣка такъ мало задумывались надъ ненормальностью такихъ отношеній?

Властно вдвинутый дубинкой Петра I въ культурную жизнь, русскій дворянинъ въ теченіе всего XVIII вѣка чувствовалъ себя рабомъ своего правительства. Малѣйшее неудовольствіе, и щедро раздаются Петромъ I удары дубинкой. Впавшій въ немилость придворный превращается Анной Іоанновной въ шута, надзирающаго за царской левреткой или кудахтающаго по-куриному въ лукошкѣ, а фрейлины, неугодившія государынѣ, отправляются на прачечный дворъ стирать бѣлье. Отсутствіе уваженія къ человѣческой личности и къ человѣческому достоинству красной нитью проходитъ черезъ весь XVIII вѣкъ, который заканчивается ураганомъ, — кратковременнымъ царствованіемъ Павла I, готоваго тотчасъ же сослать въ Сибирь любимаго адъютанта, не такъ быстро явившагося на царскій звонокъ, и въ изступленіи набрасывающагося съ кулаками на адмирала, дерзающаго уклониться отъ высокаго назначенія.

Грубо обращеніе и грубы забавы. Пиры, на которыхъ дамы обязаны пить сивуху, пироги за ужиномъ, изъ которыхъ выскакиваютъ раздѣтые карлики и карлицы, обширный штатъ всякихъ шутихъ и шутовъ, сказочниковъ калмыковъ и татарчатъ, долженствующихъ увеселять. Къ концу XVIII вѣка развлеченія уже становятся болѣе культурными, но еще носятъ своеобразный принудительный характеръ. Елизавета Петровна обязываетъ своихъ придворныхъ посѣщать театральныя представленія, и неявившимся, кромѣ немилости, грозитъ уплата денежнаго штрафа въ размѣрѣ 50 рублей.

Новые элементы, которые приливаютъ въ среду дворянства путемъ пожалованія, не всегда возвышаютъ его въ качественномъ отношеніи. Пожалованія и милости носятъ случайный характеръ. Возвышаются за внѣшнія качества — за красоту, за красивый голосъ и за личныя услуги. Напримѣръ, Екатерина II производитъ своего камердинера въ награду за преданность въ подполковники. Затѣмъ слѣдуютъ еще щедрые подарки въ видѣ земель, населенныхъ крестьянами, и у иного любимца ихъ до 100 тысячъ! Сколько высокомѣрія и чванства обнаруживаютъ эти выскочки, какъ надменно ихъ обращеніе съ другими дворянами, стоящими по положенію ниже ихъ, и какъ раболѣпствуютъ тѣ, какъ подобострастно цѣлуетъ руку генералъ такому временщику, благодаря его за награду. Несмотря на жалованную грамоту, освободившую дворянство отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній, ихъ при Екатеринѣ II продолжаютъ, хотя и тайно, пытать и наказывать кнутомъ.

И въ этой кошмарной атмосферѣ чванства, высокомѣрія, рабской приниженности и подобострастія протекаетъ русская жизнь, формируется характеръ дворянина XVIII вѣка, развращаются даже лучшіе люди.

Подражая двору, складываетъ свою жизнь и русское общество. Домъ, полный челяди, дураки и сказочники для забавы, самодурство и издѣвательство надъ болѣе слабымъ и беззащитнымъ. Даже въ самомъ концѣ XVIII вѣка есть помѣщики, у которыхъ живутъ дураки, надъ ними потѣшаются, несмотря на то, что это люди порой только слабоумные и несчастные, не блещущіе даже остроуміемъ и могущіе внушить только жалость. Наряженный посмѣшнѣе въ кофту и юбку, на которой изображены пѣтухи и разныя фигуры, такой дуракъ потѣшаетъ окружающихъ своимъ убожествомъ, даже ходитъ къ исповѣди и торжественно кается въ своихъ грѣхахъ, которые у него, по его словамъ, разныхъ цвѣтовъ — голубые, зеленые, красные. Даже и у того помѣщика, о которомъ шла рѣчь выше, — въ его экономіи, образцово обставленной, во главѣ которой стоятъ управители изъ иностранцевъ, — даже и тамъ многочисленная челядь развлекаетъ своихъ господъ, а среди нея мы видимъ гусляра, настраивающаго фортепіано, и арапку.

Эта страсть состоятельнаго дворянства окружать себя многочисленной дворней, удачно подмѣченная юмористиче-

ской литературой того времени, высмѣяна въ сценкѣ, заимствуемой нами изъ «Всякой всячины».

Молодой офицеръ навѣщаетъ свою больную родственницу. Несмотря на страшную духоту, тетушка наряжена въ лисью шубу и лежитъ въ постели. Подойти къ тетушкѣ очень трудно. Входъ въ комнату загроможденъ сундуками, ларцами и ящиками, а вся комната полна людьми. У входа сидятъ двѣ карлицы, между ними слѣпая, затѣмъ двѣ богадѣлки, на полу

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ. Византійская бесѣдка. Рис. Р. К. Жуковскаго (изъ альбома нач. XIX в.).

ближе къ постели лежитъ мужикъ-сказочникъ, далѣе одна монахиня, находящаяся за штатомъ, еще далѣе двѣ внучки тетушки, а вдоль стѣны стоятъ дѣвки для услугъ. Племянникъ дѣлаетъ шагъ, зацѣпляется шпагой за головной платокъ слѣпой и спотыкается. Раздается отчаянный вопль слѣпой: «Ахъ, проклятый, раздавилъ мои пироги и весь карманъ замаслилъ!»

Тетушка начинаетъ сердиться. «Что ты, шалунъ, пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить! Во Франціи, что ли, у васъ такой манеръ? Безбожный, на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ обрадовалась тогда пирогамъ, а дуракъ передавилъ ихъ

своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣлать развратъ въ моемъ домѣ. Да и дѣтей перепугалъ. Лиза поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго обѣда не спала». Обѣ внучки жеманятся и притворяются очень испуганными. Наконецъ злополучный племянникъ кое-какъ добирается до кровати, на которой лежитъ больная тетушка. Подаютъ водку, но въ тѣснотѣ неловкій посѣтитель роняетъ столъ съ закусками. Подбѣжавшая дѣвка нечаянно зацѣпляетъ лампаду и лампада тухнетъ.

«Аминь, аминь, аминь. Разсыпься!» раздается внезапно голосъ монахини. Тетка кричитъ внѣ себя: «Подай плетей!» Офицеръ торопится поскорѣй уйти... Полновластная хозяйка въ своемъ домѣ женщина еще менѣе развита, чѣмъ мужчина, и часто даже безграмотна. Она требовательна къ своей прислугѣ, но сама ее ничему научить не умѣетъ. Вотъ она зашла въ кухню и бранитъ повара, не угодившаго ей приготовленіемъ какого-то блюда, всѣ аргументы ея сводятся къ тому: «Развѣ даромъ за тебя деньги платили!» — А затѣмъ слѣдуютъ угрозы и наказанія. Сколько слезъ проливаются порой въ этомъ домѣ горничными, которыя наряжаютъ ее въ модное платье; кружевницами, которыя изнемогаютъ за работой; дѣвками, которыя исполняютъ всевозможныя домашнія дѣла. Безжалостно присуждаетъ она къ наказанію, придираясь ко всякому ничтожному поводу, сама присутствуетъ при исполненіи своихъ приговоровъ, не чувствуетъ ни малѣйшаго состраданія ко всей этой челяди, такой беззащитной и порой даже голодной, такъ какъ она кормитъ сытнѣе и одѣваетъ теплѣе тѣхъ изъ своей дворни, къ кому благоволитъ.

А потомъ наряженная, любезная и радушная выходитъ къ гостямъ, жеманится и ведетъ сентиментальные разговоры.

Уже съ 60-хъ годовъ новые интересы врываются въ жизнь помѣщичьей усадьбы, генеральное размежеваніе земель, выборъ депутатовъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и наказовъ выбраннымъ депутатамъ. Но въ общемъ само дворянство такъ неразвито, что порой не сознаетъ своихъ обязанностей предъ государствомъ. Правительству приходится объяснять, что надо выбирать людей достойныхъ и не руководиться чинами, такъ какъ бывали случаи, когда выбранными оказывались одни генералы; — бывало также, что иной помѣщикъ упрямо отказывался принимать участіе

въ выборахъ предводителя и депутата въ комиссію и при этомъ ссылался на манифестъ о вольности дворянства, согласно которому дворяне свободны отъ всякой службы.

Несмотря на то, что съ 60-хъ годовъ появляются и въ провинціи любители книгъ, составившіе библіотеки, въ которыхъ можно было найти даже и классиковъ, несмотря на то, что устраиваются учебныя заведенія—Смольный институтъ и пансіоны,—чтобы слыть свѣтскимъ человѣкомъ, надо пока имѣть только достаточное количество мебели въ домѣ, не браниться при гостяхъ съ прислугой и не брать кушаньевъ руками.

Пріобщеніе къ культурѣ заключается пока въ осложненіи хозяйства и увеличеніи домашняго бюджета. Дворяне не живутъ такъ уединенно, какъ прежде. Предпринимаются частыя поѣздки въ Москву, провинція еще такъ бѣдна, и пока только въ Москвѣ можно купить платья и экипажи. Здѣсь же усердно развлекаются, посѣщая театры. Изъ столицы ползетъ всесильная мода въ деревни и напрягаетъ платежныя силы крестьянства.

У помѣщиковъ появляются новые каменные дома, возлѣ нихъ разбиваются парки, устраиваются фонтаны, причудливые гроты, искусственныя развалины. Иной чудакъ-помѣщикъ строитъ за разъ и дома, и оранжереи, и фабрики, и заводы, и ничего не доводитъ до конца. Домъ, красиво убранный внутри, снаружи похожъ на казарму, садъ такъ и остается неогороженнымъ, но ворота, ведущія въ него, нѣмецкой причудливой работы.

За дочерьми даются въ приданое кондитеръ и парикмахеръ. Деревенскія жительницы—помѣщицы, подражая модѣ, рядятся въ грезетовые роброны, пудрятъ волосы, устраиваютъ затѣйливыя прически и украшаютъ головы серебрянымъ флеромъ.

А въ столицѣ роскошь все увеличивается. Чтобы быть свѣтскимъ человѣкомъ, надо имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько кафтановъ съ золотымъ шитьемъ, бархатную шубу съ золотыми кистями, нѣсколько золотыхъ табакерокъ, осыпанныхъ бриліантами, золоченую карету, запряженную шестеркой бѣлыхъ лошадей. У графа Орлова парадная одежда, осыпанная бриліантами, стоила милліонъ рублей.

Рядятся дамы, ихъ туалеты обходятся очень дорого, много уходитъ времени на сложныя замысловатыя прически. Въ салонахъ говорятъ по-французски или нарочно на француз-

скій ладъ коверкаютъ русскую рѣчь, чтобы было нѣжнѣе. Мода поощряетъ и волокитство, и вольные разговоры. Изъ частыхъ поѣздокъ въ Парижъ русское общество, которое мало интересуется наукой, привозитъ увлеченіе магіей и новыя модныя затѣи. Роскошь, — бархатъ, кружева, блонды, драгоцѣнности, великолѣпныя празднества, поѣздки за границу и тамъ всевозможныя увеселенія — вотъ, куда уходятъ доходы съ деревень. Такъ проживаются состоянія. А вмѣстѣ съ этимъ все больше падаетъ нравственность.

«Когда ты будешь въ придворныхъ собраніяхъ, — пишетъ графъ Суворовъ своей дочери, — если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь цѣловать у нихъ руку, но своей не давай. Это И. И. Шуваловъ, графъ Салтыковъ, старики Нарышкины, старый князь Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры, старый графъ Чернышовъ и другіе».

Вотъ одинъ изъ вельможъ Екатерины II — графъ Безбородко. Предъ нами улыбающееся живое лицо съ вкрадчивымъ взглядомъ. А въ рѣчи этого человѣка слышенъ сильный малороссійскій акцентъ. Нѣсколько неловкій и тяжелый по фигурѣ онъ является ко двору весь осыпанный бриллiантами, пуговицы на кафтанѣ, погоны, эфесъ на шпагѣ, пряжки на башмакахъ — все бриллiанты.

Его домъ въ Москвѣ великолѣпенъ, онъ лучше дворца въ С.-Клу, стоитъ 400 тысячъ рублей. Съ восторгомъ говоритъ объ этомъ домѣ посѣтившій его тамъ польскій король Станиславъ Понятовскій. «Золотая рѣзьба работана въ Вѣнѣ. Лучшія бронзы куплены у французскихъ эмигрантовъ. Въ обѣденной залѣ уступы параднаго буфета уставлены множествомъ сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и др. Обои чрезвычайно богаты, нѣкоторые изъ нихъ выписаны, иные сдѣланы въ Россіи. Прекрасная китайская мебель».

Домъ Безбородко въ Петербургѣ не менѣе роскошенъ и весь убранъ картинами лучшихъ художниковъ, здѣсь 22 картины Вернета и Сальваторъ Роза, а среди нихъ прекрасный портретъ Екатерины II — Левицкаго, воспѣтый Державинымъ. Екатерина изображена въ бѣлой туникѣ, въ парчевой мантіи на плечахъ подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ цвѣтовъ мака.

Безбородко жилъ широко и богато. Обѣденный столъ накрывался у него ежедневно на 100 человѣкъ, и каждый дво-

рянинъ, даже ему совершенно незнакомый, могъ вполнѣ разсчитывать на его гостепріимство. Въ мѣсяцъ онъ проживалъ до 8 тысячъ рублей, а роскошные пріемы обходились ему до 50 тысячъ въ вечеръ. Пріемная Безбородко вѣчно была полна просителями, и своимъ любимцамъ онъ щедро дарилъ деревни, которыхъ у него было такъ много, что иныхъ онъ никогда и не видѣлъ.

Порой онъ сумасбродствуетъ и томится, то вдругъ, живя на дачѣ подъ Петербургомъ, велитъ, пользуясь разрѣшеніемъ

Кусково, имѣніе Шереметьевыхъ (съ совр. фотогр.).

Екатерины, палить изъ пушекъ, возвѣщая такимъ образомъ о каждой ошибкѣ своего партнера, съ которымъ играетъ въ вистъ. То вдругъ увлечется обществомъ какой-нибудь красавицы изъ своихъ же крѣпостныхъ, а затѣмъ отошлетъ ее обратно въ деревню, то внезапно начнетъ сорить деньгами и преподнесетъ итальянской пѣвицѣ подарокъ въ 40 тысячъ. Въ синемъ камзолѣ, надвинувъ на лобъ широкополую шляпу, исчезаетъ онъ изъ дому и возвращается только подъ утро послѣ оргіи, проведенной на маскарадѣ въ сомнительномъ обществѣ. А въ 8 час. утра его уже будятъ — пора во дворецъ съ докладомъ, и онъ черезъ силу подымается. Его обливаютъ

холодной водой. Онъ дремлетъ, пока его одѣваютъ и причесываютъ, онъ дремлетъ въ каретѣ, которая везетъ его во дворецъ, и только у входа въ кабинетъ Екатерины онъ встряхивается и приходитъ въ себя...

Такова жизнь вельможи Екатерининскаго времени,—жизнь, полная роскоши, свѣтской пустоты и пресыщенія. А какъ великолѣпны и во что обходятся праздники, которыми развлекается знать! Вотъ, напримѣръ, какими увеселеніями и какимъ маскарадомъ празднуетъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ окончаніе турецкой войны.

Празднество происходитъ на дачѣ Нарышкина, именуемой Левендаль и отстоящей въ одиннадцати верстахъ отъ Петербурга по петергофской дорогѣ. Уже съ трехъ часовъ дня начинается съѣздъ, собирается знать, иностранные послы, именитое купечество. Къ семи часамъ вечера пріѣзжаетъ Екатерина. Въ сопровожденіи хозяина, окруженная свитой, направляется она по извилистой дорогѣ, обсаженной деревьями, къ дремучему лѣсу. А въ глубинѣ лѣса виднѣется пещера, она вся покрыта дерномъ и мохомъ, а на ней растутъ цвѣты и плоды, которые служатъ усладой жителямъ пустыни. Подальше виднѣется холмъ. И вдругъ раздаются тихіе звуки свирѣли. То пастухи и пастушки, пасущіе на склонахъ холма своихъ овецъ, привѣтствуя Екатерину, направляются къ ней съ посохами, увитыми цвѣтами. Двѣ пастушки — дочери Нарышкина — обращаются къ ней по-французски, просятъ ее посѣтить ихъ пастушескую хижину, виднѣющуюся на горѣ, и осыпаютъ цвѣтами ея путь. Не успѣваетъ Екатерина приблизиться къ горѣ—гора начинаетъ раздвигаться. И вотъ хижины уже нѣтъ, она превратилась въ великолѣпный храмъ побѣды. Верхъ храма украшенъ огненными сосудами, а фигура славы, стоящая наверху съ трубой, провозглашаетъ о торжествѣ русскаго оружія. У входа въ храмъ двѣ статуи побѣды на морѣ и на сушѣ. Колонны обвиты лаврами, пальмами и трофеями. Въ серединѣ свода орелъ съ распростертыми крыльями, на груди у него вензель Екатерины II, а въ когтяхъ онъ держитъ свитокъ, на немъ надпись: «Екатеринѣ II побѣдительницѣ». Всѣ переходы храма наполнены вооруженными ратниками, а вотъ и самъ геній побѣды (его изображаетъ Нарышкинъ, сынъ хозяина). Онъ протягиваетъ Екатеринѣ лавровый вѣнокъ и привѣтствуетъ ее рѣчью на французскомъ языкѣ.

Но вотъ уже гремятъ пушечные выстрѣлы, возвѣщая о томъ, что Екатерина вступила въ храмъ, и трофеи, украшающіе колонны, превращаются въ изображенія побѣдъ. Вотъ взятіе Хотина 1769 г.—Божество паритъ надъ городомъ и войскомъ, въ рукахъ у него надпись: «Супротивленіе было бы тщетно». Сраженіе при Ларгѣ 1770 г.—Слава, парящая въ облакахъ, гласитъ: «Не симъ однимъ кончится». А затѣмъ слѣдуютъ побѣды при Кагулѣ, Чесмѣ, взятіе Бендеръ, покореніе Крыма, и все это изображено символически. Тутъ и Минерва, взирающая съ небесъ, и орелъ, испускающій молнію, и Беллона съ хартіей, и слава, вѣнчающая героевъ лаврами, а надписи гласятъ: «Число преодолѣно храбростью. Небывалое свершилось. Что можетъ постоять. Коль славенъ нынѣ жребій мой».

А далѣе за языческимъ храмомъ виднѣется какъ бы уголокъ Китая — китайскіе дома, китайскіе птичники, люди, наряженные китайцами, съ китайскими музыкальными инструментами въ рукахъ. На площади между китайскими домами высится пагода, и тихо звенятъ колокольчики, которыми она увѣшена.

За китайскимъ урочищемъ подальше посреди лѣса на лужайкѣ видна русская богатая деревня. Всего здѣсь вдоволь, тутъ и хлѣбородныя поля, и обильныя жатвы, и пчельники. Какъ хорошо живется крестьянину!

А между тѣмъ уже изъ языческаго храма побѣды гремитъ бальный оркестръ и на площадкѣ передъ храмомъ начинаются танцы.

Затѣмъ сервируется ужинъ на 3 тысячи персонъ, а на всѣхъ аллеяхъ, рощахъ, зданіяхъ и оградахъ загорается иллюминація. На лугу, послѣ ужина начинается фейерверкъ. Щитъ одного изъ нихъ изображаетъ золотой вѣкъ—Астрею, возвѣщающую его: въ одной рукѣ у нея рогъ изобилія, въ другой—вѣсы равенства. Затѣмъ слѣдуютъ ракеты, огненные шары, огнемечущія колеса. А вотъ и живая картина—выѣзжаетъ изъ-за деревьевъ Фебъ, въ его рукахъ огненный вензель Екатерины, которымъ онъ всѣхъ озаряетъ. Не перечесть всего. Гости уже начинаютъ разъѣзжаться, и вдругъ изъ-за мраморной колонны начинается новое явленіе, появляется неожиданно какъ бы солнце, и становится такъ свѣтло, какъ будто наступилъ уже день. И поэтъ, присутствовавшій на

этомъ праздникѣ, тутъ же на спѣхъ набрасываетъ карандашомъ:

«О чудо новое, что видишь здѣсь народъ!
Въ необьявиный часъ зримъ солнечный восходъ;
Конечно, Фебъ, узнавъ прiѣздъ Екатерины,
Вознесся въ полночь здѣсь, оставивши пучины
И не хотя еще итти на твердь небесъ,
Узрѣть ея предсталъ во Левендальскiй лѣсъ».

Итакъ, поигравъ въ пастуховъ и пастушекъ, полюбовавшись идиллiей золотого вѣка, равенства и привольной крестьянской жизни, — знать въ четыре часа утра начинаетъ разъѣзжаться по домамъ.

Уходитъ XVIII вѣкъ—вѣкъ французской пустой болтовни, полуобразованiя, жеманства, грубой лести, приниженной угодливости и глубокаго презрѣнiя къ простому народу.

Одиноко звучитъ еще смѣхъ Новикова, осуждающiй пороки своего времени, и не многiе еще сочувственно откликнутся на искреннюю горячую рѣчь Радищева. И печально мелькаетъ гдѣ-то вдали убогая русская деревня.

Е. Багрова.

Крестьянскій вопросъ въ XVIII в.

Крестьянскій вопросъ всталъ во всей своей величинѣ передъ русскимъ обществомъ и государствомъ лишь въ царствованіе Екатерины II и не сходилъ со сцены до самаго 1861 года.

Появленію на первомъ планѣ крестьянскаго вопроса съ самаго начала царствованія Екатерины II способствовалъ цѣлый рядъ причинъ. Прежде всего къ этому времени процессъ закрѣпощенія завершился уже съ формальной стороны. Затѣмъ личные взгляды самой императрицы. Еще до вступленія на престолъ она была поклонницей освободительной философіи и естественнаго права. Пропитанная западной культурой, она съ ужасомъ смотрѣла на окружающее безправіе и писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они рождаются свободными» и мечтала о постепенномъ освобожденіи крестьянъ. Близкіе ей люди тоже интересовались этими гуманными идеями, и, какъ только управленіе попало въ ихъ руки, крестьянскій вопросъ всталъ передъ государствомъ.

Внизу недовольство достигло крайняго напряженія, скоро оно выразилось въ Пугачевскомъ бунтѣ, а пока въ народныхъ массахъ ходили темные слухи и легенды; они были связаны съ частыми дворцовыми переворотами, съ странными надеждами на Петра III и съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной государственной службы.

У многихъ являлась мысль, что разъ дворяне перестали быть служилыми людьми, то и мужикамъ пора перестать быть крѣпостными; многіе считали, что крестьяне были даны помѣщикамъ за государеву службу, а теперь всѣ станутъ служить по вольной волѣ; но вольность оказалась исключительно дворянской, она знаменовала какъ разъ обратное: окончатель-

ное торжество дворянства надъ государствомъ, которое все больше и больше становилось орудіемъ узкосословной политики.

Несомнѣнно, и императрица и многіе изъ окружавшихъ ее лицъ хотѣли, если не уничтожить, то облегчить крѣпостное право, но на дѣлѣ получалось какъ разъ обратное: положеніе крестьянъ ухудшилось, а самое главное, область крѣпостного права сильно увеличилась, были розданы помѣщикамъ многіе крестьяне государственныхъ имѣній и была закрѣпощена Малороссія, — политика владѣющаго класса была гораздо сильнѣе желаній отдѣльныхъ лицъ.

Крестьянскій вопросъ всталъ передъ правительствомъ Екатерины II черезъ годъ послѣ ея воцаренія; въ 1763 году П. И. Панинъ подалъ докладную записку, въ которой рекомендовалъ секретно заняться разсмотрѣніемъ положенія крестьянъ, ибо помѣщики налагаютъ на нихъ тяжелые поборы и работы «не только превосходящіе примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выступающіе изъ способности человѣческой». Панинъ считалъ необходимымъ ограничить помѣщичью власть и предлагалъ практически слѣдующія мѣры: 1) поручить губернаторамъ надзоръ за несправедливыми помѣщиками, 2) запретить торговлю врозницу и, особенно, рекрутами, разрѣшая продавать лишь цѣлыми семьями, и 3) установить закономъ размѣры крестьянскихъ повинностей, опредѣливъ ихъ максимумъ: оброкъ въ 2 рубля въ годъ съ души, барщину 4 дня въ недѣлю.

Около того же времени Екатеринѣ была передана статья пастора Эйзена фонъ-Шварценберга объ уничтоженіи крѣпостного права въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ 1764 году эта статья, въ смягченномъ видѣ, была напечатана академикомъ Миллеромъ въ его сборникѣ подъ заглавіемъ: «Описанье крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патріотомъ».

Пасторъ Эйзенъ рисуетъ положеніе лифляндскихъ крестьянъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. Они не имѣютъ права собственности: все принадлежитъ помѣщику, онъ можетъ взять себѣ любую вещь изъ ихъ имущества, перевести ихъ съ одного участка на другой и, наконецъ, просто прогнать съ земли безо всего, и крестьянинъ не можетъ жаловаться суду. Крестьяне такъ обременены барской работой, что имъ

совершенно некогда заняться своимъ хозяйствомъ,—хлѣбъ сыплется, сѣно не убирается.

Помѣщики такъ свободно распоряжались имуществомъ крестьянъ, что послѣднiе безъ разрѣшенiя владѣльца не могли продавать хлѣбъ кому-нибудь другому, и обыкновенно вымѣнивали его на соль, табакъ, желѣзо у своего же барина или пропивали у него же въ кабакѣ. Личность крестьянина совершенно не ограждена отъ произвола: помѣщикъ могъ продавать ихъ семьями и врозницу, наказывать сколько угодно, только бы истязаемый остался живъ. Помѣщикъ воленъ давать до десяти паръ розогъ, и, лишь получивъ больше, крестьянинъ можетъ жаловаться въ судѣ.

Лифляндскiй крестьянинъ XVIII вѣка (изъ Купфера).

Пасторъ Эйзенъ предлагалъ правительству немедленно, законодательнымъ актомъ, освободить прибалтiйскихъ крестьянъ, надѣлить ихъ землей и дать имъ право свободнаго владѣнiя съ обязательствомъ выплачивать помѣщикамъ денежный оброкъ.

Проекты Эйзена были основаны на богатомъ фактическомъ матерiалѣ и произвели серьезное впечатлѣнiе на Екатерину и правительство. Въ то же время вызвали безпокойство среди нѣмецкихъ бароновъ. Какъ разъ въ 1764 году Екатерина совершила путешествiе по прибалтiйскимъ губернiямъ, и сама видѣла нищету тамошнихъ крестьянъ.

Въ январѣ 1765 года, по ея предложенiю, въ засѣданiи лифляндскаго ландтага, генералъ-губернаторъ Лифляндiи, графъ Броунъ, предложилъ обсудить вопросъ объ отношенiяхъ помѣщиковъ и крестьянъ.

«Ея императорское величество, — докладывалъ онъ, — изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при проѣздѣ отчасти сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь и особенно положить границы тираническои жестокости и необузданному деспотизму; тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ не только общему благу, но и верховному праву короны».

Ландтагу было предложено: 1) признать за крестьянами право собственности на движимое имущество; 2) установить повинности пропорціонально количеству земли у крестьянина; 3) ограничить розничную продажу крѣпостныхъ и 4) жестокость наказаній.

Эти предложенія прошли въ ландтагѣ въ смягченномъ видѣ, а самое главное, совершенно не примѣнялись на практикѣ и имѣли скорѣе нравственное, чѣмъ юридическое значеніе. Защита лифляндскихъ крестьянъ со стороны государства показала, что они не безраздѣльно принадлежатъ помѣщикамъ, а что они также являются гражданами. Это выступленіе подало надежду, что правительство займется и положеніемъ русскихъ крестьянъ.

Благодаря развитію крѣпостничества и озлобленію, которое царило среди крестьянъ, правительству невольно приходилось считаться съ «крестьянскимъ вопросомъ». Да и сами крестьяне напоминали о себѣ: во время путешествія Екатерины II по Волгѣ ей было подано больше 600 челобитныхъ, и изъ нихъ лишь одна на администрацію; всѣ остальныя были отъ крестьянъ на помѣщиковъ: они жаловались на тяжелые поборы и несправедливости. Всѣ эти жалобы были переданы въ Сенатъ, который просто возвратилъ ихъ челобитчикамъ. Это рѣшеніе вопроса, по тому времени, было очень гуманно, — въ 1767 году былъ изданъ законъ, который запрещалъ крѣпостнымъ всякія, справедливыя и несправедливыя, жалобы на помѣщиковъ подъ угрозой наказанія кнутомъ и ссылкой въ вѣчную каторгу, и законъ этотъ примѣнялся очень широко.

Но какъ-никакъ ученица Вольтера, философъ на тронѣ, мечтавшая своимъ законодательствомъ обновить Россію, не могла не обратить вниманія на положеніе крѣпостныхъ, и въ 1765 году Вольно-Экономическое общество, интересовавшееся земледѣліемъ, получило письмо отъ «неизвѣстнаго лица»,

которое обращалось къ обществу за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній по крестьянскому вопросу: «Многіе разумные авторы, — писалъ неизвѣстный корреспондентъ, — поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго рукодѣлія ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачитости производится, что земледѣліе не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ больше попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отниметъ».

Строго говоря, Екатерина, скрывшая въ этомъ случаѣ свое авторство, ставила вопросъ не столько объ освобожденіи крестьянъ, сколько объ надѣленіи ихъ землею.

Эстляндская крестьянка (изъ книги Купфера XVIII вѣка).

«Поставляя сіи правила за неоспоримыя, — продолжала она, — осталось имъ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно для твердаго распространенія земледѣльчества имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ? Иные полагаютъ, чтобъ оно состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ; другіе, напротивъ того, палагаютъ на одинъ участокъ земли отъ 4 и до 8 человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ, изъ чего слѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. Итакъ, нахожусь я въ великомъ

недоумѣніи, не зная на точный или на спекулятивный разумъ слова *собственное* полагаться?»

Письмо было подписано иниціалами И. Е. (императрица Екатерина), но этого не поняли и на письмо не обратили никакого вниманія. Екатерина какъ разъ въ это время занималась изученіемъ «крестьянскаго вопроса», да и самолюбіе не позволяло оставить безъ повторенія попытку привлечь къ нему вниманіе ученаго общества. Приблизительно черезъ годъ, въ концѣ 1766 года, Вольно-Экономическому обществу было доложено, что «неизвѣстное» лицо прислало письмо, за тѣми же иниціалами И. Е., и 1000 червонцевъ, на расходы по организаціи конкурса на тему: «Въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ?» Зная, откуда идетъ предложеніе, Вольно-Экономическое общество немедленно объявило конкурсъ на тему: «что полезнѣе для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣніе простираться должно?»

Въ этомъ случаѣ и императрица и ученое общество ставили вопросъ только о правѣ владѣнія крестьянъ, но совершенно невольно изъ-за этого вопроса вставалъ другой: имѣютъ или право владѣть крестьяниномъ? При такомъ оборотѣ дѣло шло прямо объ освобожденіи крестьянъ. Такъ это и поняли, какъ мы увидимъ дальше, лица, писавшія на конкурсъ.

Самая постановка вопроса на публичное обсужденіе была очень важна и случилась благодаря тому интересу, который вызывало въ обществѣ положеніе крестьянина.

Въ 1765 году нашъ посолъ въ Парижѣ (1762—68 гг.), князь Д. А. Голицынъ, человѣкъ очень образованный, въ перепискѣ съ вице-канцлеромъ, своимъ родственникомъ, княземъ А. И. Голицынымъ, развивалъ свои идеи относительно положенія крестьянъ. Полученныя письма вице-канцлеръ читалъ Екатеринѣ, которая дѣлала словесно и на поляхъ свои замѣчанія, служившія канвой для отвѣтовъ либеральному посланнику.

«Позвольте мнѣ, князь, — писалъ Д. А. Голицынъ, — обратить ваше вниманіе на то, какое удивительное дѣйствіе всегда производитъ право собственности на землю; на него надо смотрѣть, какъ на истинное основаніе, какъ на прочный фун-

даментъ благосостоянія государства; безъ него никогда не будутъ процвѣтать науки и искусства».

Въ рядѣ писемъ князь Д. А. Голицынъ со всѣхъ сторонъ обсуждаетъ крестьянскій вопросъ и невольно сталкивается съ вопросомъ объ освобожденіи крѣпостныхъ: «Нашъ крестья-

Екатерина II (портр. Торелли).

нинъ, — пишетъ онъ, — не чувствуетъ глубокой любви къ труду. Я хорошо знаю, что лѣность неразлучна съ рабскимъ состояніемъ и есть его результатъ; продолжительное рабство, въ которомъ коснѣютъ наши крестьяне, создало ихъ теперешній характеръ, и въ настоящее время очень немногіе изъ нихъ сознательно стремятся къ тому роду труда или про-

мышленности, который можетъ ихъ обогатить. Но, какъ бы то ни было, лучшее и наиболѣе вѣрное средство состоитъ въ томъ, чтобы постепенно вывести ихъ изъ подобнаго состоянія и теперь же начать подготавливать ихъ къ этому».

Письма вице-канцлера А. М. Голицына, писанныя подъ диктовку императрицы, нѣсколько охладили либеральные порывы посла:

«Я не хочу сказать, — пишетъ онъ, — что надо теперь же даровать право собственности на землю... Для настоящаго времени будетъ достаточно, если е. и. величество установитъ право собственности на движимое имущество въ дворцовыхъ вотчинахъ. Я увѣренъ, что многіе помѣщики не замедлятъ послѣдовать ея примѣру, а остальное устроится само собою подъ вліяніемъ тѣхъ выгодъ и добрыхъ результатовъ, которые каждый отъ этого почувствуетъ».

Письма Голицына показываютъ его богатую начитанность, особенно въ области исторіи. Онъ часто сравниваетъ Россію съ Западной Европой и находитъ, что первая еще не вышла изъ стадіи феодализма.

Для того, чтобы избавить крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ въ переходную эпоху постепеннаго освобожденія, и чтобы вообще поднять правовое положеніе народа, онъ предлагалъ ввести у насъ англійскій средневѣковый институтъ разъѣздныхъ (странствующихъ) судей, которые должны будутъ каждый годъ объѣзжать всѣ губерніи.

Князь Голицынъ считалъ освобожденіе крестьянъ настолько выгоднымъ для экономическаго развитія страны, что предлагалъ Екатеринѣ освободить крестьянъ въ дворцовыхъ имѣніяхъ, огромную группу населенія въ 390 тысячъ ревизскихъ душъ, разбросанныхъ въ 16 губерніяхъ, или освободить крестьянъ одной какой-нибудь области, и этотъ примѣръ, по его мнѣнію, увлечетъ помѣщиковъ на путь освобожденія крѣпостныхъ: сначала изъ чувства гуманности и желанія подражать императрицѣ, а затѣмъ изъ-за тѣхъ выгодъ, которыя получатся вслѣдствіе свободнаго труда. Екатерина, видимо, интересовалась идеями Голицына, но относилась къ нимъ скептически: «Еще сомнительно,—замѣтила она,—чтобы примѣръ вразумилъ и увлекъ нашихъ соотечественниковъ; это мало вѣроятно. Къ тому же подобная мѣра (частичное освобожденіе крестьянъ) могла бы нарушить безопасность помѣщиковъ». Вообще ни въ замѣчаніяхъ императрицы на

письмахъ ни въ отвѣтахъ вице-канцлера, который излагалъ ея мнѣнія, нѣтъ положительныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ, это только критическія замѣчанія на проекты Голицына, не больше. Видимо, Екатерина колебалась между просвѣщенными взглядами западной философіи и выгодами дворянства, которое посадило ее на тронъ.

Этотъ интересъ не былъ случайнымъ: въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка такъ же, какъ и сто лѣтъ спустя, всѣ сильно интересовались крестьянскимъ вопросомъ. Въ 1765 году Григорій Орловъ пригласилъ извѣстнаго уже намъ пастора

Въ избѣ XVIII в. (гравюра Лепренса).

Эйзена въ свои имѣнія, чтобы онъ реформировалъ бы бытъ крестьянъ и превратилъ бы ихъ изъ крѣпостныхъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ, но послѣ года неудачной работы дѣло, начатое съ одобренія Екатерины II, пало само собой, ибо фаворитъ и филантропъ не сошлись характерами.

Вольно-Экономическое общество избрало три комиссіи, которыя читали всю эту массу отвѣтовъ; многіе приходилось прямо отбрасывать, какъ прямо непригодные: одно сочиненіе было написано даже въ стихахъ. Въ результатѣ къ конкурсу было допущено пятнадцать работъ. Лучшей была признана

работа Беарде-де-Лабей подъ девизомъ: «въ пользу свободы вопіютъ всѣ права, но есть мѣра всему».

Въ этомъ произведеніи рядомъ примѣровъ авторъ доказываетъ, что отъ благосостоянія крестьянъ зависитъ богатство страны, и поэтому необходимо, чтобы крестьянинъ владѣлъ бы землей, но Беарде-де-Лабей находитъ, что дать собственность безъ личной свободы невозможно, и кончаетъ свое сочиненіе призывомъ: «Надо дать свободу невольникамъ».

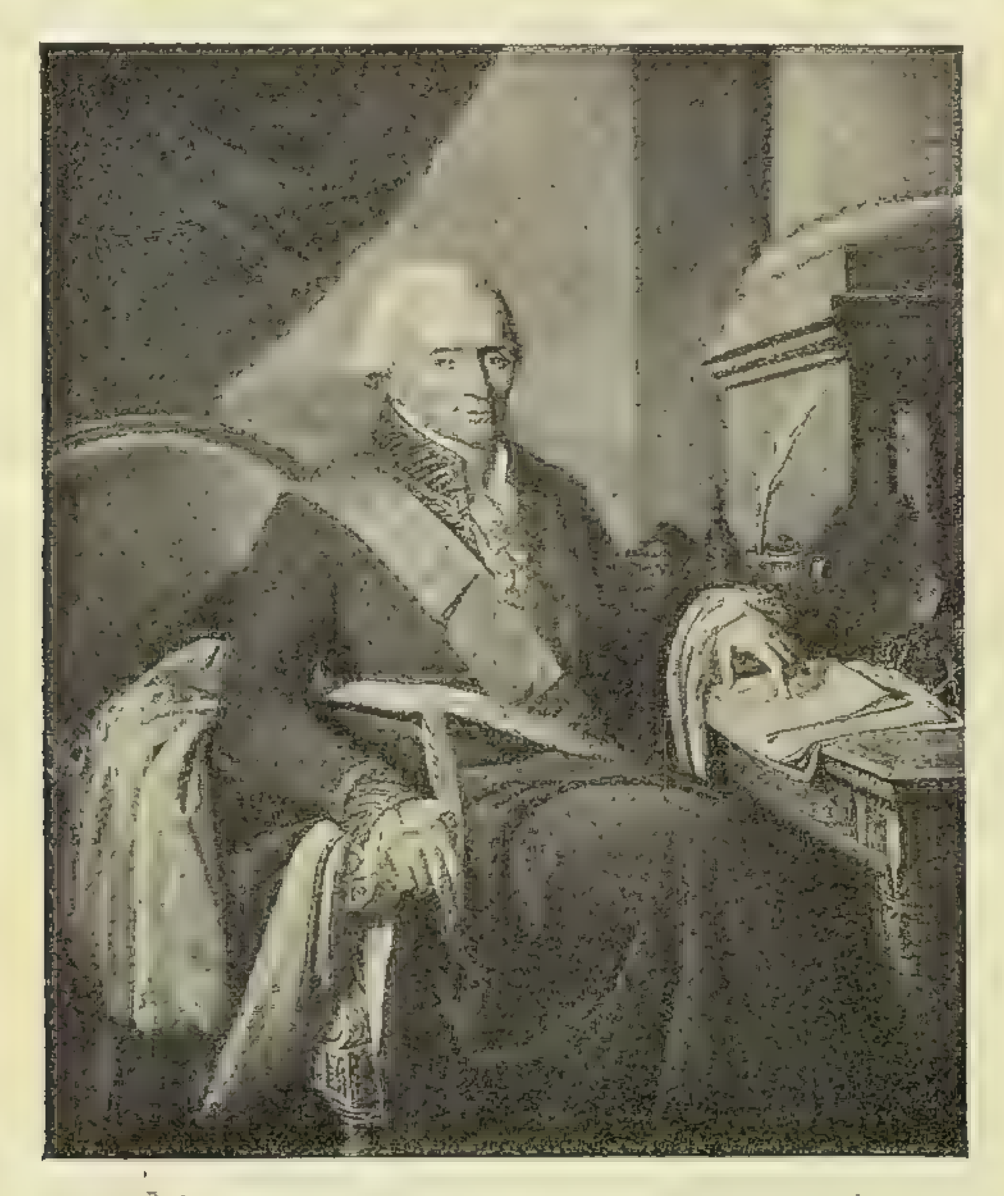
Онъ считаетъ, что подневольный трудъ невыгоденъ и для помѣщиковъ, и никогда крѣпостной не станетъ такъ работать, какъ свободный: «Дайте крестьянину собственность, чтобы онъ могъ бы считать себя господиномъ маленькаго владѣнія; вы можете тогда съ полной безопасностью довѣрить ему ваши фермы; вамъ нечего будетъ опасаться, что вы не получите арендной платы: его маленькій клочокъ земли или, лучше сказать, привязанность, которую онъ будетъ имѣть къ своему новому имѣнію, послужитъ вамъ порукою. Такимъ образомъ богатые, осчастлививъ крестьянъ, увеличатъ свои собственныя средства и сдѣлаютъ болѣе вѣрнымъ полученіе доходовъ».

Идеи Беарде-де-Лабей, очень либеральныя для того времени, сильно умѣрялись способомъ ихъ примѣненія, который рекомендовалъ авторъ,—освобожденіе должно было итти постепенно и въ большой зависимости отъ воли помѣщика.

Вторую премію получила работа русскаго автора—Полѣнова, остальныя сочиненія на русскомъ языкѣ даже не попали въ конкурсъ. Полѣнову ближе, чѣмъ кому-нибудь изъ иностранныхъ авторовъ, были знакомы русскіе крѣпостные порядки, и его произведеніе проникнуто глубокой ненавистью къ нимъ. Такое рѣзкое отношеніе къ крѣпостничеству вызвало нѣкоторое недовольство даже среди либеральныхъ членовъ комиссіи, разсматривавшей присланныя на конкурсъ сочиненія, и они дали этой работѣ очень своеобразную аттестацію,—что въ ономъ сочиненіи находятся «многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія», а вслѣдствіе этого печатать его не разрѣшается.

Полѣновъ прекрасно изобразилъ загнанное положеніе крѣпостного и безчестный торгъ человѣческой кровью, которымъ занимаются помѣщики. По его мнѣнію, прежде всего необходимо поднять культурный уровень деревни,—надо учреждать школы, обучать грамотѣ, посылать въ деревню

лѣкарей и повивальныхъ бабокъ. Вторымъ актомъ должно быть предоставленіе крестьянамъ правъ на землю и другія угодья и, конечно, на движимое имущество. Полѣновъ не требовалъ полнаго уничтоженія крѣпостного права, а лишь отмѣны права помѣщика продавать крестьянъ безъ земли: «кто намѣренъ продавать, тотъ долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ

Кн. М. М. Щербатовъ (портр. де Куртепля).

сестрами, ибо, умалчивая о прочихъ несходствахъ, отъ продажи порознь переводится сильно народъ, и земледѣліе приходитъ въ сильный упадокъ». Повинности въ пользу помѣщика, такъ же, какъ и въ пользу государства, должны быть точно установлены.

Полѣновъ, какъ юристъ, обратилъ вниманіе и на правовое положеніе крестьянъ: для мелкихъ дѣлъ онъ предла-

галъ учредить крестьянскіе суды, болѣе важныя дѣла должны были разбираться въ земскихъ судахъ, куда входили мѣстные помѣщики и правительственные юристы. Для разбора дѣлъ о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками надо назначить выбраннаго дворянами разъѣздного земскаго судью, который рѣшалъ бы всѣ дѣла по справедливости.

Въ общемъ огромное большинство присланныхъ сочиненій высказывалось за улучшеніе быта крѣпостныхъ, за дарованіе имъ, если не полной свободы, то, во всякомъ случаѣ, правъ владѣнія движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Вскорѣ за этимъ теоретическимъ обсужденіемъ «крестьянскаго вопроса», правительству пришлось столкнуться съ крѣпостнымъ правомъ и при обсужденіи законодательныхъ проектовъ, которые занимали въ то время Екатерину II.

Императрица, другъ философовъ-просвѣтителей, взойдя на тронъ, хотѣла пересоздать свою обширную имперію, пріобщить ее, посредствомъ разумныхъ законовъ, къ европейской культурѣ.

Русское законодательство XVIII вѣка представляло изъ себя полнѣйшій хаосъ; чтобы привести его въ порядокъ и создать новыя правовыя нормы, Екатерина II рѣшила созвать законодательную комиссію изъ представителей всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ крѣпостныхъ. Для руководства комиссіи Екатерина выработала «Наказъ», гдѣ есть интересныя мѣста, посвященныя «крестьянскому вопросу».

Для созданія «Наказа» Екатерина, какъ сама признавалась, обобрала западныхъ философовъ и больше всѣхъ Монтескье, но ея либеральныя идеи показались тогдашнему русскому обществу слишкомъ вольными, и подъ давленіемъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ, читавшихъ «Наказъ», цензура изъ произведенія государыни выкинула цѣлый рядъ мѣстъ. Такимъ образомъ были вычеркнуты изъ «Наказа» мѣста, въ которыхъ проводилась параллель между положеніемъ рабовъ въ Римѣ и крѣпостныхъ у насъ, рядъ предложеній объ освобожденіи крѣпостныхъ, напримѣръ, когда хозяинъ не хочетъ кормить раба, когда онъ изнасилуетъ жену или дочь и т. д. Выпущены предложенія о временномъ рабствѣ, о принятіи мѣръ къ тому, чтобы крѣпостные «могли купить сами себѣ свободу». Опущено и то мѣсто, гдѣ говорится: «Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ и уже отъ земледѣлія

Щеголь въ дрожкахъ. (Карт. *Орловскаго*).

безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть этихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаванье, художество; чрезъ то уменьшится количество рабовъ. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобы уговоръ объ освобожденіи опредѣлялъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ». Если бы это предложеніе прошло бы въ жизнь, то оно спасло бы отъ мукъ многихъ крѣпостныхъ интеллигентовъ: не мало художниковъ, артистовъ, врачей гибли отъ барскаго самодурства, такъ какъ обычно талантливыхъ крѣпостныхъ хозяева не отпускали на волю ни за какія деньги.

Въ напечатанный «Наказъ», который былъ запрещенъ во Франціи за либерализмъ, вошло нѣсколько предложеній объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Екатерина хотѣла возстановить забытый законъ Петра I, «чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе господа были подъ смотрѣніемъ опекуновъ»; издать законъ, который опредѣлилъ бы повинности крестьянъ; она хотѣла оградить хоть сколько-нибудь имущественныя права крестьянъ и свободу ихъ браковъ, но, какъ мы увидимъ дальше, даже эти скромныя предложенія императрицы оказались слишкомъ либеральны для дворянской Россіи XVIII вѣка. Можно сказать, что если представители интеллигенціи начинали уже чувствовать тяжесть крѣпостничества для Россіи, то всѣ владѣющіе, «хозяйственные» элементы тогдашней Россіи думали еще о томъ, какъ бы расширить и укрѣпить свои рабовладѣльческія права. Это прекрасно выяснилось въ Комиссіи объ Уложеніи.

30 іюля 1767 года собрались въ Москву 460 человѣкъ депутатовъ, явившихся со всѣхъ концовъ Россіи; правительство, общество и даже Западная Европа возлагали большія надежды на это собраніе; Екатерина II мечтала, что подъ ея руководствомъ Комиссія не только выработаетъ новое Уложеніе, но сдѣлаетъ изъ Россіи «блаженное государство». Комиссія вообще сдѣлала очень мало и разошлась, не закончивъ своихъ трудовъ, въ крестьянскомъ же вопросѣ она показала, что даже «лучшіе люди» не могли подняться выше своихъ узкихъ чисто-сословныхъ интересовъ: дворяне твердо отстаивали свою привилегію владѣть крѣпостными, купцы, казаки, пахотные солдаты, тѣ же мужики, наконецъ, духовенство,—всѣ единодушно добивались права владѣть людьми.

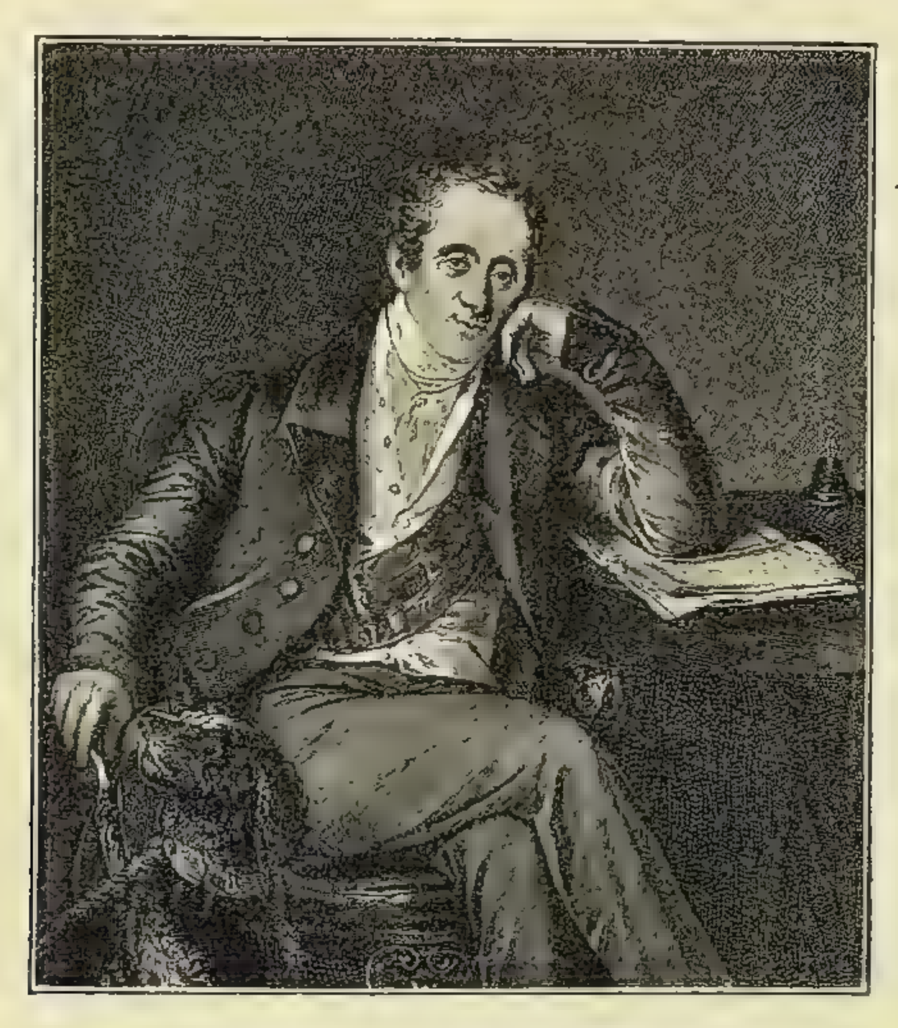
Читая пренія въ комиссіяхъ, видишь, что высшимъ идеаломъ средняго русскаго человѣка XVIII вѣка было—стать рабовладѣльцемъ: это былъ признакъ благородства и богатства.

Дворяне не сомнѣвались въ своемъ правѣ владѣть крѣпостными и среди нихъ не раздалось ни одного голоса въ пользу освобожденія крестьянъ; были отдѣльныя мнѣнія, какъ мы увидимъ дальше, за облегченіе ихъ участи, но они терялись въ хорѣ крѣпостниковъ, которые такъ безцеремонно отстаивали свои рабовладѣльческія права, что Екатерина II не могла безъ негодованія и ироніи писать о взглядахъ депутатовъ на крѣпостныхъ: «Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; но его скотомъ изволите признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и *скотиною дѣлано*».

Дѣйствительно, многіе депутаты смотрѣли на крестьянъ, какъ на скотъ, нѣкоторые даже отстаивали продажу врозницу; напримѣръ, депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда, Алфимовъ, который рѣшался доказывать, что она полезна и для самихъ крестьянъ, онъ говорилъ: «Между дворянствомъ есть весьма не мало, которые имѣютъ за собой не болѣе двухъ-трехъ крестьянскихъ семей, а другіе и того меньше. Между тѣмъ какой-нибудь изъ этихъ дворянъ задолжаетъ такую сумму, которую не иначе можетъ уплатить, какъ продажею изъ своихъ крестьянъ одного человѣка, и этимъ онъ сохраняетъ свое остальное имѣнье, лишаясь одной, а не десяти душъ или болѣе, составляющихъ одну семью. Даже между крестьянами и достаточныхъ дворянъ есть въ нѣкоторыхъ семьяхъ нерадивые и склонные къ преступленьямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ семей служитъ наказаньемъ и удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ».

Депутатъ города Яранска, Антоновъ, къ которому присоединились депутаты еще 16 городовъ, говорилъ: «По существующимъ законамъ, купечество не имѣетъ права покупать крѣпостныхъ дворовыхъ людей и владѣть ими, тогда какъ купцамъ настоитъ крайняя необходимость ихъ имѣть. Купечество нанимаетъ крестьянъ за большія деньги; но такихъ вольно-наемныхъ людей мало, имѣя нужду въ деньгахъ забираютъ ихъ впередъ, но многіе, не заработавъ этихъ денегъ, убѣгаютъ отъ хозяевъ. Да и когда живутъ у хозяевъ, зная,

что они не крѣпостные, и потому не имѣя никакого страха, своевольничаютъ и доставляютъ хозяевамъ много хлопотъ, ибо на нихъ надобно жаловаться въ судѣ, что разорительно и ведетъ къ потерѣ времени». Глинковъ, депутатъ отъ города Серпейска, отстаивалъ права фабрикантовъ: «Къ фабрикамъ непремѣнно надобно опредѣлить указанное число крѣпостныхъ людей, потому что мастера должны быть крѣпостные, и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ надобно заблаговременно

Н. П. Панинъ (портр. Тропинина).

имѣть на его мѣсто другого, ибо когда я обучу чужого и открою ему секретъ, то онъ можетъ отойти къ другому фабриканту или требовать такихъ большихъ денегъ, какихъ фабрика заплатить не въ состояніи». Купцы хотѣли имѣть крѣпостныхъ и для торговли, и для фабрикъ, и для домашняго обихода, ибо «они нанимаютъ къ себѣ въ домъ для прислуги помѣщичьихъ крестьянъ, которые рѣдко бываютъ исправными слугами, по большей части оказываются лѣнивцами, а многіе изъ нихъ приводятъ воровъ въ дома своихъ хозяевъ».

Короче говоря, купечество добивалось права владѣть крѣпостными на одномъ основаніи съ дворянами, но представители благороднаго сословія дали ему рѣшительный отпоръ. Вождь консерваторовъ, извѣстный литераторъ, князь Мих. Мих. Щербатовъ, сразу проникся гуманностью: «Требуемое для купцовъ право,—говорилъ онъ,—сдѣлаетъ неволю низшаго рода людей еще болѣе чувствительною тѣмъ, что они, по продажѣ ихъ, принуждены будутъ служить такимъ людямъ, которыхъ они недавно видѣли себѣ равными. Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся одной мысли дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиночкѣ былъ продаваемъ. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равные намъ созданы... И какъ можно сказать, чтобы безъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ, однако никто не жалуется ни на невозможность обойтись безъ нихъ ни на недостатокъ усердія вольныхъ».

Но эти «благородные» аргументы звучали неособенно убѣдительно, ибо къ себѣ дворяне ихъ примѣнять не желали. За купцами потянулись и другія сословія,—всѣ хотѣли владѣть крѣпостными: однодворцы, казаки, особенно войсковая старшина, сибирскіе дворяне, тѣ же казаки, наконецъ, такъ называемые пахотные солдаты, мало отличавшіеся отъ крестьянъ. Замѣчательно то, что служители церкви не отстали отъ другихъ сословій въ погонѣ за рабами,—въ наказѣ отъ Синода говорилось въ статьѣ «о выгодностяхъ, принадлежащихъ священнослужителямъ»: «Въ покупкѣ имъ (священнослужителямъ) для послуженія мужска и женска пола людей дать бы позволеніе, положа пропорцію, чтобъ излишнихъ имѣть не могли». Также и въ нѣкоторыхъ наказахъ другихъ сословій,—особаго представительства духовенство не имѣло,— были требованія разрѣшить духовенству покупать крѣпостныхъ. Эту же идею отстаивалъ и представитель Синода во время преній. Среди крѣпостнической вакханаліи раздавались отдѣльные голоса въ пользу крестьянъ; нѣкоторые дворянскіе наказы, напримѣръ, Костромской, Михайловскій, предлагали незначительныя улучшенія въ положеніи крѣпостныхъ:

брать подъ опеку жестокихъ помѣщиковъ, запретить продажу врозницу, продажу безъ земли и т. д.

Особенно сильныя пренія по крестьянскому вопросу возникли въ апрѣлѣ 1768 года по частному вопросу и приняли общій характеръ. Депутатъ отъ г. Углича, канцеляристъ духовнаго управленія Сухопрудскій, предложилъ на обсужденіе очень ядовитый вопросъ: чѣмъ вызываются побѣги крестьянъ? «Не бываетъ ли,—говорилъ онъ,—въ содержаніи

Конскій дворъ (Кузьминки, имѣніе Голицыныхъ).

ихъ несносной, по недостатку на пропитаніе потребнаго, нужды или каковыхъ имъ трудностей, вымогательствъ излишнихъ и большихъ податей, взысканія всегдашнихъ безпремѣнно работъ, чиненія почасту напрасныхъ побоевъ, необыкновенной строгости и другихъ жестокостей».

Предложеніе явно клонилось къ ограниченію помѣщичьей власти; дѣйствительно, однодворецъ Кининскій внесъ предложеніе, чтобы ограничить барщину, и это облегченіе должно было, по его мнѣнію, прекратить побѣги крестьянъ.

Степановъ, депутатъ отъ дворянъ Верейскаго уѣзда, хотя и заявилъ въ началѣ своей рѣчи о бѣгахъ крестьянъ, что «главнѣйшихъ къ тому причинъ суть двѣ: пьянство и лѣнь», но дальше перешелъ къ другой сторонѣ дѣла,—«къ суровымъ поступкамъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ».

«Не можно безъ сожалѣнія,—говорилъ онъ,—видѣть сихъ нужныхъ членовъ общества (крестьянъ), разоряющихся отъ позорной роскоши и невоздержанія владѣльцевъ, а иногда отъ ихъ жестокостей, которыя, истребляя крестьянство, суровостью своею доводятъ иногда до крайности сихъ несчастныхъ». Но мѣру онъ рекомендовалъ очень скромную, которая существовала съ петровскихъ временъ,—сначала увѣщавать жестокихъ помѣщиковъ, а если не исправятся, братѣ ихъ подъ опеку. Гораздо рѣзче звучала рѣчь козловскаго депутата, поручика г. Коробьина.

Онъ исходилъ изъ правильнаго принципа: «лучше предупреждать, чѣмъ наказывать преступленіе». Что же заставляетъ крестьянина, спрашиваетъ Коробьинъ, покинуть семью и землю, которую онъ такъ любитъ?—и мѣтко очерчиваетъ ту обстановку, которая заставляетъ крѣпостныхъ оставлять семью, убѣгать съ родины:

«Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно на свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты... Сожалѣнія достойно взирать на земледѣльца, въ потѣ лица собирающаго свое имѣніе и вдругъ неожиданнымъ помѣщичьимъ приказомъ лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ. Ежели безпристрастно смотрѣть—сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству: разоряя крестьянъ, разоряютъ и всѣхъ прочихъ въ государствѣ».

Для развитія земледѣлія страны необходимо, чтобы крестьянская собственность отличалась бы отъ помѣщичьей, и чтобы крестьянинъ своей бы частью могъ свободно располагать, которую онъ могъ бы безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то: заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ.

Практическія требованія Коробьина сводились къ двумъ положеніямъ: установить размѣръ повинностей, которыми

крестьянинъ обязанъ помѣщику, и даровать крестьянину право собственности на землю и на движимость.

Эти предложенія были выражены въ общей формѣ, безъ точной цифровой разработки, но, видно, произвели на депутатовъ сильное впечатлѣніе; благодаря этой рѣчи, произнесенной 5 мая, козельскій депутатъ сразу выдвинулся и привлекъ на свою сторону сочувствіе большинства депутатовъ; это замѣтно по выборамъ: при баллотировкѣ въ частную комиссію 5 же мая Коробьинъ получилъ 174 избирательныхъ шара изъ 287, больше него, на три шара, получилъ только князь Алексѣй Волконскій, зато нѣкоторые кандидаты не получили и 100 шаровъ. Вся кампанія въ началѣ мая 1768 г. на защиту крѣпостныхъ, видимо, произвела сильное впечатлѣніе на депутатовъ, 14 мая, при выборахъ въ комиссію «о рудокопіи, сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ», Коробьинъ получилъ 260 избирательныхъ изъ 306,—такого огромнаго большинства не имѣлъ почти никто за всѣ выборы, происходившіе въ Комиссіи по выработкѣ Уложенія. Консерваторы жестоко нападали на Коробьина, задѣвали его лично, но это не имѣло успѣха; напримѣръ, одинъ изъ противниковъ Коробьина, депутатъ трубчевскаго дворянства, Бровцынъ, раньше получавшій большинство, былъ забаллотированъ на выборахъ 21 мая.

Коробьинъ не встрѣтилъ сочувствія среди помѣщиковъ центральной Россіи, зато его поддержали депутаты отъ Малороссіи и отъ другихъ сословій. Интересную рѣчь произнесъ депутатъ екатерининской провинціи, Яковъ Козельскій. По его мнѣнію, если крестьянинъ пьетъ и лѣнивъ, то это происходитъ отъ ужаснаго положенія крѣпостныхъ: «Самый трудолюбивый человѣкъ, — говоритъ онъ, — сдѣлается нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи. Лучше, кажется, по человѣколюбію, стараться возбуждать народъ къ работѣ вольной и не томной, то онъ большій урокъ вырабатывать будетъ и не устанетъ, нежели одной неволею и удрученіемъ рабства». Такое положеніе крѣпостныхъ разоряетъ государство и общество, и поэтому необходимо, по мнѣнію Козельскаго, во-первыхъ, установить точно повинности крестьянина по отношенію къ помѣщику, во-вторыхъ, дать ему право собственности: «что же касается до имѣній крестьянскихъ движимыхъ и недвижимыхъ,—говоритъ онъ,—то оставить оными пользоваться крестьянамъ съ тѣмъ только, чтобы они безъ дозволенія помѣ-

щика не властны были никому продать, ни заложить изъ недвижимыхъ именій, а владѣли бы сами потомственно, безъ участія помѣщика». Но, надо отмѣтить, онъ либеральничалъ лишь за чужой счетъ и для свободныхъ малорусскихъ крестьянъ требовалъ установленія крѣпостного права,—запретить имъ свободный переходъ, который они тогда еще имѣли. Приблизительно тѣ же требованія выставилъ и Авраамъ Рошкевичъ, депутатъ гусарскаго Бахмутскаго полка отъ дворянъ: крестьяне должны владѣть движимостью и недвижимостью, послѣднею ограничено, барщина не должна превышать 2 дней, а женщины должны выходить только въ страду, вольные не могутъ быть закрѣпощаемы; Рошкевичъ отстаивалъ для всей Россіи, по обычаю Украины, свободный переходъ крестьянъ.

Самое радикальное предложеніе сдѣлалъ депутатъ отъ однодворцевъ, А. Масловъ. Въ его проектѣ дѣло шло въ сущности о полномъ уничтоженіи крѣпостного права съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за людей и землю. «Крестьяне,—говорилъ Масловъ,—обще съ дворянствомъ и съ прочими россійскими людьми знатную государству оборону подаютъ и не малую на армію денежную сумму приносятъ, черезъ что составляютъ тѣло государства; а какъ въ Большомъ Наказѣ (Екатерины II) объяснено «всякій гражданинъ долженъ охраняться законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали бы его», поэтому я на разсужденіе почтеннѣйшаго собранія нижеслѣдующее предлагаю, — и дальше Масловъ излагаетъ проектъ реформы: организовать особую канцелярію, которая вѣдала бы крестьянъ; въ каждой провинціи открыть по мѣстной канцеляріи, куда крестьяне будутъ доставлять какъ всѣ государственныя повинности, такъ и оброкъ помѣщикамъ, и послѣдніе будутъ получать уже изъ крестьянской канцеляріи, сколько кому причитается. Помѣщики лишались и права суда и наказанія, такъ что за ними осталось бы лишь право на часть крестьянскихъ доходовъ. Всѣ эти либеральныя идеи такъ и не вышли изъ области предложеній, ибо Комиссія по выработкѣ новаго Уложенія была временно распущена въ 1769 году, ничего не предпринявъ въ области крестьянскаго вопроса; правительство лишь услыхало мнѣніе страны. Дальнѣйшая работа должна была итти въ частныхъ комиссіяхъ, и крестьянскій вопросъ обсуждался въ двухъ изъ нихъ: «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей» и въ комиссіи «о земледѣліи».

Въ первой засѣдало много остзейцевъ; на ихъ долю какъ разъ и досталась разработка вопроса о крестьянахъ. Мы уже знаемъ, что положеніе прибалтійскихъ крѣпостныхъ было не изъ блестящихъ и русскимъ крестьянамъ не приходилось особенно надѣяться на нѣмецкихъ бароновъ. Въ «Наказѣ» Екатерина высказала опредѣленное пожеланіе улучшить участь крѣпостныхъ, но, видно, подъ вліяніемъ рѣчей депутатовъ ея мнѣніе измѣнилось, и какъ разъ въ разгаръ работъ

Тріумфальная арка въ Кузьминкахъ (имѣніе Голицыныхъ).

комиссіи о положеніи крестьянъ Екатерина опубликовала «Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго Уложенія»; въ этомъ произведеніи она уже не нападаетъ на крѣпостное право, а говоритъ, что крестьянинъ «иногда обремененъ бываетъ, изъ чего слѣдуетъ, что помышлять подлежитъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ коихъ бы сей родъ людей нѣкоторую пользу почувствовалъ къ облегченію бремени». И задачу она ставила депутатамъ очень скромную, отлично понимая, что на большее они и не согласятся: «нѣтъ ли

способа найти основаніе, могущее произвести *нечувствительное нѣкоторое полезное* въ составленіе нижняго рода исправленіе, и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества».

Дѣйствительно, вся работа комиссіи свелась къ «нечувствительнымъ» измѣненіямъ, которыя такъ и остались пожеланіями. Въ комиссію были представлены четыре доклада о положеніи крестьянъ: Вольера, Гадедуша, Радвинскаго и Унгернъ-Штернберга; доклады эти вызвали рядъ писаныхъ замѣчаній.

Всѣ предлагали провести въ жизнь лишь самые элементарные принципы справедливости: позволить крѣпостнымъ свободно жениться; при продажѣ не разъединять мужа съ женой, дѣтей—съ родителями, при чемъ дѣлали примѣчаніе, что дѣти считаются до 7 лѣтъ; опредѣлить сумму, за которую крѣпостной можетъ выкупаться. Унгернъ шелъ нѣсколько дальше другихъ: онъ предлагалъ дать крестьянину право жаловаться на помѣщиковъ,—право, отнятое незадолго передъ этимъ Екатериной II, и владѣть движимымъ имуществомъ.

Въ 1769 году эта комиссія представила дирекціонной комиссіи проектъ правъ третьяго рода людей. Послѣ разсмотрѣнія его дирекціонной комиссіей проектъ явился, такъ сказать, официальнымъ мнѣніемъ, близкимъ къ осуществленію,—дирекціонная комиссія сдѣлала на немъ помѣтку: «разсуждать въ полномъ собраніи», и потому онъ представляетъ для насъ большой интересъ.

Проектъ не вносилъ существенныхъ перемѣнъ въ положеніе крѣпостныхъ,—они также должны были оставаться за помѣщикомъ, были обязаны отбывать барщину или платить оброкъ, земля вся принадлежала помѣщику, зато крестьянинъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, получалъ право распоряжаться движимостью, даже завѣщать ее въ предѣлахъ владѣній своего барина. Почти всѣ мелкія ограниченія помѣщичьей власти, предложенныя въ докладахъ, вошли въ проектъ положенія, такъ что пройди это положеніе въ жизнь—судьба крѣпостныхъ все-таки облегчилась бы.

Въ комиссіи «о земледѣліи» разбирались, главнымъ образомъ, крестьянскія повинности и ея членъ, Голенищевъ-Кутузовъ, вѣрно опредѣлилъ настроеніе комиссіи, говоря: «надлежало бы, конечно, сдѣлать твердое положеніе о сборѣ податей съ крестьянъ помѣщикамъ, дабы каждый вѣдалъ свое

право: что извѣстное одни давать, а другіе получать должны». Депутатъ Титовъ подробно разработалъ этотъ вопросъ. Опредѣляя повинности, онъ различаетъ оброчное и барщинное хозяйство. Въ первомъ случаѣ помѣщикъ взимаетъ по 2 р. 50 к. съ души, во второмъ—крестьяне обязаны работать на помѣщика 2 дня зимой и 1 день лѣтомъ и давать ему натурой $^1/_3$ своего чистаго дохода; расчетъ былъ сдѣланъ точно, такъ, напримѣръ, Титовъ предлагалъ, чтобы помѣщикъ получалъ съ каждой крестьянской коровы по 20 фунтовъ масла.

Екатерининская комиссія больше не собралась, и всѣ эти проекты, полезные для своего времени, пролежали въ архивахъ до тѣхъ поръ, пока не стали ненужными. Крестьянскій же вопросъ выступилъ на сцену при совершенно иныхъ условіяхъ. Уже въ комиссіи раздавались голоса, что злоупотребленія владѣльцевъ могутъ вызвать недовольство среди низшихъ классовъ населенія.

Дѣйствительно, въ тѣ годы все чаще и чаще случались убійства помѣщиковъ, отдѣльныя волненія, особенно въ восточной Россіи, на Уралѣ. Въ эти же годы, въ концѣ 60-хъ годовъ, съ возвращеніемъ депутатовъ на родину, въ деревню проникли смутные слухи о приближающейся реформѣ, и вдругъ раздался призывъ къ свободѣ (1774 г.). Это былъ манифестъ казака Емельяна Пугачева, обратившагося къ народу съ слѣдующими словами: «Я — вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась въ сторону дворянъ, и я поклялся Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. *Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ имъ отдать въ рабство, но я этому воспротивился*, и они вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ спасъ меня».

Екатерина II, какъ бы подтверждая эти слова, называла себя, въ обращеніи къ господамъ дворянамъ по поводу пугачевскаго бунта, «казанской помѣщицей», и дѣйствительно послѣ этой кровавой грозы, встряхнувшей всю Россію, «крестьянскій вопросъ» становится подозрительнымъ, разговоръ объ освобожденіи крѣпостныхъ дѣлается съ этого времени почти что государственнымъ преступленіемъ. Дворянство не хочетъ и слушать о какихъ-либо улучшеніяхъ въ положеніи крестьянъ,—за этимъ видятъ пожары и убійства, и Екатерина уже судитъ о крестьянскомъ вопросѣ не какъ философъ, а какъ казанская помѣщица.

Въ 1780 году она пишетъ новый трудъ, въ которомъ пытается «найти средства къ уравненію владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ чрезъ то отъ другихъ непослушаній». Въ этой запискѣ, оставшейся безъ всякаго движенія, излагаются уже извѣстныя намъ улучшенія, предложенныя въ свое время комиссіей. Но, кажется, Екатерина, работая надъ этими проектами, не рѣшалась итти дальше простыхъ разсужденій: докладныя записки объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, которые «лишены ея милостей», поданныя двумя генералъ-губернаторами — новгородскимъ Сиверсомъ и ярославскимъ Мельгуновымъ (масономъ)—были оставлены безъ всякаго вниманія; такъ же незамѣтно прошли другія болѣе мелкія попытки улучшить положеніе крестьянъ. Зато все усилявшееся крѣпостное право съ 1783 года захватило новую огромную территорію: съ этого года въ Малороссіи былъ запрещенъ свободный переходъ крестьянъ. Поэтъ Капнистъ въ одѣ «На рабство», написанной по этому поводу, далъ яркую картину того, что дала эта страшная «реформа»:

Капнистъ не безъ основанія укорялъ Екатерину, что благодаря ей тамъ, гдѣ была свобода, раздается лязгъ цѣпей. Но это стихотвореніе не увидало свѣта въ царствованіе Екатерины, съ которой судьба сыграла злую шутку: въ началѣ царствованія русская цензура вырѣзала изъ ея «Наказа» либеральныя мысли относительно крестьянъ, а въ концѣ царствованія она сама цензурой и тюрьмами боролась съ тѣми, кто осмѣливался развивать ея же идеи относительно улучшенія крестьянскаго быта. Реакція въ крестьянскомъ вопросѣ, наступившая въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка, принесла сильный вредъ русской деревнѣ: она не дала провести даже тѣхъ скромныхъ улучшеній, которыя были намѣчены въ 60-хъ годахъ. Всѣ разсужденія и споры вокругъ крѣпостного права не принесли никакого облегченія крестьянину и оказались полезны только тѣмъ, что выработали въ русскомъ обществѣ сознаніе, что рабство несправедливо, и что крѣпостной такой же человѣкъ. Это подготовило почву для постановки «крестьянскаго вопроса» во всей его широтѣ въ XIX вѣкѣ, когда крѣпостное право стало отмирать въ связи съ общимъ разложеніемъ полицейско-дворянскаго государства.

В. Филатовъ.

Екатерининская литература о крѣпостномъ правѣ.

Крѣпостное право играло въ русской жизни XVIII вѣка такую важную роль, что оно неминуемо должно было найти то или иное освѣщеніе въ литературѣ съ того момента, когда литература отъ паренія въ эмпиреяхъ стала обращаться къ воспроизведенію фактовъ живой дѣйствительности. Настоящая статья и ставитъ себѣ цѣлью выяснить, какую постановку получилъ въ екатерининской литературѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Изображеніе крѣпостного права въ екатерининской литературѣ можно раздѣлить на три категоріи. Къ первой мы отнесемъ тѣ произведенія, гдѣ крѣпостное право представлено какъ самая нормальная вещь, а крестьяне—какъ вполнѣ счастливые люди. На второмъ мѣстѣ нужно поставить писателей, изобличающихъ *злоупотребленія* помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ, но не нападающихъ на самое учрежденіе. И, наконецъ, лишь очень немногіе дошли до той мысли, что крѣпостное право само по себѣ есть величайшее «злоупотребленіе», что оно—главное зло русской жизни.

Очень характерна для первой группы произведеній «пастушеская драма» Василія Майкова «Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель». Помѣщикъ въ этой пьесѣ такимъ образомъ выясняетъ взаимныя отношенія господъ и крестьянъ: «Ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ—защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе». Заключается же пьеса хоромъ крестьянъ, восхваляющихъ свою жизнь:

Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.
  Мы руками работаемъ
  И за долгъ себѣ считаемъ
  Быть въ работѣ таковой,
  Давъ оброкъ съ насъ положенный.
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой.
Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою.
  Лошадей, коровъ, овецъ
  Много мы имѣемъ въ полѣ
  И живемъ по нашей волѣ
  Ты намъ баринъ и отецъ.

Гораздо многочисленнѣе произведенія, въ которыхъ авторы, не нападая на крѣпостное право по существу, изобличаютъ злоупотребленія этимъ правомъ со стороны дурныхъ помѣщиковъ. Эти мотивы мы найдемъ одинаково въ лирикѣ и въ романахъ, въ комедіяхъ и въ статьяхъ сатирическихъ журналовъ. Чаще всего въ этихъ изобличеніяхъ встрѣчаются такія темы: жестокость помѣщиковъ, сказывающаяся въ безчеловѣчныхъ наказаніяхъ; жадность, вслѣдствіе которой они налагаютъ на крестьянъ непосильные поборы и обременяютъ ихъ работой; отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, какъ къ низшимъ существамъ; незаконная торговля рекрутами; насильственные браки между крестьянами, устраиваемые по волѣ помѣщиковъ; крайняя бѣдность крестьянъ. Надо сказать, что среди всѣхъ этихъ изображеній крѣпостного права мы, на ряду съ довольно живыми бытовыми чертами, найдемъ и литературный шаблонъ—отвлеченную и реторическую декламацію на тему о дурныхъ помѣщикахъ. Подчасъ такую декламацію можно было соединять съ самымъ несомнѣннымъ крѣпостничествомъ. Яркій примѣръ тому—Сумароковъ. Въ одномъ его стихотвореніи прилетѣвшая изъ-за моря синица разсказываетъ:

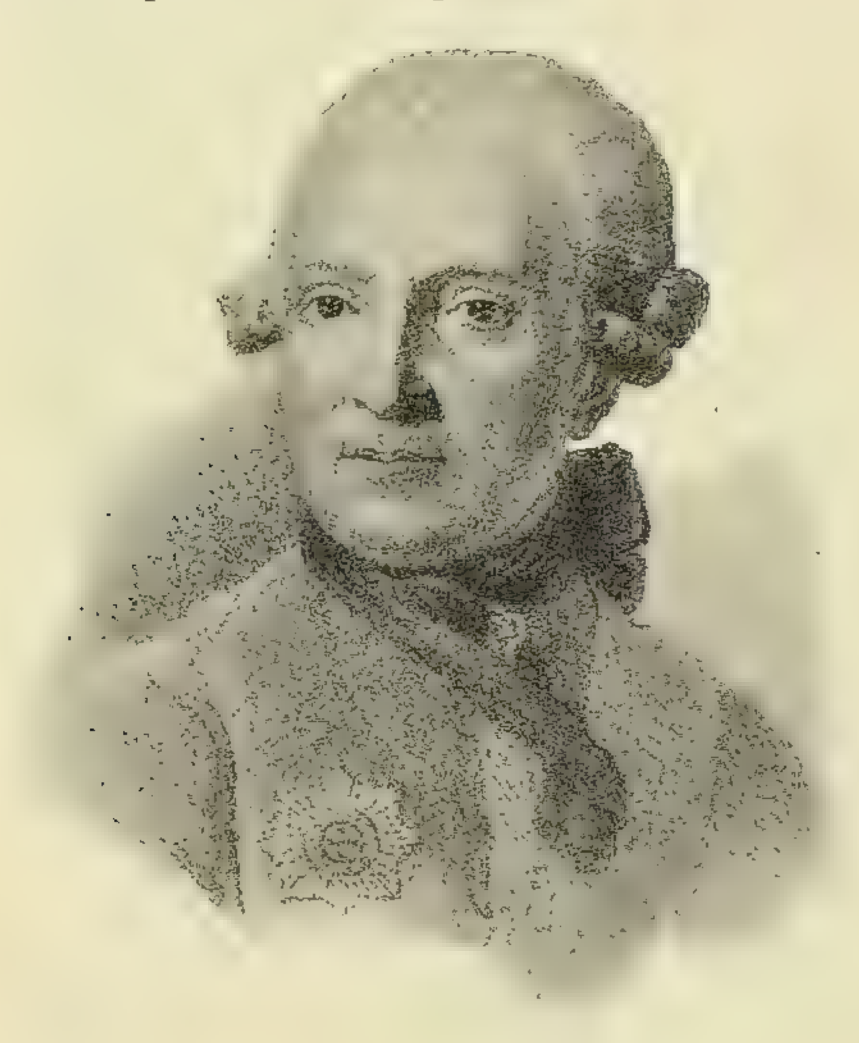
Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ.
За моремъ людьми не торгуютъ.

Въ сатирѣ «О благородствѣ» Сумароковъ задается вопросомъ:

На то ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?

и доказываетъ, что крестьяне такіе же люди, какъ и благородные. Всѣ эти нападенія на крѣпостное право не мѣшали Сумарокову быть очень опредѣленнымъ крѣпостникомъ, какимъ онъ является въ своихъ возраженіяхъ на Наказъ Екатерины и въ извѣстномъ письмѣ въ Вольно-Экономическое общество.

Указанія на злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ со стороны помѣщиковъ, на тяжелое положеніе крестьянъ довольно часто можно встрѣтить въ театральныхъ пьесахъ. На первомъ

А. П. Сумароковъ (портр. Афанасьева).

мѣстѣ среди этихъ пьесъ по художественности изображенія помѣщичьихъ отношеній къ крѣпостнымъ, конечно, нужно поставить «Недоросля» Фонвизина, —яркія бытовыя черты его комедіи общеизвѣстны. Но Фонвизинъ представляетъ Простакову не типичной помѣщицей, а рѣдкимъ исключеніемъ: въ концѣ-концовъ даже правительство обращаетъ вниманіе на ея дѣянія и полагаетъ конецъ ея жестокостямъ и самоуправству. Можно вспомнить, что и сама Екатерина выводила въ

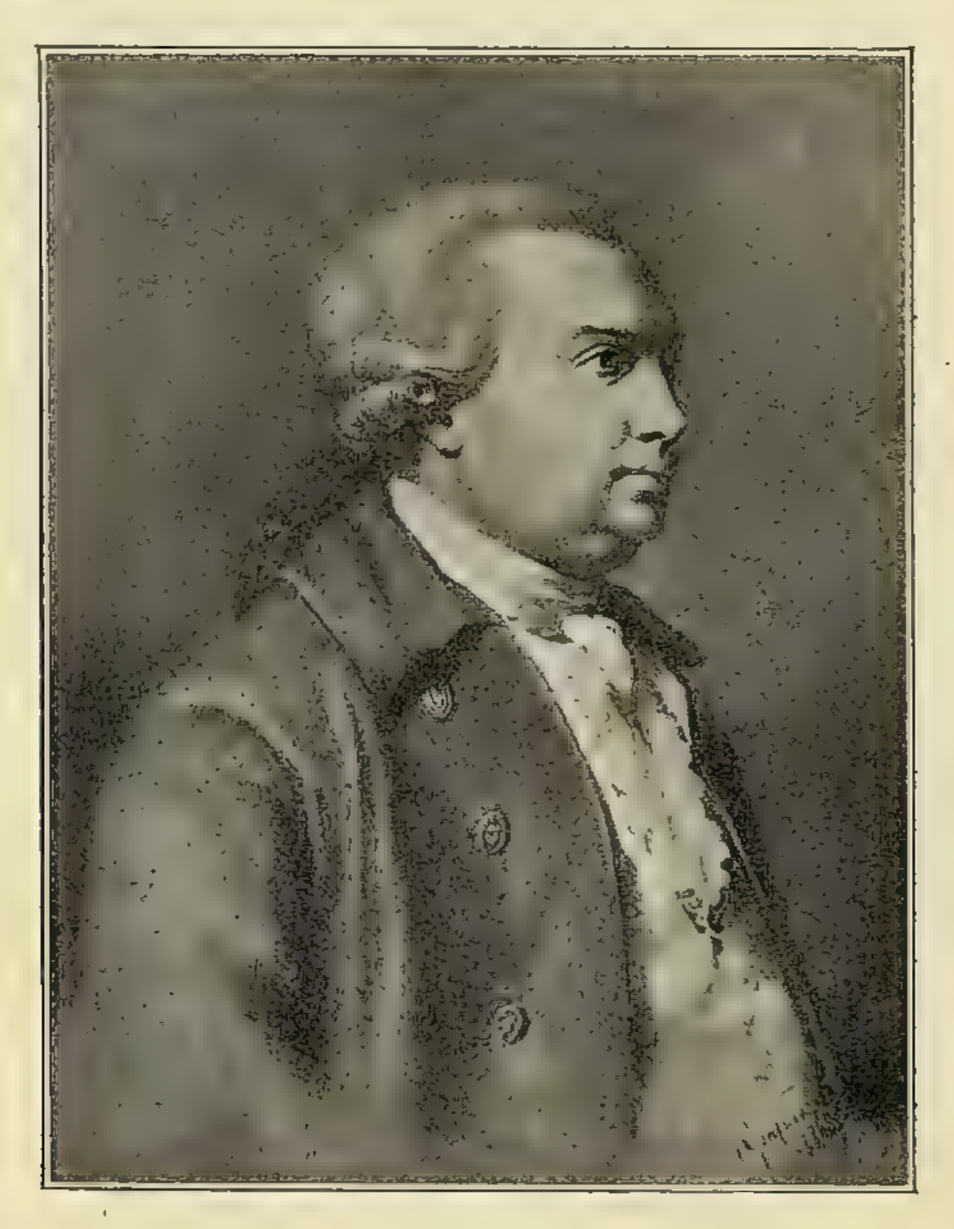
своихъ комедіяхъ жестокихъ помѣщиковъ (напримѣръ, въ комедіи «О, время!»).

Въ лирикѣ самымъ сильнымъ выпадомъ противъ крѣпостного права была ода Капниста «На рабство», написанная въ 1783 г., по поводу закрѣпощенія крестьянъ въ родной автору Малороссіи. Капнистъ говоритъ, что его отчизна стала какъ скорбная вдовица —рабство повергло ее въ отчаяніе и слезы, и задаетъ смѣлый вопросъ царямъ: на то ли дана имъ власть, чтобы дѣлать людей несчастными и быть бичами міра? Благоразумные друзья посовѣтовали Капнисту не печатать этой оды, и она увидѣла свѣтъ уже въ царствованіе Александра I.

Нашло себѣ отраженіе крѣпостное право и въ статьяхъ сатирическихъ журналовъ, которые были въ большой модѣ въ періодъ времени отъ 1769 по 1774 гг. Характерно, что сатирическіе журналы прекращаются именно въ 1774 г.—годъ пугачевщины; послѣ этого года они являются уже только отдѣльными единицами.

Среди сатирическихъ журналовъ екатерининской эпохи во всѣхъ отношеніяхъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены журналы Н. И. Новикова «Трутень» и «Живописецъ». Особенно любопытно отношеніе этихъ журналовъ къ крѣпостному праву. Вотъ нѣсколько образчиковъ. Въ «Трутнѣ» изображается помѣщикъ Безразсудъ, который думаетъ о крестьянахъ такъ: я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы претерпѣвать всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора. Другой помѣщикъ, Злорадъ, «одѣваетъ, обуваетъ и кормитъ своихъ слугъ весьма худо, утверждая, что когда сіи безумія его несчастные невольники чувствуютъ голодъ и холодъ, тогда ежеминутно памятствуютъ они свое рабство и тѣмъ побуждаются ко исполненію своихъ должностей». Онъ полагаетъ, что «рабамъ жестокость и наказаніе такъ, какъ и дневная пища, необходимо нужны». Далѣе мы находимъ въ томъ же журналѣ цѣлую переписку помѣщика со своими крестьянами: донесеніе старосты помѣщику, указъ помѣщика крестьянамъ, челобитная барину одного изъ его рабовъ, Филатки. Въ этой перепискѣ художественно переданы черты подлинныхъ отношеній—крайней забитости нищихъ-крестьянъ и суровой требовательности господина. Еще ярче картины ужаснаго положенія крестьянъ и нравственнаго одичанія господъ въ «Живописцѣ». Несо-

мнѣнно, художественны и великолѣпны въ бытовомъ отношеніи письма къ Ѳалалею его отца, уѣзднаго дворянина, матери и дяди. Уѣздный дворянинъ сообщаетъ, напримѣръ, сыну, какъ мать его наказывала дворовыхъ за то, что они не доглядѣли за собакою. «Ну-да полно и было за это людямъ. Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю,

Д. И. Фонвизинъ (портр. Крамского).

что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ, перемѣнъ двѣнадцать подадутъ: попроситъ, небось, воды со льдомъ; да это нѣтъ ничего, лучше смотрятъ». Есть въ «Живописцѣ» и болѣе образованная помѣщица, чѣмъ «Сидоровна»: она, придя изъ конюшни — мѣста наказанія крѣпостныхъ, — зачитывается французскими чувствительными романами. Подобныхъ этому изображеній не мало у Новикова. Но всѣ ихъ превосходитъ

по своей силѣ «Отрывокъ путешествія въ ** И. Т.». Во время путешествія съ авторомъ «бѣдность и рабство повсюду встрѣчались въ образѣ крестьянъ». Новиковъ даетъ потрясающую картину жизни людей, доведенныхъ до послѣдней степени бѣдности и запуганности. Деревня Разоренная, изображенная Новиковымъ,—это мѣсто страданій, каторжнаго труда и нищеты. Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: «Я не включилъ въ сей листокъ разговоръ путешественника со крестьяниномъ по нѣкоторымъ причинамъ: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ». Такого рода недомолвки, вызванныя опасеніемъ быть слишкомъ рѣзкимъ, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ новиковскихъ журналовъ: сатира Новикова била въ своей критикѣ общественнаго устройства гораздо дальше, чѣмъ это считала допустимымъ Екатерина.

Безъ сомнѣнія, въ литературѣ XVIII вѣка статьи новиковскихъ сатирическихъ журналовъ, посвященныя крѣпостному праву, должны быть поставлены по своей силѣ сейчасъ же за книгой Радищева. И, однако, нужно сказать, что нигдѣ Новиковъ не нападаетъ на самое крѣпостное право, а лишь на злоупотребленія имъ. Нѣсколько разъ онъ говорилъ, что его изображенія—это изображенія *дурныхъ* помѣщиковъ. Изъ упомянутой выше деревни Разоренной авторъ отправляется въ деревню Благополучную,—онъ много наслышался про доброту помѣщика этой деревни и довольство крестьянъ. Въ «Трутнѣ» Новиковъ высказываетъ «поселянамъ» пожеланіе, чтобы помѣщики были имъ отцы, а они помѣщикамъ—дѣти. Повидимому, его идеаломъ были добрыя патріархальныя отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Совершенно особенное мѣсто въ литературѣ о крѣпостномъ правѣ занимаетъ знаменитая полу-публицистическая, полу-художественная книга А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»,—книга, принесшая столько бѣдъ автору и въ то же время обезсмертившая его имя. Мало сказать, что *для своего времени* Радищевъ былъ лучшимъ изобразителемъ тяготы крестьянской жизни,—книга Радищева является единственной во всей русской литературѣ по полнотѣ и правдивости изображенія судьбы крѣпостныхъ, по силѣ страстнаго негодованія, съ которымъ авторъ относится къ существованію рабства на его родинѣ. Радищевъ послѣдовательно касается всѣхъ сторонъ крѣпостного права и для изображенія его уродливостей и жестокостей находитъ яркія краски, сильные образы, живую и

пламенную рѣчь негодованія, внушеннаго участіемъ къ жалкой судьбѣ крѣпостныхъ и искренней ненавистью къ тираніи помѣщиковъ. Невыносимая тяжесть труда крѣпостныхъ на помѣщика; жестокое до звѣрства обращеніе съ крѣпостными, доводившее иногда послушныхъ рабовъ до возмущенія и преступленій; развратъ помѣщиковъ въ своихъ деревняхъ и всяческое самоуправство ихъ; печальное положеніе крѣпостного, случайно получившаго образованіе и тѣмъ больнѣе чувству-

Н. И. Новиковъ (портр. Левицкаго).

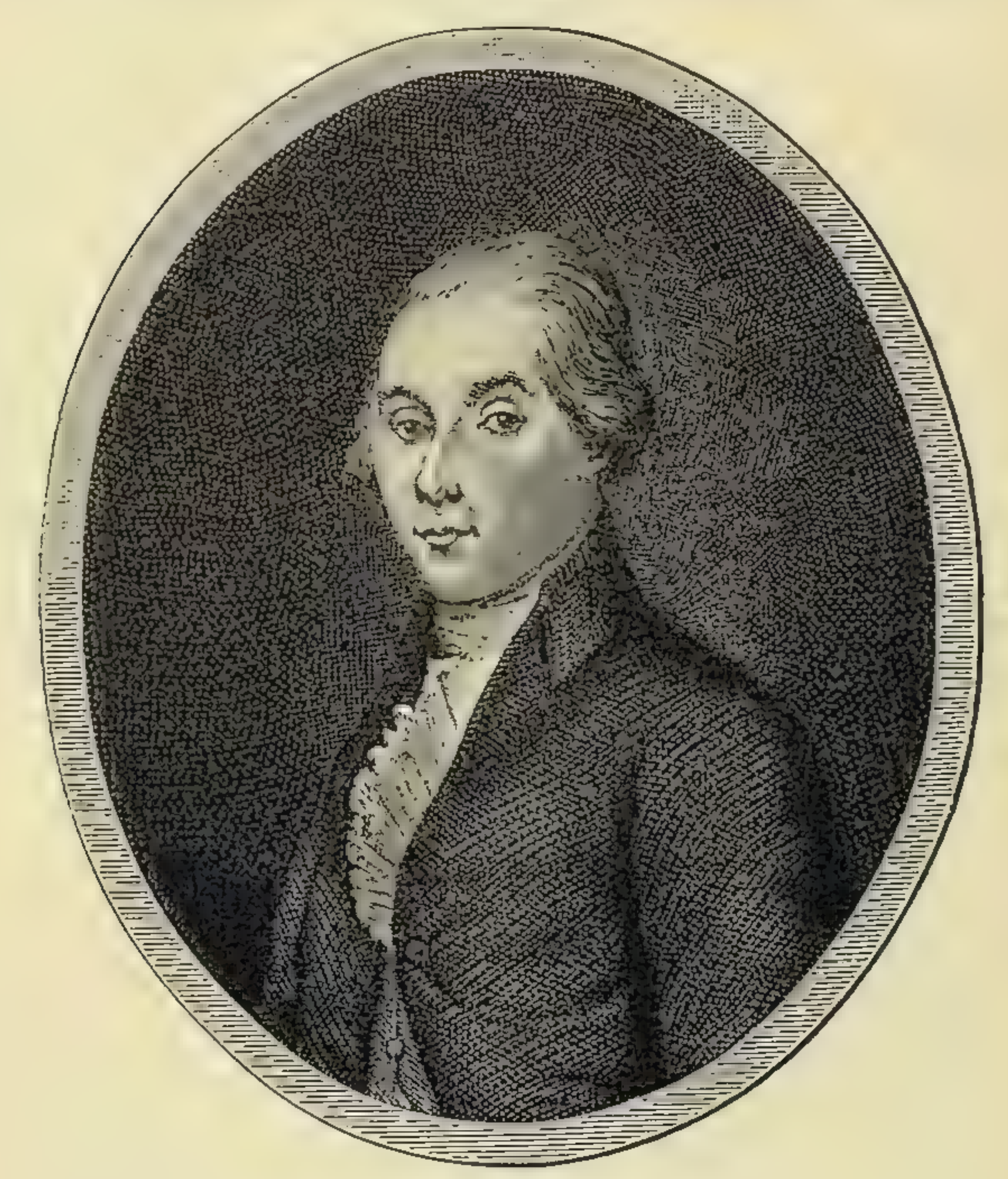
ющаго свою горькую участь; безправное положеніе крѣпостныхъ передъ лицомъ закона; крайняя нищета крестьянскаго быта; насильственные браки между крѣпостными, устраиваемые по волѣ помѣщика; ужасный обычай продавать крѣпостныя семьи съ аукціона—вотъ темы изображеній Радищева. Всѣ свои наблюденія надъ крестьянскою жизнью Радищевъ резюмируетъ въ такихъ сильныхъ словахъ: «Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ». И изображеніе этого грустнаго жребія цѣ-

ликомъ основано у Радищева на знакомствѣ съ подлинной русской жизнью,—мы находимъ въ его книгѣ не отвлеченную декламацію противъ рабства вообще, а рядъ картинъ, живьемъ выхваченныхъ изъ русской дѣйствительности. Извѣстный историкъ Семевскій («Крестьянскій вопросъ въ Россіи») приводитъ цѣлый рядъ фактовъ изъ русской жизни XVIII вѣка, подтверждающихъ глубокую правдивость картинъ Радищева. Жизненная вѣрность изображеній Радищева была такъ велика, что даже такой пристрастный критикъ, какъ императрица Екатерина, съ наивной самоувѣренностью писавшая въ своихъ примѣчаніяхъ на книгѣ Радищева «Лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной», не могла не замѣтить по прочтеніи разсказа о помѣщикѣ, изнасиловавшемъ 60 крестьянскихъ дѣвушекъ: «Едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова».

Радищевъ старается доказать гибельность крѣпостного права со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Онъ указываетъ, что крѣпостное право вредно отражается на ростѣ населенія; что рабскій трудъ очень непроизводителенъ, а потому существованіе крѣпостного права удерживаетъ Россію на низкой степени культуры; что крѣпостное право противно религіи и вредно для гражданскаго устройства; что рабство очень скверно вліяетъ на нравственность какъ господъ, такъ и рабовъ. «Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе. Съ одной стороны, родится надменность, съ другой—робость. Тутъ никакой не можно быть связи, развѣ насиліе». Радищевъ хорошо понимаетъ, что крѣпостное право тяжело отражается на всемъ общественномъ и государственномъ строѣ. «Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ?» спрашиваетъ онъ. Людямъ, неспособнымъ ни проникнуться состраданіемъ къ судьбѣ крѣпостныхъ ни стать на широкую точку зрѣнія прогресса всей націи, Радищевъ указываетъ на грозную опасность возстанія крестьянъ, доведенныхъ до отчаянія, на возможность повторенія пугачевщины.

«Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности... Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содер-

жимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ

А. Н. Радищевъ (портр. Алексѣева).

во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія... Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, *или любитель человѣчества*, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся». Съ людьми, которымъ доступны и другія побужденія, кромѣ уз-

кихъ соображеній личной выгоды и страха, Радищевъ говоритъ инымъ языкомъ, онъ взываетъ къ ихъ чувству человѣчности и справедливости. «Но если ужасъ гибели и опасность потрясенія стяжаній подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, то ужели не будемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ попраніи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства и не возстановимъ природное всѣхъ равенство?.. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія... Не медлите, возлюбленные мои. Время летитъ; дни наши преходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашея, возымѣвъ только мысль благую и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожнетъ вѣнца нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были». По поводу этихъ словъ Екатерина въ своихъ примѣчаніяхъ на книгу Радищева насмѣшливо говоритъ: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». Порою, очевидно, и самому Радищеву казалось, что его никто не послушаетъ, тогда у него вырывались слова, имѣющія тотъ смыслъ, что только стихійное возмущеніе самой крестьянской массы можетъ дать свободу милліонамъ рабовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ мы находимъ замѣчаніе: «А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тягости порабощенія». Подобный же смыслъ имѣютъ и слова: «Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ». На основаніи этихъ словъ Екатерина прямо приписала Радищеву намѣреніе произвести крестьянскій бунтъ. Конечно, неосновательность такого предположенія сразу бросается въ глаза,—Радищевъ въ своихъ отвѣтахъ, данныхъ при слѣдствіи, резонно замѣтилъ, что крестьяне прежде всего поголовно безграмотны. Не въ устройствѣ крестьянскаго бунта здѣсь дѣло, а въ томъ, что Радищевъ останавливался мысленно на всѣхъ тѣхъ способахъ, какими, по его мнѣнію, могла быть осуществлена крестьянская свобода въ Россіи, и готовъ былъ привѣтствовать любой путь, лишь бы онъ велъ къ завѣтной цѣли. Подчасъ онъ приходитъ въ отчаяніе, тогда мы слышимъ изъ его устъ скорбныя слова: «О, горестная участь многихъ милліоновъ! Конецъ твой сокрытъ отъ взора еще и внучатъ моихъ!» Но въ общемъ Радищевъ не склоненъ смотрѣть безнадежно на возможность освобожденія

крестьянъ и даже самъ предлагаетъ детальный планъ освобожденія крестьянъ. Чтобы сдѣлать свой планъ практически пріемлемымъ, Радищевъ вводитъ въ освобожденіе постепенность. Онъ предлагаетъ прежде всего запретить помѣщикамъ брать крестьянъ въ дворовые и дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія своего господина. Потомъ слѣдуетъ рядъ мѣръ, обезпечивающихъ крестьянамъ ихъ собственность и правильный судъ,—а правильнымъ судомъ, по мнѣнію Радищева, является лишь судъ людей, равныхъ подсудимому по общественному положенію. Далѣе крестьяне за установленную закономъ сумму могутъ пріобрѣтать вольность, при чемъ помѣщикъ не имѣетъ права отказать имъ въ этой вольности, разъ соблюдены всѣ требуемыя условія. Наконецъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства. Очень интересенъ въ этомъ проектѣ пунктъ, по которому крестьяне «удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать». Эта мысль о необходимости освобожденія крестьянъ *съ землею* неоднократно повторяется и въ другихъ мѣстахъ «Путешествія». «Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?» спрашиваетъ, напримѣръ, Радищевъ. Или: «Но колико удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія! У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого!» Въ этомъ отношеніи Радищевъ опередилъ многихъ либерально-настроенныхъ людей даже слѣдующей эпохи: извѣстно, что нѣкоторые декабристы, сочувствуя освобожденію крестьянъ, представляли себѣ это освобожденіе безъ земли.

Важно отмѣтить одну психологическую черту у Радищева. Размышляя о положеніи крестьянъ у одного очень жестокаго помѣщика, Радищевъ вдругъ остановился взоромъ на фигурѣ своего крѣпостного слуги Петрушки, раскачивающагося въ полуснѣ на козлахъ изъ стороны въ сторону, и покраснѣлъ. Ему стало стыдно при мысли, что онъ лишаетъ этого человѣка величайшаго блага—сна, и въ качествѣ барина помыкаетъ имъ, какъ хочетъ. А тутъ еще вспомнилась пощечина, которую онъ какъ-то далъ напившемуся Петрушкѣ—«и слезы потекли изъ глазъ моихъ» (вспомнимъ, что по литературной манерѣ Радищевъ въ значительной степени былъ сентименталистомъ). Ему стало жаль, что Петрушка тогда не отвѣтилъ ему такой же

пощечиной... Такое чувство личной отвѣтственности, горькое сознаніе культурнаго человѣка, что вся его культурность и вся удобная жизненная обстановка созданы рабскимъ трудомъ, развились въ широкой степени лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти Радищева. Такимъ образомъ Радищевъ является первымъ по времени «кающимся дворяниномъ» въ русской жизни.

Подведемъ итоги сказанному. Литература екатерининской эпохи въ общемъ довольно часто—хотя бы и мимоходомъ—затрогивала вопросы, связанные съ крѣпостнымъ правомъ. Но нападенія писателей были почти исключительно нападеніями на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ и на дурныхъ помѣщиковъ, а не на самое учрежденіе крѣпостного права. Довольно часто нападки на дурныхъ помѣщиковъ были лишь декламаціей, которая вовсе не предполагала дѣйствительнаго участія къ положенію крестьянъ. На одно изъ первыхъ мѣстъ по правдивости и яркости изображенія и по силѣ нападенія должны быть поставлены статьи въ сатирическихъ журналахъ Новикова. Что касается книги Радищева, то она занимаетъ совершенно исключительное положеніе: только черезъ нѣсколько десятилѣтій русская общественная мысль достигла по вопросу о крестьянахъ и ихъ положеніи той опредѣленности и зрѣлости, какія мы находимъ у Радищева, этого «врага рабства», какъ его назвалъ Пушкинъ.

М. Клевенскій.

Крестьянскій вопросъ и отношеніе къ нему правительства и общества въ первой четверти XIX-го вѣка.

I.

Законодательство Екатерины II, направленное противъ крѣпостного права, ограничилось лишь изданіемъ нѣсколькихъ указовъ, по существу нисколько не измѣнившихъ сложившагося соціальнаго уклада. Екатерина не рискнула даже попытаться нормировать закономъ крестьянскіе повинности и платежи, несмотря на то, что непрерывныя крестьянскія волненія настоятельно указывали на необходимость законодательнаго вмѣшательства для прекращенія дальнѣйшаго злоупотребленія помѣщичьей властью. Въ этомъ отношеніи даже Пугачевщина ничему не научила правительство, а скорѣе дала противоположные результаты. Вполнѣ понятно, что когда крестьянство мало-по-малу пришло въ себя отъ террористической усмирительной политики правительства и когда въ деревнѣ подросло новое поколѣніе, незнакомое съ характеромъ подавленія возстанія, то крестьянскія волненія должны были вспыхнуть съ новой силой, тѣмъ болѣе, что послѣ пугачевскаго движенія экономическое положеніе крестьянъ значительно ухудшилось. Увеличился средній размѣръ оброка, и намѣчалась тенденція къ дальнѣйшему повышенію: пятирублевый оброкъ средины екатерининскаго царствованія увеличился мѣстами до 20 — 35 руб. Конечно, подобные размѣры оброка были выше платежныхъ силъ крестьянъ. Параллельно увеличенію оброчныхъ платежей росла и барщина. Во многихъ хозяйствахъ барщина стала ежедневной, не исключая и праздниковъ; у крестьянъ совершенно не оставалось времени для обработки своихъ микроскопическихъ надѣловъ. Встрѣчались и такія хозяйства, впрочемъ, сравнительно

рѣдко, въ которыхъ вся крестьянская земля присоединилась къ помѣщичьей запашкѣ, а крестьяне получали отъ помѣщика «мѣсячину», едва достаточную для того, чтобы только не умереть отъ голода. Помимо этого, тяжесть положенія барщинныхъ крестьянъ увеличилась отъ распространенія среди помѣщиковъ страсти къ промышленной дѣятельности. Въ имѣніяхъ устраиваются фабрики и заводы, что къ концу вѣка стало обычнымъ явленіемъ. Сплошь и рядомъ, устройство фабрики или завода вело къ полному разоренію крестьянъ, которыхъ принуждали выселяться въ другія деревни, а на мѣстѣ крестьянскихъ избъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ возводились фабричныя и заводскія постройки. Крестьянскіе надѣлы присоединялись къ барской запашкѣ. Помимо барщины, крестьянамъ приходилось работать и на вновь открытыхъ заводахъ, и работа на нихъ не освобождала крестьянъ отъ другихъ барщинныхъ работъ. Всѣ эти условія, усиливая недовольство крестьянъ своимъ соціально-экономическимъ положеніемъ, заставили ихъ снова подняться на защиту своего безправнаго положенія. Крестьянскія волненія въ царствованіе Павла I довольно скоро охватили 32 губерніи, при чемъ на этотъ разъ захватили и тѣ губерніи (Орловская, Тульская, Калужская), которыя не принимали никакого участія въ Пугачевщинѣ. По своему характеру эти волненія во многомъ отличались отъ Пугачевщины. Новыя волненія—специфически крестьянскія. Заводское населеніе не принимало въ нихъ никакого участія. Крестьянская масса не имѣла ни общаго вождя, ни однообразной программы, которая могла бы объединить возставшіе элементы. Крестьянскія волненія вспыхивали разновременно, и большею частью на активный протестъ рѣшались не особенно значительныя группы. Кое-гдѣ количество бунтовавшихъ достигло значительной цифры: такъ, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, число участниковъ доходило до 13.000 чел. Во многихъ мѣстахъ волненія сначала не носили активнаго протеста, и все неповиновеніе ограничивалось лишь подачей прошенія на Высочайшее имя, что разрѣшалось указомъ отъ 12 декабря 1796 года. Крестьяне широко воспользовались этимъ правомъ. Собравшись на сходъ и составивши прошеніе, они выбирали ходока для подачи «челобитья» государю. Подобнаго рода прошенія очень цѣнны для характеристики тогдашняго крѣпостного права и для идеологіи крестьянскихъ волненій.

Крестьяне жалуются на тяжесть барщинныхъ работъ и оброчныхъ платежей, на притѣсненіе приказчиковъ и управителей, жестокость помѣщика. Всѣ практическія пожеланія безправной массы сводились къ просьбѣ обратить ихъ въ состояніе государственныхъ крестьянъ.

Въ крестьянскихъ волненіяхъ павловскаго царствованія принимало весьма видное участіе сельское духовенство. Вышедшее изъ крестьянской среды духовенство и по своему общему міровоззрѣнію и по соціальному положенію весьма близко подходило къ крестьянской массѣ, испытывая на себѣ и тяжесть помѣщичьей власти, и необезпеченность положенія, и фактическое отсутствіе неприкосновенности личности. Все это и опредѣлило отношеніе сельскаго духовенства къ волненіямъ.

Павелъ I въ масонскихъ атрибутахъ (изъ музея Щукина).

Павелъ I не относился безразлично къ крестьянскимъ прошеніямъ, но практически все сочувствіе государя ограничивалось лишь положеніемъ резолюціи, въ общемъ благожелательной для крестьянъ; но разсмотрѣніе жалобы по существу поручалось правительственной администраціи, связанной съ мѣстными землевладѣльцами и своимъ происхожденіемъ и общими экономическими интересами. Разборъ прошенія былъ чуждъ какой бы то ни было объективности, и крестьяне всегда оказывались виновными. Главныхъ зачинщиковъ за ложный доносъ подвергали наказанію плетьми и др. Конечно, крестьянская масса не могла оставаться спокойной при видѣ

расправы съ ея довѣреннымъ лицомъ. Крестьяне вступались за своего «ходока» и отказывались отъ повиновенія и работъ на помѣщика. Такъ возникалъ бунтъ, обыкновенно усмиряемый посылкой военной команды. Въ нашу задачу не входитъ описаніе «усмиренія» возставшаго крестьянства. Конечно, неорганизованное и плохо вооруженное крестьянство, если первоначально кое-гдѣ одерживало верхъ надъ военной силой, то, въ конечномъ результатѣ, побѣда должна была остаться за организованной арміей и за господствующимъ классомъ. Тѣмъ не менѣе, крестьянскія волненія произвели на правительство сильное впечатлѣніе. Первоначально правительство ограничилось опубликованіемъ манифеста отъ 29 января 1797 года, въ которомъ предписывалось, «чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія». Но манифестъ не произвелъ на крестьянскую массу никакого впечатлѣнія, и правительство сочло своевременнымъ урегулировать закономъ то количество времени, на которое помѣщикъ можетъ заявлять свои требованія. Такъ, 5 апрѣля 1797 года былъ изданъ указъ, извѣстный подъ именемъ закона о трехдневной барщинѣ. Въ указѣ говорилось, «дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ». Но этотъ указъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ никакого практическаго значенія для измѣненія создавшихся въ крѣпостной деревнѣ отношеній, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что кое-гдѣ все-таки онъ соблюдался. Въ несоблюденіи закона, конечно, виновато само правительство, совершенно не слѣдившее за примѣненіемъ закона въ жизни, да и не имѣвшее необходимыхъ органовъ для надзора за его исполненіемъ. Тѣмъ не менѣе, за закономъ о «трехдневной барщинѣ» остается огромное принципіальное значеніе, какъ первая попытка со стороны правительства вмѣшаться въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и положить

начало ихъ радикальному измѣненію въ будущемъ. Почти одновременно было издано распоряженіе о запрещеніи въ Малороссіи продажи крестьянъ безъ земли, а февральскимъ указомъ 1797 г. это распоряженіе стало обязательнымъ и для всей Россіи. Законъ запрещалъ «дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка, или съ подобнаго на сію продажу торга». Всѣ эти узаконенія едва ли обнаруживаютъ настоящее отношеніе Павла къ крѣпостному праву. И въ этомъ отношеніи политика Павла отличалась такой же неустойчивостью и неровностью, скорѣе, противорѣчивостью, какъ и по другимъ вопросамъ законодательства. Нельзя не замѣтить, что законодательное прикрѣпленіе крестьянъ на Дону и въ Новороссіи, раздача населенныхъ имѣній въ частное владѣніе: въ четырехлѣтнее царствованіе было роздано около 600.000 душъ обоего пола, половину котораго составляли дворцовыя вотчины въ Великороссіи, подтвержденіе права помѣщиковъ ссылать своихъ людей на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты и отмѣна запрещенія фабрикантамъ и заводчикамъ не изъ дворянъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, конечно, идутъ въ разрѣзъ съ вышеизложенными указами. Все это не позволяетъ считать Павла I въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя питали отвращеніе къ крѣпостному праву и сознавали необходимость его отмѣны. Наоборотъ, глубокое убѣжденіе государя, что помѣщичьимъ крестьянамъ живется лучше, чѣмъ казеннымъ, указывало на то, что, несмотря на видимое нерасположеніе къ отдѣльнымъ лицамъ изъ дворянскаго сословія, Павелъ собственно оставался такимъ же «дворянскимъ» царемъ, какъ и нелюбимая имъ мать, и признавалъ вполнѣ нормальнымъ владѣніе «крещеной собственностью».

Александръ I (портр. Монье 1806 г.).

Политическій либерализмъ въ началѣ новаго столѣтія поставилъ снова на очередь крестьянскій вопросъ. Интересомъ къ послѣднему были охвачены не только широкіе общественные круги, но и правительство въ лицѣ молодого либерально-настроеннаго государя. Конечно, Александръ I былъ противникомъ крѣпостного права, и, вѣроятно, онъ былъ искрененъ, когда говорилъ объ ограниченіи крѣпостного права и даже его полной отмѣнѣ. Но, къ сожалѣнію, отвращеніе государя къ крѣпостному праву не имѣло никакихъ существенныхъ результатовъ для крѣпостныхъ, положеніе которыхъ оставалось безъ всякой перемѣны. Отчасти это зависѣло отъ самого государя, весьма нерѣшительнаго и неустойчиваго въ своихъ намѣреніяхъ, да къ тому и не знавшаго, какъ подойти къ рѣшенію крестьянскаго вопроса; отчасти отъ его сотрудниковъ, бывшихъ или крѣпостниками по принципу, или высказывавшихся по крестьянскому вопросу такъ же расплывчато и туманно, какъ и самъ молодой государь. Отсутствіе у правительства какой бы то ни было опредѣленной программы и свело на нѣтъ всѣ либеральныя мечтанія и пожеланія.

Сейчасъ же послѣ вступленія на престолъ Александръ желалъ уничтожить продажу крестьянъ въ розницу безъ земли. Вопросъ разсматривался въ вновь учрежденномъ Государственномъ Совѣтѣ, куда генералъ-прокуроръ внесъ записку о непродажѣ людей безъ земли вмѣстѣ съ проектами указовъ по этому предмету. Въ запискѣ упоминалось о намѣреніи правительства охранить «помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей отъ злоупотребленія надъ ними власти господской, не только противнаго человѣчеству, но и общей пользѣ», такъ какъ «и донынѣ съ людьми какъ съ вещественною собственностью поступается, и ими торгъ и продажа даже публично производится, а къ тому самые земледѣльцы отъ семьи отлучаются и обращаются, со всѣмъ послѣдующимъ родомъ ихъ, въ состояніе дворовыхъ людей, большею частью безполезныхъ, а отъ праздности и развратныхъ». Но для Государственнаго Совѣта и подобная сравнительно узкая постановка вопроса оказалась непріемлемой. Совѣтъ высказалъ опасеніе, что уже эта одна мѣра вызоветъ въ народѣ волненіе, тѣмъ болѣе, что онъ не разъ выходилъ изъ повиновенія и по менѣе важнымъ поводамъ, и предложилъ отложить на нѣкоторое время исполненіе этого предложенія. Кажется, кромѣ прокурора, остав-

шагося при особомъ мнѣніи, больше никто изъ членовъ Совѣта не рѣшился подать голосъ за предложенную мѣру. Александръ подчинился желанію своихъ государственныхъ дѣльцовъ, запретилъ только именнымъ указомъ на имя президента Академіи Наукъ барона Николи не печатать объявленій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о продажѣ людей безъ земли. Но и этотъ указъ почти не имѣлъ никакого практическаго значенія. Правда, объявленія о про-

Н. С. Мордвиновъ (портр. Дау).

дажѣ людей уже больше не печатались, но зато страницы продолжали пестрѣть объявленіями объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженіе. Слова появились другія, но смыслъ ихъ оставался старымъ.

Крестьянскій вопросъ горячо и долго обсуждался въ такъ называемомъ неофиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ государя, въ который вошли друзья его юности: Чарторыйскій, Новосильцевъ, Кочубей и графъ Строгановъ. Но обсужденіе вопроса было лишено какого бы то ни было

общаго плана. Впрочемъ, такого плана не могло и быть, такъ-какъ члены негласнаго комитета расходились принципіально другъ съ другомъ и по крестьянскому вопросу и по другимъ вопросамъ законодательства. Новосильцевъ былъ въ душѣ крѣпостникъ, соглашавшійся только на запрещеніе присутствовать въ дворянскихъ собраніяхъ тѣмъ помѣщикамъ, которые станутъ извѣстны своимъ жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами; Кочубей, несомнѣнно, былъ опытнѣе и образованнѣе другихъ членовъ комитета, но его отношеніе къ крестьянскому вопросу отличается относительной умѣренностью, и рекомендуемыя имъ узаконенія нисколько не измѣняли соціальныхъ отношеній и всего только ограничивались распространеніемъ запрещенія продажи людей безъ земли на всю Россію и предложеніемъ выкупа въ казну дворовыхъ. И взгляды Чарторыйскаго тоже отличались большою неопредѣленностью по данному вопросу. Правда, Чарторыйскій соглашался, что «право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно», что не слѣдовало бы «ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его, да и всѣ опасенія по этому предмету неосновательны», но не предлагалъ никакихъ практическихъ мѣръ. Опредѣленнѣе другихъ смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ графъ Строгановъ, воспитанникъ аббата Рома — члена Конвента. Графъ Строгановъ прекрасно понималъ отрицательныя стороны крѣпостного права и совѣтовалъ стать на путь освобожденія, указывая при этомъ, что «удержаніе крѣпостного права» опасно, такъ-какъ вызоветъ неудовольствіе и даже возстаніе крестьянъ, ибо «девять милліоновъ людей, размѣщенныхъ въ разныхъ частяхъ имперіи, они вездѣ одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства; вездѣ мысль о неимѣніи собственности подавляетъ ихъ способности и производитъ то», что ихъ промышленная дѣятельность «для народнаго благосостоянія ничтожна,... ихъ способности не получаютъ полнаго развитія, но даютъ имъ чувствовать вполнѣ тягость бремени, ихъ гнетущаго... Съ самаго дѣтства они преисполняются ненавистью къ своимъ притѣснителямъ». Правительству нечего при этомъ опасаться протеста со стороны дворянства, которое «составилось изъ множества людей, пріобрѣвшихъ дворянство только службою и не получившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ народить въ нихъ идеи о самомъ малѣйшемъ сопротивленіи».

Продажа крѣпостныхъ на ярмаркѣ въ XIX в.

(Карт. *Лебедева*).

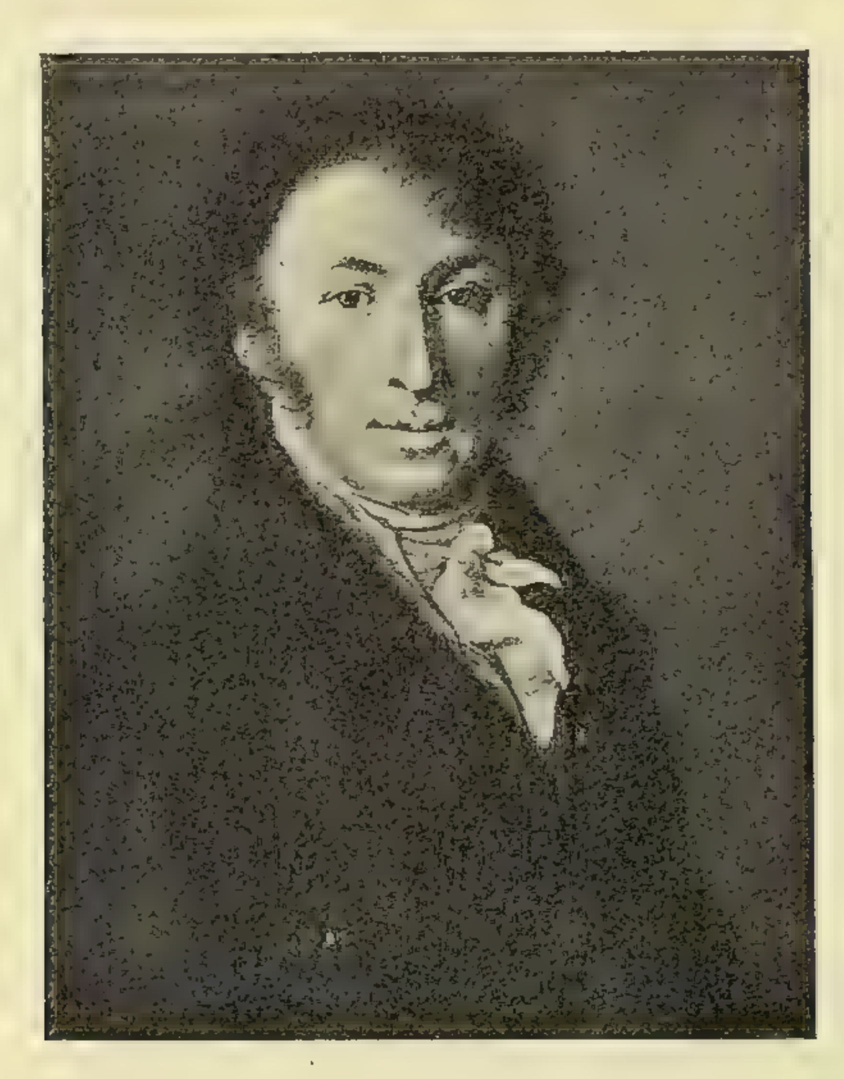
Притомъ «народъ всегда преданъ правительству; онъ вѣритъ, что императоръ постоянно готовъ защищать его». При такой противоположности взглядовъ на крестьянскій вопросъ—неудивительно, что обсужденіе его носило хаотическій характеръ. Вопросы ставились одинъ за другимъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ доведенъ до окончательнаго рѣшенія. Къ крестьянскому вопросу подходили въ комитетѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія: здѣсь оживленно бесѣдовали о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли и о выкупѣ дворовыхъ въ казну, шла рѣчь также объ опредѣленіи размѣра повинностей крѣпостныхъ и о предоставленіи имъ права имѣть собственность. Къ сожалѣнію, все это обсужденіе животрепещущаго вопроса носило чисто-теоретическій характеръ, и въ практическомъ отношеніи не дало никакихъ результатовъ, если не считать указа 12 декабря 1801 года, которымъ разрѣшалось купцамъ, мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать землю въ собственность. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести принятіе государемъ рѣшенія прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность, принявшее столь грандіозные размѣры въ царствованіе Екатерины II и ея сына.

Въ неофиціальномъ комитетѣ, какъ нѣсколько раньше въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ похороненъ вопросъ о непродажѣ крестьянъ безъ земли. Однако жизнь давала себя знать, и временами вскрывались такія вопіющія злоупотребленія, что правительство не могло ихъ игнорировать и не имѣло моральнаго права не поставить его на обсужденіе въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ. Благодаря продажѣ безъ земли, крѣпостными обзавелись многіе изъ первостатейныхъ купцовъ, къ которымъ крестьяне поступали «въ вѣчное услуженіе». Генералъ-прокуроръ, разсмотрѣвъ извѣстныя правительству злоупотребленія, составилъ для Совѣта докладную записку, въ которой указывалъ, что держаніе купцами въ кабалѣ крестьянъ противорѣчитъ точному смыслу закона. На этомъ основаніи генералъ-прокуроръ предлагалъ для прекращенія злоупотребленій запретить купцамъ и лицамъ недворянскаго происхожденія покупать людей въ вѣчное служеніе, впрочемъ, дозволивъ нанимать ихъ себѣ только на одинъ годъ или извѣстное время, и затѣмъ разрѣшить продавать людей безъ земли только тѣмъ, кто имѣетъ крѣпостныхъ безъ недвижимыхъ имѣній и деревень; покупать же — только имѣющимъ земельную собственность. Впрочемъ, и владѣльцы

населенныхъ имѣній могутъ продавать крестьянъ безъ земли, при условіи продажи ихъ многоземельнымъ помѣщикамъ для переселенія въ богатую землей вотчину. Въ Государственномъ Совѣтѣ къ проектируемому закону съ наибольшимъ сочувствіемъ отнесся А. С. Воронцовъ, ставшій на ту точку зрѣнія, что продажа крѣпостныхъ безъ земли несообразна съ «развитіемъ просвѣщенія». Поэтому вполнѣ своевременно положить этому конецъ. Практическія же мѣры, предложенныя А. С. Воронцовымъ, сводились къ предложенію разрѣшить покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ не иначе, какъ съ землей; но въ то же время воспретить купцамъ покупать деревни на чужое имя подъ угрозой штрафа или наказанія. Кромѣ того, слѣдовало бы пресѣчь «поносное средство» продажи людей въ рекруты, принять мѣры для облегченія выкупа людей на волю, разрѣшить продажу крестьянъ на свозъ подъ условіемъ, чтобы они были переселены дѣйствительно для хлѣбопашества, а не обращены въ дворовыхъ. Государственный Совѣтъ въ общемъ отнесся довольно сочувственно къ мнѣнію Воронцова, но законодательное запрещеніе продажи людей безъ земли встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ членовъ Совѣта рѣшительное противодѣйствіе. Адмиралъ Мордвиновъ, которому нельзя отказать въ практическомъ умѣ и большихъ познаніяхъ въ политико-экономическихъ наукахъ, находилъ, что «воспрещеніе продавать людей въ случаѣ недостатка земли, безъ представленія средствъ къ ихъ переселенію, стѣснило бы хлѣбопашество и умножило бы число бѣдныхъ». Несмотря на отсутствіе рѣзкой оппозиціи, законодательное распоряженіе о непродажѣ людей безъ земли такъ и не было издано.

Государственному Совѣту пришлось довольно скоро вновь вернуться къ крестьянскому вопросу. Графъ С. П. Румянцевъ подалъ государю записку съ изложеніемъ плана, осуществленіе котораго должно было повести къ постепенному «уничтоженію рабства». Графъ предлагаетъ разрѣшить помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями, «утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ, на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и общей пользой». Надзоръ за исполненіемъ обоюдныхъ условій находится въ рукахъ правительства, которое несостоятельныхъ крестьянъ беретъ въ рекруты, а помѣщику

возвращается его земля. Предлагая проектъ закона о новомъ разрядѣ крестьянъ, Румянцевъ настаивалъ на утвержденіи существованія этого новаго разряда крестьянъ особой грамотой, какъ гарантіей противъ того, что они не будутъ государемъ обращены въ частную собственность. Новый законъ, устанавливая условія отпуска на волю цѣлыхъ селеній, долженъ былъ еще разъ подтвердить, что за благородными

Н. М. Карамзинъ (портр. В. Тропинина).

попрежнему остается право владѣнія населенной недвижимостью...

Предложеніе Румянцева разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ. На засѣданіи 12 января 1803 года Совѣтъ принципіально одобрилъ мысль Румянцева увольнять крестьянъ по добровольному согласію съ помѣщиками, но «способъ, которымъ предлагалось осуществить эту мысль, нашелъ неудобнымъ». Совѣтъ высказалъ опасеніе, что «изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ по условіямъ можетъ про-

извести превратные толки и... многіе помѣщики усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ». Державинъ же въ самомъ существованіи рабства видѣлъ только обычай, который, «утвердяся временемъ, содѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность». Въ результатѣ обсужденія этого вопроса въ Совѣтѣ и явилось довольно странное постановленіе — разрѣшеніе только одному Румянцеву заключить договоръ съ крестьянами.

Самъ Александръ отнесся весьма сочувственно къ предложенію Румянцева и, вопреки желанію Совѣта, одобрилъ проектъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. 20 февраля 1803 года законъ былъ опубликованъ. Онъ предоставлялъ всѣмъ желающимъ освобождать своихъ крестьянъ, отпуская на волю, какъ поодиночкѣ, такъ и цѣлыми селеніями, и утверждая за ними участки земли или цѣлую дачу. Освобожденіе происходитъ по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и условія его утверждаются государемъ, и послѣ этого сохраняютъ свою силу и для наслѣдниковъ. Нѣсколько неожиданной въ этомъ законѣ являлась статья, по которой за невзносъ срочнаго платежа крестьяне «возвращаются съ землей и семействами во владѣніе попрежнему». Условія, на основаніи которыхъ крестьяне могли быть освобождаемы, были троякаго рода: 1) когда крестьяне получали личную свободу съ оставленіемъ за ними въ правахъ собственности земельнаго участка съ уплатой при самомъ освобожденіи извѣстной суммы, обозначенной въ условіи; 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ крестьяне должны были отбывать въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности; 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими къ землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами.

Вышедшіе на волю крестьяне составляютъ «особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ» и могутъ оставаться земледѣльцами на своихъ земляхъ, если не пожелаютъ перейти въ другія сословія. Свободные хлѣбопашцы пріобрѣтали полностью всѣ права на землю, которую могли продавать, закладывать, оставлять по наслѣдству, — словомъ, имѣли возмож-

ность распоряжаться ею на правахъ полной собственности.

Законъ 20 февраля произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Либеральные круги привѣтствовали его, видя въ немъ первую рѣшительную попытку со стороны правительства къ уничтоженію крѣпостного права. По той же причинѣ въ лагерѣ крѣпостниковъ были недовольны указомъ и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы высказать свое недовольство. Для крѣпостниковъ указъ 20 февраля — это посягательство на права «священной» частной собственности. Правда, многіе изъ крѣпостниковъ были не прочь раздѣлаться съ крѣпостными, являясь принципіальными сторонниками безземельнаго освобожденія, но освобожденіе на послѣднихъ условіяхъ послѣ закона 20 февраля, конечно, стало невозможнымъ.

Впрочемъ, въ крѣпостническомъ лагерѣ волненіе скоро улеглось. Законъ имѣлъ факультативный характеръ. Крѣпостники прекрасно оцѣнили отсутствіе принудительности въ законѣ какъ условія, которое гарантировало имъ безпрепятственное владѣніе крестьянами. Поэтому вполнѣ понятно, что въ общемъ сравнительно незначительное число крестьянъ получило свободу на основаніи закона «о свободныхъ хлѣбопашцахъ». Въ царствованіе Александра I насчитывалось всего 161 случай освобожденія на волю при 47.153 д. муж. пола; при этомъ 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ безъ всякой платы. За исключеніемъ 4 случаевъ, крестьяне не получали отъ казны никакой ссуды съ разсрочкой ея уплаты. Каковы бы ни были незначительные результаты этого закона, тѣмъ не менѣе его принципіальное значеніе огромно: давая выходъ частной иниціативѣ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, онъ въ то же время требовалъ освобожденія съ землею, какъ единственнаго условія, при которомъ возможно экономическое обезпеченіе вышедшей на волю крестьянской массы.

Изданіемъ закона 20 февраля собственно и ограничилась законодательная дѣятельность правительства противъ крѣпостного права въ первой половинѣ царствованія Александра I. Правительству, принимавшему видное участіе въ международной политикѣ и, вслѣдствіе этого, ведшему рядъ безконечныхъ войнъ, конечно, было не до реформаторскихъ плановъ, и объ отмѣнѣ крѣпостного права уже больше

не было рѣчи. Несомнѣнно, на перемѣну отношеній правительства къ крѣпостному праву повліялъ 1812 годъ и нежеланіе правительства, въ связи съ событіями Отечественной войны, ссориться съ дворянствомъ. Тѣмъ не менѣе, оставляя въ Россіи крѣпостное право нетронутымъ, Александръ I освободилъ крестьянъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Къ сожалѣнію, по отношенію къ этимъ губерніямъ Александръ счелъ возможнымъ уклониться въ сторону отъ указа 1803 года и допустить безземельное освобожденіе крестьянъ.

При рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ правительство было поставлено въ очень затруднительное положеніе. Съ одной стороны, положеніе крѣпостныхъ было настолько тяжелое, что вмѣшательство правительства было прямо-таки необходимо, такъ какъ эксплуатація труда крѣпостныхъ достигла колоссальныхъ размѣровъ, и терпѣливые эсты и латыши неоднократно заявляли свой протестъ рядомъ крестьянскихъ бунтовъ; съ другой стороны, вмѣшательство правительства въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могло задѣть интересы помѣщиковъ-нѣмцевъ, всегда лойяльно державшихся по отношенію къ правительству. Единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія дѣлъ и было безземельное освобожденіе, какъ не задѣвавшее экономическихъ интересовъ нѣмецкихъ бароновъ. Да и самихъ крестьянъ подобная реформа могла успокоить на нѣкоторое время, такъ какъ сразу разрывала вѣковыя отношенія. Проведеніемъ въ жизнь реформы 1816 — 1819 гг. правительство не обнаружило особой дальновидности, не выяснивъ себѣ конечныхъ результатовъ подобной реформы и вліянія ея на экономическое положеніе сельскаго населенія. Личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помѣщика на землю — два основныхъ принципа крестьянской реформы въ Прибалтійскомъ краѣ — повели къ полному обезземеленію и разоренію населенія. Бывшіе крѣпостные становились свободными батраками прежнихъ помѣщиковъ, вступавшихъ съ ними въ добровольныя соглашенія, и положеніе послѣднихъ, приходится констатировать, было значительно хуже экономическаго положенія крестьянъ крѣпостныхъ. Зато нѣмецкіе бароны были довольны реформой: въ ихъ рукахъ оставался въ неприкосновенности земельный капиталъ, а превращеніе крестьянъ въ батраковъ обезпечило имѣнія необходимымъ

контингентомъ дешевыхъ рабочихъ рукъ, что дало имъ возможность поднять производительность своего хозяйства и увеличить его доходность.

II.

Правительственная инициатива въ крестьянскомъ вопросѣ встрѣчала большое несочувствіе въ средѣ дворянства. Его

М. М. Сперанскій (портр. Иванова).

идейное противодѣйствіе и доводы, какъ будто подкрѣпленные фактическими данными, не могли не оказать извѣстнаго вліянія на Александра I, и безъ того нерѣшительнаго по своему характеру. Къ числу крѣпостниковъ приходится причислить цѣлый рядъ лицъ, среди которыхъ попадались люди недюжиннаго ума и разносторонняго образованія. Едва ли не первое мѣсто среди нихъ слѣдуетъ отвести адміралу Морд-

винову. По своему философскому образованію и большой освѣдомленности въ вопросахъ политической экономіи и государственнаго хозяйства, Мордвиновъ рѣзко выдѣлялся среди интеллигентовъ того времени, но въ то же время ученый адмиралъ постоянно «держится того мнѣнія, что распространеніе промышленныхъ, образовательныхъ и сельскохозяйственныхъ средствъ развитія должно предшествовать и способствовать освобожденію крестьянъ». Мордвиновъ соглашается отпускать на волю крестьянъ только «въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтенному умомъ достатку». Такимъ образомъ паденіе крѣпостного права зависитъ отъ экономическаго прогресса въ Россіи — послѣдній возможенъ только въ будущемъ — поэтому Мордвиновъ предлагаетъ пока ограничиться палліативами и отпускать на волю безъ земли за выкупъ по опредѣленной таксѣ: младенцы — отъ 2 до 5 лѣтъ — 100 руб., мужчины отъ 30 до 40 лѣтъ — 2.000 руб. Съ увеличеніемъ возрастнаго ценза плата понижается. Также отрицательно относится къ идеѣ освобожденія крестьянъ Каразинъ, стяжавшій себѣ безсмертіе основаніемъ Харьковскаго университета. По мнѣнію Каразина, помѣщикъ — это «наслѣдственный чиновникъ и... въ отношеніи къ государству... генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ». Какъ государь былъ для народа и властей изображеніе самого Бога, «такъ помѣщикъ является изображеніемъ самого государя...» «Помѣщикъ для благоденствія селеній земледѣльческихъ столько же нуженъ, сколько монархъ для подданныхъ. Патріархальныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами въ имѣніи Каразина «Кручино» на практикѣ сводились къ стремленію матеріально обезпечить всю крестьянскую массу, жившую на его землѣ, такъ какъ экономически обезпеченная масса — основа процвѣтанія помѣщичьяго имѣнія. Но зато Каразинъ былъ строгъ и требователенъ по отношенію къ крестьянамъ. Наказъ по управленію имѣніемъ требовалъ, чтобы «неоплатнаго по нерадѣнію отдавать въ рабство тому, кому онъ долженъ, и до окончательной выплаты никакой собственности имѣть не можетъ».

Послѣ Мордвинова едва ли не самымъ вліятельнымъ изъ крѣпостниковъ былъ Карамзинъ. Ученый историкъ старался свои крѣпостническіе взгляды подкрѣпить научными соображеніями и обставить защиту узко-сословныхъ интересовъ весьма сомнительными въ научномъ отношеніи данными. Ко-

нечно, доводы Карамзина въ защиту крѣпостного права производили сильное впечатлѣніе въ лагерѣ его единомышленниковъ, хотя позиція, занятая имъ, не всегда была одна и та же. Въ болѣе раннихъ своихъ статьяхъ Карамзинъ признавалъ необходимымъ институтъ крѣпостного права, исходя изъ положенія, что освобожденіе крестьянъ выгодно только для тѣхъ помѣщиковъ, которые стремятся къ удовлетворенію собственной корысти, и что помѣщики, дѣйствительно, желающіе блага своимъ крестьянамъ, никогда не откажутся отъ управленія вотчиной. Подобной точки зрѣнія вообще держались всѣ консерваторы того времени. Стоитъ только, думаетъ Карамзинъ, помѣщику позаботиться объ организаціи хорошаго управленія въ имѣніи, и крѣпостной укладъ потеряетъ свой острый характеръ. Жизнь крестьянъ подъ эгидой помѣщика потечетъ ровно и спокойно, и они, кромѣ благодарности, никакихъ другихъ чувствъ не будутъ питать къ своему помѣщику. Окончательный выводъ Карамзина тотъ, что улучшеніе положенія крестьянъ зависитъ не отъ освобожденія крестьянъ, а отъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, дѣйствительно заботящихся о своихъ крестьянахъ. Впрочемъ, Карамзину все-таки приходится сознаться, что далеко не всѣ помѣщики въ Россіи добродѣтельны, и что въ томъ отношеніи далеко не все обстоитъ вполнѣ благополучно; но злоупотребленіе «господской власти исчезнетъ въ зависимости отъ просвѣщенія», какъ сказано въ одной изъ его статей. А польза крѣпостного права очевидна: «дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры—вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлю — вотъ его право»! Нѣсколько по иному Карамзинъ защищаетъ сложившійся крѣпостной институтъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи». Врагъ всякихъ правительственныхъ реформъ, конечно, долженъ былъ отнестись отрицательно, скорѣе враждебно даже къ тѣмъ законамъ, которые были изданы при Александрѣ I, и которые въ сущности ничуть не посягали на крѣпостное право. Карамзинъ даже противъ запрещенія торговли рекрутами. Съ одной стороны, это лишаетъ возможности помѣщика отдѣлаться отъ своихъ лѣнивыхъ крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, скопившіе деньги благодаря своему трудолюбію, могли купить рекрута и тѣмъ освободить

себя отъ военной повинности. Съ прекращеніемъ права торговли рекрутами у крестьянъ исчезнетъ главное побужденіе къ трудолюбію и трезвой жизни. По мнѣнію Карамзина, господскіе крестьяне никогда не были собственниками земли, которая неотъемлемо принадлежитъ дворянамъ. Собственно, крестьяне—потомки холоповъ—тоже законной собственности дворянъ, и потому не могутъ получить даже и личной свободы безъ соотвѣтствующаго вознагражденія помѣщикамъ. Впрочемъ, онъ готовъ допустить освобожденіе, такъ какъ самодержавный монархъ въ правѣ отмѣнить законы своихъ предшественниковъ, но единственно на что онъ соглашается—это освобожденіе безъ земли, что, кромѣ вреда, ничего другого крестьянамъ не принесетъ. Да и казна много потеряетъ: благодаря переходу крестьянъ трудно будетъ учесть, насколько правильно собираются подати, а крестьяне же, лишенные надзора помѣщика, начнутъ пьянствовать, заводить всякаго рода тяжбы. Сохраненіе крѣпостного права необходимо въ интересахъ государства, и Карамзинъ предполагаетъ, что «для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели имъ дать не во-время свободу, къ которой надобно готовить исправленіемъ нравственнымъ». Такимъ же убѣжденнымъ крѣпостникомъ былъ и адмиралъ Шишковъ,—одинъ изъ идеальныхъ помѣщиковъ того времени. По своимъ сословнымъ взглядамъ онъ значительно консервативнѣе Карамзина. Безъ существованія въ странѣ крѣпостного права Шишковъ не могъ себѣ представить соціальнаго строя. Вѣрный самому себѣ, онъ настаивалъ, чтобы въ манифестѣ по случаю окончанія войны государь бы выразилъ свое одобреніе крѣпостному праву, но Александръ I отказался подписать проектъ манифеста, въ которомъ, помимо одобренія крѣпостного права, возвѣщалось крестьянамъ, что они «за духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшіе примѣръ въ бытописаніи, получатъ награду отъ Бога».

Такими же консерваторами по отношенію къ крѣпостному праву были нѣкоторые изъ масоновъ. Лопухинъ убѣжденъ, что «ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самого нашествія непріятельскаго... Первый, можетъ-быть, желаю, чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было... Я увѣренъ, что ничего не можетъ

быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойствія, какъ разслабленіе оной связи». Да и для общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. И другой видный масонъ — Поздѣевъ не отставалъ отъ Лопухина по своимъ крѣпостническимъ взглядамъ, не говоря о томъ, что какъ практикъ-хозяинъ облагалъ крестьянъ непомѣрными платежами, доводя ихъ «до крайней бѣдности» и лишая ихъ дневного пропитанія, одежды и обуви, какъ го-

И. Д. Якушкинъ.

ворится въ одной изъ крестьянскихъ челобитныхъ, поданныхъ Павлу. Сохраненіе крѣпостного права необходимо для государственнаго благосостоянія; иначе государство лишится полицмейстеровъ въ лицѣ помѣщиковъ, разсѣянныхъ по всему пространству государства, и если бы ихъ не было, то невозможно было бы поддерживать въ немъ спокойствіе и повиновеніе правительству. Того же требуютъ и интересы земледѣлія, такъ какъ съ освобожденіемъ они станутъ меньше заниматься тяжелою земледѣльческою работою и будутъ бросать ее при первой возможности. Къ тому же свободные кре-

стьяне работаютъ хуже крѣпостныхъ, такъ что и съ точки зрѣнія производительности труда сохраненіе крѣпостного права необходимо. Слѣдуетъ оставить за дворянами право владѣнія крестьянами еще и потому, что во время Пугачевскаго бунта, когда «всѣ крестьяне возставали противъ Екатерины II и посадили раскольника на престолъ, за нее только были дворяне, и въ благодарность за это Екатерина стала утверждать за дворянами «собственность въ людяхъ и земляхъ».

III.

Крестьянскій вопросъ въ началѣ XIX вѣка былъ предметомъ усиленнаго вниманія со стороны образованнаго русскаго общества, пришедшаго къ сознанію необходимости въ той или другой развязкѣ крѣпостныхъ отношеній. Для распространенія въ широкихъ кругахъ прогрессивныхъ идей была особенно благопріятна первая половина царствованія Александра I, когда немного измѣнились цензурныя условія, и явилась возможность появленія ряда книгъ и журналовъ въ духѣ философскихъ и политическихъ идей вѣка, хотя послѣднія находились въ полномъ противорѣчіи съ соціально-политическимъ строемъ страны. Подъ вліяніемъ знакомства съ экономическимъ ученіемъ Адама Смита въ широкихъ кругахъ общества создавалось отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву, такъ какъ послѣднее вредно вліяетъ на народное хозяйство. Къ такому выводу приходятъ представители науки. И помѣщичьему сословію были не чужды нѣкоторые изъ его экономическихъ идей, такъ какъ защита имъ системы фермерскаго хозяйства вполнѣ соотвѣтствовала матеріальнымъ интересамъ помѣщиковъ, которые сплошь и рядомъ становились на путь интенсификаціи сельско-хозяйственной культуры, но развитіе послѣдней сильно задерживала система принудительнаго труда, и издержки производства не всегда окупались доходомъ, такъ что капиталъ, вложенный въ землю, фактически не давалъ никакой прибыли.

Многіе изъ помѣщиковъ въ цѣляхъ увеличенія доходности имѣнія стали сокращать крестьянскіе надѣлы и увеличивать барскую запашку. Экономическое ученіе Смита давало выходъ отъ создавшагося затруднительнаго хозяйственнаго положенія, и среди представителей крупно-помѣстнаго дворянства постепенно крѣпла мысль о цѣлесообразности

безземельнаго освобожденія крестьянъ. Такой способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній оставлялъ въ неприкосновенности въ ихъ рукахъ весь земельный капиталъ, а образованіе сельско-хозяйственнаго пролетаріата обезпечивало имѣнія достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ этомъ отношеніи практическія соображенія крупнаго хозяйства совпадали съ теоретическимъ обоснованіемъ системы крупнаго хозяйства: такъ, Кайсаровъ настаивалъ на отмѣнѣ крѣпостного права, такъ какъ свободный трудъ и право собственности на землю земледѣльцевъ — необходимыя условія для расцвѣта земледѣлія и подъема промышленности. Впрочемъ, Кайсаровъ совершенно не затронулъ вопроса о размѣрахъ той собственности, безъ которой невозможно процвѣтанье хозяйства, а это въ практическомъ отношеніи было очень важно. Другой авторъ — Стройновскій — говоритъ болѣе опредѣленно: онъ противникъ рабства, но сторонникъ личнаго и притомъ безземельнаго освобожденія. Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ основываются на арендныхъ договорахъ. Крестьяне станутъ лично свободными, а земля останется въ рукахъ помѣщика, такъ что подобная реформа не отразится на его матеріальномъ положеніи. Вліяніе идей Смита отразилось и на объявленіи темъ на премію въ Вольно-Экономическомъ обществѣ. Въ 1812 году темой на премію служилъ вопросъ «О сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда». Среди другихъ соискателей преміи былъ проф. Якобъ. Исходя изъ представленія о незначительной производительности крѣпостного труда, къ чему авторъ пришелъ не только на основаніи теоретическихъ предпосылокъ, но также благодаря личному знакомству съ условіями крѣпостного хозяйства въ Германіи и Россіи, Якобъ настоятельно рекомендуетъ поставить крѣпостныхъ въ такое положеніе, при которомъ было бы возможно веденіе хозяйства съ помощью вольно-наемнаго труда. Освободительные планы Якоба связаны съ системой обезземеливанія крестьянъ, которые при этомъ условіи составятъ необходимый и дешевый контингентъ рабочихъ рукъ. Вольно-Экономическое общество удостоило Якоба наградой первой степени. Уже это одно показываетъ, насколько экономическое ученіе Смита было близко сердцу землевладѣльцевъ начала XIX вѣка, когда имъ самимъ на практикѣ приходилось убѣждаться въ томъ же, къ чему Якобъ пришелъ на основаніи теоретическихъ положеній и фактическихъ дан-

ныхъ о помѣщичьемъ хозяйствѣ. Вопроса о выгодности или невыгодности крѣпостного труда касается и Шторхъ въ своемъ «Курсѣ политической экономіи». Крѣпостное право задерживаетъ развитіе экономическаго благосостоянія страны, такъ какъ для послѣдняго необходимы свобода личности и безопасность собственности. Производительность крѣпостного труда низкая; крѣпостной крестьянинъ не только работаетъ хуже, но и стоитъ дороже. Указывая на необходимость радикальныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, такъ какъ безъ нихъ не возможно увеличеніе земельной ренты, авторъ, однако, не далъ подробнаго плана освобожденія крестьянъ въ Россіи, хотя, видимо, предпочитаетъ безземельное освобожденіе, благодаря которому частное землевладѣніе получитъ возможность развиваться въ болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ, а крестьяне станутъ свободными арендаторами.

Къ необходимости ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній пришелъ и Н. Тургеневъ — авторъ труда «Опытъ теоріи налоговъ», появившагося въ 1818 году. Удѣляя крестьянскому вопросу вниманіе только попутно, такъ какъ главная задача книги — установленіе наиболѣе справедливыхъ принциповъ обложенія, Тургеневъ указываетъ на невозможность примѣненія ихъ въ Россіи, пока въ ней есть рабство, и существуетъ убѣжденіе, что крестьянинъ не можетъ приносить дохода помѣщику иначе, какъ составляя его собственность. Народу необходимо дать личныя права, ограничить власть помѣщиковъ, такъ какъ нигдѣ не бывало, «чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія. Возмущенія всегда происходили отъ противнаго». «Благоустроенное государство, — говоритъ Тургеневъ, — не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа». Такъ, отмѣна крѣпостного права необходима для процвѣтанія государства и усиленія его финансовой мощи.

Крестьянскій вопросъ разсматривался въ литературѣ и сквозь призму современныхъ философскихъ идей. Проф. Харьковскаго университета Шадъ и Куницынъ, проф. Петербургскаго университета, раздѣляютъ принципы естественнаго права и, исходя изъ принципа образованія общества черезъ до-

говоръ, не допускаютъ возможности возникновенія рабства на договорѣ. «Согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ, — говоритъ Шадъ, — выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ такое состояніе есть не что иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни». Куницынъ подчеркиваетъ въ своей работѣ «Право естественное», что «одинъ членъ государства не можетъ

Н. И. Тургеневъ.

получить личнаго права на другого посредствомъ рожденія и наслѣдства, ибо сіи дѣйствія не суть договоры».

Къ числу противниковъ крѣпостного права слѣдуетъ отнести и Сперанскаго. Впервые ему пришлось высказаться по крестьянскому вопросу въ своемъ политическомъ трактатѣ, написанномъ въ 1802 году. Сперанскій набрасываетъ здѣсь планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ. Раскрѣпощеніе должно совершиться въ два пріема: 1) въ превращеніи

крѣпостныхъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ; 2) въ полученіи ими права древняго свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Прежде всего закономъ опредѣляются повинности, которыя помѣщикъ можетъ требовать отъ крестьянина, для чего необходимо также установить судебную власть, которая рѣшала бы споры между ними и земледѣльцами. Далѣе, Сперанскій настаиваетъ на замѣнѣ подушной подати поземельнымъ налогомъ, требуя также при совершеніи актовъ означать не число душъ, а пространство земли, составляющей предметъ сдѣлки. Только послѣ этихъ предварительныхъ мѣропріятій крестьяне получаютъ обратно свое древнее право вольнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, съ предоставленіемъ имъ земли за опредѣленныя повинности.

Вторично ему приходилось высказаться по тому же вопросу въ планѣ государственнаго преобразованія, составленномъ въ 1809 году. Осуществленіе послѣдняго возможно и при существованіи крѣпостныхъ отношеній, но послѣдніе должны быть поставлены подъ охрану закона. По проекту Сперанскаго крѣпостнымъ крестьянамъ возвращаются гражданскія права, общія для всѣхъ состояній: а) никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; в) никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ; с) всякій имѣетъ право пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону, но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ только извѣстнымъ состояніямъ; д) никто не обязанъ отправлять вещественныя повинности по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ. Такъ создаются новыя отношенія крѣпостныхъ къ помѣщикамъ, регламентированныя закономъ и охраняемыя тѣмъ же закономъ, такъ какъ крестьяне освобождаются отъ суда помѣщика. Въ проектѣ Сперанскаго нельзя найти болѣе детальныхъ указаній по поводу законодательныхъ мѣръ, необходимыхъ для раскрѣпощенія крестьянъ, но, съ другой стороны, онъ возстаетъ противъ безземельнаго освобожденія, находя, что для Россіи невозможенъ такой порядокъ, гдѣ земли обрабатываются большею частью наймомъ, а крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости потому, что «воинская наша система и пространство земель населенныхъ непремѣнно требуютъ осѣдлости, что наймомъ обрабатывать у насъ зе-

мель по пространству и по малости населенія также невозможно; наконецъ, ежели бы система сія и была возможна, то въ нравственныхъ отношеніяхъ участь крестьянина симъ безмѣрно бы тяготилась, а земледѣліе потерпѣло бы великую разстройку». Такъ во второмъ своемъ политическомъ трактатѣ Сперанскій высказался за освобожденіе крестьянъ съ землею.

IV.

Въ проектахъ и планахъ декабристовъ крестьянскій вопросъ также занимаетъ видное мѣсто. Декабристы прекрасно понимали необходимость немедленной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, безъ чего невозможенъ ни культурный ни экономическій прогрессъ въ странѣ. Осуществленіе идеаловъ политической свободы также немыслимо при сохраненіи крѣпостного права. Это уже вполнѣ отчетливо сознавалось основателями перваго тайнаго общества, «Союза Спасенія». По словамъ Пестеля: «Настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія, а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при первомъ началѣ и весьма короткое время». И члены «Союза Благоденствія» не мало спорили о крестьянскомъ вопросѣ, но, кажется, у нихъ пока не создалось опредѣленнаго къ нему отношенія, что отразилось на уставѣ «Союза Благоденствія». Уставъ тайнаго общества требовалъ отъ своихъ членовъ не отказа отъ владѣнія крестьянами, а рекомендовалъ только человѣческое отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе въ обществѣ гуманныхъ взглядовъ, осужденіе дурныхъ помѣщиковъ и восхваленіе добрыхъ. Члены общества, при случаѣ, должны были бороться съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ: они должны были по возможности противодѣйствовать продажѣ крѣпостныхъ людей въ рекруты, и вообще отклонять отъ продажи людей поодиночкѣ, стараясь вразумить, «что люди не суть товаръ и что только простительно однимъ народамъ, непросвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностью, участью коего каждый, имѣющій оную, располагать можетъ по произволенію». Такимъ образомъ офиціально уставъ «Союза Благоденствія» не настаивалъ на освобожденіи крестьянъ, и весь либерализмъ членовъ тайнаго общества долженъ былъ свестись къ гуманному обращенію съ крестьянами и борьбѣ на легаль-

ной почвѣ съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ. Впрочемъ, по словамъ Фонвизина, конечною цѣлью общества было «освобожденіе крестьянъ». И другіе декабристы говорятъ также, что «главная цѣль общества — принятіе мѣръ къ прекращенію рабства крестьянъ въ Россіи, произведенное безъ всякаго потрясенія и съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ». Само «угнетеніе истинно ужасное..., въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора», побуждало многихъ ко вступленію въ общество въ надеждѣ на измѣненіе существующаго порядка. Что же касается способовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, то въ этомъ отношеніи члены тайнаго общества не пришли ни къ какому однообразному плану. Такъ, Николай Тургеневъ, большой поклонникъ экономическаго либерализма, является сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ; что уже это одно было бы «благодѣяніемъ» для крестьянъ, такъ какъ «свобода, какъ бы она ни была укутана въ учрежденія и въ условія невыгодныя, все-таки свобода, и что ни одного помѣщика невозможно увѣрить въ томъ, что земля принадлежитъ крестьянину, а безъ помѣщиковъ нельзя провести дѣло освобожденія». Такія мысли Тургеневъ высказывалъ въ своей запискѣ, поданной въ 1819 г. Александру I, о мѣрахъ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостного права. Тургеневъ убѣжденъ, что въ дѣлѣ ликвидаціи крѣпостного права самодержавію придется сыграть огромную и притомъ положительную роль, а безземельное освобожденіе заставитъ дворянство примириться съ происшедшей перемѣной въ соціальныхъ отношеніяхъ, такъ какъ по существу оно ничего не теряетъ. Намъ уже приходилось говорить выше, что съ точки зрѣнія экономическаго либерализма и хозяйственныхъ интересовъ помѣщика, безземельное освобожденіе было въ большомъ почетѣ среди различныхъ общественныхъ элементовъ. И Якушкинъ сначала являлся такимъ же сторонникомъ безземельнаго освобожденія. Считая крѣпостное право «мерзостью», Якушкинъ горѣлъ желаніемъ освободить своихъ крестьянъ предоставленіемъ имъ безвозмездно усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Къ проектированной мѣрѣ отнеслись отрицательно крестьяне, не пожелавшіе стать свободными на такихъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, да и дѣйствующее право не предусматривало освобожденія крестьянъ безъ земли

цѣлыми селеніями. Лунинъ въ 1819 г., составляя завѣщаніе, согласно которому недвижимое имущество и капиталъ передавалъ въ собственность двоюроднаго брата, требовалъ уничтоженія крѣпостного права надъ крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лѣсовъ, строеній, имуществъ вообще и прочихъ угодій. И Никита Муравьевъ — авторъ конституціоннаго проекта, высказался за безземельное освобожденіе, при чемъ даже за переходъ крестьянъ съ одного мѣста на другое крестьянинъ былъ обязанъ уплатить помѣщику извѣстную сумму.

Н. М. Муравьевъ.

Въ 1821 г. «Союзъ Благоденствія» былъ закрытъ на московскомъ съѣздѣ. Въ скоромъ времени вмѣсто одного появилось два тайныхъ общества, рѣзко расходившіяся другъ съ другомъ по принципіальнымъ политическимъ вопросамъ. И разрѣшеніе крестьянскаго вопроса трактовалось по разному въ сѣверномъ и южномъ обществахъ. Въ первомъ отчасти доминировало мнѣніе Никиты Муравьева, автора конституціоннаго проекта, высказывавшагося въ первой редакціи за безземельное освобожденіе. Мало того, даже при переходѣ крестьянъ съ одного мѣста они должны уплатить помѣщику

извѣстную сумму. Впрочемъ, по второй редакціи конституціи, дома поселянъ, усадебныя и пріусадебныя земли въ количествѣ 2 десятинъ «со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ», отдаются въ собственность крестьянамъ. И такая реформа была бы мало благопріятна для экономическаго положенія освобожденнаго крестьянина, такъ какъ отнятіе надѣльной земли лишало крестьянина средствъ существованія и волей-неволей заставило бы его работать на землѣ помѣщика, но въ качествѣ свободнаго рабочаго за опредѣленную заработную плату. Такимъ образомъ, часть декабристовъ склонялась къ мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; но среди нихъ были исключенія, нѣсколько по иному смотрѣвшія на рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Особеннаго вниманія заслуживаетъ второй освободительный проектъ Якушкина. Якушкинъ отказывается отъ безземельнаго освобожденія. Надѣльная земля остается въ рукахъ крестьянъ, за которую они должны были платить опредѣленное вознагражденіе. По словамъ декабриста Завалишина, нѣкоторые изъ членовъ Сѣвернаго общества склонялись къ мысли о выкупѣ земель государствомъ. Такимъ образомъ въ Сѣверномъ обществѣ было представлено два направленія по крестьянскому вопросу: а) одно, въ лицѣ Муравьева, стояло за освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ двумя десятинами на дворъ, но зато и безъ выкупа; 2) другое — отстаивало освобожденіе съ землей, но за выкупъ, уплаченный государствомъ. Постановка крестьянскаго вопроса въ Южномъ обществѣ была нѣсколько иная. Его руководитель, П. И. Пестель посмотрѣлъ на проблему крестьянскаго вопроса совершенно другими глазами сравнительно съ членами Сѣвернаго общества. Къ сожалѣнію, планъ аграрной реформы имъ не былъ окончательно обработанъ, но и то, что можно найти въ «Русской Правдѣ» Пестеля, говоритъ за смѣлость и широту мысли составителя въ аграрномъ вопросѣ. Отмѣна крѣпостного права должна быть сдѣлана немедленно, поэтому «уничтоженіе рабства и крѣпостного состоянія» возлагается на Временное Верховное Правленіе. «Рабство, — пишетъ Пестель, — должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно навѣки непремѣнно отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми». Аграрная реформа не только должна освободить крѣпостного отъ рабства, но и дать крестьянамъ «лучшее положеніе противу преж-

няго, а не мнимую свободу». Отсюда вытекаетъ необходимость освобожденія съ землей, какъ единственнаго условія, при которомъ возможно дѣйствительное обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія крестьянской массы, тѣмъ болѣе, что государство, по словамъ Пестеля, исходя изъ принципа общаго блага, должно каждому члену государства дать въ его распоряженіе такое количество матеріальныхъ благъ, пользованіе которыми было бы вполнѣ достаточно для жизни. Отсюда же и вытекаетъ право каждаго члена государства на извѣстный поземельный участокъ для его обработки, и обязанность государства обезпечить ему пользованіе землей. Для послѣдней цѣли необходимо имѣть своего рода «національный фондъ», откуда всякій желающій могъ бы взять требуемый для него земельный участокъ. Образованіе національнаго фонда не уничтожитъ частной собственности, которая является основой человѣческаго общежитія. Только тамъ, гдѣ «общее благо» сталкивается съ интересами землевладѣльцевъ, послѣдніе должны будутъ поступиться частью своихъ благъ ради общей пользы и выгоды. Отмѣна крѣпостного права должна быть такъ проведена, чтобы дворянство не лишилось доходовъ съ своихъ земель, но послѣднее положеніе нарушается Пестелемъ, и части дворянства пришлось бы поступиться частью своихъ доходовъ.

П. И. Пестель.

Государственный земельный фондъ, какъ можно судить на основаніи неполнаго матеріала, образуется слѣдующимъ образомъ: всѣ земли въ каждой волости дѣлятся на двѣ части: на землю общественную и на частную поземельную собственность или на казенную въ волостяхъ, гдѣ доминируетъ сельское населеніе изъ числа государственныхъ крестьянъ. Собственникомъ волостной земли является волость. Земля неот-

чуждаема. Участки волостной земли раздаются тѣмъ, кто въ нихъ нуждается для своего существованія; такіе участки раздаются только на годичный срокъ, и по окончаніи срока участокъ остается за прежнимъ хозяиномъ или переходитъ въ другія руки и предоставляется другому хозяину. Проектъ не исключаетъ возможности одновременнаго пользованія нѣсколькими участками. Неразобранные участки сдаются въ аренду постороннимъ лицамъ. Если спросъ на участки превышаетъ количество ихъ, находящееся въ волости, то въ такомъ случаѣ должны оставаться безъ удовлетворенія требованія на нѣсколько участковъ, и должны быть удовлетворены минимальныя заявленія.

Земля, отданная въ частное пользованіе, остается подъ контролемъ волости, слѣдящей за тѣмъ, чтобы всякій занимался своимъ участкомъ съ прилежаніемъ; въ противномъ случаѣ, волость можетъ небрежно ведущее хозяйство лицо лишить права на пользованіе участками. Пестель глубоко убѣжденъ, что подобная реформа будетъ содѣйствовать развитію торговли и промышленности и вообще накопленію богатствъ и въ то же время во всякомъ гражданинѣ укрѣпитъ патріотическія чувства, такъ какъ она можетъ его матеріально обезпечить.

Самообразованіе земельнаго фонда происходитъ слѣдующимъ образомъ: если у помѣщика не менѣе 1.000 душъ крѣпостныхъ и на каждую душу приходится десять или болѣе десятинъ, то половина земли остается за помѣщикомъ, а другая половина отбирается для волости, и помѣщикъ не получаетъ за это никакого вознагражденія, что противорѣчитъ его мнѣнію о необходимости такъ провести аграрную реформу, чтобы не пострадали матеріальные интересы помѣщиковъ. Если на одну душу приходится менѣе 10 десятинъ земли, но не менѣе 5, тогда половина остается за помѣщикомъ, а другая берется для волости, при чемъ за послѣднюю помѣщикъ получаетъ соотвѣтствующее вознагражденіе деньгами или прибавку землею такъ, чтобы у него въ общемъ итогѣ получилось 5.000 десятинъ. Владѣльцы, имѣющіе менѣе 5.000 десятинъ, получаютъ добавочную землю въ томъ размѣрѣ, въ какомъ у нихъ отобрали. Такова система образованія національнаго фонда. Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ детальныхъ указаній не имѣется, и несомнѣнно одно, что о «національзаціи» земли въ прямомъ смыслѣ этого слова не можетъ быть и рѣчи. Что ка-

сается казенныхъ крестьянъ, то тутъ происходитъ подобнаго же рода дѣлежъ земли, при чемъ одна ея половина оставалась бы собственностью казны, а другая отдавалась бы волостному обществу. За эту общественную землю крестьяне въ теченіе 10—15 лѣтъ должны платить оброкъ, и дальнѣйшее его взиманіе затѣмъ прекращалось. Казенную же землю они могли использовать на правахъ аренды. Что касается судьбы дворовыхъ, которые «суть самое жалкое состояніе въ цѣломъ пространствѣ государства», то и она должна радикально измѣниться. Дворовые постепенно становятся вольными либо за опредѣленное вознагражденіе, либо послѣ службы у помѣщика въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ. Возможна и комбинація въ той или другой мѣрѣ этихъ средствъ. Окончательная же выработка мѣръ возлагается на Верховное Правленіе, которое должно принять во вниманіе соображенія по этому поводу, выставленныя дворянскими собраніями. Такова сущность крестьянской реформы по «Русской Правдѣ» Пестеля.

Вл. Пичета.

Секретные комитеты при Николаѣ I.

Николай I, по вступленіи своемъ на престолъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ серьезно заняться вопросомъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ. Его воцареніе, какъ и нѣсколько предыдущихъ, было встрѣчено крѣпостными съ надеждой на скорое освобожденіе. Въ народѣ ходили очень упорные толки о близкой волѣ. Случаи отказа крѣпостныхъ повиноваться власти помѣщиковъ участились до того, что правительству пришлось выпустить именной манифестъ, объявлявшій слухи о близкой свободѣ ложными и грозившій крестьянамъ за неповиновеніе своимъ владѣльцамъ самыми суровыми наказаніями. Суровая дѣйствительность принудила Николая I поставить на обсужденіе крестьянскій вопросъ. Для этой цѣли учреждались секретные комитеты. Учреждая комитеты, Николай I рѣшилъ не допускать до его обсужденія само общество, предполагая обсудить вопросъ только съ помощью однѣхъ бюрократическихъ силъ государства, и, кромѣ того, не принимать по этому вопросу никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, но вести дѣло постепенно и какъ бы нечувствительно превратить крѣпостныхъ въ свободныхъ. Но эти два условія какъ разъ и повліяли гибельно на все дѣло. Дѣйствительно Николай I, по его собственнымъ словамъ, съ самаго своего вступленія на престолъ, не переставалъ собирать матеріалы, чтобы, когда придетъ время, объявить войну рабству. Крѣпостное право считали величайшимъ зломъ всѣ лучшіе представители тогдашняго общества, всѣ, кому были дороги благо и интересы родины. Эти люди готовы были отдать свои силы на дѣло облегченія положенія крѣпостныхъ, но Николай I не желалъ ихъ помощи. Къ тому же гласное обсужденіе крестьянскаго вопроса строго запрещалось. Цензура должна была бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы статьи по этому вопросу не

появлялись въ журналахъ; въ повѣстяхъ и разсказахъ запрещалось описывать жестокихъ помѣщиковъ, дабы не взволновать умы народа. Но такъ какъ волненія возбуждались самимъ существованіемъ крѣпостного права, то противъ нихъ не помогали никакія замалчиванія этого вопроса. А между тѣмъ бюрократія, которой государь поручилъ обсужденіе столь важнаго и сложнаго дѣла, оказалась безсильной съ нимъ справиться безъ помощи общества. Государь самъ какъ-то замѣ-

Николай I.

тилъ, что его министры и сановники не раздѣляютъ его желанія уничтожить крѣпостное право. Какъ же могли они дѣлать то дѣло, которому въ душѣ не сочувствовали. Они поступали, какъ послушные чиновники; государю угодно было позаботиться объ участи крѣпостныхъ — и они вторили ему, говорили, что положеніе крѣпостныхъ тяжело, невыносимо; что торгъ людьми безчеловѣченъ; что нельзя безъ содроганія видѣть, какъ помѣщикъ по своему произволу распоряжается

имуществомъ крестьянъ и т. п. Но когда предлагалась мѣра для ограниченія какой-либо стороны крѣпостного права, напримѣръ, запрещеніе торга людьми, опредѣленіе закономъ правъ и обязанностей крѣпостныхъ, утвержденіе за послѣдними права собственности на ихъ имущество и т. д., то тѣ же самые чиновники указывали на вредъ и несвоевременность подобныхъ мѣръ, на возможность нарушенія государственнаго порядка.

Другое условіе, поставленное государемъ при обсужденіи крестьянскаго вопроса, а именно недопущеніе коренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, оказывалось на руку противникамъ освобожденія крестьянъ. Его сановники и министры ссылались на необходимость постепенности въ столь важномъ дѣлѣ и всякую мѣру, направленную къ ограниченію крѣпостного права, старались представить слишкомъ крутой, а потому и опасной. Членами комитета назначались министры, шефъ жандармовъ и еще немногіе сановники. Николай I настаивалъ, чтобы они хранили дѣло въ глубочайшей тайнѣ. Комитетъ немедленно приступалъ къ работѣ: затѣвалась переписка, составлялись проекты, замѣтки и т. д. и въ концѣ-концовъ, всякія существенныя мѣры по затронутому вопросу признавались комитетомъ черезчуръ рискованными и опасными для государственнаго спокойствія. Подобные доводы признавались убѣдительными, и дѣятельность комитета прекращалась. Въ другомъ случаѣ кто-либо изъ членовъ секретнаго комитета предлагалъ какую-нибудь серьезную мѣру для улучшенія быта крѣпостныхъ, но самъ государь находилъ ее слишкомъ рѣзкой и нарушающей исконныя права дворянства. И опять комитетъ распускался послѣ принятія немногихъ второстепенныхъ мѣръ.

Однако жизнь доказывала неуспѣхъ такихъ полумѣръ. Какой-нибудь отдѣльный случай наталкивалъ мысль на необходимость реформы, снова учреждался секретный комитетъ все изъ тѣхъ же крѣпостниковъ-сановниковъ, но дѣло не могло имѣть успѣха, разъ за него брались люди, явно ему несочувствовавшіе и лишь боявшіеся открыто высказаться противъ воли государя. Два первые секретные комитета, учрежденные вскорѣ по воцареніи Николая Павловича, должны были составить проекты для прекращенія продажи людей безъ земли, какъ того желалъ государь. Послушные члены комитета заявили, что торгъ людьми унизителенъ, и ему слѣ-

дуетъ положить конецъ. Но къ принятію такой мѣры встрѣчается серьезное затрудненіе, такъ какъ многіе необразованные помѣщики могутъ счесть ее нарушеніемъ своихъ правъ собственности.

Николай, однако, пожелалъ издать законъ, запрещающій продажу людей безъ земли, но великій князь Константинъ Павловичъ нашелъ такую мѣру преждевременной, и закона издано не было.

Слѣдующій секретный комитетъ, открытый въ 1835 году, высказался за безземельное освобожденіе крѣпостныхъ, какъ за самую благую мѣру и для помѣщиковъ и для государства, Члены этого комитета собравшись прежде всего единодушно постановили: во-первыхъ, дѣйствовать крайне осторожно, переводить крѣпостныхъ въ свободное состояніе постепенно, нечувствительно, не произнося раньше времени самаго слова свобода, и, во-вторыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ укрѣплять въ народѣ мысль, что земля есть неприкосновенная собственность помѣщиковъ. Нечего и говорить о томъ, какъ пагубно для государства было бы безземельное освобожденіе крѣпостныхъ. Поэтому можно только радоваться тому, что проектъ этого секретнаго комитета не былъ утвержденъ. Прошло 4 года, и снова въ 1839 году былъ учрежденъ секретный комитетъ. Въ его работахъ значительное участіе принималъ видный поборникъ ограниченія крѣпостного права графъ Киселевъ.

Киселевъ представлялъ собой далеко не заурядную личность, особенно выгодно выдѣлявшуюся на тускломъ фонѣ тогдашнихъ сановниковъ, отстаивавшихъ, главнымъ образомъ, узко-сословные или личные интересы. Не таковъ былъ Киселевъ. Для него на первомъ планѣ стояли интересы государства и законность. Онъ являлся горячимъ противникомъ произвола. По его убѣжденію, для поддержанія государственнаго порядка было необходимо устранить произволъ и подчинить общимъ законамъ права и обязанности каждаго сословія и въ томъ числѣ дворянъ. Поэтому Киселевъ и не могъ примириться съ крѣпостнымъ правомъ—такъ какъ оно давало привилегированному сословію произвольную власть надъ крѣпостными.

Среди высшей администраціи Киселевъ былъ, можно сказать, единственнымъ человѣкомъ, искренно сочувствовавшимъ намѣреніямъ Николая улучшить положеніе крѣпостныхъ.

Предлагая ему принять участіе въ работахъ секретныхъ комитетовъ, государь сказалъ ему: «Я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы имѣемъ тѣ же идеи, тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ».

Горячо и энергично принялся Киселевъ за предложенное ему великое дѣло облегченія участи десятковъ милліоновъ людей, не пользовавшихся покровительствомъ закона. Работа закипѣла,—во внутреннія губерніи было командировано нѣсколько чиновниковъ для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ, нѣкто Заблоцкій-Десятовскій, человѣкъ талантливый и образованный, представилъ Киселеву обширную записку, въ которой краснорѣчиво описалъ весь ужасъ крѣпостного права съ его произволомъ помѣщиковъ и безправіемъ крѣпостныхъ. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ этотъ докладъ нечего было и думать опубликовывать; Киселевъ опасался даже повредить Заблоцкому-Десятовскому, давая читать его въ рукописи. Его пришлось похоронить. Уже эта невозможность опубликовать мнѣніе человѣка, осуждавшаго крѣпостное право, должна была послужить для Киселева дурнымъ предзнаменованіемъ. Онъ еще яснѣе могъ себѣ теперь представить, какія затрудненія встрѣтитъ среди членовъ секретнаго комитета при осуществленіи своей мысли ограничить крѣпостное право. Но Киселевъ надѣялся найти поддержку у государя и представилъ ему цѣлую программу преобразованій въ запискѣ «О мѣрахъ къ ослабленію власти помѣщиковъ и освобожденію крестьянъ». Сюда входило: 1) улучшеніе быта дворовыхъ людей; 2) прекращеніе отдачи въ рекруты крѣпостныхъ безъ очереди; 3) запрещеніе помѣщикамъ произвольно наказывать своихъ крѣпостныхъ и 4) разрѣшеніе крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ.

Эта записка была одобрена государемъ, и тогда Киселевъ внесъ въ комитетъ проектъ объ опредѣленіи закономъ правъ и повинностей крѣпостныхъ. Сущность проекта сводилась къ слѣдующему: помѣщику принадлежитъ полное право на землю, но онъ обязанъ надѣлить ею въ достаточномъ количествѣ своихъ крѣпостныхъ безъ права удалять ихъ съ нея, пока они исправно отбываютъ свои повинности. Количество даваемой во владѣніе крестьянъ земли и размѣръ отбываемыхъ за нее повинностей должны быть точно опредѣлены закономъ.

Крѣпостные получаютъ право личной свободы, право добровольно вступать въ бракъ, поступленія въ рекруты по очереди, а не по желанію помѣщика, право собственности на движимое имущество, а также дома и усадьбы. Земля, отведенная въ ихъ пользованіе, переходитъ во владѣніе всей сельской общины, несущей круговую поруку за исправность платежей своихъ членовъ. Крѣпостные переименовываются въ обязанныхъ.

Съ помѣщика снимается его прежняя обязанность помогать крестьянамъ въ случаѣ неурожая, пожара и другихъ несчастій. За нимъ отчасти сохраняются права суда и расправы надъ обязанными, но послѣдніе могутъ подавать на него жалобы въ общія судебныя учрежденія.

Л. А. Перовскій.

Члены секретнаго комитета встрѣтили проектъ Киселева крайне враждебно. Большинство ихъ высказалось противъ опредѣленія закономъ размѣра земельнаго надѣла и повинностей крѣпостныхъ. Мысль Киселева положить съ этой стороны предѣлъ произволу помѣщиковъ встрѣтила въ комитетѣ дружный отпоръ, противъ котораго Киселевъ оказался не въ силахъ бороться одинъ тѣмъ болѣе, что и государь заявилъ, что не желаетъ принуждать дворянъ улучшать бытъ своихъ крѣпостныхъ, а предоставляетъ это на ихъ добровольное усмотрѣніе. Киселеву пришлось согласиться, чтобы размѣръ земельнаго надѣла и повинностей крѣпостныхъ опредѣлялся добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщиками и крестьянами. Далѣе въ комитетѣ послышались голоса въ защиту безземельнаго освобожденія, раздавались горькія жалобы на то, что коренного русскаго дворянина хотятъ лишить его правъ и родового достоянія, ибо, говорили такіе члены, разъ помѣщикъ обязывается дать своимъ крѣпостнымъ землю въ безсрочное пользованіе, онъ уже теряетъ на нее свое право собственности.

Противъ безземельнаго освобожденія Киселевъ горячо возставалъ. Онъ говорилъ, что, если помѣщикъ не обязанъ давать крестьянамъ земли въ безсрочное пользованіе, послѣдніе очутятся въ положеніи худшемъ, чѣмъ рабство: при всякомъ окончаніи срока владѣнія имъ придется или дорого платить за право оставаться на землѣ, воздѣланной ихъ же трудомъ, или скитаться изъ губерніи въ губернію. Помѣщики, продолжалъ Киселевъ, несомнѣнно, раздадутъ земли немногимъ зажиточнымъ, а остальныхъ обрекутъ на голодное существованіе. Комитетъ въ большинствѣ высказался противъ безземельнаго освобожденія, такъ какъ того же желалъ и Николай I.

Возражали въ комитетѣ и противъ общиннаго землевладѣнія, говорили, что, имѣя противъ себя цѣлую общину, помѣщикъ окажется безсильнымъ принудить крестьянъ нести свои обязанности, видѣли въ общинѣ какое-то вредное для государственнаго спокойствія учрежденіе. Киселевъ отвѣчалъ, что община существуетъ давно и никогда не считалась вредной для государства, а что крестьянамъ она необходима, предохраняя ихъ отъ нищеты. Если разрѣшить надѣлять землей отдѣльныя семьи, то помѣщики отдадутъ всю землю немногимъ зажиточнымъ, а вся масса населенія останется безъ всякихъ средствъ существованія и вынуждена будетъ поступать въ работники къ тѣмъ же зажиточнымъ земледѣльцамъ. Ихъ будутъ держать, лишь пока нужна работа и пока они сами въ силахъ работать, а послѣ прогонятъ изъ имѣнія, обрекутъ на голодъ и холодъ. Комитетъ согласился принять общинное землевладѣніе.

Итакъ, главная мысль Киселева—точное опредѣленіе закономъ правъ и повинностей крѣпостныхъ—комитетомъ и Николаемъ I не была принята. Но и въ такой невинной формѣ, въ какой послѣ того остался проектъ, онъ видимо сильно волновалъ бюрократическіе круги. Когда проектъ поступилъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, то предсѣдатель секретнаго комитета письменно просилъ государя присутствовать на общемъ собраніи. Онъ писалъ, что личное заявленіе государя о его нежеланіи обязательнымъ закономъ освобождать крѣпостныхъ должно успокоить взволнованные умы.

Государь явился на это засѣданіе и сказалъ, что, хотя крѣпостное право есть для всѣхъ очевидное зло, но затрогивать его теперь же было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ, и что на

это онъ никогда не рѣшится. Онъ заявилъ, что считаетъ необходимой среднюю мѣру, а именно, переходъ крѣпостныхъ въ обязанные. Относительно земли онъ замѣтилъ, что она является неотъемлемой собственностью дворянъ, но безземельное освобожденіе крестьянъ недопустимо. Наконецъ, онъ сказалъ, что не станетъ обязывать помѣщиковъ переводить своихъ крѣпостныхъ въ обязанные.

2 апрѣля 1842 г. былъ опубликованъ указъ объ обязанныхъ, разрѣшавшій помѣщикамъ по добровольному соглашенію съ крестьянами отпускать ихъ въ обязанные. Указъ не имѣлъ обязательной силы, и это повело къ его полному неуспѣху. Опубликованъ онъ былъ съ величайшими предосторожностями. Мѣстнымъ властямъ были разосланы циркуляры съ предписаніемъ слѣдить за всѣми могущими по его поводу возникнуть толками, не допускать ложныхъ толковъ о мнимой свободѣ крестьянъ и учредить негласный надзоръ за всѣми неблагонадежными лицами ввѣренныхъ имъ губерній. Мѣстныя власти принялись со всѣмъ усердіемъ выполнять эти предписанія. Одинъ генералъ-губернаторъ рѣшилъ обратиться за помощью къ епархіальному начальству и просилъ послѣднее поручить черезъ архіереевъ приходскому духовенству слѣдить за народными толками и о всемъ замѣченномъ доносить жандармскому начальству.

Иныя власти, читая указъ, требовали отъ старшихъ и управляющихъ подписки въ томъ, что они указъ слышали, на что перепуганные сельчане отвѣчали упорнымъ отказомъ.

Крѣпостные приняли указъ какъ вѣсти о свободѣ, но особыхъ волненій онъ не вызвалъ,—обыкновенно дѣло ограничивалось его разъясненіями, и лишь въ единичныхъ случаяхъ для водворенія порядка были призваны военныя команды. Вотъ одинъ примѣръ наказанія за распространеніе по поводу указа толковъ. Становой приставъ Ярославскаго уѣзда, подслушивая въ одномъ торговомъ селѣ толки въ народѣ, замѣтилъ человѣка, что-то долго и горячо говорившаго объ указѣ обступившей его толпѣ. Онъ выслѣдилъ говорившаго до питейнаго дома и арестовалъ, найдя при немъ копію съ указа 2 апрѣля съ надписью: «О свободныхъ отъ помѣщиковъ крестьянахъ». Его наказали десятью ударами плетей.

Между помѣщиками указъ 2 апрѣля, по описанію одного современника, вызвалъ страшный переполохъ. По его словамъ, масса дворянъ свыклась съ крѣпостнымъ правомъ и считала

право распоряжаться трудомъ и жизнью крѣпостныхъ закономъ установленіемъ, освященнымъ временемъ и обычаемъ. Она взволновалась при слухахъ о какомъ-то указѣ, проклинала и осыпала клеветой Киселева, а едва указъ вышелъ, какъ многіе помѣщики бѣжали изъ деревень, предсказывая неминуемый бунтъ крѣпостныхъ. Но, продолжаетъ современникъ, время шло, волненія утихали, помѣщики принялись читать указъ и скоро успокоились, увидя, что онъ не требуетъ отъ нихъ освобожденія крѣпостныхъ и подтверждаетъ ихъ неотъемлемое право на землю. Итакъ, практическіе результаты указа 2 апрѣля были ничтожны, а между тѣмъ онъ явился плодомъ почти двухъ съ половиной лѣтъ дѣятельности секретнаго комитета.

Столь же безплодны оказались работы и двухъ секретныхъ комитетовъ 1840 и 1844 гг. по улучшенію положенія дворовыхъ людей.

Заблоцкій-Десятовскій въ своей вышеупомянутой запискѣ сравнивалъ положеніе дворовыхъ людей съ положеніемъ домашнихъ животныхъ. Какъ домашнее животное, писалъ онъ, кормятъ и содержатъ ради получаемой отъ него пользы, такъ и дворовому человѣку выдаютъ пищу и одежду, поскольку это необходимо для поддержанія его существованія. У него убиваютъ личную волю, заставляя безпрекословно исполнять всякія приказанія господина. На немъ срывается барскій гнѣвъ и барскіе капризы.

И вотъ секретному комитету было поручено заняться вопросомъ объ улучшеніи быта дворовыхъ людей. Киселевъ, занятый въ то время разработкой проекта объ обязанныхъ крестьянахъ, не принималъ почти никакого участія въ комитетѣ о дворовыхъ людяхъ.

Комитетъ 1840 года имѣлъ всего три засѣданія. На первомъ его предсѣдатель предложилъ обсудить членамъ три вопроса: полезно ли и необходимо ли ограничить число дворовыхъ людей? какія къ тому слѣдуетъ принять мѣры и своевременны ли такія мѣры? На второе засѣданіе военный министръ представилъ на эти вопросы отвѣты. По его мнѣнію, не слѣдовало принимать никакихъ мѣръ съ этой цѣлью. Число дворовыхъ людей, особенно ихъ безполезная часть—домашняя прислуга, и безъ того уменьшается благодаря недостатку средствъ дворянъ. Затѣмъ онъ говорилъ, что всякія мѣры, направленныя къ улучшенію быта дворовыхъ людей, принесли

Отдыхъ барыни.

(Изъ Штерна).

бы величайшій вредъ, какъ несвоевременное посягательство на верховныя права, отношенія и привычки. Наконецъ, мѣры эти, заключалъ онъ, были бы въ высшей степени несвоевременны: умы взволнованы недавнимъ неурожаемъ, да и вообще крестьяне отъ мысли о свободѣ легко перейдутъ къ другимъ болѣе опаснымъ мыслямъ, а между тѣмъ у насъ пока, слава Богу, мысль о политической свободѣ недоступна классу поселянъ. На третьемъ и послѣднемъ засѣданіи секретный комитетъ постановилъ, что хотя уменьшеніе числа дворовыхъ людей и желательно, но дѣло это трудное въ виду неизбѣжности столкновенія правъ помѣщиковъ съ обязанностями крестьянъ. Затѣмъ государь предписалъ отложить обсужденіе вопроса о дворовыхъ людяхъ до болѣе удобнаго времени.

П. Д. Киселевъ.

Второй секретный комитетъ, учрежденный для той же цѣли въ 1844 году долженъ былъ обсудить записку министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, которому государь поручилъ высказать свои соображенія по вопросу о дворовыхъ людяхъ. Исполняя волю государя, Перовскій писалъ въ запискѣ о необходимости уменьшить количество безполезнаго класса дворовыхъ людей, ставшаго въ тягость не только своимъ владѣльцамъ, но и государству. Онъ предлагалъ запретить помѣщикамъ переводить крестьянъ въ дворовые, обложить дворовыхъ двойной податью, облегчить помѣщикамъ увольненіе дворовыхъ. Но далѣе въ той же самой запискѣ Перовскій высказывалъ сомнѣнія въ успѣхѣ имъ же предложенныхъ мѣръ.

Николай I высказалъ членамъ комитета свой взглядъ на вопросъ о дворовыхъ. Онъ сказалъ, что положеніе дворовыхъ людей всегда привлекало къ себѣ его особое вниманіе, и что классъ этотъ, въ концѣ-концовъ, долженъ быть уничтоженъ, а пока слѣдуетъ начать съ дворовыхъ, отпускаемыхъ на оброкъ. Онъ прибавилъ, что дѣло это очень трудное: права дворянъ

какъ бы освящены временемъ, и пріемлемы лишь мѣры постепенныя. Запрещенія дворянамъ переводить крестьянъ во дворъ слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности.

Началось обсужденіе вопроса членами комитета. Говорили, что дворовые люди не могутъ быть уничтожены, пока существуетъ крѣпостное право, что замѣна ихъ наемными слугами не по средствамъ дворянамъ, что нельзя припуждать помѣщиковъ, а слѣдуетъ обратиться къ нимъ съ воззваніемъ какъ бы отъ попечительнаго отца къ старшимъ дѣтямъ своего многочисленнаго народа; предлагали даже для уменьшенія числа дворовыхъ разрѣшить продажу полученныхъ за нихъ рекрутскихъ квитанцій.

Одинъ Киселевъ посмотрѣлъ на дѣло не съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. Онъ сказалъ, что число дворовыхъ людей простирается до 1.200.000 душъ; что этотъ многочисленный классъ людей, лишенныхъ всякой собственности и поставленныхъ въ непрерывную зависимость отъ власти помѣщиковъ, неизбѣжно является классомъ людей недовольныхъ и потому опасныхъ для государства. Улучшить его положеніе необходимо; затрудненія будутъ, но ихъ бояться нечего. Нельзя допускать и продажи рекрутскихъ квитанцій, взятыхъ за дворовыхъ людей: правительство не можетъ разрѣшать безнравственнаго торга людьми.

Два члена комитета высказались за принятіе рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія быта дворовыхъ людей, говоря, что полумѣры ни къ чему не приведутъ. Государь съ этимъ согласился, но повторилъ, что нельзя запретить помѣщикамъ переводить крестьянъ въ дворовые.

Итакъ, полумѣры признавались безполезными, а рѣшительныя мѣры не допускались. Одинъ членъ комитета заявилъ, что нельзя по этому вопросу ничего сдѣлать. Онъ говорилъ: уменьшить число дворовыхъ необходимо, но какъ это сдѣлать? Перепись дворовыхъ имѣетъ смыслъ, если за ней послѣдуетъ запрещеніе переводить крестьянъ во дворъ, а это противно волѣ государя. Всякое ограниченіе помѣщичьей власти безполезно, пока крестьянамъ не дано право жаловаться на своихъ господъ, а дать имъ право значитъ допустить вмѣшательство суда въ отношенія между крѣпостными и помѣщиками, что измѣнитъ самый характеръ этихъ отношеній и потому нежелательно. Облегчить отпускъ дворовыхъ на волю? Но

помѣщики станутъ отпускать стариковъ и калѣкъ, и эти люди будутъ оставлены на произволъ судьбы.

Толковали, спорили и горячились члены секретнаго комитета довольно долго, и въ результатѣ ихъ дѣятельности былъ изданъ указъ о правѣ помѣщиковъ добровольно отпускать дворовыхъ людей безъ земли на волю.

Воспользовались этимъ правомъ лишь немногіе помѣщики.

Въ 1847 году былъ учрежденъ секретный комитетъ для разсмотрѣнія предложенія барона Корфа распространить на всѣхъ крестьянъ имперіи право грузинскихъ крестьянъ выкупаться съ землей на волю при продажѣ имѣнья съ торговъ. Такъ какъ государь рѣшительно заявилъ о желательности этой мѣры, то и комитетъ не возражалъ, и 8 ноября 1847 года вышелъ указъ о разрѣшеніи крѣпостнымъ при продажѣ имѣнья съ торговъ вносить въ мѣсячный срокъ установившуюся на торгахъ сумму и получать свободу и всю землю.

Семейство крестьянъ (англ. гравюра первой четверти XIX вѣка).

Однако уже въ самомъ комитетѣ шли толки о вредѣ такого указа, и самъ его виновникъ, баронъ Корфъ, признавался, что радъ бы былъ повернуть дѣло назадъ, если бы оно не зашло такъ далеко. Какъ онъ откровенно высказывался, онъ надѣялся, что немногіе крѣпостные смогутъ внести въ срокъ деньги, и потому указъ большаго успѣха имѣть не будетъ. Съ этимъ соглашались и другіе члены, но говорили, что послѣдствія этого неуспѣшнаго указа могутъ быть очень вредны, что крестьяне, не имѣвшіе возможности выкупиться, станутъ

волноваться, что самое кроткое помѣщичье управленіе покажется имъ невыносимымъ.

Если такіе толки шли уже въ комитетѣ, то можно себѣ представить, какъ взволновались многочисленные крѣпостники, когда указъ былъ опубликованъ. Посыпались жалобы, записки о томъ, что указъ вреденъ, вреденъ, вреденъ. Для обсужденія послѣдствій указа были учреждены одинъ за другимъ два секретныхъ комитета—въ началѣ и въ серединѣ 1848 года. Ихъ члены соглашались, что указъ вреденъ, что крестьяне ради полученія свободы станутъ распродавать послѣднее имущество, разоряя и себя, и помѣщиковъ, что крѣпостные, и безъ того склонные къ мятежу, станутъ нарочно доводить помѣщиковъ до продажи имѣній съ торговъ. Киселевъ старался разсѣять напущенный крѣпостниками туманъ. Онъ доказывалъ, что доводы противниковъ указа покоятся на однихъ неясныхъ слухахъ, и что поэтому раньше всего слѣдуетъ собрать точныя свѣдѣнія о результатахъ указа. Далѣе онъ говорилъ, что указъ слѣдуетъ обсуждать съ точки зрѣнія интересовъ государства, а не отдѣльнаго сословія и частныхъ интересовъ. Комитетъ поручилъ собрать свѣдѣнія Киселеву въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ и Перовскому, министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ это время въ комитетъ поступила записка неизвѣстнаго автора—о возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе указа 8 ноября 1847 года.

Авторъ ея самыми мрачными красками описывалъ результаты этого указа: волненія среди крестьянъ растутъ и съ неимовѣрной быстротой распространяются по всей Россіи. Выкупившіеся крестьяне предаются праздности, пьянству и другимъ порокамъ. Указъ пріучаетъ крестьянъ къ коварству заговоровъ; недавно они такъ довѣрчиво относились къ власти своихъ родовыхъ владѣльцевъ, что отказывались отъ перехода въ обязанные, а теперь собираются и говорятъ о способахъ добиться свободы. Скоро, скоро, горестно восклицаетъ авторъ записки, дворянскія имѣнія совершенно исчезнутъ, а съ ними исчезнетъ и помѣщичья власть,—это соединительное звено между верховной властью и народомъ.

Киселевъ представилъ въ началѣ 1849 года записку на основаніи собранныхъ свѣдѣній. Онъ постарался дать отвѣты на слѣдующіе запросы. Вопросъ первый: правда ли, что для выкупа крестьяне распродаютъ послѣднее имущество? Вы-

купились крестьяне двухъ имѣній; деньги они взяли взаймы на довольно льготныхъ условіяхъ и оказались въ удовлетворительномъ матеріальномъ положеніи. Вопросъ второй: правда ли, что выкупившіеся предаются праздности и другимъ порокамъ? Мѣстныя власти сообщили, что это люди трудолюбивые и доброй нравственности, и что при ихъ выкупѣ безпорядковъ не произошло. Вопросъ третій: правда ли, что указъ пріучаетъ крестьянъ къ коварству заговоровъ. Свѣдѣнія были доставлены изъ 38 губерній, и въ 33-хъ никакихъ безпорядковъ не произошло. Всего было 6 случаевъ безпорядковъ, и Киселевъ замѣтилъ, что эта цифра ничтожна, сравнительно съ ежегодными волненіями помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ за одинъ 1845 годъ было 175. Почему же, спрашивалъ онъ, помѣщиковъ такъ взволновали эти 6 случаевъ, тогда какъ сотни ежегодныхъ волненій кажутся имъ обычнымъ явленіемъ. Причина тому—произволъ помѣщичьей власти. При неопредѣленности отношеній между помѣщиками и крѣпостными, всякая правительственная мѣра, стремящаяся смягчить крѣпостное право, какъ бы справедлива она ни была, возбуждаетъ въ помѣщикахъ тревожные толки и опасенія.

Киселевъ постарался выяснить и причины волненій, вызванныхъ указомъ. Оказалось, что помѣщики прежде чѣмъ допустить имѣнье до публичной продажи извлекали изъ него все, что могли, разоряя въ конецъ крестьянъ. Крестьяне, по единодушному свидѣтельству мѣстныхъ властей, оказывались не въ силахъ выкупиться: земли имъ, очевидно, было даже въ многоземельныхъ имѣніяхъ крайне мало, запасовъ и сбереженій у нихъ, конечно, не было никакихъ.

Въ заключеніе Киселевъ писалъ, что никакого вреда указъ принести не можетъ. Совершенно въ иномъ свѣтѣ представилъ дѣло Перовскій. Правда, и онъ долженъ былъ признать, что количество волненій, вызванныхъ указомъ, было ничтожно, но онъ находилъ его вреднымъ по существу, повторяя доводы его противниковъ, такъ блистательно опровергнутые только что Киселевымъ. Онъ высказался за отмѣну указа. Вопросъ былъ поставленъ на голосованіе, и большинство высказалось за отмѣну указа. Государь послѣ нѣкоторыхъ колебаній утвердилъ это рѣшеніе секретнаго комитета. Указъ 8 ноября былъ замѣненъ другимъ, разрѣшавшимъ выкупъ крестьянамъ не иначе какъ съ согласія ихъ бывшаго владѣльца. Указъ 8 ноября 1847 года просуществовалъ всего $1^1/_2$ года и потому

не успѣлъ принести замѣтныхъ результатовъ, но онъ могъ бы оказать значительное вліяніе на освобожденіе крѣпостныхъ, такъ какъ задолженность дворянскихъ имѣній въ то время была громадна.

Наступилъ тревожный въ Западной Европѣ 1848 годъ, и правительство отложило въ долгій ящикъ разсмотрѣніе наболѣвшаго крестьянскаго вопроса, а цензура еще строже стала слѣдить за печатью.

Самъ Киселевъ, казалось, потерялъ всякую надежду на лучшее будущее. Безплодная борьба съ крѣпостниками надломила его силы и загасила въ немъ вѣру сдѣлать что-либо для улучшенія участи крѣпостныхъ. Но наступившее затишье оказалось лишь временнымъ, да иначе и не могло быть: дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права было только отсрочено, но не рѣшено.

С. Малашкина.

Государственные крестьяне.

На протяженіи полутора вѣка (XVIII и первая половина XIX вѣка) именемъ государственныхъ крестьянъ въ Россіи обозначали разнообразныя группы сельскаго населенія, объединенныя лишь слабыми общими признаками: онѣ всѣ «принадлежали коронѣ», сидѣли на казенныхъ земляхъ, платили особый окладъ, сверхъ подушнаго; вначалѣ незначительный, оброкъ этотъ позднѣе доходилъ до 3 рублей.

Что же это за группы? Перечислимъ только главнѣйшія изъ нихъ. На сѣверѣ, гдѣ государство не нуждалось въ защитѣ, гдѣ не было совершенно служилаго класса, крестьяне не знали личной зависимости; обычной формой ихъ общежитія была община, иногда очень обширная, волость, но безъ передѣловъ. Это не мѣшало общинникамъ свободно обращаться со своими землями—продавать, мѣнять ихъ, но правительство, твердо держась принципа: земля принадлежитъ государству, а не крестьянамъ, было противъ подобныхъ обмѣновъ и рядомъ мѣръ ставило имъ преграды; уже въ XIX вѣкѣ здѣсь именно съ этою цѣлью, были введены передѣлы. На югѣ еще при Петрѣ жили однодворцы, мелкій служилый классъ, расположенный по военной чертѣ для защиты отъ татаръ. До Петра ими наполнялись полки иноземнаго строя, рейтарскіе, солдатскіе; при Петрѣ изъ нихъ были устроены полки ландмилиціи, при чемъ позднѣе служба ихъ была ограничена 15 лѣтами, но въ 1783 г. однодворцы были во всемъ сравнены съ государственными крестьянами, кромѣ льготы 15-лѣтней военной службы. На востокѣ и на западѣ въ составъ государственныхъ крестьянъ входили отдѣльныя самостоятельныя группы, не только сословныя, но и племенныя. Инородцы востока, «ясашные» крестьяне, татары, мордва, черемисы, пашенные сибирскіе крестьяне, очень близкіе по своему положенію къ черносошнымъ, мел-

кій военный людъ Витебской губерніи—«панцырные бояре», «старостинскіе» крестьяне, хлопы государственныхъ имѣній Польши—опредѣлялись также этимъ терминомъ.

Ужъ одно это перечисленіе показываетъ, сколь разнообразенъ по своему составу былъ этотъ общественный классъ. Но въ дѣйствительности, въ разные моменты полуторавѣкового періода своего существованія классъ этотъ принималъ въ свой составъ многочисленныя группы, иногда совершенно далекія другъ отъ друга по своимъ интересамъ. При Екатеринѣ II былъ рѣшенъ не разъ волновавшій еще московскую Русь вопросъ, можетъ ли монастырь быть собственникомъ какъ земли, такъ и крестьянъ. Екатерина II рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; она передала монастырскихъ крестьянъ сначала (1764 г.) въ вѣдѣніе коллегіи экономіи (съ этихъ поръ они и извѣстны подъ именемъ экономическихъ), но въ 1786 г. коллегія экономіи была упразднена, и экономическіе крестьяне слились съ государственными. Вызываемые правительствомъ иностранные колонисты и крестьяне конфискованныхъ въ Польшѣ, послѣ мятежа 1831 года, земель тоже становились въ ряды государственныхъ крестьянъ. Такъ образовывался и росъ классъ государственныхъ крестьянъ, но было также и обратное теченіе къ его уменьшенію.

На уменьшеніе числа крестьянъ государственныхъ повліяло прежде всего пожалованіе населенныхъ имѣній—съ 1725 по 1762 г. роздано было всего приблизительно 250 т. ревизскихъ душъ, т.-е. душъ мужского пола, при Екатеринѣ II (1762—1796 года)—425 т. душъ, при Павлѣ I (1796—1801 г.)—около 280 т. душъ. Какъ извѣстно, Александръ I отказывалъ въ подобныхъ прошеніяхъ, при немъ казенныя населенныя земли отдавались лишь въ аренду на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Итакъ, всего за 76 лѣтъ роздано было около милліона ревизскихъ душъ (955 т. душъ). Однако нужно замѣтить, что значительная часть этихъ пожалованій шла изъ числа конфискованныхъ имѣній; конфискація земельныхъ богатствъ—явленіе обычное въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ, при Екатеринѣ же конфискаціи подвергались земли польскихъ магнатовъ. Наоборотъ, при Павлѣ I раздавались земли, главнымъ образомъ, собственно дворцовыя, при чемъ въ самомъ сердцѣ Россіи—въ Великороссіи. Въ этомъ сказывается, между прочимъ, различіе во взглядахъ правительства,—при Павлѣ раздача получила большую принципіальную строгость, раздавали крестьянъ

для ихъ же собственнаго блага. То, чего тщетно добивались дворяне отъ императрицы Екатерины II, обильная раздача крестьянъ дворцовыхъ и экономическихъ, становится теперь обычнымъ явленіемъ (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первымъ). Павелъ самъ высказывалъ, что «лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ... Помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ». И мнѣніе императора отнюдь не было одинокимъ; думали даже подобной раздачей предотвра-

Пряха (Венеціановъ).

тить возможность народныхъ возстаній. При Павлѣ же часть дворцовыхъ земель и крестьянъ была выдѣлена исключительно для нуждъ царской фамиліи; составъ этихъ «удѣльныхъ» крестьянъ увеличивается и при слѣдующихъ императорахъ—Александрѣ I и Николаѣ I. Въ ихъ царствованіе, кромѣ того, часть государственныхъ крестьянъ переименована была въ военные поселяне.

Эволюція этого класса въ его количественномъ измѣненіи почти не поддается учету; можно сказать только, что при Ека-

теринѣ II и Павлѣ I классъ этотъ, хотя и незначительно, но падаетъ, а далѣе при Александрѣ I и Николаѣ I также малозамѣтно растетъ въ сравненіи съ крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ *).

Переходя къ изученію историческаго процесса внутренней жизни государственныхъ крестьянъ, должно сразу указать на важнѣйшій моментъ этого процесса, сыгравшій роль перелома къ лучшему. Въ 1838 г. при императорѣ Николаѣ создано было Министерство Государственныхъ Имуществъ со спеціальною цѣлью завѣдыванія государственными имуществами и крестьянами. Этотъ годъ, исключительно важный для исторіи казенныхъ крестьянъ, имѣлъ не малое значеніе, какъ мы увидимъ ниже, и для крестьянства вообще.

Посмотримъ прежде всего, каково было юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ. Сводъ законовъ признавалъ ихъ «свободнымъ сельскимъ сословіемъ». Эта свобода ихъ проявлялась въ личномъ правѣ по имуществамъ и договорамъ. Въ 1801 году государственнымъ крестьянамъ было предоставлено право пріобрѣтать недвижимую собственность. Они считались лично независимыми въ томъ смыслѣ, что не были укрѣплены за какимъ-либо частнымъ лицомъ, но въ то же время они были признаны государственными крѣпостными, и, какъ таковые, могли въ каждый данный моментъ перейти въ состояніе крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ, военныхъ поселянъ. Въ то же время ихъ приравнивали въ вопросахъ огражденія ихъ чести къ помѣщичьимъ крестьянамъ, какъ извѣстно, совершенно безправнымъ, и на ряду съ тѣмъ дѣти этихъ, столь низко по вопросамъ чести поставленныхъ, людей имѣли право получать высшее образованіе. Нужно замѣтить, что правительство не отказывало въ предоставленіи государственнымъ крестьянамъ даже нѣкоторыхъ политическихъ правъ. По учрежденію о губерніяхъ 1775 г. для разбора судебныхъ дѣлъ государственныхъ крестьянъ учреждались верхняя и нижняя расправы, члены которыхъ выбирались самими крестьянами. Это можно разсматривать, какъ предоставленіе государственнымъ крестьянамъ извѣстнаго участія въ дѣлахъ упра-

*) Количественное отношеніе этихъ общественныхъ группъ по даннымъ послѣднихъ трехъ ревизій таково:

VIII	(1834—35 г.)	10.822	т.	рев.	д.	крѣп.	нас.	и	7.649	т.	рев.	д.	гос. кр.
IX	(1851 г.)	10.769	»	»	»	»	»	»	8.951	»	»	»	»
X	(1856—58 г.)	10.696	»	»	»	»	»	»	9.604	»	»	»	»

вленія, т.-е. въ вопросѣ безусловно политическомъ. Это краткое перечисленіе правъ государственныхъ крестьянъ показываетъ, какъ было неустойчиво и разнорѣчиво юридическое опредѣленіе ихъ положенія передъ 1838 г.

Извѣстный дѣятель николаевской эпохи гр. Киселевъ, вступая въ исполненіе обязанностей министра, твердо усвоилъ себѣ положеніе: государственные крестьяне свободны и переводить ихъ, не спрашивая ихъ согласія, въ другія состоянія нельзя. Это положеніе онъ горячо защищалъ и за немногими исключеніями вполнѣ удачно, но, что особенно важно, ему, повидимому, удалось ввести этотъ принципъ въ общее сознаніе. На дѣлѣ въ управленіе гр. Киселева государственный крестьянинъ сталъ лицомъ фактически независимымъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ государства. А между тѣмъ извѣстно, что еще въ 1826 году правительство опредѣлило себѣ путь для рѣшенія больного крестьянскаго вопроса: нужно прежде всего устроить бытъ казенныхъ крестьянъ, а затѣмъ уже стремиться къ приведенію въ то же положеніе и помѣщичьихъ крестьянъ. Положеніе государственныхъ крестьянъ должно стать образцомъ для крѣпостныхъ. И, дѣйствительно, юридическое положеніе ихъ стало настолько выше занимаемаго безправнымъ крѣпостнымъ 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX стол., что его, безъ сомнѣнія, нужно признать идеаломъ для послѣдняго. Почти таковымъ же оказалось и административное устройство казенныхъ крестьянъ и замѣтно улучшившееся ихъ экономическое положеніе. Администрація государственныхъ крестьянъ страдала двумя недостатками, свойственными данной эпохѣ. Прежде всего въ ней отразилась, какъ наслѣдіе XVII вѣка, рѣзко фискальная политика правительства; вторымъ же недостаткомъ ихъ администраціи было обычное для полицейскаго государства XVIII вѣка вмѣшательство агентовъ государства въ самыя мелочи крестьянскаго дѣла. Еще при Екатеринѣ II, когда правительство впервые стало опредѣлять законодательнымъ путемъ положеніе государственныхъ крестьянъ, былъ изданъ въ 1769 году жестокій указъ объ отвѣтственности старостъ и выборныхъ въ полной выплатѣ недоимокъ, при чемъ предписывалось: «Держать ихъ подъ карауломъ, употреблять въ тяжкія городовыя работы безъ платежа денегъ». Такъ же постановлено было дѣло и въ законѣ императора Павла о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія (1797 г.). «Въ его обширномъ текстѣ, — говоритъ

историкъ,—имѣлъ, несомнѣнно, реальное значеніе только одинъ параграфъ, гдѣ говорилось о взысканіи окладныхъ и неокладныхъ сборовъ». Но въ этомъ же законѣ особенно ярко сказалась и другая отрицательная черта вѣка —самая детальная регламентація полицейскихъ обязанностей сельскихъ властей. Куда только не должны проводить онѣ свое всеобъемлющее вліяніе: мѣры противъ пожаровъ и эпидемій, указанія по земледѣлію, требующія не малыхъ знаній по агрономіи, наконецъ, всевозможныя предписанія изъ области морали лежали на обязанности этихъ въ большинствѣ случаевъ малограмотныхъ властей. Идиллическая въ текстѣ закона картина совсѣмъ иначе представлялась на дѣлѣ. Сельскія власти, отягченныя детальными, никому не нужными предписаніями, забывали о главныхъ задачахъ своей дѣятельности, кромѣ тѣхъ, которыя являлись шкурными для нихъ самихъ, и энергично выколачивали требуемое изъ крестьянъ. Намъ говорятъ объ этомъ очевидцы: «...и того уѣзда крестьянамъ привелось распродавывать свой весь имѣющій экипажъ и скотъ по малой цѣнѣ». «Движимость, скотъ, овцы и, наконецъ, одежда и рубище поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга на базарахъ и ярмаркахъ, сами же поселяне были подвергаемы жесточайшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ». Мы нарочно взяли изъ разныхъ источниковъ; но и сами крестьяне въ наказахъ 1767 года и николаевскій сенаторъ (гр. Капнистъ) говорятъ какъ бы въ унисонъ. Но, кромѣ присущихъ вѣку недостатковъ, администрація государственныхъ крестьянъ имѣла и свои собственные: она была пришита къ лицамъ и учрежденіямъ, чуждымъ ей по интересамъ; въ хозяйственномъ отношеніи волостью крестьянъ вѣдала казенная палата, по полицейскимъ дѣламъ она подчинялась нижнему суду, т.-е., вѣрнѣе сказать, исправнику; первая въ лицѣ своего совѣтника была слишкомъ занята, чтобы вникать въ положеніе крестьянъ, второй, какъ учрежденіе дворянское, былъ далеко не безпристрастенъ.

Высшимъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ государственныхъ крестьянъ, былъ департаментъ государственныхъ имуществъ Министерства Финансовъ, фискальный духъ котораго мѣшалъ ему здраво посмотрѣть на положеніе крестьянства. Отсюда недосмотръ, небрежность, хищенія, а у крестьянъ—бѣдность, доходящая до нищеты, и недоборы, которые считались за ними въ сотняхъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Небрежность администраціи влекла за собой крестьянское разореніе.

Что же сдѣлалъ въ этомъ отношеніи гр. Киселевъ? Ужъ одно учрежденіе авторитетнаго, самостоятельнаго Министерства Государственныхъ Имуществъ вмѣсто прежней разбросанности лицъ и учрежденій, вѣдѣнію которыхъ подлежали государственные крестьяне, совершенно измѣняло картину. Фискальная сторона вопроса отходила въ сторону, стушевывалась передъ интересами самого крестьянства, передъ попе-

Крестьянскій мальчикъ (Венеціановъ).

ченіемъ о немъ. Всматриваясь въ систему дѣленія, проведеннаго Киселевымъ, нельзя не видѣть стройности, логичности ея. Министерству непосредственно были подчинены губерніи; здѣсь находились палаты государственныхъ имуществъ, которыя на ряду съ другими губернскими палатами, подлежали надзору губернатора. Губернія дѣлилась на округа, соединенія нѣскольких волостей; округа эти были то равные, то большіе тогдашнихъ уѣздовъ; начальствующія лица здѣсь, какъ и

въ губерніи,—бюрократическаго происхожденія. Зато два низшія дѣленія—волость и село—сами выбирали себѣ власти. Волость—это рядъ сельскихъ обществъ, въ общей сложности до 6.000 ревизскихъ душъ (иногда доходило и до 8.000). Разъ въ три года собирается волостной сходъ для избранія волостного правленія и волостной расправы (суда), являющейся второй высшей инстанціей для крестьянъ. И въ правленіе и въ расправу входилъ волостной голова; кромѣ того, первое состояло изъ двухъ совѣтниковъ, а послѣдняя изъ двухъ же «добросовѣстныхъ». Всѣ они были на жалованьи изъ волостныхъ средствъ. Укажемъ мимоходомъ, что численный составъ волости Киселевымъ удвоивался, въ сравненіи съ волостью павловскаго времени, что облегчало ей, конечно, содержаніе своихъ должностныхъ лицъ. Послѣднимъ дѣленіемъ было сельское общество, состоящее изъ одного большого или нѣсколькихъ малыхъ селеній, въ общей сложности не менѣе 1.500 ревизскихъ душъ. Сельское общество выбираетъ изъ своего состава на три же года, какъ и волость, сельскаго старшину, «добросовѣстныхъ» для суда, старостъ для наблюденія за порядкомъ и завѣдываніемъ мірскимъ имуществомъ, цѣлаго ряда другихъ должностныхъ лицъ по сельскому хозяйству и сотскихъ, мелкихъ полицейскихъ служащихъ, непосредственно зависящихъ отъ общей земской полиціи (станового и исправника). Въ селеніи же находился и судъ, «сельская расправа», низшая инстанція, отъ которой можно было апеллировать въ волостной расправѣ. Само общество проявляло свою дѣятельность въ сельскомъ сходѣ обыкновеннаго и расширеннаго состава. Первый—это представители домохозяевъ, избираемые на трехлѣтье. Дѣятельность его весьма разнообразна, она касается всевозможныхъ хозяйственныхъ вопросовъ. На сходъ расширеннаго состава собираются всѣ домохозяева для того, чтобы разъ въ трехлѣтіе избрать представителей для обычнаго сельскаго схода (12⁰/₀ всего состава) и для волостного схода (5⁰/₀ всего состава села). Эта стройная система властей, обязанности которыхъ были строго опредѣлены, направленная искусной рукой администраціи къ невѣдомой до тѣхъ поръ цѣли—благу самихъ крестьянъ, достигла не малаго.

Совершенно отбрасывая въ сторону фискальныя побужденія, Министерство достигло значительныхъ результатовъ даже въ этомъ отношеніи. Благодаря возрастающему благосостоянію крестьянъ ежегодныя недоимки уменьшились почти въ два

раза. Широко было поставлено дѣло хозяйственнаго устройства крестьянъ; селенія государственныхъ крестьянъ отмежевывались отъ другихъ земель, до 56 тыс. человѣкъ, не имѣвшихъ совсѣмъ земель, получили себѣ надѣлы и далеко не малые (8—10 десятинъ),—около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ казенной земли и болѣе 2 милліоновъ десятинъ казеннаго лѣса, нѣсколько утолили замѣчавшуюся среди государственныхъ крестьянъ земельную нужду. Повсюду учреждались «вспомогательныя кассы», хлѣбные магазины для раздачи населенію пособій деньгами и хлѣбомъ. Подати и налоги не увеличивались; въ 1855 году оброчная подать была переведена съ души на землю, при чемъ населенію было объявлено, что его интересы отнюдь не пострадаютъ. Важныя реформы были проведены по вопросу о рекрутахъ, этомъ страшномъ бичѣ николаевской Россіи: прежде каждый крестьянинъ въ теченіе 15 лѣтъ (отъ 20 до 35-лѣтняго возраста) могъ быть потребованъ къ исполненію военной повинности, при гр. Киселевѣ на службу требовали только разъ, въ 20-лѣтнемъ возрастѣ; усмотрѣніе же сельскихъ обществъ было замѣнено жеребьевкой. Министръ не мало силъ употребилъ на борьбу съ обычнымъ несчастьемъ деревни—пьянствомъ и пожарами. Первое было особенно развито, именно въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ откупщики встрѣчали въ помѣщичьихъ земляхъ не мало противодѣйствій для открытія новыхъ питейныхъ заведеній. Киселевъ всѣми мѣрами противодѣйствовалъ дѣятельности откупщиковъ, но едва ли въ этомъ отношеніи онъ достигъ желательнаго результата; по отчетамъ Министерства мы видимъ даже нѣкоторое ухудшеніе. Зато введеніе взаимнаго страхованія на случай пожаровъ, распланированіе селеній и усиленная постройка крестьянами домовъ каменныхъ или, по крайней мѣрѣ, на каменныхъ столбахъ и фундаментахъ—какъ уменьшало число сельскихъ пожаровъ, такъ и дѣлало убытки отъ нихъ менѣе чувствительными. Но особенно замѣтно стараніе Киселева въ области народнаго образованія: въ 1836 году всего училищъ у государственныхъ крестьянъ было 60 при 1.800 учащихся, а черезъ 20 лѣтъ, когда Киселевъ покидалъ свой постъ, всего училищъ насчитывалось 2.551 съ 110.994 учащихся *).

---

*) Дѣятельность гр. Киселева въ этомъ направленіи была весьма благотворна своими послѣдствіями. Историкъ школы пишетъ: «Когда возникло земское самоуправленіе, передача въ его вѣдѣніе школъ

Въ этомъ нельзя не видѣть, конечно, интенсивной работы, дѣлающей честь ея руководителю. Всѣ эти мѣры, повышавшія экономическое и умственное благосостояніе цѣлой трети населенія имперіи, сами по себѣ, конечно, имѣли громадное значеніе въ исторіи культуры *). Но, если мы вспомнимъ, каково было въ это время положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, безправныхъ, экономически не обезпеченныхъ и, можно смѣло сказать, лишенныхъ школьнаго просвѣщенія, мы поймемъ, какъ силенъ и поучителенъ былъ этотъ контрастъ въ положеніи двухъ половинъ нашего крестьянства. Киселевская реформа, наглядностью своего превосходства подорвала устои нашего крѣпостничества и, заканчивая нашу статью, можно повторить слова К. Д. Кавелина, что «теперь ни для кого не тайна, что учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ было какъ бы прологомъ къ отмѣнѣ крѣпостного права».

А. Кабановъ.

вѣдомства государственныхъ имуществъ (11 февр. 1867 г.) послужила въ большинствѣ земскихъ губерній первымъ толчкомъ, давшимъ поводъ земству заняться дѣломъ народнаго образованія, и школы государственныхъ крестьянъ явились какъ бы ядромъ, вокругъ котораго возникла современная земско-школьная организація».

*) Къ несчастью, эта разумная политика гр. Киселева не была поддержана его преемниками по Министерству. Уже при имп. Александрѣ II, въ 1857 году на постъ министра государственныхъ имуществъ былъ назначенъ М. Н. Муравьевъ, получившій въ 60-ые годы печальную извѣстность жестокимъ усмиреніемъ Западнаго края. Это назначеніе знаменовало собою рѣзкій переворотъ во всей дѣятельности Министерства. Оно возвратилось къ временамъ павловскимъ: фискальный интересъ вновь восторжествовалъ надъ заботою о благосостояніи крестьянъ. Указы 1859 года повышали размѣры оброчной подати; въ этомъ же году были измѣнены старыя кадастровыя правила Киселева (55 года); по новымъ правиламъ на землю съ души переводились не всѣ подати, а только одна оброчная, при чемъ эта подать опредѣлялась соразмѣрно стоимости земли, разсматривалась не какъ подать, подлежащая законодательному опредѣленію, а какъ арендная плата, размѣры которой утверждались властью министра. Всѣ эти мѣры сводили на нѣтъ основную мысль Киселевской реформы; да и въ области практическаго примѣненія онѣ въ значительной степени подорвали благосостояніе крестьянскаго населенія государственныхъ земель, хотя прямой своей цѣли достигли,—оброчная плата замѣтно повысилась.

Торгъ крѣпостной. (Карт. *Неврева*).

Бытъ крѣпостныхъ крестьянъ передъ освобожденіемъ.

Къ XIX вѣку крѣпостное право въ Россіи получило рѣшительно государственный характеръ, сдѣлалось даже однимъ изъ устоевъ государственной жизни, при чемъ всѣ попытки осуждать его или говорить объ его смягченіи, тѣмъ паче уничтоженіи, вызывали въ благопріятныхъ случаяхъ строгое осужденіе со стороны правительственной власти, а то и карались какъ преступное посягательство на колебаніе существующаго строя. До самаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ государство охраняетъ существованіе крѣпостного права вопреки даже собственнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ носителей верховной власти, какъ императоры Александръ I-й и Николай I-й, не разъ рѣзко осуждавшихъ существованіе этого зла русской жизни и выражавшихъ надежду на его устраненіе. Но къ этому устраненію не приступали, и жизнь текла своимъ порядкомъ, лозунгомъ же этого порядка, пока что, была охрана крѣпостного права отъ всякихъ освободительныхъ стремленій, шедшихъ изъ общества, выражавшихся даже въ тогдашней, стиснутой цензурными оковами, литературѣ.

Получилось такое положеніе дѣла, что государство какъ бы отдало часть крестьянъ въ полную собственность и завѣдываніе помѣщикамъ, предоставивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и часть своихъ обязанностей. По закону 1845 года возмущеніе крѣпостныхъ и дворовыхъ противъ ихъ помѣщика и даже управляющаго приравнивается къ возстанію противъ власти, установленной правительствомъ. За подачу жалобы на помѣщика крѣпостные жалобщики, по закону 1845 г., подвергаются наказанію розгами до пятидесяти ударовъ. Чтобы сузить для крѣпостныхъ возможность выхода на волю, запрещено было принимать въ гимназію дѣтей крѣпостныхъ, не пускали ихъ

и въ университеты, и только съ большими затрудненіями и то не иначе, какъ при наличіи разрѣшенія душевладѣльца дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ дозволялось принимать въ приходскія, уѣздныя и низшія профессіональныя школы.

Помѣщикъ имѣлъ право на трудъ крѣпостного ему крѣстьянина, въ извѣстной мѣрѣ являлся судьей его, былъ отвѣтственъ передъ правительствомъ за правильность взносовъ крѣпостными государственныхъ платежей и за исполненіе ими государственныхъ повинностей; по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ помѣщикъ являлся, слѣдовательно, судьей, полицмейстеромъ и финансовымъ чиновникомъ правительства, обязаннымъ соблюдать казенные интересы.

Въ качествѣ судьи помѣщикъ разбиралъ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла. По дѣламъ гражданскимъ помѣщикъ разбиралъ взаимные споры и иски своихъ крѣпостныхъ; по дѣламъ уголовнымъ помѣщикъ вѣдалъ преступленія и проступки своихъ крестьянъ противъ него самого, противъ его крестьянъ и даже противъ стороннихъ лицъ, если они соглашались разобраться судомъ помѣщика. Помѣщикъ могъ и не пользоваться своимъ правомъ судить, и тогда крѣпостные должны были обращаться къ общему суду. Въ законѣ не было обозначено, какіе проступки и преступленія могутъ подлежать помѣщичьему суду и какіе нѣтъ: тамъ было только глухо сказано, что помѣщикъ вѣдаетъ тѣ преступленія и проступки, за которые виновные не подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія. Помѣщику самому предоставлялось, слѣдовательно, установить составъ преступленія и оцѣнить его наказуемость. Нѣсколько болѣе точно были опредѣлены въ законѣ наказанія, которымъ могъ подвергать виновныхъ помѣщикъ-судья. Наказанія были двухъ родовъ — тѣлесныя и заключеніе. Помѣщикъ-судья могъ по закону присудить виноватому розги — не болѣе сорока ударовъ, палки до пятнадцати ударовъ, арестъ до двухъ мѣсяцевъ, заключеніе въ смирительный и рабочій дома до трехъ мѣсяцевъ, и заключеніе въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства до шести мѣсяцевъ. Широкимъ правомъ присуждать тѣлесное наказаніе на практикѣ пользовались еще шире: при наказаніи розгами и палками число ударовъ, конечно, никто не провѣрялъ, и они разсыпались не десятками, а сотнями.

Считая недостаточными тѣ роды наказаній, которые были точно опредѣлены въ законѣ, помѣщики изобрѣли свои особыя

наказанія, которыя казались имъ болѣе соотвѣтствующими своему назначенію; это были — цѣпи, рогатки, цѣпной стулъ. Рогатка имѣла своимъ назначеніемъ не давать тому, на кого надѣта, возможности прилечь и поэтому употреблялась не только

Помѣщица (Венеціановъ).

какъ наказаніе, но и какъ средство контроля «при земляныхъ работахъ,—читаемъ въ запискахъ А. И. Кошелева,—чтобы работники не могли ложиться для отдыха». Цѣпной стулъ имѣлъ назначеніемъ не давать ходить: виновнаго приковывали цѣпями

къ тяжелому деревянному чурбану, на которомъ можно было только сидѣть, а въ случаѣ желанія ходить, виновному приходилось тащить чурбанъ на себѣ. Въ желѣзныхъ рогаткахъ, вѣсомъ около 8 или 10 фунтовъ, случалось держали какую-нибудь неисправную дѣвку недѣли четыре, а къ цѣпному стулу приковывали недѣли на двѣ, да еще при этомъ заставляли прясть опредѣленный урокъ; пищей такимъ заключеннымъ полагался, разумѣется, только хлѣбъ и вода, да и то разъ въ сутки.

Право помѣщиковъ сдавать неугодныхъ имъ крѣпостныхъ въ солдаты или посылать по своему усмотрѣнію въ Сибирь продолжало существовать и въ XIX в. Виновнаго и осужденнаго къ отдачѣ въ рекруты или къ ссылкѣ въ Сибирь староста привозилъ скованнымъ или связаннымъ въ губернское правленіе; здѣсь привезеннаго свидѣтельствовали—годенъ ли въ солдаты, и затѣмъ, не входя ни въ какія разысканія о причинахъ, заставившихъ помѣщика такъ поступить, отправляли въ рекрутское присутствіе или въ тюрьму для высылки съ осужденными короннымъ судомъ въ Сибирь. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ссылка крѣпостного являлась совершенно неосновательной, правительственная власть обыкновенно не вмѣшивалась въ дѣло и молча допускала совершаться явной несправедливости. Въ законѣ не было предоставлено губернскому правленію входить въ такія подробности, какъ справедливо или несправедливо ссылается по волѣ господина или отдается въ рекруты тотъ или иной крѣпостной. Владѣлецъ собственности хотѣлъ отъ этой собственности отдѣлаться, и правительственное учрежденіе должно было это исполнить.

Правда, губернаторамъ и предводителямъ дворянства секретными циркулярами не разъ предписывалось просматривать, чтобы помѣщики не злоупотребляли своимъ правомъ ссылать и сдавать въ рекруты крѣпостныхъ, но и губернаторы и предводители лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и очень случайно вмѣшивались въ это право помѣщиковъ, да и то не иначе, какъ съ глазу на глазъ, уговаривая дѣлавшаго явную несправедливость помѣщика, «простить» виновнаго, опредѣленнаго въ ссылку.

Но предоставленный, такимъ образомъ, въ полную собственность владѣльца крѣпостной крестьянинъ далеко не освобождался отъ своихъ повинностей по отношенію къ государству. Крѣпостные несли государственную службу — военную, пла-

тили государственныя подати, отбывали такія повинности, какъ дорожная и подводная, и подлежали общей подсудности по уголовнымъ преступленіямъ.

Въ этихъ сферахъ общежитія роль помѣщика, по отношенію къ крѣпостнымъ, являлась исключительно наблюдательной, а по отношенію къ государству — только исполнительной. Правительственная власть въ указанныхъ областяхъ жизни становилась одинаково и надъ помѣщикомъ и надъ крѣпостнымъ. Надъ помѣщикомъ, какъ надъ своимъ довѣреннымъ и чиновникомъ, надъ крѣпостнымъ, какъ надъ плательщикомъ государственныхъ налоговъ и поставщикомъ рекрутъ для арміи. Въ силу этого государственная власть должна была слѣдить за правильными отношеніями между помѣщиками и крестьянами и принимать мѣры къ устраненію безпорядковъ, исходящихъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Поэтому государственная власть поддерживала помѣщика, помогала ему крѣпко держать его власть и значеніе, когда крѣпостные не слушались помѣщика, помогала и крѣпостнымъ, когда помѣщики переступали предѣлы своихъ правъ и доходили до злоупотребленія своей властью. Общимъ принципомъ такого соотношенія было положеніе, что крѣпостные обязаны владѣльцу безпрекословнымъ повиновеніемъ во всемъ томъ, что непротивно общимъ государственнымъ узаконеніямъ. Народная пословица превосходно опредѣлила это соотношеніе такимъ краткимъ изреченіемъ: «Душа Божья, голова царская, спина барская».

Изъ того положенія, что крѣпостной не безразличная для государственной власти величина, вытекало и то обстоятельство, что помѣщику не только предоставлялись указанныя выше права надъ крѣпостными, но и предписывались извѣстныя обязанности. По закону помѣщикъ отвѣчалъ передъ правительствомъ за правильные взносы крѣпостными государственныхъ платежей и повинностей и долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ вообще въ бѣдственныхъ случаяхъ, сохраняя всячески для себя здороваго работника, а для государства исправнаго плательщика. «Владѣлецъ въ случаѣ неурожая, —гласилъ законъ,—не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ—со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства».

За каждаго крѣпостного, пойманнаго въ нищенствѣ, съ владѣльца взыскивалось по 1 руб. 50 коп. штрафу. Надо признаться, однако, что это постановленіе закона плохо исполнялось

многими помѣщиками. Близоруко не соблюдая собственныхъ интересовъ, многіе помѣщики держали своихъ крѣпостныхъ въ трудное время болѣе, чѣмъ впроголодь. Въ запискахъ одного сельскаго священника приводится рядъ извѣстныхъ ему случаевъ, когда помѣщики выдавали голодающимъ крѣпостнымъ на мѣсяцъ по пуду муки, состоявшей изъ 30 фунтовъ желудоваго размола и лебеды и лишь десяти фунтовъ настоящей муки, а другой помѣщикъ, должно-быть, прочитавъ о питающихся, между прочимъ, и особаго сорта глиной нѣкоторыхъ племенахъ Южной Америки, задумалъ своихъ крѣпостныхъ продовольствовать такимъ дешевымъ, но, конечно, несъѣдобнымъ пищевымъ продуктомъ, какъ наша русская глина! Правительству приходилось частенько разсылать циркуляры губернаторамъ, чтобы они слѣдили за исправностью продовольствованія помѣщиками ихъ крѣпостныхъ въ неурожайные годы.

Когда циркуляры не помогали, правительство брало на себя обязанность кормить голодающихъ, и въ голодовку 1839—1840 гг. помѣщикамъ было роздано болѣе десяти милліоновъ рублей изъ казны на помощь голодающимъ.

Казенные платежи тоже часто очень задерживались въ карманахъ владѣльцевъ и туго поступали въ казну, создавая вѣчныя недоимки. Зло задержки казенныхъ платежей было настолько распространено, что въ 1841 г. за невзносъ податей и недоимокъ состояло въ опекѣ, т.-е. было изъято изъ непосредственнаго завѣдыванія владѣльцевъ, 916 имѣній!

Но не въ указанныхъ чертахъ зависимости заключалась суть крѣпостного строя жизни. Какъ судья и какъ сборщикъ казенныхъ платежей, помѣщикъ становился передъ своими крѣпостными сравнительно изрѣдка. Крѣпостныя отношенія опредѣлялись тѣмъ, что помѣщикъ вообще былъ владѣлецъ, господинъ жившихъ на его землѣ крестьянъ. Живая основа крѣпостного строя создавалась на тѣхъ ежедневныхъ отношеніяхъ, которыя обусловливались тѣмъ, что крѣпостной крестьянинъ былъ рабочей единицей помѣщичьяго хозяйственнаго инвентаря. Изъ этого обстоятельства вытекала вся сумма правъ помѣщика, подъ непосредственнымъ ежедневнымъ воздѣйствіемъ которыхъ проходила день за днемъ жизнь крѣпостного и его семьи. Законъ и обычай предоставляли помѣщику, собственнику земли, право распоряжаться живущими на его землѣ и ему принадлежащими крѣпостными людьми по всей его, помѣщика, волѣ; помѣщикъ устанавливалъ порядокъ и

формы хозяйственной эксплуатаціи земли, онъ могъ переводить крестьянъ въ дворовые, а дворовыхъ сажать на пашню, могъ переселять своихъ крѣпостныхъ, куда хочетъ, отдѣльными семьями, порознь и цѣлыми деревнями; помѣщикъ имѣлъ непосредственное воздѣйствіе на семейный укладъ жизни крѣпостныхъ и безъ его разрѣшенія не только не могла состояться никакая свадьба, но и вообще всѣ свадьбы, всѣ семейныя новообразованія происходили не иначе, какъ въ предуказанномъ душевладѣльцемъ порядкѣ; помѣщикъ имѣлъ, наконецъ, право собственности на имущество своихъ крѣпостныхъ.

Крестьянская дѣвушка.

Въ результатѣ всѣхъ тѣхъ «правъ» помѣщика крѣпостной и оказывался полной собственностью землевладѣльца. Правда, законъ дѣлалъ кое-какія попытки внести нѣкоторыя ограниченія въ эту полноту правъ, но ставилъ эти свои ограниченія довольно неопредѣленно. Такъ, по закону владѣлецъ могъ налагать на своихъ крѣпостныхъ всякія работы, взимать любой оброкъ, требовать какихъ хочетъ повинностей, но съ условіемъ: во-первыхъ, чтобы крестьяне «не претерпѣвали черезъ то разоренія», и, во-вторыхъ, чтобы три дня въ недѣлю оставались крестьянамъ для ихъ работъ на себя, при чемъ запрещалось принуждать крестьянъ къ работамъ въ праздники и воскресные дни; размѣровъ оброка и личныхъ повинностей, а также и земельныхъ надѣловъ установлено не было, — все это предоставлялось доброй волѣ помѣщика.

Неопредѣленныя въ законѣ хозяйственныя взаимоотношенія крѣпостныхъ и помѣщика строились на обычаѣ, выработавшемъ за время вѣкового существованія крѣпостной зависимости свои нормы и правила, которыя волею или неволею соблюдались помѣщиками и считались «правильными» самими крестьянами. Это былъ цѣлый рядъ мелкихъ, подчасъ неуловимыхъ правилъ, нигдѣ не записанныхъ, разумѣется, но всѣми чувствовавшихся. Въ такомъ соотношеніи, когда одной стороной являлся помѣщикъ въ обладаніи всей полнотой присущихъ ему правъ, а другой стороной — крестьянинъ, во всемъ отъ помѣщика зависящій,—все въ ихъ совмѣстной жизни сколько-нибудь нормально могло строиться на «справедливомъ» отношеніи помѣщика къ крестьянамъ и «исправномъ» отбываніи крестьянами «справедливыхъ» требованій помѣщика.

Въ хозяйственномъ отношеніи крѣпостное населеніе дѣлилось, какъ извѣстно, на такія группы: крестьяне барщинные, крестьяне оброчные, крестьяне-мѣсячники, дворовые, фабричные и заводскіе. Основными группами въ этомъ дѣленіи надо считать крестьянъ барщинныхъ, оброчныхъ и дворовыхъ.

Отъ своихъ крѣпостныхъ помѣщикъ требовалъ безусловнаго повиновенія во всемъ и исполнительности въ работѣ, т.-е. въ обработкѣ земли прежде всего, при чемъ, однако, строго слѣдилъ самъ или черезъ старосту или бурмистра какъ за обработкой своихъ, помѣщичьихъ, полосъ, такъ и за обработкой крестьянами предоставленныхъ имъ надѣловъ. Размѣры крестьянскихъ надѣловъ вполнѣ зависѣли отъ воли помѣщика. По закону 1827 г. имѣнья помѣщиковъ, у которыхъ за залогомъ или по продажѣ земли оставалось ея менѣе, чѣмъ по $4^1/_2$ десятины на душу, имѣнья отбирались въ казенное вѣдомство. Надо думать, что $4^1/_2$ десятины считалось наименьшимъ размѣромъ душевого надѣла въ крѣпостное время. Но бывали надѣлы и меньше, особенно въ населенныхъ великорусскихъ губерніяхъ средней полосы. Такъ, въ Рязанской губерніи часты были надѣлы по $1^1/_2$ десятины въ полѣ на душу при $^3/_4$ десятины луга и усадебной земли. Но какъ общее правило нормальнымъ надѣломъ въ среднихъ великорусскихъ губерніяхъ считался надѣлъ въ $6^1/_2$ десятинъ въ трехъ поляхъ на тягло, т.-е. на семью, состоявшую изъ крестьянина съ его женой и подростками-дѣтьми. Какъ общее же правило соблюдалось, чтобы и крѣпостной и на барина обрабатывалъ бы столько же земли, сколько обрабатываетъ на себя, т.-е. если нормальный

надѣлъ крѣпостного считался въ $6^1/_2$ десятинъ въ трехъ поляхъ, то и на барина крѣпостной долженъ былъ обрабатывать $6^1/_2$ десятинъ, а всего на его плечахъ лежала, слѣдовательно, обработка 13 десятинъ. Всѣ земледѣльческія орудія, какъ соху, борону, заступы, лопаты, грабли, косы, серпы, а также лошадей и упряжь крѣпостные должны были пріобрѣтать на свой счетъ и держать въ порядкѣ, «чтобы ни своя, ни барская работа отъ нерадѣнія или небрежности не стояла», какъ пишетъ одинъ сельскій хозяинъ тѣхъ временъ. Въ основу опредѣленія количества земли, даваемой въ надѣлъ крѣпостному, клалось одно очень простое хозяйственное соображеніе: отъ обработки своего надѣла крѣпостной долженъ былъ получить минимумъ средствъ, необходимыхъ ему для прокорма себя и семьи и для поддержки своего хозяйства. При такомъ положеніи, конечно, помѣщикъ не могъ уменьшать надѣлъ тягла, иначе ему пришлось бы на свой счетъ покрывать недостачу пропитанія крѣпостного. При увеличивавшемся отъ естественнаго прироста населенія количествѣ рабочихъ рукъ, новые тягловые надѣлы приходилось нарѣзывать изъ запасныхъ земель помѣщика, если въ его распоряженіи такія земли были; въ противномъ случаѣ подросшимъ крѣпостнымъ приходилось приспособляться къ промысламъ, наниматься работать на сторонѣ. Если же количество безземельныхъ очень возрастало, то заботливые помѣщики, когда имъ было почему-либо невыгодно отпускать такихъ безземельныхъ крѣпостныхъ на оброкъ или въ работу на сторону, покупали землю гдѣ-нибудь вдали, тамъ, гдѣ она была дешевле, и насильно переселяли такихъ своихъ крѣпостныхъ одиночками и цѣлыми семьями въ Оренбургскій край, въ Уфимскую губернію и дальше. Эти переселенія составляли сущее бѣдствіе для крѣпостныхъ, если даже помѣщикъ старался устроить переселеніе наиболѣе выгоднымъ и удобнымъ для крестьянъ образомъ. Тяжело было покидать родныя мѣста, разставаться съ родными, съ привычными условіями климата и работы и навсегда, по одному приказанію владѣльца, уходить въ далекіе невѣдомые края. Уже одно распоряженіе переселиться безъ разговоровъ заключало въ себѣ элементъ самоуправства. Еще тяжелѣе было крѣпостнымъ переселяться, когда помѣщикъ устраивалъ это переселеніе, не только не облегчая его для крестьянъ, а сознательно или по безалаберности допуская при этомъ большія злоупотребленія. Хроника крѣпостныхъ временъ полна описаніями возмутительныхъ случаевъ такого рода.

Устроивъ надѣленіе своихъ крестьянъ землей въ достаточномъ, по мнѣнію помѣщика, размѣрѣ, или по обстоятельствамъ, вытекавшимъ изъ количества земли въ имѣніи, помѣщикъ опредѣлялъ, какія повинности должны нести крестьяне за пользованіе данными имъ надѣлами. Повинности эти были очень разнообразны: и денежныя и натуральныя. Денежныя состояли въ уплатѣ оброка, натуральныя, кромѣ обработки помѣщичьихъ полей, еще въ доставкѣ подводъ для отправки помѣщичьяго хлѣба на рынокъ, и разнаго рода припасовъ (столовый запасъ), а также всего вырабатывавшагося крѣпостными, если въ имѣніи установился какой-либо промыселъ.

Обработка барской земли проходила подъ строгимъ наблюденіемъ самого барина или его приказчика, на дрожкахъ или верхомъ объѣзжавшихъ поля, гдѣ происходили работы. Замѣченныя неисправности въ работѣ, лѣность, небрежность, дѣйствительная и кажущаяся, вызывали немедленную расправу. За плохо распаханную полосу, небрежную жатву и т. п. виновные тутъ же получали возмездіе отъ барской или приказчичьей нагайки и несли штрафъ въ видѣ дополнительнаго урока. Автору этихъ строкъ современница крѣпостной эпохи разсказывала, какъ ее за неправильно вязаные снопы, баринъ — дѣло происходило въ Калужской губерніи — приказалъ старостѣ «отвозить за косы», а потомъ вновь перевязать всѣ снопы, что пришлось дѣлать всю ночь, такъ что кровь изъ-подъ ногтей пошла, а съ утра надо было снова продолжать барское дѣло.

Тяжело ложилась на крестьянъ также подводная повинность, т.-е. поставка по барскому требованію подводъ для перевозки хлѣба и другихъ тягостей. Въ имѣніи одного образцоваго хозяина тѣхъ временъ хлѣбъ для продажи вывозили зимой и везти надо было за 350 слишкомъ верстъ, и считалось, что подвода, слѣдуемая съ тягла, должна поднять 25 пудовъ; за освобожденіе отъ подводной повинности взималось деньгами по 18 руб. серебромъ съ подводы. Конечно, всѣ расходы въ родѣ пропитанія дорогой себя и лошадей, починка саней, уплата сборовъ на заставахъ и т. п.,—все это крѣпостной подводчикъ долженъ былъ оплачивать какъ знаетъ, т.-е. изъ своихъ средствъ. Для помѣщиковъ эта повинность имѣла очень большое значеніе, такъ какъ давала имъ возможность, слѣдя за колебаніемъ рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ, направлять свои обозы туда, гдѣ цѣна стояла выше, или подгоняя самую от-

правку ко времени, когда цѣна на хлѣбъ могла подняться. Крѣпостные съ разрѣшенія господина могли продавать свои излишки хлѣба или скупщикамъ, или въ ближайшемъ городѣ и, конечно, никогда не могли продать съ той же выгодой, какъ это было возможно для помѣщика.

Столовый запасъ доставляли, главнымъ образомъ, оброчные крестьяне, но и барщинные освобождены отъ доставки запаса не были. Взимался столовый запасъ частью сельско-хозяй-

Крестьянское веселье (Орловскій).

ственными продуктами, частью издѣліями, а иногда даже и деньгами вмѣсто продуктовъ по расцѣнкѣ стоимости того, что должно быть доставлено. Въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ крестьянамъ раздавали коровъ, овецъ съ тѣмъ, чтобы приплодъ шелъ въ пользу крестьянъ, а помѣщику доставлялось бы опредѣленное количество молочнаго продукта и овечьей шерсти ежегодно. Такой розданный на руки скотъ прозвали въ тѣ времена «безсмертнымъ» на томъ основаніи, что помѣщикъ, давъ разъ крестьянину корову, не входилъ въ то, жива эта корова или пала, и неуклонно требовалъ назначенный за эту корову про-

дуктовый сборъ. Были случаи, что внуки доставляли на помѣщичій дворъ сметану и масло съ коровы, данной дѣдомъ помѣщика ихъ дѣду. Раздавали такимъ же манеромъ и птицу. Само собой разумѣется, что кормъ, уходъ, заботы и хлопоты ложились всецѣло на крѣпостного, еще болѣе, такимъ образомъ, увеличивая общую тягость повинностей, лежавшихъ на немъ, занимая еще болѣе его времени и силъ.

Размѣръ денежнаго оброка въ оброчныхъ имѣніяхъ великорусскихъ губерній равнялся въ среднемъ 18—20 рублямъ съ тягла въ годъ. И такой оброкъ не считался тяжелымъ. Сумма эта опредѣлялась по стоявшимъ тогда арендным цѣнамъ на землю, колебавшимся около 3-хъ рублей за десятину. Но, конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ и даже въ разныхъ имѣніяхъ одной и той же мѣстности, денежные оброки были очень разнообразны, колеблясь отъ 10 до 50 и болѣе рублей. Колебаніе это зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ другихъ добавочныхъ сверхъ оброка натуральныхъ повинностей и работъ, отъ существованія въ данной мѣстности выгодныхъ и прибыльныхъ промысловъ, даже отъ личныхъ качествъ помѣщика — большей или меньшей его нужды въ деньгахъ, зависѣвшей отъ его отношенія къ деньгамъ вообще, а также отъ образа жизни.

Но разъ назначенная сумма взыскивалась строго.

Въ общемъ можно сказать относительно оброковъ, что если они номинально были терпимы, то фактически всегда грозили увеличиваться, и оброчные крѣпостные жили подъ постоянной угрозой этого увеличенія, что не могло не отзываться какъ на ихъ собственной состоятельности, такъ и на продуктивности ихъ работы вообще. Оказательство достатка грозило увеличеніемъ размѣровъ платежей помѣщику, и это не могло заставлять крестьянъ увеличивать свои достатки, т.-е. лучше, заботливѣе и рачительнѣе вести свое хозяйство: оно велось настолько хорошо, насколько было нужно оправдать требованія помѣщика.

Обыкновенно помѣщикъ самъ опредѣлялъ размѣры оброковъ, издѣлья, денежныхъ и столовыхъ сборовъ, налагая или общей суммой на всю вотчину и предоставляя крестьянамъ самимъ между собой разверстать доли слѣдуемаго съ нихъ сбора по силѣ-мочи каждаго тягла, или назначалъ самъ долю каждаго тягла. Первое имѣло мѣсто обыкновенно въ тѣхъ имѣньяхъ, гдѣ помѣщикъ самъ не жилъ, а второе происходило

тамъ, гдѣ онъ жилъ и, слѣдовательно, имѣлъ полную возможность слѣдить за благосостояніемъ каждой отдѣльной семьи и такимъ образомъ безъ промаха опредѣлять наивысшій возможный размѣръ сбора съ каждой. Тамъ, гдѣ раздѣлъ долей предоставлялся самимъ крестьянамъ, устанавливалось въ большихъ размѣрахъ извѣстное самоуправленіе крестьянъ, больше сказывались въ ихъ жизни привычныя общинныя начала, потому что, предоставляя крестьянамъ самимъ раскладку сборовъ, помѣщикъ до извѣстной степени предоставлялъ имъ тѣмъ самымъ внутреннее самоуправленіе, самоустройство. Въ такихъ имѣньяхъ крестьяне, раскладывая между собою подати и оброки, рѣшали на сходкахъ разные попутно возникавшіе вопросы и дѣла. Земля у нихъ, хотя и надѣленная бариномъ, находилась тоже въ общинномъ пользованіи. Въ селѣ Кубенскомъ, Вологодской губерніи, во главѣ 800 душъ обитателей этого села былъ поставленъ рекомендованный міромъ и утвержденный бариномъ староста, получавшій 500 руб. ассигн. жалованья. Крестьяне на сходкѣ выбирали ежегодно пять посредниковъ и двѣнадцать старшихъ, которые были подчинены старостѣ и вмѣстѣ съ нимъ должны были вести текущія дѣла общины и творить общинный судъ. Судъ этотъ разбиралъ всѣ спорныя дѣла между крестьянами о надѣлахъ, о наслѣдствѣ, налагалъ опеку и могъ присуждать виновныхъ и неисправныхъ къ розгамъ до 24 ударовъ. Для разверстки оброка въ такихъ селахъ крестьяне на сходкѣ дѣлились на группы по состоятельности и исправности и сообразно этому раскладывали сумму оброка, раздѣливъ его на число душъ, такъ что, напримѣръ, одинъ богатый платилъ за 10, другой за 15, даже 30 душъ, а бѣдные платили за душу, даже за полдуши, за треть, за четверть. И земля поэтому дѣлилась не на равныя доли, а сообразно вносимой части сбора: кто платилъ за 10 душъ, имѣлъ въ пользованіи земли въ десять разъ больше того, который платилъ съ души.

Общинная организація обыкновенно не очень покровительствовалась помѣщиками, такъ какъ при ея наличіи труднѣе было устроить эксплуатацію крестьянъ наивыгоднѣйшимъ для помѣщика образомъ, особенно когда имѣлся въ виду какой-либо одинъ особенно разбогатѣвшій или зажиточный крестьянинъ. Общинные распорядки умѣряли и уравнивали произвольные оброки, самоуправленіе охраняло до извѣстной степени личность крестьянина отъ произвола помѣщика. Въ усло-

віяхъ общиннаго быта все же крѣпостнымъ дышалось легче, и поэтому крестьяне, устроенные общиннымъ порядкомъ, крѣпко держались за эти порядки и заставить ихъ разстаться съ ними было очень трудно.

Нечего и говорить, что при господствовавшемъ полномъ юридическомъ и экономическомъ подчиненіи крѣпостныхъ помѣщику, и весь укладъ ихъ частной домашней жизни налаживался и протекалъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и при активномъ вмѣшательствѣ помѣщика. Что касается имущественнаго положенія крѣпостныхъ, обладанія ими правомъ имѣть собственность, то оно признавалось помѣщикомъ, или лучше сказать допускалось имъ лишь постольку, поскольку ему была важна имущественная исправность крестьянина, какъ рабочей единицы его хозяйства. До 1848 г. крѣпостные собственно и по закону не имѣли права собственности какъ на движимое, такъ и недвижимое имущество, и помѣщикъ всегда, во всякое время могъ отобрать у крестьянина все, что хотѣлъ, и такому обобранному некуда было жаловаться. Въ 1848 г. былъ изданъ законъ, дозволявшій крѣпостнымъ покупать землю на свое имя, но лишь съ согласія помѣщика. Но помѣщикъ могъ запретить своимъ крѣпостнымъ такую покупку, запретить продавать, сдавать въ аренду, завѣщать какимъ бы то ни было образомъ, отчуждать купленную крѣпостными на свое имя землю. Жаловаться на такого рода притѣсненія крѣпостные могли въ общіе суды, но не иначе, какъ *съ разрѣшенія помѣщика!*

Законъ 1848 г. при такихъ условіяхъ почти не осуществлялся, и помѣщики, если и дозволяли своимъ крѣпостнымъ пріобрѣтать землю, то не иначе, какъ на свое имя. Въ такихъ случаяхъ отъ добросовѣстности самого помѣщика зависѣло, какъ считать купленную на его имя его крѣпостными на свои средства землю. Наслѣдники добросовѣстнаго помѣщика могли не признавать такую землю собственностью крестьянъ и могли завладѣть ею. Въ случаяхъ, если помѣщикъ разорялся, имущество его крестьянъ, купленная ими на свои средства, но на имя помѣщика земля шла въ продажу на уплату долговъ помѣщика, какъ его собственность. Злоупотребленій со стороны помѣщиковъ на почвѣ присвоенія ими крестьянскаго имущества было очень много въ то время. Злоупотребленій иногда безсмысленныхъ, не оправдываемыхъ даже преступной стяжательностью.

Семейные распорядки въ средѣ крѣпостныхъ подлежали строжайшей регламентаціи. О всякомъ новорожденномъ надо было сообщить барину съ приложеніемъ коровая или шитыхъ полотенецъ родителями, за что помѣщикъ жаловалъ ихъ къ рукѣ и высылалъ рюмку водки. Каждую весну, на Красную Горку, составлялся списокъ подданныхъ помѣщика, достигшихъ брачнаго возраста, и душевладѣлецъ самъ составлялъ новыя семейныя пары, конечно, очень рѣдко считаясь съ взаимными склонностями тѣхъ, кого ему угодно было поженить, имѣя въ виду только одно,—насколько работоспособныя пары работниковъ получатся изъ комбинируемыхъ имъ семей. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ назначенныя пары, опредѣленныя въ

Крестьянская свадьба (Акимовъ).

брачную жизнь, и вѣнчались всѣ въ одинъ день, одна за другой. Но когда и не доходило до такого цинизма и надругательства надъ основными человѣческими чувствами, — все равно безъ разрѣшенія помѣщика повѣнчаться въ крѣпостной деревнѣ не могла ни одна пара.

Въ благоустроенныхъ имѣньяхъ предоставлялось крѣпостнымъ отцамъ самимъ сговариваться о судьбѣ своихъ дѣтей. Но потомъ надо было итти на барскій дворъ и опять съ подношеніями просить барскаго согласія. Обдумавъ дѣло, помѣщикъ благоустроеннаго имѣнія отдавалъ письменный приказъ старостѣ: «Дозволить вступить въ законный бракъ крестьянину д. Огреневой Матвѣю Петрову съ дочерью Ивана Лазова Натальей, Михаилу Степанову съ дочерью Андрея Иванова Ма-

треной и т. д. Сергѣю Круглову жениться не дозволять еще, но по уборкѣ хлѣба снова просить моего разрѣшенія».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣста бралась со стороны, изъ имѣнья другого помѣщика, то требовалось разрѣшеніе послѣдняго на *выводъ невѣсты*, и за это платились *выводныя деньги* и иногда не малыя по крестьянскому обиходу; платила, разумѣется, семья, въ которую невѣста входила, а не помѣщикъ этой деревни. Семейные раздѣлы и переходъ изъ одной семьи въ другую совершались не иначе, какъ съ согласія помѣщика.

Смерть крѣпостного—чистый убытокъ помѣщика, и это, конечно, вмѣстѣ съ присущимъ человѣку вообще стремленіемъ помочь болящему, заставляло помѣщика принимать рѣшительныя санитарныя мѣры и регламентировать пользованіе крѣпостныхъ врачебной помощью. Больницы съ нанятыми врачами или фельдшерами были чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ. При существованіи убѣжденія, что мужицкая болѣзнь излѣчивается самыми простыми средствами, лѣчилъ болѣзни въ деревнѣ самъ помѣщикъ или его сердобольная супруга, руководясь указаніями какого-нибудь домашняго лѣчебника, календаря и т. п. Лѣкарства употреблялись самыя простыя. Но заболѣвающимъ строжайше наказывалось, чтобы лѣчиться ходили на барскій дворъ. Конечно, все это кое-какую пользу приносило, но иногда съ чисто-медицинской точки зрѣнія и вредило. Любопытно, что и тутъ крѣпостной былъ связанъ въ своемъ правѣ пользоваться врачебной помощью на сторонѣ. Были такіе просвѣщенные помѣщики, которые строгими мѣрами преслѣдовали въ своихъ владѣньяхъ вѣдовство и знахарство, какъ злостное суевѣріе: знахарей сѣкли, обращавшихся къ нимъ тоже, не разбирая того, что даваемые знахарями лѣчебные травы и коренья, установленные въ своемъ лѣчебномъ свойствѣ вѣковымъ народнымъ опытомъ и преданіемъ, были часто полезнѣе какихъ-нибудь простыхъ средствъ изъ домашнихъ аптечекъ, настряпанныхъ какими-нибудь аптекарями-промышленниками изъ чего Богъ пошлетъ.

Но о благоустройствѣ, дѣйствительномъ удобствѣ, хотя бы только о самой элементарной гигіенѣ крестьянскаго жилья, помѣщики заботились очень мало. «Часто встрѣчаются великолѣпныя усадьбы богатыхъ помѣщиковъ,—разсказываетъ современникъ,—окруженныя полуразрушенными лачугами».

Встрѣчались, впрочемъ, помѣщики, которые стремились обстроить своихъ крестьянъ, «но это дѣлается,—замѣчаетъ

одинъ современникъ, — чаще для наружнаго щегольства, или съ желаніемъ представить для своихъ глазъ нѣкоторое подобіе нѣмецкой деревни... Въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, есть имѣнье помѣщика В-на, который вытянулъ свою деревню въ строй, наставилъ каменныхъ домовъ, но все это поражаетъ только наружно. Первый шагъ черезъ порогъ такого дома показываетъ, что мужикъ живетъ все такъ же, ежели еще не хуже. По стѣнамъ сырость, на лавкахъ грязь, тутъ и тамъ свиньи, теленокъ, а посреди комнаты куча сору, на которой валяется дитя въ лохмотьяхъ, — нечистое, больное, едва имѣющее подобіе человѣка. Но помѣщику нѣтъ нужды до внутренняго быта, ему нравится только наружность домовъ, весьма красиво желтой краской выкрашенныхъ».

Домашнее хозяйство крѣпостного обыкновенно было на строгомъ учетѣ у помѣщика. Ему было извѣстно, сколько головъ скота у крестьянина, сколько птицы, сколько хлѣба, земледѣльческихъ орудій, посуды, сбруи и т. д. На покупку чего-либо крупнаго неукоснительно требовалось разрѣшеніе помѣщика съ объясненіемъ причинъ, для чего и зачѣмъ. Предпріимчивые помѣщики устраивали въ своихъ селахъ своего рода потребительскія лавочки, въ которыхъ довѣренный приказчикъ продавалъ всякую мелочь, нужную въ крестьянскомъ обиходѣ; часто все это было не перваго сорта, еще чаще продавалось не дешевле, а дороже рыночной цѣны, но невольные покупатели должны были покупать, что имъ надобилось, только въ этой лавочкѣ — таковъ былъ приказъ. Само собой разумѣется, что и продать какой-либо излишекъ изъ своего хозяйства крѣпостной могъ не иначе, какъ съ разрѣшенія. Нѣкоторые помѣщики взимали даже особый $^0/_0$ съ выручки крѣпостного за проданный имъ хлѣбъ или какую-либо вещь изъ хозяйства.

Въ большихъ имѣньяхъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были широко развиты какіе-либо мѣстные промыслы и производства, втягивавшіе въ кругъ своихъ оборотовъ предпріимчивыхъ людей и изъ крѣпостныхъ, создавались иногда въ ихъ средѣ крупные капиталы и вырабатывались большіе дѣльцы, которые не стѣснялись предлагать и платить за выкупъ себя и своихъ семейныхъ на волю десятки тысячъ рублей. Графъ Шереметевъ за выкупъ на волю какого-нибудь изъ среднихъ богатеевъ своихъ владимірскихъ промышленныхъ имѣній бралъ 20.000 руб. съ души. Но въ общемъ помѣщики не любили отпускать своихъ богатыхъ крестьянъ на волю: при

наличіи круговой поруки, эти богачи выплачивали недоимки своихъ бѣдныхъ и неимущихъ однодеревенцевъ. Князь Салтыковъ совершенно прекратилъ отпускъ на волю своихъ крѣпостныхъ послѣ одного случая, когда одинъ изъ крестьянъ, казавшійся небогатымъ, выкупился на волю, а потомъ построилъ въ Москвѣ большой каменный домъ и завелъ крупное фабричное дѣло. Другой крестьянинъ предлагалъ князю 160.000 руб. выкупного за себя и своихъ сыновей, но князь отказалъ. Третій богачъ, успѣвшій освободиться самъ, предлагалъ барину 10.000 руб. выкупного за свою внучку, но тоже получилъ отказъ.

Отдѣльные случаи, когда тому или иному крѣпостному удавалось сдѣлаться крупнымъ капиталистомъ, были очень рѣдки. Полная власть господина, всегда имѣвшаго возможность повысить оброкъ, неуклонно грозила предпріимчивому крѣпостному, если не разореніемъ, то большими затрудненіями въ дѣлахъ; этотъ произволъ помѣщика, сдерживаемый только личнымъ расчетомъ и опасеніемъ, какъ бы не погубить курицу, несшую золотыя яйца, сильно понижалъ промышленную иниціативу, энергію и предпріимчивость крѣпостныхъ, добившихся позволенія заниматься влекущимъ ихъ дѣломъ, а чего стоило иногда добиться этого разрѣшенія, сколько силъ, талантовъ, способности, недюжинной энергіи гибло, наталкиваясь на упорное несогласіе помѣщика отпустить того или иного изъ своихъ крѣпостныхъ на занятіе просимымъ имъ дѣломъ — это одному Богу извѣстно.

Отпуская крѣпостного на заработки, на оброкъ, помѣщикъ выдавалъ ему паспортъ на опредѣленный срокъ и по окончаніи срока могъ потребовать такого отпущеннаго промышленника-крестьянина и посадить его снова на пашню.

Словомъ, все до мелочей въ частной и домашней жизни крѣпостныхъ, касалось ли это домоводства, домоустройства, семейнаго уклада, состояло подъ строжайшимъ надзоромъ помѣщика. Даже такія интимныя проявленія души человѣческой, которыя ищутъ удовлетворенія въ церкви и въ Богѣ, какъ исповѣдь, причастіе св. тайнъ, находились подъ присмотромъ — на все на это назначались и полагались дни въ благоустроенныхъ имѣньяхъ съ той одной цѣлью, чтобы крѣпостные, заботясь о пользѣ душевной и очищеніи грѣховъ, не забывали пользу господина и не нанесли ей ущерба.

«Въ нижегородскомъ имѣніи кн. Г-го есть нѣсколько церквей, — разсказываетъ современникъ, — съ богатыми образами.

Бунтъ крестьянъ (изъ книги Stern).

Большая часть изъ нихъ попала туда слѣдующимъ образомъ: крестьянинъ въ чемъ-нибудь провинится, баринъ выдеретъ ему бороду и велитъ, для искупленія грѣха, поставить въ церковь образъ въ золотомъ или серебряномъ окладѣ».

Въ большіе праздники надо было являться на барскій дворъ. Шли съ приношеніями: кто что могъ. Баринъ угощалъ крѣпостныхъ пирогами, и старикамъ собственноручно подносилъ по стаканчику водки, а отпуская поздравителей со двора, поблагодаривъ ихъ, не забывалъ строго напомнить, чтобы не пьянствовали, не дрались, праздновали бы праздникъ по-Божьи, въ гульбѣ не подожгли бы деревни, сопровождая эти наставленія многозначительнымъ жестомъ перста, конюшню указующаго, т.-е. мѣсто, гдѣ обыкновенно производилась расправа надъ виновными.

Дѣти, какъ и ихъ родители, несли свою барщину и отбывали свои оброки господину.

«У одного помѣщика г. М., — разсказываетъ современникъ, — мальчики и дѣвочки крестьянскіе обязаны носить грибы. Является дитя съ кузовомъ, баринъ считаетъ грибы, находитъ, что по урожаю принесено мало, онъ заноситъ это въ журналъ и дѣлаетъ мальчику выговоръ. Но мальчикъ опять принесъ мало грибовъ. Баринъ велитъ старостѣ произвести слѣдствіе, отчего мальчикъ носитъ мало грибовъ. Въ третій разъ за такое важное преступленіе — наказаніе розгами. Сосѣдніе помѣщики смѣются надъ подобными распоряженіями, но большая часть видитъ въ нихъ образецъ хозяйства». О школахъ для дѣтей все равно что и помину не было. «Хамову отродью не зачѣмъ учиться», убѣжденно говорило большинство владѣльцевъ. А если кто и устраивалъ школы для своихъ крѣпостныхъ, то эти школы существовали обыкновенно до смѣны владѣльца, раздѣлявшаго болѣе распространенный взглядъ на обученіе крѣпостныхъ грамотѣ.

Крѣпостной крестьянинъ — оброчный въ большей степени, барщинный въ меньшей — все же имѣли какую-то иллюзію самостоятельности, у нихъ, по крайней мѣрѣ, былъ свой уголъ, своя изба, своя земля, гдѣ хоть и подъ страхомъ, хоть небольшое число часовъ въ сутки, но человѣкъ могъ ощущать себя у себя дома, все же могъ чѣмъ-нибудь распорядиться по-своему, проявить себя на своей волѣ, дворовый же былъ лишенъ даже этой тѣни простой человѣческой самостоятельности. Вѣчно на глазахъ у помѣщика, во всемъ

завися отъ него, работая только на него и лишь то, что помѣщикъ указывалъ, дворовый человѣкъ былъ рабъ по преимуществу. Экономическимъ назначенiемъ дворовыхъ, какое упоминалось выше, было перерабатывать сырье, доставляемое деревней, на помѣщичiй обиходъ и нести личную службу при господахъ. Содержанiе, одежду и пищу они получали изъ личныхъ средствъ помѣщика. Кормились они или за общимъ столомъ, приготовляемымъ за счетъ помѣщика, и тогда именовались застольными, или, если обитали не въ общей казармѣ-флигелѣ, а въ отдѣльныхъ домикахъ, получали ежемѣсячно отъ помѣщика опредѣленное количество провiанта и тогда именовались мѣсячниками. За это дворовые должны были отдавать помѣщику весь свой трудъ, все свое время; работа ихъ была на точномъ учетѣ и должна была итти безъ перерыва.

Въ понятiяхъ крестьянъ-земледѣльцевъ дворовый человѣкъ составляетъ нѣчто высшее противъ нихъ самихъ; при всемъ томъ они неохотно идутъ во дворъ. Крестьянинъ г-на Ш-го, въ Рязанской губернiи, хвалившiй своего барина, на вопросъ, хотѣлъ ли бы онъ во дворъ, отвѣчалъ: «Какъ хотѣть? Я плачу оброку 70 руб., а готовъ заплатить 150 руб., если бы баринъ вздумалъ взять меня, примѣромъ сказать, въ кучера». Подобный отвѣтъ можно услышать почти отъ каждаго крестьянина. Есть даже пословица въ народѣ: «Съ бариномъ знайся, а за пазухой камень держи».

Въ XVIII в. и въ началѣ XIX-го дворни при помѣщичьихъ домахъ содержалось огромное количество. Дворня въ 100 и болѣе человѣкъ была тогда обычнымъ явленiемъ. Въ срединѣ вѣка замѣтна тенденцiя къ сокращенiю дворовыхъ.

Но все же, несмотря на это, ихъ держалось множество при помѣщичьихъ домахъ. У матери И. С. Тургенева всей дворни было около 300 человѣкъ. Тутъ были и каретники, и ткачи, и столяры, и портнихи, и музыканты, и охотники, и лакеи, и казачки и т. д. безъ конца, былъ даже свой фельдшеръ, слушавшiй лекцiи на медицинскомъ факультетѣ Берлинскаго университета. Житье-бытье дворовыхъ было самое грустное. Дѣла съ нихъ спрашивали много, трудъ ихъ не цѣнили ни во что, кормили впроголодь, и злоупотребленiя помѣщичьей властью, именно по отношенiю къ дворовымъ, постоянно находившимся на глазахъ у помѣщика, достигали наивысшихъ предѣловъ. У помѣщицы Свирской (Харьковской губернiи) дворовые продовольствовались

такъ: пища варилась на нихъ разъ въ недѣлю, соли почти не полагалось имъ на столъ совсѣмъ, всякая заваль въ погребахъ: подгнившая капуста, испортившаяся крупа, зачервивѣвшее мясо — «стравлялись», по выраженію помѣщицы, дворовымъ, чтобы даромъ не пропадали.

Тамъ, гдѣ дворовые были заняты какимъ-нибудь мастерствомъ, они работали обыкновенно съ разсвѣта до ночи, не зная подчасъ праздниковъ. У одной помѣщицы, какъ разсказываетъ современникъ, въ дѣвичьей дѣвокъ шестнадцать-двадцать постоянно поурочно плели кружева и вышивали; сидѣли день и ночь до просѣдней, съ подбитыми глазами и синяками отъ щипковъ по всему тѣлу — то были слѣды поощрительныхъ заботъ о ихъ трудоспособности со стороны барыни или поставленной ею «мастерицы»-наблюдательницы.

А что же тѣ, которымъ судьба пала на долю жить въ такой обстановкѣ? Они жили, если можно назвать жизнью сужденное имъ прозябаніе. Забитые, задерганные, поруганные люди въ массѣ своей тупѣли, грубѣли, закоснѣвали въ какомъ-то неисходномъ равнодушіи къ себѣ самимъ, ко всему окружающему или, еще хуже, становились рабами по убѣжденію, видя въ своей долѣ какое-то особое предопредѣленіе свыше.

Люди болѣе вдумчивые и энергичные, не могшіе забыть въ себѣ «священнѣйшаго изъ званій — человѣкъ» и безсильные держать себя выше оскорбленій, уходили изъ жизни силой, убивали себя.

По словамъ одного современника, изслѣдователя крѣпостного быта, дворовые, кончившіе самоубійствомъ, «задумывались», впадая въ тяжелую меланхолію и начинали «пить мертвую». Помѣщики, замѣтивъ это, начинали «выбивать дурь изъ головы» у такихъ «задумывавшихся» и тѣмъ, конечно, только ускоряли печальный исходъ. Объ основныхъ причинахъ возникновенія такой «задумчивости» двухъ мнѣній быть не можетъ. Самоубійства въ крѣпостной средѣ были особенно часты среди дворовыхъ — этихъ истыхъ мучениковъ крѣпостного права. А среди дворовыхъ чаще всего налагали на себя руку тѣ, кого природныя способности или прихоть господина, желавшаго имѣть «своихъ» художниковъ, актеровъ, учителей, фельдшеровъ, подымала наверхъ общаго уровня крѣпостной массы, пріобщала къ культурѣ и просвѣщенію. Самоубійство одного двороваго, принадлежавшаго художнику Ступину, вла-

дѣлецъ и его домашніе объясняли «начитанностью разныхъ сочиненій», вслѣдствіе «гибельной страсти этого двороваго къ чтенію книгъ». По очень неточному подсчету за періодъ времени 1855—60 гг. насчитываютъ 443 случая самоубійствъ среди крѣпостныхъ. Болѣе пассивнымъ противодѣйствіемъ крѣпостному гнету являлось бѣгство, особенно сильно развитое въ пограничныхъ губерніяхъ. Количество бѣглыхъ, оставившихъ своихъ помѣщиковъ и скрывавшихся, считалось тысячами и сотнями въ годъ на губернію. Очень часты были, какъ проявленіе протеста крѣпостныхъ противъ помѣщичьяго гнета, поджоги, убійства, истязанія выведенными изъ терпѣнія крѣпостными помѣщиковъ и ихъ управляющихъ.

Въ 1836—54 гг. зарегистрировано 75 случаевъ покушеній на убійство помѣщиковъ, а убійствъ 144. Въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1835 г., въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ 416 человѣкъ. Въ качествѣ массоваго протеста особенное распространеніе имѣли волненія крестьянъ. Въ 29 лѣтъ царствованія императора Николая I только однихъ крупныхъ волненій крѣпостныхъ зарегистрировано 556 или въ среднемъ по 19 волненій на годъ. По годамъ количество ежегодныхъ волненій возрастало въ очень большой пропорціи: въ трехлѣтіе съ 1826 по 1829 г. было всего 41 волненіе, а въ 1850—54—137, въ 1845—49—даже 172.

Крѣпостная масса, въ общемъ смирная и забитая, все же была способна на отчаянные поступки и эти волненія.

Правда, это были разрозненныя вспышки доведенныхъ до отчаянія людей, и самый протестъ ихъ носилъ болѣе пассивный характеръ классическаго «неповиновенія властямъ», чѣмъ вооруженнаго возстанія: крѣпостная обстановка не воспитывала энергичныхъ, активныхъ характеровъ, но уже то, что волненія все учащались и захватывали все большіе районы, свидѣтельствуетъ, насколько раскалена была та почва, на которой такъ всецѣло и самоуправно царила помѣщичья власть. Что вулканъ каждую минуту могъ заставить задрожать всѣхъ, сознавалось и въ правительствѣ и въ обществѣ. Знаменитыя слова императора Александра II, обращенныя въ 1856 г. къ московскимъ дворянамъ: «Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу»—за десять лѣтъ до того, въ 1847 г., были уже сказаны его отцомъ смоленскимъ дворянамъ. Волненія крестьянъ особенно усилились во время Крымской войны

въ 1854 и 1855 гг. послѣ указовъ о созывѣ ополченія. Крѣпостные почему-то вообразили, что служба въ ополченіи даетъ волю, и записываться въ ополченцы потянулись всѣ, кто могъ. Не было губерніи въ крѣпостной Россіи, гдѣ бы не возникло болѣе или менѣе крупнаго волненія крѣпостныхъ. Въ одну Кіевскую губернію пришлось отправить на усмиреніе 16 эскадроновъ кавалеріи, двѣ роты пѣхоты и дивизіонъ артиллеріи; въ девяти мѣстахъ одной Кіевской губерніи была пущена въ ходъ военная сила, при чемъ были убитые и раненые. «При современномъ состояніи крѣпостного сословія,— пишетъ Ю. Ѳ. Самаринъ,— пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ ГОСУДАРЯ въ Москву (какъ это было въ 1843 г.), всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ такъ же легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанья. Все это возможно въ каждую минуту, и никакая полиція, разумѣется, добросовѣстная, не поручилась бы и за одинъ день спокойствія»...

Очевидно, крѣпостное время достигло предѣла своего, чаша несчастнаго народнаго терпѣнія могла переполниться каждую минуту, и гнѣвъ народный грозилъ хлынуть кровавымъ потокомъ и смыть вѣковое зло русской жизни. Занималась заря тяжелыхъ событій, вставалъ грозный призракъ Пугачевщины. Первые слухи о волѣ, вскорѣ подтвердившіеся съ высоты престола, во-время пронизали вѣковую тьму рабства и разсѣяли уже скоплявшіяся грозныя тучи. Наступилъ 1856 годъ и открылъ собой знаменательное въ нашей исторіи пятилѣтіе, ходъ событій котораго и привелъ къ одному изъ самыхъ свѣтлыхъ дней исторіи Россіи — 19-му февраля 1861 года.

С. Князьковъ.

Экономическія причины паденія крѣпостного права.

Цѣлыя два столѣтія русская жизнь протекала по руслу, намѣченному крѣпостнымъ правомъ. Въ половинѣ XIX вѣка русло это, видимо, становится тѣсно. Жизнь требуетъ болѣе широкаго и свободнаго теченія, съ меньшимъ количествомъ преградъ на своемъ пути. Противорѣчія между старыми формами и новыми требованіями выдвинули рядъ причинъ паденія крѣпостного права.

Къ срединѣ XIX в. Россія значительно подвинулась въ хозяйственномъ развитіи. Обороты внѣшней торговли съ 86,7 милл. для 1802 г. поднялись до 236,6 милл. къ десятилѣтію съ 1841 по 1850 г.; обороты внутренней торговли уже въ 1812 г. достигаютъ приблизительно 260 милл.; развиваются крупныя ярмарки, какъ Нижегородская, Ирбитская; улучшаются пути сообщенія, заводятся пароходства, строится первая казенная дорога. Сильно возрастаютъ купеческіе капиталы, но потребность въ деньгахъ захватываетъ и помѣщиковъ: усиленно закладываются и перезакладываются дворянскія имѣнья, часть дворянскихъ земель начинаетъ переходить къ недворянамъ. Мѣняется обстановка помѣщичьяго быта: въ гостиной покупная мебель, за столомъ—иностранныя или южно-русскія вина и фрукты, при выѣздахъ—покупной экипажъ и сбруя; прислуга одѣта въ сукно и ситецъ, пріобрѣтаемые опять-таки покупкой. Въ воздухѣ носится что-то новое, что и отмѣчаютъ современники. Было время, противники крѣпостного права нападали на его безнравственность; теперь все болѣе и болѣе слышатся голоса о его невыгодности. По отзыву французскаго посла де-Баранта, среди петербургскаго общества тридцатыхъ годовъ не было уже человѣка, «чтобы думалъ, что крѣпостное состояніе всегда будетъ поддерживаемо; всѣ, какого бы образа мыслей они ни были, постоянно говорятъ, что будущее Россіи зависитъ

отъ неминуемаго своевременнаго перехода къ свободѣ крѣпостныхъ. Толки о свободѣ слышатся всюду и жадно подхватываются крестьянами. Стоитъ въ 1846 г. пріѣхать государю въ Москву—и уже толпы дворовыхъ спѣшатъ къ дворцовымъ окнамъ, дожидаясь воли. Болѣе отсталые изъ помѣщиковъ не понимаютъ положенія, разводятъ руками: слухи и толки о свободѣ порождаетъ, по ихъ мнѣнію, не кто иной, какъ «духъ времени, противъ котораго не можетъ устоять никакая человѣческая сила»...

Причины паденія крѣпостного права можно распредѣлить на три группы. Однѣ сказывались въ сферѣ народнаго хозяйства, другія—въ сферѣ политической, финансовой и административной; третья причина обнаруживалась въ противорѣчіи крѣпостного права новымъ культурнымъ запросамъ, пробуждавшимся въ обществѣ. Одно изъ главныхъ мѣстъ приходится отвести хозяйственнымъ причинамъ—несоотвѣтствію крѣпостного права той именно сферѣ отношеній, для которой долгое время оно служило главной опорой.

Если отставить въ сторону сѣверный край, значеніе котораго падаетъ еще въ XVIII в., равно какъ западныя и восточныя окраины, вліяніе которыхъ на внутреннюю жизнь Россіи было сравнительно слабо, то русское крѣпостное хозяйство передъ реформой складывается по тремъ районамъ: центральному нечерноземному, центральному черноземному (къ которому присоединимъ отчасти и Малороссію) и степному съ Новороссіей. Въ каждомъ изъ этихъ районовъ географическія и историческія условія выдвинули особый типъ хозяйства, по отношенію къ которому и крѣпостное право даетъ себя различно чувствовать. Въ нечерноземной полосѣ оно мѣшаетъ, главнымъ образомъ, правильному росту обрабатывающей промышленности, въ черноземной и степной—промышленности сельско-хозяйственной; густо населенная черноземная полоса, при недостаткѣ земли, страдаетъ избыткомъ привязанныхъ къ землѣ рабочихъ; слабо населенная степная полоса, при избыткѣ земли, страдаетъ недостаткомъ рабочихъ. Хозяйственное затрудненіе степной полосы связывается съ общимъ географическимъ затрудненіемъ Россіи—неправильностью въ распредѣленіи народонаселенія между степными окраинами и центромъ.

Наиболѣе важной отраслью русскаго хозяйства, несомнѣнно, являлось земледѣліе, достигшее своего особеннаго развитія въ черноземной полосѣ. Съ конца XVIII вѣка въ З. Европѣ,

Франціи и Англіи, все болѣе и болѣе возрастаетъ спросъ на русскій хлѣбъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ главный предметъ обращенія и на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. За время отъ 1800 по 1845 г. хлѣбъ по цѣнности составляетъ 15—16% русскаго вывоза, а съ 1846 по 1860 г.—уже 30—35%; южныя и восточныя губерніи въ срединѣ XIX в. поставляютъ во внут-

Помѣщикъ съ собаками.

ренніи нечерноземныя болѣе 100 милл. пудовъ хлѣба. Благопріятныя рыночныя условія порождаютъ особенный интересъ къ сельскому хозяйству. Разные связанные съ нимъ вопросы становятся предметомъ споровъ и ученыхъ изслѣдованій; дѣлаются попытки лучшей обработки земли, вводятся новыя культуры; по отзыву автора, писавшаго въ 1842 г., «стремленіе къ улучшенію нашего хозяйства есть событіе, не подлежащее сомнѣнію». При содѣйствіи Московскаго общества сельскаго

хозяйства возникло въ 1831 г. первое заведеніе для постройки сельско-хозяйственныхъ машинъ, а уже въ 1853 году такихъ заведеній было 19. Одинъ экономистъ тридцатыхъ годовъ назвалъ русское сельское хозяйство «фабрикою, которая вмѣсто сукна или другихъ издѣлій производитъ хлѣбъ»: терминъ «хлѣбная фабрика» входитъ въ моду, встрѣчаясь въ сельско-хозяйственныхъ сочиненіяхъ, какъ обычное выраженіе. Какъ въ черноземной, такъ и въ степной полосѣ земля сильно повышается въ цѣнѣ: въ XVIII вѣкѣ десятина земли въ Курской, Воронежской, Екатеринославской, Саратовской и Оренбургской губерніи стоила отъ 2 до 5 руб. асс., а въ тридцатыхъ годахъ XIX в. уже отъ 40 до 100 руб. При измѣняющихся и усложняющихся условіяхъ сельскаго хозяйства самъ собою возникаетъ рядъ конфликтовъ съ крѣпостнымъ правомъ. Первое неудобство—въ той же хлѣбной торговлѣ. Хозяйственная эволюція требовала уравниванія цѣнъ: но въ противовѣсъ этой тенденціи даровой трудъ крестьянъ даетъ помѣщикамъ возможность назначать цѣны, не стѣсняясь съ издержками производства и доставки, сообразуясь со своей прихотью или потребностью минуты. Хлѣбъ то чрезмѣрно поднимался, то падалъ въ цѣнѣ. Въ Тулѣ куль ржаной муки продавался по 4 р. 50 коп. асс., а зимою 1840 г. цѣна поднялась до 23 р. 90 к.; далѣе, въ началѣ того же года куль стоилъ 19 р. 90 коп., въ концѣ—31 р. 50 к., а въ маѣ цѣна доходитъ до 55 р. асс. за куль. (Въ Усманскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., четверть ржи продавалась въ 1827, 1828 и 1829 годахъ по 3 р. асс., въ 1831—по 10 р., въ 1833—по 20, въ 1834—опять цѣна упала до 11 р.). Другой конфликтъ возникалъ на почвѣ самой постановки помѣщичьяго хозяйства. Превращая имѣнье въ фабрику, производящую хлѣбъ, помѣщикъ, съ одной стороны, стремится расширить барскую запашку, съ другой—повысить производительность крѣпостного труда. Въ нечерноземной полосѣ процентное отношеніе барской и крестьянской запашки почти не измѣнилось съ XVIII в.; наоборотъ, въ черноземныхъ губерніяхъ обычный надѣлъ, равный для XVIII в. 7 десятинамъ на душу, упалъ въ XIX в. до $2^1/_2$ дес. Вновь образующимся крестьянскимъ семьямъ не отводятъ земли, или же просто препятствуютъ семейнымъ раздѣламъ; на тягло, т.-е. на одно семейное хозяйство, приходится все большее и большее число душъ. Часть крестьянъ отрывается отъ земли, переводится въ дворовые: съ 9-й по 10-ю ревизію, т.-е. съ 1851 по 1858 г. число дворовыхъ увеличилось на $39^0/_0$,

при чемъ главная прибыль падаетъ на губерніи черноземныя, степныя и новороссійскія. Гдѣ плодороднѣе земля, тамъ выше и процентъ дворовыхъ; въ нѣкоторыхъ мелкихъ имѣньяхъ обезземеленные крестьяне обращаются въ «мѣсячниковъ», т.-е. въ получающихъ мѣсячное содержаніе батраковъ, живущихъ при усадьбѣ въ баракахъ и обрабатывающихъ барскія поля. Гдѣ крестьяне не обезземелены, тамъ ихъ надѣлы малы и приблизительно одинаковы, такъ какъ доходятъ до минимума необходимыхъ средствъ къ жизни. Но, урѣзывая или упраздняя крестьянскіе надѣлы, помѣщикъ при крѣпостномъ правѣ рискуетъ прежде всего посадить себѣ на шею нищихъ, за которыхъ по закону можетъ подвергнуться штрафу и за которыхъ, кромѣ того, обязанъ платить подушную подать. За неплатежъ податей и недоимокъ въ 1840 г. состояло въ опекѣ 916 имѣній. Разореніе крестьянъ плохо мирилось и съ потребностью увеличить производительность труда. Не имѣя денежнаго капитала для замѣны крѣпостныхъ вольно-наемными или ручного труда машиной, большинство помѣщиковъ черноземной полосы только усиливаютъ барщину: но барщинный трудъ, вообще мало производительный, оказывается еще хуже тамъ, гдѣ крестьяне слабѣютъ и вымираютъ. Является затрудненіе и другого рода—по организаціи надзора за барщиной. Безъ постояннаго бдительнаго надзора хозяйство значительно падаетъ. Чтобы облегчить надзоръ и поддержать на должной высотѣ барщину, нѣкоторые помѣщики надѣваютъ на шею работникамъ рогатки, препятствующія ложиться на землю; другіе, болѣе гуманные, поощряютъ старательныхъ наградами, даже прирѣзкой земли; все болѣе и болѣе входитъ въ обычай «урочная» система, при которой крестьянину предоставляется въ самостоятельное распоряженіе извѣстная часть работы или участокъ земли: наградой старательному является возможность окончить скорѣй работу. Вопросъ объ управленіи крестьянами, «какъ рабочимъ механизмомъ, замѣняющимъ у насъ оборотный капиталъ,—по отзыву экономиста тридцатыхъ годовъ,—составляетъ главный вопросъ нашего помѣщичьяго хозяйства». Приходится вникать не только въ работу, но и въ самый бытъ крестьянъ, «болѣе управлять самими крестьянами, чѣмъ работами». Нѣкоторые хозяева пробуютъ устроить въ имѣніяхъ нѣчто въ родѣ артельныхъ организацій, назначая уроки не отдѣльнымъ крестьянамъ.

Непосредственный барскій надзоръ смѣняется, равнымъ образомъ, своего рода круговой порукой. Но, повидимому,

всѣ эти экстренныя мѣры прививались только въ отдѣльныхъ случаяхъ. «Въ послѣднее десятилѣтіе, — говоритъ помѣщикъ Поздюнинъ въ 1834 г.,—перечитывая книжки «Земледѣльческаго журнала», почти въ каждомъ видишь неудовольствіе русскимъ хозяйствомъ: всякій ищетъ какого-то собственнаго и крестьянъ своихъ исправленія, составляетъ себѣ правила, никѣмъ не принимаемыя, и самъ ихъ измѣняетъ, наконецъ, рѣшается говорить, что для Россіи нѣтъ общихъ правилъ». Помѣщикъ Саратовской губ., Жуковъ, рисуетъ намъ яркую картину затруднительности русскаго сельскаго хозяйства при крѣпостномъ правѣ, когда «во всякомъ почти имѣніи четвертую часть крестьянъ найдутъ по всѣмъ отношеніямъ неисправныхъ». «Русское сельское хозяйство,—говоритъ Жуковъ,— труднѣе иностраннаго: тамъ надо распоряжаться деньгами, у насъ—людьми». Тамъ трудъ вольно-наемный: «Дурного поведенія работника или лѣниваго можно тотчасъ замѣнить другимъ, лучшимъ; а у насъ крестьянинъ воръ, лѣнивецъ и съ другими многими дурными наклонностями навсегда остается въ имѣньѣ... Земледѣльческія орудія и рабочія лошади у иностранцевъ принадлежатъ владѣльцу, слѣдовательно, по собственному усмотрѣнію и по мѣрѣ видимой имъ надобности могутъ быть имъ улучшены, и не встрѣтится къ тому ни малѣйшаго препятствія; въ нашемъ же хозяйствѣ то и другое принадлежитъ крестьянину-земледѣльцу, зависитъ не только отъ его состоянія, но отъ искусства и прилежанія; улучшеніе же сопряжено съ величайшимъ затрудненіемъ, даже нѣкоторыя орудія и совсѣмъ невозможно у насъ ввести». Въ концѣ-концовъ во всей Саратовской губ., несмотря на рядъ благопріятныхъ условій хлѣбнаго сбыта, «встрѣчается одно или два помѣстья дворянскихъ, нѣсколько могущія служить хорошимъ образцомъ».

Такъ обстоитъ дѣло въ имѣньяхъ черноземной полосы, гдѣ у хозяевъ нѣтъ денежнаго капитала. Но денежный капиталъ проникаетъ мало-по-малу и въ деревню, что видно, между прочимъ, и изъ концентраціи собственности. Въ промежутокъ между 8-й и 10-й ревизіей (1837 и 1858 г.), при уменьшеніи числа крѣпостныхъ на $2^0/_0$, общее число владѣльцевъ уменьшилось на $18^1/_4{}^0/_0$, что означаетъ сосредоточеніе крѣпостного владѣнія въ меньшемъ числѣ рукъ и уменьшеніе раздробленности имѣній; число мелкихъ владѣній, ниже 20 душъ, съ 8-й по 10-ю ревизію убываетъ на $12{,}6^0/_0$, тогда какъ число среднихъ, отъ 100 до 1.000 душъ, увеличивается на $17^0/_0$; нѣкоторое умень-

шеніе крупныхъ имѣній, свыше 1.000 душъ, легко объясняется случайной причиной—дробленіемъ этихъ имѣній при наслѣдствахъ. На общемъ безотрадномъ фонѣ хозяйственнаго застоя или упадка, нѣкоторыя изъ крупныхъ имѣній черноземной полосы представляютъ интересную картину—ликвидацію крѣпостного хозяйства еще при крѣпостномъ правѣ. Въ имѣньяхъ есть денежный капиталъ—и владѣльцы уже не пользуются барщиной. Въ 1860 году, въ одно изъ засѣданій редакціонныхъ комиссій, зашелъ разговоръ о невыгодности перевода крестьянъ на оброкъ; крупный помѣщикъ Тульской губ., князь Черкасскій, возразилъ, что, наоборотъ, онъ знаетъ имѣнья, которыя перешли съ барщины на оброкъ и не понесли отъ этого никакого

Деревня (рис. Д. В. Григоровича).

убытка; доходность можно повысить лучшей обработкой земли, ввести травосѣяніе; крѣпостнымъ нечего дѣлать, разъ есть машины; «цѣнность барщины едва выкупаетъ крестьянское содержаніе». Отпускъ крестьянъ на оброкъ и практикуется среди крупныхъ помѣщиковъ въ довольно большихъ размѣрахъ: отсюда усиленіе процента оброчныхъ сравнительно съ XVIII в. въ нѣкоторыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, какъ въ Курской, Тульской. При неразвитости въ черноземной полосѣ постороннихъ заработковъ отпущенные на оброкъ не порываютъ обыкновенно связи съ помѣщичьимъ хозяйствомъ, но связь эта устанавливается на новыхъ началахъ: одни изъ крестьянъ, въ дополненіе къ земельному надѣлу, арендуютъ барскую землю, какъ это и встрѣчается въ губерніяхъ Орловской, Воро-

нежской, Рязанской, Тульской, Саратовской, Тамбовской; другіе поступаютъ въ услуженіе къ своему же барину, но уже по вольному найму. Нѣкоторыя хозяйства передъ реформой близко напоминаютъ, такимъ образомъ, современныя условія. Устраивая хозяйство на новый, болѣе совершенный ладъ, крупный помѣщикъ-капиталистъ менѣе страдаетъ отъ крѣпостного права, чѣмъ мелкій; но и отмѣна крѣпостного права, въ свою очередь, обѣщаетъ только новыя выгоды—въ избавленіи владѣльца отъ уплаты подушной и отъ обязанности помогать крестьянамъ при неурожаѣ, въ расширеніи круга арендаторовъ и рабочихъ, въ повышеніи арендной платы и пониженіи заработной.

Въ черноземной полосѣ земля возрастаетъ въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ цѣна крестьянъ безъ земли падаетъ: разница цѣны незаселенной и населенной земли не превышаетъ 13%, и довольно часты даже случаи, что незаселенныя земли въ 1854—59 годахъ продаются дороже населенныхъ. Иное соотношеніе даетъ намъ нечерноземная полоса: здѣсь населенная земля дороже ненаселенной на цѣлыхъ 31%. Въ Смоленской губ., по статистическимъ даннымъ отъ 1855 г., средняя покупная цѣна населенныхъ имѣній была 117 р. за душу, а средняя цѣна одной незаселенной десятины—всего лишь 5 р. 50 к. Крестьяне въ нечерноземной полосѣ составляютъ самостоятельный источникъ дохода—платятъ довольно значительный оброкъ, все болѣе и болѣе повышающійся. Главная опора крестьянъ не земледѣліе, а обрабатывающая промышленность. Густота населенія, неплодородіе почвы, обиліе естественнаго топлива при удобствѣ воднаго сообщенія съ окраинами Россіи составили благопріятныя условія для появленія въ нечерноземной полосѣ значительнаго числа фабрикъ и заводовъ. Къ двумъ типамъ фабрикъ, сложившимся въ Россіи еще въ XVIII в., помѣщичьей и поссессіонной, присоединяется въ XIX в. крестьянская фабрика, гдѣ во главѣ дѣла стоятъ разбогатѣвшіе кустари изъ крѣпостныхъ оброчныхъ. Захвативъ въ свои руки выгодную промышленную отрасль—производства бумагопрядильное и ткацкое,—крестьянская фабрика быстро опережаетъ въ развитіи своихъ соперницъ, но самая быстрота ея роста только обостряетъ ея столкновеніе съ крѣпостнымъ правомъ. Однимъ изъ условій процвѣтанія крестьянской фабрики было ея обращеніе къ вольно-наемному труду, необходимое по отсутствію при ней крѣпостныхъ рабочихъ. Но спросъ на вольно-наемный

трудъ при крѣпостномъ правѣ не отвѣчалъ предложенію. Рабочихъ нехватало. Наиболѣе подходящій элементъ для работы по найму составили бывшіе поссессіонные крестьяне, отпускать которыхъ на свободу дозволилъ, наконецъ, законъ 18 іюня 1840 года; но изъ отпущенныхъ поссессіонныхъ далеко не всѣ шли на фабрики, а кромѣ того, если здѣсь увеличивалось предложеніе труда, то поднимался и спросъ, поскольку владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ сами должны были замѣнять отпущенныхъ вольно-наемными. Хорошо обезпеченные государственные крестьяне неохотно шли на фабрики, да и неохотно тамъ принимались, какъ элементъ непокладистый; главный контингентъ рабочихъ поступалъ изъ оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, изъ которыхъ, однакожъ, не всѣ располагали своимъ трудомъ свободно: при 45,6% оброчныхъ, въ нечерноземной полосѣ было 23,2% «смѣшанныхъ», т.-е. такихъ, которые, кромѣ оброка, отправляли и барщину, слѣдовательно, были привязаны къ имѣнью. Въ иныхъ случаяхъ помѣщики ставили препятствія къ отходу крестьянъ, то изъ опасенья ихъ якобы нравственной порчи, то опасаясь побѣговъ: у помѣщиковъ Нижегородской губ. паспортъ на отходъ выдавался только болѣе надежнымъ, а у князя Голицына даже подъ условіемъ представленія поручителя изъ одновотчинныхъ крестьянъ. При недостаткѣ рабочихъ заработная плата очень высока и обѣщаетъ все большее повышеніе. За время съ 1850 по 1863 г. количество рабочихъ на фабрикахъ съ 517.679 падаетъ до 419.517, что можетъ быть поставлено въ связь съ высотою платы. Затрудненіе количественное осложнялось и качественнымъ. При общемъ господствѣ принудительныхъ отношеній, даже вольно-наемный трудъ фактически часто не отличался отъ крѣпостного. Нанявъ оброчнаго, фабрикантъ долженъ былъ считаться со срокомъ паспорта, выданнаго крестьянину владѣльцемъ, и, чтобы задобрить послѣдняго, принималъ на себя уплату оброка: оброчный крестьянинъ, юридически вольно-наемный, превращался фактически въ крѣпостного при фабрикѣ. Иные помѣщики сами отдавали своихъ крѣпостныхъ внаймы за опредѣленную плату въ свою пользу. Сдѣлки такого рода были воспрещены закономъ еще въ 1825 г., но законъ обходился или тѣмъ, что крѣпостные фиктивно отпускались на свободу, при чемъ отпускная, на срокъ найма, передавалась фабриканту, или же плата получалась помѣщикомъ не на свое имя, а на имя сельскаго общества или семьи рабочаго. Эти «кабальные» рабочіе есте-

ственно оказываются чуть ли не менѣе подходящими къ дѣлу, чѣмъ крѣпостные: по замѣчанію современника, «отъ нихъ нельзя ожидать никакой старательности, никакого порядка»; на нихъ не дѣйствуютъ никакія угрозы, «сплошь да рядомъ они бѣгутъ гуртомъ и останавливаютъ работу въ самое горячее время». Были и еще разряды наемныхъ, по условіямъ работы мало отличавшихся отъ крѣпостныхъ. Питомцы Воспитательнаго дома отдавались на фабрики до совершеннолѣтія, съ возраста около 12 лѣтъ, при чемъ фабрикантъ обязывался содержать ихъ на свой счетъ, по истеченіи извѣстнаго срока по ихъ поступленіи платить имъ ничтожную плату, по 1 р. въ мѣсяцъ, а по достиженіи ими совершеннолѣтія дать пару платья и 100 р. денегъ. Нуждаясь въ рабочихъ, фабриканты принимали къ себѣ бѣглыхъ, при чемъ въ силу нелегальнаго ихъ положенія, оплачивали крайне низко или совсѣмъ не оплачивали ихъ трудъ; бѣглыхъ притѣсняли, подвергали наказаніямъ на ряду съ заводскими крѣпостными. Производительность труда бѣглыхъ, разумѣется, также не была высокой. Такъ и работа по найму превращалась при крѣпостномъ правѣ въ столь же мало производительную, какъ и крѣпостная. Другимъ затруднительнымъ вопросомъ для русской крестьянской фабрики являлся вопросъ о соціальномъ положеніи ея хозяевъ. Какъ сказано, это были тоже оброчные крѣпостные. Долгое время законъ не признавалъ за ними никакого права собственности, и фабрика со всѣмъ обзаведеніемъ въ любой моментъ могла быть отнята помѣщикомъ; законъ 3 марта 1848 г. предоставилъ, наконецъ, крѣпостнымъ право пріобрѣтать недвижимую собственность, но, во-первыхъ, объявлялъ недѣйствительными всѣ такого рода сдѣлки до его изданія, а во-вторыхъ, поставилъ и пріобрѣтеніе собственности въ зависимость отъ согласія помѣщика, съ сильнымъ стѣсненіемъ права распоряженія ею. Будучи крѣпостнымъ, фабрикантъ-крестьянинъ платитъ болѣе или менѣе значительный оброкъ: по окладной книгѣ села Богородскаго, Нижегородской губ., отъ 1858 г. 9 человѣкъ платятъ графу Шереметеву отъ 500 до 1.530 р., 24 человѣка—отъ 200 до 375 р. въ годъ; въ Ивановѣ, Владимірской губ., у Шереметева были фабриканты, дочери которыхъ, при выходѣ замужъ не за графскаго крестьянина, платили по 10.000 р. и болѣе; сыновья фабрикантовъ, чтобы избавиться отъ военной службы, на которую могъ ихъ назначить помѣщикъ, платили даже до 30.000 р. Во избѣжаніе повышенія помѣщичьихъ поборовъ, крестьянинъ

боится расширить дѣло, скрывая капиталъ. По закону 1848 г. помѣщикъ имѣетъ право пріостанавливать отчужденіе фабрики, искъ на защиту собственности крестьянинъ можетъ вчинять лишь съ разрѣшенія владѣльца: это препятствуетъ развитію кредита, важной опоры промышленности. Завѣтная мечта многихъ крѣпостныхъ фабрикантовъ—выкупъ на свободу. Но помѣщики, одни изъ тщеславія, другіе изъ выгодъ, рѣдко со-

Жнецы. (Венеціановъ).

глашаются на выкупъ. Если дѣло идетъ хорошо, то чѣмъ позже крестьянинъ выкупится, тѣмъ больше съ него можно взять. Шереметевъ крайне неохотно отпускаетъ своихъ крѣпостныхъ на волю, а если и беретъ выкупъ, то очень крупный. Въ Ивановѣ до реформы выкупилось всего 50 человѣкъ, при чемъ средняя цѣна выкупа—20.000 р. съ оставленіемъ господину всѣхъ построекъ. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ, какъ одинъ помѣщикъ М. выражалъ сожалѣніе, что дозволилъ своему богатому крестьянину выкупиться за

16.000 р.: «Мужикъ, каналья, перехитрилъ меня: онъ оказался послѣ въ 200.000 р... Вотъ сестра моя умнѣе, она не иначе отпустила одного изъ своихъ крестьянъ, какъ взявъ съ него 30.000, и взяла славно, потому что капитала оказалось только 45.000». «Бывали примѣры,—говоритъ Самаринъ,—что помѣщики употребляли, какъ средство узнать состояніе богатыхъ крестьянъ, обѣщаніе свободы за выкупъ, входили съ ними въ сдѣлки и, развѣдавъ, что нужно, не выполняли своихъ обѣщаній». Чтобы избавиться отъ помѣщика, крестьянинъ-заводчикъ Шиповъ рѣшился на добровольный временный плѣнъ у кавказскихъ горцевъ, разсчитывая воспользоваться закономъ, предоставлявшимъ свободу по выходѣ изъ плѣна. Такъ, крѣпостное право давило обрабатывающую промышленность. Но, говоря объ обрабатывающей промышленности, необходимо имѣть въ виду и еще одно условіе—состояніе нашего внутренняго рынка. «Удовлетвореніе нуждъ крестьянъ, класса столь многочисленнаго, не составляетъ у насъ, какъ въ другихъ государствахъ,—писалъ въ 1841 г. Заблоцкій-Десятовскій,—значительныхъ отраслей промышленности; причина этого, конечно, та, что классъ сей, по бѣдности своей, не представляетъ достаточнаго числа потребностей, которыя могли бы поддержать производство». Внутренній рынокъ слабъ, какъ по бѣдности крестьянской массы, такъ и потому, что сохранявшійся еще трудъ дворовыхъ составлялъ и въ помѣщичьихъ имѣньяхъ конкуренцію фабрики.

Иначе, чѣмъ въ центрѣ Россіи, отразилось крѣпостное право на хозяйствѣ степной полосы и Новороссіи. Южныя и заволжскія губерніи пріобрѣтаютъ все большее и большее экономическое значеніе—вслѣдствіе производительности почвы, близости пунктовъ заграничнаго сбыта, обилія земли и минеральныхъ богатствъ; затрудненіе создаетъ здѣсь рѣдкость населенія, сильно дававшая себя чувствовать, а въ XIX в. Николаевскій и Новоузенскій уѣзды, Самарской губ., а также Царевскій уѣздъ, Астраханской, офиціально открыты только въ 1836 г. Колонизація окраинъ шла медленнѣе, чѣмъ этого было бы можно ожидать, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ производилась или нелегальнымъ путемъ—путемъ побѣговъ, или легальнымъ, но по иниціативѣ помѣщиковъ, не всегда умѣло бравшихся за дѣло. До нѣкоторой степени правительство смотрѣло сквозь пальцы на побѣги, уплачивая деньги за бѣглыхъ и переводя ихъ на кавказскую линію; но, разумѣется, это могло

быть только до нѣкоторой степени, и населеніе при помощи побѣговъ росло мало. Что касается до помѣщичьихъ предпріятій, то они осуществляются иногда такъ, что двѣ трети переселенцевъ вымираетъ. Помѣщикъ Жадовскій въ 50 годахъ, при переводѣ своихъ крестьянъ изъ Пензенской губ. въ Оренбургскую, продалъ ихъ дома и на корню хлѣбъ, вырученныя деньги употребилъ въ свою пользу, а избы, данныя на новосельѣ, положилъ въ цѣну, вычитаемую изъ заработковъ. Съ другой стороны, помѣщики боялись переселять крестьянъ на окраины, чтобы не подать случай къ побѣгу за границу. Рѣдкость населенія, а тѣмъ болѣе крѣпостного, выдвигала въ степной полосѣ въ XVIII, какъ и въ в. XIX вольно-наемный трудъ рабочихъ, приходящихъ изъ центра. Какъ сообщалось впослѣдствіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ, ежегодно изъ центральной Россіи и Малороссіи приходило въ степную полосу до 300.000 рабочихъ. Этого нехватало при быстромъ экономическомъ ростѣ Юга и Заволжья. Получалась очень высокая заработная плата, не только въ силу недостатка предложенія, но по признанію редакціонныхъ комиссій, и оттого, «что довольно значительная часть работниковъ, приходящихъ со стороны, изъ густо населенныхъ мѣстностей, принадлежатъ къ крѣпостному сословію и пріобрѣтаютъ право распоряженія своимъ трудомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не иначе, какъ подъ условіемъ взноса въ помѣщичьи конторы денежнаго оброка, часто весьма высокаго». Будущее Новороссіи и степного края связывалось съ раскрѣпощеніемъ крестьянъ. «Когда крестьяне всей имперіи получатъ право переходить съ барщины на оброкъ и даже совершенно выходить изъ общества,—говорили опять-таки въ редакціонныхъ комиссіяхъ,—то цѣлая масса рабочихъ будетъ свободно двигаться къ югу, оплодотворять эти степи вольнымъ трудомъ, возвышать цѣнность земель и обогащать ихъ владѣльцевъ». Послѣдовавшая въ 1861 г. отмѣна крѣпостного права дѣйствительно подняла подвижность населенія: если сравнить количество паспортныхъ сборовъ за 1854 и 1860 гг., а потомъ за 1864 и 1870 гг., то, при условіи полной почти неизмѣнности паспортной платы за всѣ эти годы, приростъ для 1860 г. выразится въ 25,7%, а приростъ для 1870—въ 41,9%.

Количество паспортныхъ сборовъ до реформы росло медленно, при чемъ средній годовой сборъ за семилѣтіе, съ 1854 по 1860 г., не превышалъ 1.710.400 руб.; за первое десятилѣтіе послѣ реформы, съ 1861 по 1870 г., средній годовой сборъ по-

высился на 12,9%, въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 1871—1880 г., на 42%.

Крѣпостное право разлагающе дѣйствовало на народное хозяйство: но оно все болѣе и болѣе показывало свою шероховатую сторону и въ политическомъ отношеніи. Крѣпостная Россія плохо развивалась экономически, а это приводило къ печальному положенію русскихъ финансовъ. Самоувѣренная внѣшняя политика николаевскаго царствованія требовала значительныхъ расходовъ, но расходы систематически превышали доходъ. Въ 1855 г. дефицитъ равнялся 262 милл. р. Правительство теряло на косвенныхъ налогахъ, такъ какъ крѣпостное право сильно подрывало развитіе промышленности и торговли.

Помѣщичья власть служила полицейскимъ орудіемъ къ водворенію порядка среди крестьянъ. Но десятилѣтія, предшествовавшія реформѣ, показали всю несостоятельность правительственныхъ расчетовъ и въ этомъ смыслѣ. Вмѣсто оплота спокойствія и тишины, крѣпостное право все болѣе и болѣе служило источникомъ смутъ и волненій. Оппозиціонное настроеніе крестьянъ принимаетъ и пассивный и активный характеръ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ явно грозитъ призракомъ пугачевщины или разинскаго бунта. Пассивный протестъ проявляется въ побѣгахъ и самоубійствахъ.

Крѣпостное право утратило свой смыслъ съ точки зрѣнія хозяйственной, финансовой и полицейской. Остается указать еще одну причину его паденія—несоотвѣтствіе его тѣмъ новымъ запросамъ въ области духовной культуры, безъ удовлетворенія которыхъ не могла обойтись экономически обновлявшаяся Россія. Если и привилегированное сословіе, опиравшееся на даровой трудъ крестьянъ, въ теченіе первой половины XIX вѣка училось въ большинствѣ случаевъ «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», то тѣмъ хуже обстояло дѣло съ образованіемъ широкихъ народныхъ массъ. Съ 1830 и 1832 г. появляются школы въ селеніяхъ крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ, но тѣ и другіе вмѣстѣ составляли лишь нѣсколько болѣе половины крестьянъ помѣщичьихъ. Правительство допускало крѣпостныхъ въ приходскія и уѣздныя училища, а также «въ заведенія особаго рода, для усовершенствованія промышленности учрежденныя». Что касается до допущенія въ университеты и гимназіи, то по Высочайшему рескрипту 19 августа 1827 г. вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно, съ одной стороны, чтобы избавить учащихся дворянъ отъ неподходящаго имъ

общества, а съ другой стороны, чтобы не пріучить крестьянъ «къ роду жизни, къ образу мысли и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію». Ростъ образованія сильно отставалъ отъ роста населенія: въ 1836 г. 1 ученикъ приходился на 48 жи-

Дѣвушка съ теленкомъ (Венеціановъ).

телей, въ 1866 г.—1 ученикъ на 143 жителя. Мы видѣли, что нѣкоторые помѣщики давали образованіе крѣпостнымъ, но, во-первыхъ, это были исключительные случаи, а во-вторыхъ, образованные крѣпостные, оставаясь объектами прихотей помѣщиковъ, рѣдко имѣли силы внести что-нибудь положи-

тельное въ окружавшую ихъ общественную жизнь. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣщики относились къ дѣлу народнаго образованія безучастно или даже враждебно.

Въ *Рязанской* губ. былъ случай, что одинъ архіерей, желая распространить просвѣщеніе, поручилъ священникамъ брать въ ученье господскихъ мальчиковъ; но помѣщики не соглашались, говоря, что «племени хамову не подобаетъ учиться». Позже, въ 1858 г., при представленіи свѣдѣній объ имѣніяхъ въ губернскіе комитеты, помѣщики должны были, между прочимъ, сообщить и о мѣрахъ, принятыхъ ими къ насажденію народнаго просвѣщенія. Обнародованы отвѣты тульскихъ помѣщиковъ. Оказывается, что въ большинствѣ имѣній «къ распространенію грамоты мѣръ никакихъ не принято», что «способовъ къ тому никакихъ нѣтъ, да едва ли и быть когда могутъ». «Крестьянъ грамотныхъ нѣтъ,—пишетъ довольно безграмотно одинъ помѣщикъ,—нѣтъ времени къ тому отвлекать ихъ отъ домохозяйства; но болѣе всего, что заставило не обращать на это вниманіе, такъ это то, что нѣкоторые были обучаемы грамотѣ, которымъ уже земледѣльческій трудъ былъ неудобовыносимъ, и предавались лѣности и, разумѣется, затѣмъ и другимъ болѣе важнымъ порокамъ»... Всѣхъ такихъ грамотныхъ помѣщикъ отдалъ въ солдаты или принужденъ былъ удалить инымъ способомъ. Изрѣдка, какъ оазисы среди пустыни, открывались въ имѣніяхъ школы для крестьянъ, но обыкновенно шли плохо: «хамово племя» относилось подозрительно даже къ барской просвѣтительной затѣѣ... Между тѣмъ, при отсутствіи барскаго воздѣйствія, интересъ къ грамотности далеко не былъ чуждъ крестьянамъ. Помѣщикъ Рязанской губ. Тиховъ разсказывалъ, что крестьяне сами, по доброй волѣ, приходили къ нему урывками разбирать грамоту и за выучку даже платили по цѣлковому. Въ отвѣтахъ тульскихъ помѣщиковъ значится, что во многихъ имѣньяхъ крестьяне пользуются всякимъ случаемъ для ученія: учатся у церковнослужителей, у грамотныхъ дворовыхъ, у солдатъ. Въ болѣе прогрессивныхъ кругахъ чувствовалась необходимость поддержать эти благія стремленія, хотя бы въ интересахъ того же хозяйственнаго роста Россіи. Еще въ 1831 г. въ Петербургскомъ Вольномъ экономическомъ обществѣ зашла рѣчь объ учрежденіи при обществѣ особаго отдѣла по народному образованію—первый шагъ къ учрежденію будущаго комитета грамотности, открывшагося уже послѣ реформы; въ 1845 г.

при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства учрежденъ комитетъ для распространенія церковной грамотности между крестьянами въ помѣщичьихъ имѣньяхъ. Значительно лучше, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ, основывавшихъ школы, поставлено было народное образованіе въ тульскомъ имѣньи гр. А. П. Бобринскаго, автора одного изъ проектовъ освобожденія крестьянъ: въ имѣньи было два училища, съ двумя учителями изъ семинаристовъ и двумя изъ священниковъ, получавшими содержаніе изъ мірскихъ суммъ. Впрочемъ, въ 1858 г. на 12.663 души м. п. грамотныхъ было еще только 570. Всѣ эти—въ концѣ-концовъ все-таки слабыя—проявленія общественной инпціативы мало вызывали сочувствія въ правительствѣ, пока оно защищало крѣпостное право: какъ было просвѣщать крѣпостныхъ, когда и безъ просвѣщенія они начинали понимать глубину той соціальной несправедливости, жертвой которой были? Поставить слова: «да развивается *повсюду* и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію»—возможно было только въ манифестѣ, гдѣ говорилось уже о законахъ, «для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ». Это было въ манифестѣ 19 февраля 1856 г., при восшествіи на престолъ Александра II...

Наступило новое царствованіе. Пять лѣтъ спустя реформа, давно подготовленная жизнью, получила юридическую санкцію.

Д. Жариновъ.

Русское общество и освобожденіе крестьянъ.

Эпоха императора Николая I — эпоха провозглашенія въ правительственныхъ кругахъ знаменательной теоріи офиціальной народности. «Православіе, самодержавіе и народность» — три незыблемыя основы государственной жизни. Этими «тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее», замѣчалъ одинъ изъ типичныхъ теоретиковъ партіи «офиціальной народности», профессоръ Московскаго университета Шевыревъ. Въ сохраненіи этихъ традиціонныхъ устоевъ, драгоцѣннаго «сокровища» прошлаго и лежитъ «залогъ» успѣшнаго процвѣтанія Россіи. Но въ сущности въ своей практической программѣ подобная теорія, полная національнаго самодовольства, неизбѣжно должна была вести къ застою и косности. Западъ долженъ лишь завидовать той «политической мудрости», которая привела къ благоденствію Россію. Россіи нечего заимствовать отъ Запада, ей надо лишь сохранить въ «цѣлости преданія вѣковъ» и свои «патріархальныя добродѣтели». Отсюда недалеко было и до грубой идеализаціи крѣпостного права: русскій крестьянинъ лучше обезпеченъ западно-европейскаго пролетарія. Съ подобными мотивами неоднократно приходится встрѣчаться въ литературѣ, поддерживавшей и развивавшей офиціальный лозунгъ. И первый, кто далъ этому лозунгу опредѣленную формулу, николаевскій министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ, уже открыто связалъ существованіе крѣпостного права съ незыблемостью государственной власти въ Россіи. Такимъ образомъ рабство являлось дѣйствительно однимъ изъ устоевъ дореформенной Россіи. Въ устахъ теоретиковъ «офиціальной народности» крѣпостное право дѣлалось священнымъ институтомъ, авторизированнымъ церковью. Помѣщикъ лишь «управитель государя», какъ выразился въ своей перепискѣ Гоголь,

и всякой власти принадлежитъ Божественная санкція. Эта теорія была теоріей существующей дѣйствительности. «Нѣтъ счастливѣе состоянія», чѣмъ крѣпостное право — доказывалъ одинъ изъ современныхъ дѣятелей церкви. Штабсъ-капитанша Архангельская въ официіальной бумагѣ развивала теорію о томъ, что «Самъ Богъ создалъ особо господъ и слугъ». «Натура» крестьянская создана для «услуженія господамъ». Богомъ установлено и «нравственное различіе» между господиномъ и холопомъ — однимъ дана «способность повелѣвать», другимъ—«повиноваться». Въ «Отголоскахъ русскаго

Коробочка («Гог. типы» Боклевскаго).

сердца» статскаго совѣтника и кавалера, помѣщика Дм. Шелихова, доказывалось, что въ Россіи законъ исполняютъ какъ святыню, и крестьяне «благоговѣютъ передъ Богомъ и своими господами»... Послѣ Бога и государя законъ велитъ служить барину... «Между крестьяниномъ и дворяниномъ существуетъ у насъ какая-то высокая, тайная связь, святая связь, что-то родственное, необъяснимое и непонятное всякому другому народу» — такъ рисуетъ патріархальныя отношенія Сологубъ въ «Тарантасѣ». Такія разсужденія были прямымъ нарожденіемъ официіальной идеологіи николаевской эпохи.

и тѣмъ самымъ какъ бы оправдывалось существованіе крѣпостного права, «дикихъ фанатиковъ рабства», по выраженію Герцена, въ то время, когда всѣ жизненныя условія громко требовали его отмѣны.

При низкомъ культурномъ уровнѣ огромнаго большинства «управителей государя» или владѣльцевъ крѣпостными «милостью Божіей» теорія офиціальной «народности» твердо вкоренилась въ сознаніи широкихъ дворянскихъ круговъ. Офиціальная идеологія всецѣло становилась на сторону сословно-классовыхъ интересовъ дворянъ-помѣщиковъ. И понятна та враждебность, съ которой воспринимались въ этой средѣ всякіе проекты, намѣчавшіе хоть какія-либо видоизмѣненія въ установившихся традиціяхъ: тульскихъ дворянъ «прожекторовъ», составившихъ въ 1837 — 38 гг. проектъ освобожденія крестьянъ попросту, въ московскомъ Англійскомъ клубѣ «предали анаѳемѣ». «Богоустановленное» крѣпостное право въ конецъ развращало помѣщичью среду. Въ сущности всѣ современники въ одинъ голосъ рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нравственный обликъ крѣпостного общества: лишь «небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ, — разсказываетъ Герценъ о своемъ пребываніи въ Новгородѣ, — не дерутся съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣкутъ всякій день... Остальные недалеко ушли еще отъ Салтычихъ и американскихъ плантаторовъ». Смѣшно и говорить, по мнѣнію Ив. Аксакова, о какой-либо патріархальности въ отношеніяхъ между господиномъ и крѣпостнымъ: ея никогда не было и не можетъ быть при «барственныхъ вкусахъ и привычкахъ» дворянской среды. По свидѣтельству того же современника, хорошо ознакомившагося съ нравами провинціальнаго общества, послѣднее «исполинскими шагами» шло по пути «цивилизаціи» и пріобрѣтало «блестящую внѣшность». Но за этой внѣшностью открывалась «одуряющая пошлость», полное «безмолвіе нравственныхъ требованій», «радушное панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ». Любуясь на провинціальныхъ «бельомовъ»— «благовидныхъ помѣщиковъ», Аксаковъ невольно вспоминаетъ, что «эти красивые господа только вчера воротились изъ своихъ деревень, гдѣ собирали порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупавшихся отъ замужества»; слушая крѣпостной оркестръ, Аксаковъ въ то же время узнаетъ, что «утромъ альтъ и флейта были высѣчены за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, до которой

хозяинъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенному человѣку, былъ большой охотникъ, а гобой собственноручно приколоченъ». «Устраивая веселость за веселостью», дворянская среда ничѣмъ инымъ не интересуется: «почти ни въ одномъ домѣ вы не найдете книгъ не только новой, да большой частью никакой». Въ такихъ чертахъ охарактеризовано нами дворянское общество въ 1852 году. «Грустно», когда «поглядишь вокругъ и увидишь всю безтолковщину и подлость обществъ»—дѣлаетъ выводъ еще за

П. П. Пѣтухъ («Гог. типы» Боклевскаго).

нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ авторъ процитированныхъ строкъ. «Наша эпоха—эпоха мелкихъ душонокъ», записалъ въ своемъ извѣстномъ дневникѣ проф. Никитенко въ 1849 г.

Однако и передъ этой косной, «плантаторской» средой все настоятельнѣе становится крестьянскій вопросъ. Поворотъ взглядовъ дворянства на крѣпостное право происходитъ, по свидѣтельству современника Заблоцкаго-Десятовскаго, въ значительной степени подъ вліяніемъ неурожаевъ 40 гг. Наиболѣе мыслящіе помѣщики начинаютъ сознавать пользу и необходимость измѣненій въ силу собственныхъ же интересовъ. Пра-

вительственныя начинанія, полуофиціальныя записки въ связи съ работами секретныхъ комитетовъ, наконецъ, непосредственныя обращенія къ дворянству съ предложеніемъ «келейно» обсудить вопросъ объ измѣненіяхъ въ крѣпостномъ состояніи,— все это вызываетъ движеніе въ крѣпостнической средѣ. «Въ городѣ много говорятъ объ освобожденіи крестьянъ», записываетъ въ 1841 г. кн. Вяземскій. Законъ 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ производитъ буквально даже «переполохъ», хотя рѣчь императора Николая въ Государственномъ Совѣтѣ 30 марта и указывала опредѣленно, что освобожденіе крестьянъ въ данное время было бы лишь «преступнымъ посягательствомъ на общее спокойствіе и благо государства», что правительство «никогда на сіе» не рѣшится. Вводился лишь маленькій коррективъ въ господствовавшей идеологіи въ видѣ признанія, что «крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное», дѣлался лишь намекъ на необходимость улучшить прославленныя «патріархальныя» отношенія, ибо «нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло власть». И какъ бы въ отвѣтъ на эту поправку помѣщикъ Дурасовъ въ томъ же году читаетъ докладъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, въ которомъ доказываетъ, что «одно невѣдѣніе иностранцевъ» можетъ приписать крестьянамъ состояніе невольничества. «Если можно выставить частные случаи о злоупотребленіи помѣщиковъ надъ сотнями крестьянъ, то милліоны оныхъ подъ защитой хорошихъ владѣльцевъ благоденствуютъ».

Попытка печати коснуться закона объ обязанныхъ крестьянахъ была скоро пріостановлена. Но толчокъ былъ данъ, и въ сущности крестьянскій вопросъ въ 40 гг. подвергается оживленному обсужденію. Дворяне нѣкоторыхъ губерній (какъ, напр., Смоленской и Тульской) въ 1846—48 гг. возбуждаютъ ходатайства передъ правительствомъ объ учрежденіи комитетовъ по крестьянскому вопросу, составляютъ проектъ, подаютъ записки. «Вопросъ объ измѣненіи крѣпостного права, — по свидѣтельству современника Заблоцкаго, — за нѣсколько лѣтъ передъ симъ казавшійся чрезвычайно дикимъ, нынѣ никого не изумляетъ». Лишь тѣ изъ дворянъ, говоритъ Заблоцкій еще въ запискѣ 1841 г., «кои стоятъ низко на степени образованія, видятъ въ крѣпостномъ

правѣ необходимое условіе своего существованія. Они не проникаютъ въ глубь вопроса». Но и тогда уже многіе начинаютъ сознавать вредъ крѣпостного права и выгоду безземельнаго освобожденія. Эта точка зрѣнія достаточно отчетливо проявилась въ дворянскихъ проектахъ Николаевскаго царствованія. «Больше половины нашего дворянства,—утверждалъ въ своей запискѣ о крѣпостномъ правѣ въ 1845 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій,—вовсе не опасается утратъ достоянія своего отъ уничтоженія крѣпостного права», боятся лишь послѣдствій такого переворота. И такимъ образомъ, когда императоръ Николай I на пріемѣ депутаціи смоленскаго дворянства 18 мая

Салонъ кн. З. А. Волконской.

1847 года говорилъ въ качествѣ «перваго дворянина въ государствѣ», что «земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская», но крестьянинъ не можетъ «считаться собственностью, а тѣмъ болѣе вещью»—на «правѣ» крѣпостничества, быть-можетъ, значительная часть наиболѣе вліятельнаго дворянства уже и не была склонна настаивать, ибо тѣ, которые постигли «свои истинныя выгоды», какъ писалъ Хомяковъ въ «Москвитянинѣ» въ 1847 г. по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, готовы были привѣтствовать «новый путь для усовершенствованія разумнаго хозяйства», намѣчавшійся въ правительственныхъ кругахъ. Не филантро-

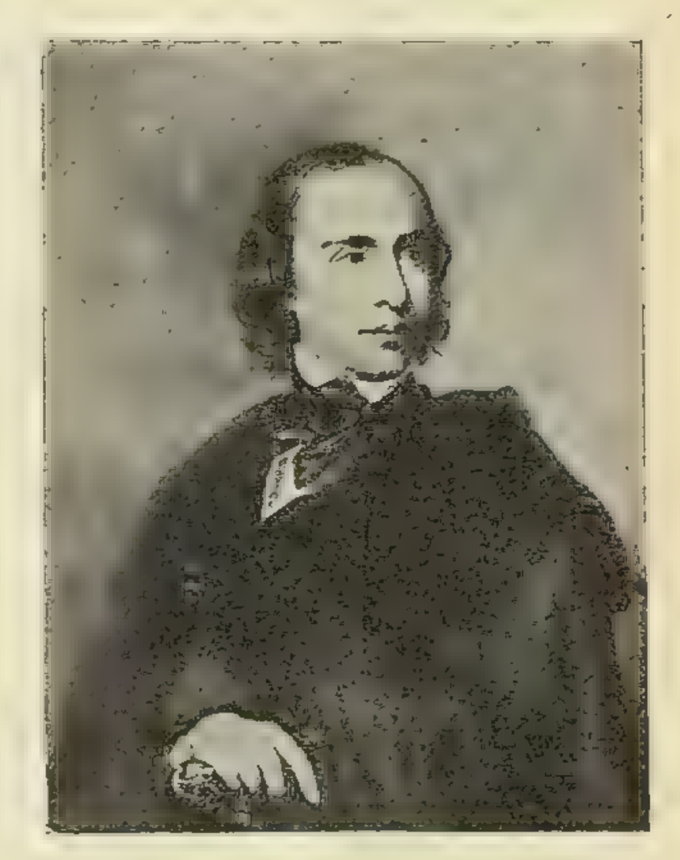
пическія идеи, а свои помѣщичьи интересы, такимъ образомъ, побуждаютъ развязаться съ крѣпостными узами.

Если защитники классовыхъ интересовъ дворянства, какъ, напримѣръ, впослѣдствіи (1858 г.) издатель извѣстнаго «Журнала для землевладѣльцевъ» Желтухинъ, сознаютъ, что крѣпостное право является «главнымъ, можетъ-быть, единственнымъ препятствіемъ развитія Россіи», то среди небольшой еще группы русской интеллигенціи это уже давно, конечно, сдѣлалось аксіомой. Для людей 30—40 гг., продолжавшихъ традиціи своихъ предшественниковъ, уничтоженіе крѣпостного права было самымъ живымъ «національнымъ вопросомъ», какъ писалъ Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю. Они, по выраженію Герцена, чувствовали «непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу»; для нихъ ужасно было «зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ никакихъ гарантій для личности, чести и собственности» (изъ письма Бѣлинскаго).

Такое же чувство испытываетъ и Тургеневъ; онъ пишетъ въ 1840 г. изъ Берлина: «Почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія... Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ».

Изъ этого лагеря исходитъ горячая проповѣдь борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Если реакція, послѣдовавшая послѣ 14 декабря 1825 года, когда, по выраженію Герцена, «все мыслящее присмирѣло и безпомощно забилось въ рукахъ реакціи», увлекла часть молодежи въ «монашескую келью» нѣмецкой философіи, если университетскій кружокъ Станкевича устраняется отъ повседневной мрачной жизни, мало интересуясь политическими и соціальными вопросами, то другой ранній кружокъ «знаменитаго десятилѣтія», во главѣ съ Герценомъ и Огаревымъ, ставитъ основной своей задачей продолжать дѣло декабристовъ и посвятить всю жизнь народу и его освобожденію и прежде всего добиваться уничтоженія крѣпостного права. Послѣднее также ненавистно идеалисту Станкевичу— этому человѣку «не отъ міра сего», какъ и молодымъ русскимъ сенъ-симонистамъ. Но для «дѣтей декабристовъ», знакомившихся

съ французскими соціалистическими теоріями, вопросы общественнаго переустройства дѣлаются самыми жизненными вопросами. Изъ нихъ формируется то направленіе, которое вошло въ исторію подъ именемъ западничества. Въ этой европейской литературѣ и жизни, столь опередившихъ общественныя условія русскаго быта, ищутъ они идеаловъ и практическихъ указаній для программы дѣйствія. Ихъ «цивилизирующее» вліяніе на общество чрезвычайно велико, тѣмъ болѣе, что и аудиторія ихъ растетъ. На сцену выступаютъ новыя общественныя группы, подламывается старая дворянская структура общества. Настроенія этой новой зарождающейся безсословной интеллигенціи и отражаетъ тогдашняя русская литература. «Тенденція соціальная» начинаетъ въ ней доминировать, какъ отмѣчаетъ уже Шевыревъ. «Періодическая литература дѣлается пропагандой», по характеристикѣ Герцена. Выдвигается и другая «батарея»— «университетскія каѳедры превращаются въ аналои, лекціи—въ проповѣдь очеловѣченья». Литература дѣлается «пропагандой», почти не имѣя возможности непосредственно касаться крѣпостного права. Но тамъ, гдѣ главенствуетъ Бѣлинскій — «учитель» и «свѣтильникъ разума», какъ назвалъ его Некрасовъ, проповѣдь слышится въ каждомъ словѣ. Съ именемъ Грановскаго, съ его проповѣдью гуманныхъ идеаловъ связана цѣлая эпоха въ Московскомъ университетѣ: «готовилъ родинѣ ты честныхъ сыновей, провидя лучъ зари за непроглядной далью», сказалъ про него Некрасовъ. Протесты противъ крѣпостного права раздаются и въ лекціяхъ младшаго современника Грановскаго—Кавелина. Уже самъ по себѣ характеренъ фактъ, что въ 1844 г. юридическій факультетъ Московскаго университета объявляетъ темой на золотую медаль: «Очерки

Т. Н. Грановскій.

исторіи сельскаго сословія въ Россіи до времени Уложенія». И на эту тему пишетъ кн. Черкасскій, которому суждено было играть видную роль въ проведеніи реформы 19 февраля. Съ какимъ обожаніемъ относилась молодежь къ этимъ вождямъ русскаго общества, показываютъ небывалыя въ Москвѣ похороны Грановскаго; знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю выучивалось наизусть; охарактеризовавшій въ столь мрачныхъ чертахъ провинціальное общество Ив. Аксаковъ въ такихъ словахъ свидѣтельствуетъ намъ о вліяніи Бѣлинскаго на молодое поколѣніе: «много я ѣздилъ по Россіи—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни... Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ—говорили мнѣ вездѣ молодые честные люди. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ, въ полномъ смыслѣ слова жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ... ищите такихъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго».

Говоря о теченіяхъ среди русской молодежи 40-хъ гг., нельзя обойти молчаніемъ кружокъ петрашевцевъ,—кружокъ, возникшій также на почвѣ интереса къ французской соціалистической литературѣ. На «пятницахъ» у Буташевича-Петрашевскаго изучалась система Фурье и обсуждался вопросъ о возможности примѣненія ея въ Россіи. Уничтоженіе крѣпостного права являлось какъ бы первымъ шагомъ по пути осуществленія идеаловъ соціализма. Петрашевскій, не ограничиваясь узкимъ кругомъ своихъ знакомыхъ, пытался обратиться и къ болѣе широкой аудиторіи, предпринявъ изданіе небольшой энциклопедіи «Карманный словарь иностранныхъ словъ», но уже на второмъ выпускѣ (1846 г.) изданіе пришлось прекратить... Судьба русскихъ фурьеристовъ, какъ извѣстно, была печальна—имъ тяжело (смертная казнь была замѣнена каторгой) пришлось поплатиться за свое увлеченіе «соціальными и коммунистическими» идеями.

Въ 40-е годы окончательно сложилось и другое крупное теченіе русской общественной мысли—славянофильство. Оно имѣетъ несомнѣнныя заслуги въ дѣлѣ пропаганды идеи осво-

божденія крестьянъ. Въ 40-хъ гг. у нихъ нѣтъ еще той опредѣленной программы, которая выразилась впослѣдствіи, хотя въ извѣстной запискѣ Ю. Самарина «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ», начатой въ 1853 г.; въ запискѣ Кошелева, отправленной Александру II

В. Г. Бѣлинскій (портр. Астафьева).

въ 1858 г., или въ письмѣ Хомякова къ Ростовцеву «Объ отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи», написаннаго въ 1858 г. Здѣсь Хомяковъ отстаиваетъ «полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа по всей Россіи», устанавливая, впрочемъ, очень незначительные надѣлы. Въ николаевское время славянофильская программа, можно сказать,

сводится къ признанію необходимости освобожденія крестьянъ съ землей. Пропаганда этой идеи въ связи съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія и «составляетъ немалую ихъ заслугу», по словамъ историка крестьянскаго вопроса въ Россіи В. И. Семевскаго. «Всѣ мы были согласны въ томъ,—свидѣтельствуетъ Кошелевъ, -что крестьяне должны быть надѣлены землею, и что птичья свобода для крестьянъ была бы не добромъ, а величайшимъ бѣдствіемъ, не шагомъ впередъ, а страшнымъ шагомъ назадъ». Въ вопросѣ о «способахъ и времени совершенія этой реформы были между нами и разногласія», говоритъ тотъ же Кошелевъ. Конечно, въ данномъ случаѣ мысль эволюціонировала и постепенно приходила къ рѣшенію о необходимости радикальныхъ мѣръ, т.-е. къ единовременному, единообразному, повсемѣстному и обязательному выкупу. Такъ эволюціонировалъ Хомяковъ, такъ эволюціонировалъ и Кошелевъ. Но для П. В. Кирѣевскаго, извѣстнаго собирателя народныхъ пѣсенъ, уже въ 1847 г. ясна необходимость «одной общей правительственной мѣры». Славянофильская идеологія должна была сама по себѣ приводить къ признанію «безнравственности крѣпостного права»: «глубоко безнравственны тѣ отношенія, которыя обращаютъ человѣка въ беззащитную игрушку человѣческихъ страстей и прихотей», писалъ П. Кирѣевскій; крѣпостное право -это «глубокая и страшная язва нашего государственнаго и общественнаго быта». О той же «мерзости законнаго рабства» говорилъ и Хомяковъ. Въ свою идею «народности» славянофилы вкладывали прогрессивное содержаніе; это была не та «офиціальная народность», которую провозглашалъ гр. Уваровъ и другіе русскіе шовинисты. «Черному» народу они придавали огромное значеніе, они говорили о необходимости уничтоженія оторванности общества отъ низшихъ классовъ, въ солидарности надо искать нравственную силу для прогресса—въ народѣ истинная національная здоровая основа государственной жизни. Эта точка зрѣнія была особенно ярко выражена въ знаменитой статьѣ историка-славянофила Конст. Аксакова, въ статьѣ «Публика и народъ», напечатанной въ 1857 г. въ газетѣ «Молва». За эту статью газета была закрыта. Несомнѣнно, эта проповѣдь, если не въ печати, то въ обществѣ, въ кружковыхъ бесѣдахъ, должна была имѣть значительное вліяніе въ то время, когда надъ этимъ «чернымъ» народомъ «еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства,

чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами», когда считалось, что этотъ народъ «годится только служить рабочею силой и толпой для парадныхъ праздниковъ офиціальной жизни» (Пыпинъ). Правда, такое сильное преклоненіе передъ «русскимъ бытомъ», какое было у славянофиловъ, пренебрежительное отношеніе къ «гнилому западу» приводило подчасъ къ тому, что ученіе славянофиловъ звучало въ унисонъ съ теоріей официальной народности, и къ нему прилѣплялась реакція, но сами славянофилы были горячими противниками рабства. Теорія подчасъ расходилась съ практикой и у нихъ въ лицѣ тѣхъ славянофиловъ, которые были крупными помѣщиками, какъ, напр., Хомяковъ или Кошелевъ. Оба послѣднихъ принадлежали къ числу тѣхъ «мыслящихъ» помѣщиковъ, которые сознали экономическій вредъ, который наносило крѣпостное право помѣщичьимъ интересамъ. Хомяковъ, по словамъ Погодина, былъ «домовитѣйшій хозяинъ», и эта домовитость приводила къ тому, что, настаивая на полномъ освобожденіи крестьянъ, онъ устанавливалъ очень небольшіе надѣлы, опредѣляя большіе оброки для крестьянъ своихъ вотчинъ, равно и Кошелеву. Не даромъ впослѣдствіи И. Аксаковъ писалъ, что трудно соединить «званіе помѣщика съ выгодою и свободою крестьянъ»... Но каковы бы ни были побужденія, руководившія отдѣльными противниками крѣпостного права въ николаевскую эпоху, на «рабство» идетъ единодушный натискъ, и такимъ образомъ въ сознаніе широкихъ слоевъ общества проникаетъ сознаніе необходимости коренной реформы въ установившихся отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ.

К. Д. Кавелинъ (1840).

Мы уже отмѣчали нѣкоторое оживленіе въ этой области въ 40-е годы, когда впервые и въ печати косвенно затрагивается крѣпостное право. Начинаютъ интересоваться сельскимъ хозяйствомъ, говорить о значеніи интенсивнаго хозяйства, о

преимуществахъ и продуктивности вольнаго труда и т. д. Первой такой статьей была уже упомянутая статья Хомякова «О сельскихъ условіяхъ», напечатанная въ «Москвитянинѣ». Въ 1843 г. А. П. Заблоцкій-Десятовскій вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ предпринимаетъ изданіе «Сельское чтеніе», горячо привѣтствуемое Бѣлинскимъ. Сельское хозяйство, неразрывно связанное съ крестьянскимъ вопросомъ, особенно интересуетъ славянофильскій кружокъ. При «Москвитянинѣ» подъ редакціей И. В. Кирѣевскаго въ 1841 г. заводится особый отдѣлъ «Сельское хозяйство». Въ 1847 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» появляется статья того же Заблоцкаго— «Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи». Здѣсь авторусоставителю записки, являвшейся энергичнымъ протестомъ противъ крѣпостного права, очень осторожно приходится касаться больного вопроса, именовать крѣпостной трудъ «обязательной рентой». Статья эта вызываетъ большое одобреніе у Бѣлинскаго—онъ видитъ въ ней знаменіе времени; «въ другое время нельзя было и думать напечатать ее». «Помѣщики наши проснулись,—пишетъ въ ноябрѣ 1847 г. Бѣлинскій,—и затолковали». Видно по всему, что патріархальный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь «Земледѣльческая Газета» (Заблоцкаго), органъ мнѣній помѣщиковъ. «Эмансипаціонные разговоры,—пишетъ немного позже Хомяковъ,—здѣсь въ сильномъ ходу, и дѣло подвигается впередъ въ общемъ мнѣніи». И дѣйствительно, къ этому времени относится составленіе проектовъ смоленскихъ и тульскихъ дворянъ, въ это же время (1847 г.) возбуждается вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ среди рязанскихъ дворянъ Кошелевымъ. Кошелевъ пишетъ дворянамъ рѣчь: «теперь, именно теперь должно заняться симъ дѣломъ... откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно». Въ 1848 г. Петрашевскій готовитъ для петербургскаго дворянства записку «о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ и населенныхъ имѣній» въ цѣляхъ хотя бы «косвенно» содѣйствовать «освобожденію крестьянъ». Въ 1846 г. за границей выходитъ трехтомное сочиненіе декабриста Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», гдѣ затрагивается крестьянскій вопросъ. Книга находитъ себѣ распространеніе и въ Россіи, доходитъ даже до Сибири и вызываетъ замѣчанія со стороны декабристовъ. Еще раньше получаетъ распространеніе записка декабриста М. А. фонъ-Визина «О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи»... Правда,

до гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса было еще далеко—это было признано опаснымъ даже въ дворянскихъ кругахъ, несмотря на возбужденныя ходатайства. Но тѣмъ не менѣе «признаки жизни», какъ выразился Бѣлинскій, были налицо. Общее движеніе отразилось, «хотя и робко, и въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ то статьи, то статейки, очень осторожныя и умѣренныя по такту, но понятныя по содержанію» (Бѣлинскій).

М. В. Петрашевскій-Буташевичъ.

Однако надежды, которыя окрыляли противниковъ крѣпостного права, еще преждевременны. Вскорѣ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій наступила тяжелая реакція, положившая конецъ вплоть до новаго царствованія разговорамъ объ измѣненіяхъ въ крѣпостныхъ отношеніяхъ, въ той «священной старинѣ», касаться которой нельзя было, какъ выразился современникъ, «безъ потрясенія основъ». Всякій помыселъ объ освобожденіи являлся уже «преступнымъ посяга-

тельствомъ на общественное спокойствіе и благо государства». Въ рѣчи 21 марта 1848 г. императоръ Николай отчетливо установилъ направленіе послѣднихъ лѣтъ своего царствованія по крестьянскому вопросу: указавъ на то, что ему приписываютъ «самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія», онъ замѣтилъ: «нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ». И дѣйствительно, печать должна была замолкнуть, зато «въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права», выведенныя изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ съ ссылками на текстъ священнаго писанія. «Правительство приняло,—какъ выразился Самаринъ,—крѣпостное право подъ свое особенное покровительство». Наступило мрачное время въ русской общественной жизни, когда Грановскій съ полнымъ правомъ могъ сказать: «Благо Бѣлинскому, умершему во-время»...

Неудача Крымской кампаніи послужила поворотнымъ пунктомъ. Она какъ бы подвела итоги направленія, характеризующаго послѣдніе годы царствованія императора Николая I. «Мы сдались... передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ», такъ выразился Самаринъ. «Сверху блескъ, внизу гниль»—въ такихъ словахъ охарактеризовалъ эти итоги одинъ изъ современниковъ (Валуевъ въ «Думѣ Русскаго», 1855 г.). Необходимость коренныхъ преобразованій сознается даже наиболѣе консервативными и отсталыми элементами. Погодинъ обращается къ государю съ письмомъ, въ которомъ рѣзко критикуетъ установившійся режимъ. Мы «понапрасну» испугались революціи, писалъ Погодинъ, и «начали останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, унижать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству»... «Несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи?—спрашивалъ Погодинъ.—Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность». Погодинъ говоритъ, что его сужденія не «принадлежатъ собственно» ему, онъ передаетъ лишь то, что слышалъ въ петербургскомъ и московскомъ обществѣ. И онъ былъ правъ—

Помѣщики-политики.

(Карт. *Трутовскаго*).

признаніе полной несостоятельности господствующаго режима было общимъ голосомъ. Общественное мнѣніе, которое все еще не могло быть выражено въ періодической печати, находитъ выраженіе въ рукописныхъ запискахъ, широко распространяющихся въ обществѣ. Мы цитировали уже двухъ современниковъ, высказавшихъ свое мнѣніе. Напомнимъ, что къ этому времени относится и знаменитое стихотвореніе, въ которомъ Хомяковъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ современную ему Россію:

«Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна!»

Несмотря на запрещеніе Хомякову со стороны московскаго генералъ-губернатора Закревскаго читать эти строфы, онѣ облетѣли всю Россію. Но не только образованное общество ждало реформъ,—еще съ большимъ напряженіемъ ждала ихъ народная масса. Каждое правительственное сообщеніе воспринималось, какъ объявленіе воли. Такъ толковался, напр., манифестъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г. Говорили, что тотъ, кто пойдетъ въ ополченіе, получитъ волю вмѣстѣ съ семействомъ. И крестьянство массами устремлялось въ уѣздные города для записи въ ополченіе. Арестъ и наказаніе розгами за самовольныя отлучки народъ объяснялъ тѣмъ, что мѣстная администрація подкуплена помѣщиками, скрывающими волю. Всѣ эти слухи порождали волненія, готовыя перейти въ 1854—55 г. въ грозный пожаръ. При такомъ настроеніи, передъ угрозой народной бури, появленіе новыхъ Стеньки Разина и Пугачева, какъ писалъ Погодинъ, даже самые ярые крѣпостники готовы были итти на уступки, по свидѣтельству Кошелева. Помѣщики-дворяне боялись, что въ случаѣ вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи противъ нихъ поднимется вся крѣпостная масса. Эта боязнь опиралась на слухи, распространенные среди крестьянъ, о томъ, что въ договорѣ о мирѣ по требованію иностранныхъ державъ вставлена «секретная статья», говорящая объ освобожденіи, что Наполеонъ III требовалъ этой «воли». Дѣйствительно, любопытно, что даже наканунѣ освобожденія, по словамъ Крапоткина, среди крестьянъ утвердились убѣжденія, что безъ давленія извнѣ воли не дадутъ: «если Гарибалка не придетъ, ничего не будетъ».

При такомъ всеобщемъ настроеніи умеръ императоръ Николай I. Какое сильное впечатлѣніе произвела эта смерть, съ которой какъ бы уходила въ прошлое вся дореформенная Русь, показываетъ хотя бы слѣдующая цитата изъ воспоминаній П. А. Крапоткина: «Когда извѣстіе распространилось, ужасъ охватилъ какъ нашъ, такъ и сосѣдніе дома. Передавалось, что народъ на базарѣ держитъ себя крайне подозрительно и... высказываетъ опасныя мнѣнія. Взрослые разговаривали не иначе, какъ шопотомъ, а мачеха твердила постоянно: «Ахъ, не говорите при людяхъ»... Слуги, въ свою очередь, шептались про «волю», которую дадутъ скоро. Помѣщики ждали ежеминутно «бунта крѣпостныхъ, новую пугачевщину».

Новое правительство не сразу реагировало на это всеобщее возбужденіе—крестьянскій вопросъ пошелъ по старому пути секретнаго обсужденія. «Но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что съ крымской войной, со смертью императора Николая наступало другое время». «Изъ-за сплошного мрака выступали новыя массы, новые горизонты, чуялись какія-то движенія», вспоминаетъ Герценъ. «Казалось, что изъ томительной мрачной темницы мы какъ будто выходимъ, если не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему», записалъ Кошелевъ. «Въ Москвѣ и въ Петербургѣ,—пишетъ Кошелевъ Черкасскому въ февралѣ 1856 г.,—менѣе говорятъ о мирѣ, чѣмъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія». Александръ II хотѣлъ, чтобы иниціатива реформы исходила отъ самихъ помѣщиковъ. Но послѣдніе ея не проявляли. И это, конечно, надо объяснять сознаніемъ помѣщичьяго класса, что при всеобщемъ напряженномъ ожиданіи реформы, проведеніе ея въ рамкахъ узко сословныхъ интересовъ можетъ повести къ революціи, которой такъ боялись. Поэтому при сознаніи необходимости развязаться съ крѣпостными цѣпями дворяне въ то же время проявляли крайнюю нерѣшительность. Такъ разсуждали именно «мыслящіе» помѣщики. Захолустные крѣпостники просто срослись съ даровымъ трудомъ и не представляли себѣ возможности остаться безъ «вѣрноподданныхъ». При такихъ условіяхъ понятно, что рѣчь Александра II въ мартѣ 1856 г. московскимъ дворянамъ о необходимости реформы была встрѣчена гробовымъ молчаніемъ. И тогда императоръ закончилъ рѣчь «памятными словами» Герцена: «Лучше, господа, чтобы освобожденіе пришло сверху, чѣмъ ждать, покуда оно придетъ снизу». Но и эти слова въ сущности «не дѣйствовали». Самарскіе дворяне,

по словамъ Самарина, попросту сочли эту рѣчь «подложной». И такимъ же остаось огромное поведеніе дворянства во все остальное время подготовки великой реформы, въ эпоху огромнаго подъема общественныхъ настроеній и умственнаго роста Россіи. Въ эпоху освобожденія дворянство сыграло, по выраженію Кавелина, самую «жалкую и унизительную роль».

Но «общественное мнѣніе расправляло все болѣе и болѣе крылья». «Нельзя узнать, — писалъ въ 1855 г. про Петер-

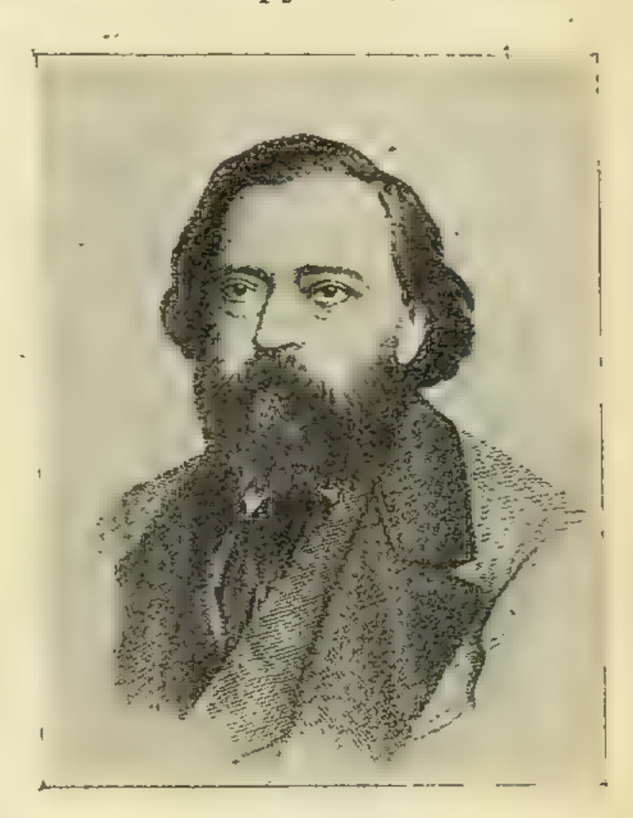

Провинціальная администрація 40 гг. (изъ Pauly).

бургъ Кавелинъ, — этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества». Идейныя разногласія въ первое время отходятъ на задній планъ передъ общей потребностью объединенія для осуществленія великаго національнаго дѣла. «Всѣ знамена теряются въ одномъ, — писалъ 31 марта 1856 г. Герценъ, — въ знамени освобожденія крестьянъ съ землей». «Время теперь такое, — пишетъ Кавелинъ Погодину 3 ноября 1855 г., — что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ лю-

дямъ въ Россіи надо забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ»; необходимо оставить «несогласіе въ образѣ мыслей». Съ такимъ единодушіемъ мы дѣйствительно и встрѣчаемся въ первые годы новаго царствованія. Вождь русской радикально-соціалистически настроенной русской интеллигенціи, Чернышевскій, въ «*Современникѣ*» привѣтствуетъ въ 1856 г. либеральный органъ Каткова «Русскій Вѣстникъ», привѣтствуетъ и первую книжку славянофильскаго органа «Русскую Бесѣду» такими словами: «Мы хотимъ свѣта и правды» — «Русская Бесѣда» также; мы по мѣрѣ силъ возстаемъ противъ пошлаго, низкаго, грязнаго — «Русск. Бес.» также; мы считаемъ кореннымъ врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лукавую мишуру — «Р. Б.» также». Но печать все еще вплоть до рескрипта 1857 г. не могла непосредственно коснуться крѣпостного права. Чернышевскому приходилось говорить лишь о «разумномъ опредѣленіи экономическихъ силъ». Однако, какъ указываетъ современникъ, «всѣ умѣли читать между строками и понимали, что означаетъ «Критика китайской финансовой системы»: то, «чего нельзя было сказать открыто въ политической статьѣ, то приводилось контрабанднымъ путемъ въ видѣ повѣсти, юмористическаго очерка или замаскированной критики западно-европейскихъ событій». Такимъ образомъ то, о чемъ прежде говорилось «шопотомъ, въ дружеской бесѣдѣ, начинало теперь проникать въ печать». Не имѣя возможности говорить объ условіяхъ освобожденія, Чернышевскій сосредоточивается на вопросѣ объ общинномъ землевладѣніи, полемизируя съ журналомъ Вернадскаго «Экономическій Указатель». Доказывая, что община не препятствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу, онъ возстаетъ противъ всякихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Защита общины до нѣкоторой степени сближала Чернышевскаго съ славянофилами, хотя взгляды ихъ были въ сущности противоположны принципамъ Герцена и Чернышевскаго. «Община для Герцена это — «естественный коммунизмъ нашъ». «Общинная организація, — писалъ въ 1851 г. Герценъ, — хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти, она благополучно дожила до развитія соціализма въ Европѣ; это обстоятельство безконечно важно для Россіи». Чернышевскій также въ сельской общинѣ видѣлъ залогъ будущаго соціалистическаго строя...,

Если печать не могла касаться реформы крѣпостного состоянія, разработать условія, на которыхъ должно было произойти раскрѣпощеніе, то до нѣкоторой степени эту роль ея исполнила рукописная литература — записки, циркулировавшія въ обществѣ и поданныя въ негласный комитетъ. Записки эти оказали чрезвычайно большое вліяніе. У правительства не было никакой опредѣленной программы, здѣсь оно могло черпать и фактическій матеріалъ и руководящіе принципы. Черезъ нихъ правительство прекрасно могло ознакомиться съ настроеніемъ руководящихъ круговъ, выяснить желанія, высказанныя различными слоями заинтересованной среды. До 1858 г. въ негласный комитетъ поступило около 100 записокъ. Если однѣ изъ нихъ предлагали «частичныя мѣры», то другія настаивали на полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, указывали путь и средство такой ликвидаціи... «Въ этихъ запискахъ,— говоритъ историкъ крестьянской реформы Корниловъ,— отразились очень рельефно взгляды и мнѣнія, господствовавшіе въ то время въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ помѣстнаго дворянства». Однѣ изъ этихъ записокъ разсчитаны были «на агитацію и распространеніе эмансипаціонныхъ идей въ обществѣ» (записки Самарина и Кавелина), другія спеціально «имѣли въ виду правительство» (Позенъ и кн. Кочубей), были и «такія, которыя направлены были противъ всякаго измѣненія существующаго строя».

Н. П. Огаревъ.

Несомнѣнно, на характеръ проектовъ имѣло большое вліяніе различіе въ условіяхъ помѣщичьяго хозяйства въ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ, — различіе, столь ярко проявившееся въ работѣ губернскихъ комитетовъ *). Наиболѣе ранняя изъ этихъ записокъ принадлежала Кавелину

*) См. статью «Губернскіе комитеты».

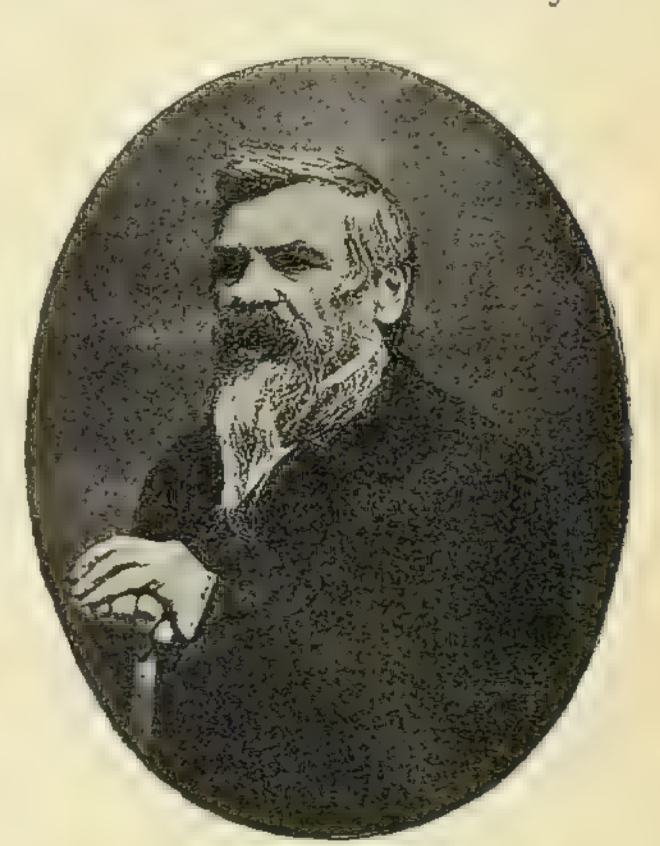
лицу. Она типична, какъ выраженіе мнѣній либеральной интеллигенціи того времени. Крѣпостное право должно быть ликвидировано всецѣло; въ видахъ общественной тишины правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ помѣщиковъ; крестьяне должны быть освобождены съ землей, но не иначе, какъ съ вознагражденіемъ землевладѣльцевъ. Интересы обѣихъ сторонъ должны быть уважены.

Реформу нельзя провести секретно, не приготовивъ общественнаго мнѣнія, не выслушавъ заявленія тѣхъ, чьи матеріальные интересы затрагиваются самымъ чувствительнымъ образомъ.

Указывая, что всѣ сколько-нибудь значительныя внутреннія преобразованія въ Россіи, безъ изъятія... неразрывно связаны съ упраздненіемъ крѣпостного права, Кавелинъ указываетъ па необходимость разрубить «гордіевъ узелъ». Всѣ наши общественныя язвы сводятся къ тому, что «крѣпостное право составляетъ основу нашей общественной и гражданской жизни». Этимъ самымъ какъ бы намѣчаются дальнѣйшія преобразованія, которыя должны были послѣдовать за основной реформой.

Вотъ программа, которая въ сущности объединяетъ пожеланія либеральныхъ и демократическихъ круговъ образованнаго общества. Освобожденіе крестьянъ съ землей — вотъ главный лозунгъ, на которомъ сходятся и люди славянофильскаго лагеря и люди либеральнаго образа мыслей западническаго направленія, съютившіеся около «Русскаго Вѣстника» Каткова. Полноправность крестьянъ, земля въ размѣрѣ существующаго надѣла, выкупъ при помощи кредитной операціи—такова позиція «Русск. Вѣстника». То же знамя выкинуто и Герценомъ за рубежомъ. Въ 1853 г. въ «Крещенной собственности» онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землей, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Оживленіе въ обществѣ, которое вызвали толки о реформѣ, побуждаетъ Герцена издавать періодическій органъ за границей, посвященный русскимъ дѣламъ. «Открытая вольная рѣчь — великое дѣло: безъ вольности рѣчи нѣтъ вольнаго человѣка», пишетъ онъ въ 1853 г. въ своемъ воззваніи «Братьямъ на Руси» по поводу открытія въ Лондонѣ вольной русской типографіи 10 марта 1855 г. Герценъ обращается къ императору Александру II съ письмомъ, получившимъ ши-

рокую огласку. 20 іюля 1855 г. выходитъ первая книга періодическаго сборника «Полярной Звѣзды». Въ Петербургѣ, по воспоминаніямъ современника, ее встрѣтили, «какъ нѣкогда виѳлеемскіе пастыри привѣтствовали ту святую звѣзду, которая загорѣлась надъ колыбелью рождающейся свободы». Эта свободная, безцензурная пресса сыграла въ эпоху подготовки реформы огромную общественную роль. Чтобы своевременно откликаться на вопросы, волнующіе русское общество, Герценъ въ 1857 г. предпринимаетъ изданіе газеты — своего знаменитаго «*Колокола*»: «событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обслуживать тотчасъ». «Освобожденіе слова отъ цензуры, освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, освобожденіе податного состоянія отъ побоевъ» — вотъ основныя требованія, выставленныя на знамени свободной прессы; такъ они формулированы въ первомъ номерѣ «*Колокола*». Освобожденію крестьянъ посвящены, главнымъ образомъ, статьи Герцена и Огарева. Статьи эти напоминаютъ правительству о необходимости реформы, уничтоженія «гнуснаго, позорнаго, ничѣмъ неоправдываемаго рабства крестьянъ» — «проклятія крѣпостного состоянія», тяготѣющаго надъ Россіей. Безъ освобожденія крестьянъ «шагу впередъ нельзя сдѣлать», что «умнѣе, расчетливѣе уступить, нежели ждать взрывовъ», что «французское дворянство 4 августа 1792 г. поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно». Практическая программа Герцена и Огарева не расходится съ основнымъ положеніемъ, намѣтившимся въ прогрессивныхъ кругахъ русскаго общества: полное прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами и предоставленіе послѣднимъ *всей* земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Предоставляя въ «*Колоколѣ*» мѣсто для статьи, доказывающей, что «и свобода

М. П. Погодинъ.

и земля слѣдуютъ имъ (крестьянамъ) даромъ», Огаревъ съ своей стороны считаетъ подобныя требованія въ данный моментъ неосуществимыми, хотя «внутренно» онъ «очень согласенъ на безвозмездное надѣленіе крестьянъ землей». Возражая противъ радикальныхъ требованій съ точки зрѣнія ихъ практическаго осуществленія, «*Колоколъ*» въ то же время указываетъ: для вопроса о выкупѣ не надо искать «юридическаго основанія», здѣсь просто «основаніе — необходимость», для помѣщиковъ выкупъ обойдется дешевле насильственнаго отобранія своихъ (т.-е. крестьянскихъ) земель отъ помѣщиковъ путемъ возстанія и кровопролитія».

И «*Колоколъ*» дѣйствительно получилъ огромное вліяніе: онъ руководилъ общественнымъ мнѣніемъ, вскрывая то, о чемъ не могла говорить подцензурная печать; онъ обличалъ «смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное», съ безпощадной прямотой онъ обличалъ недостатки дореформенной Россіи».

«Смѣхъ, — писалъ Герценъ, — одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило». И его идеалъ — сатира— оказывала свое вліяніе даже на крѣпостниковъ. «*Колоколъ*»,— писалъ Самаринъ, — это теперь единственный голосъ, къ которому прислушивается правительство». «*Колоколомъ*» грозятъ властямъ, что скажетъ «*Колоколъ*», какъ отзовется «*Колоколъ*»,—вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ всѣ, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всѣхъ классовъ. «*Колоколъ*»—власть», по словамъ другого современника. «*Колоколъ*» становится почти настольной книгой дѣятелей крестьянской реформы. Его читаетъ государь, имъ руководится Ростовцевъ — «*Колоколъ*» указываетъ путь, по которому должно итти освобожденіе. «Въ Твери,—по словамъ Унковскаго,— не было дома, въ которомъ не было бы «*Колокола*»... Въ теченіе 2—3 лѣтъ у большинства дворянъ перемѣнился весь образъ мыслей подъ вліяніемъ «*Колокола*». «Берлинскіе книгопродавцы, — по словамъ Никитенко, — брались доставлять сколько угодно герценскихъ изданій прямо на домъ». Изъ Россіи къ Герцену идетъ «ливень посланій». Всѣ лучшіе представители освобождающейся Россіи корреспондируютъ ему. И немудрено, что въ «*Колоколѣ*» появлялись даже отчеты о тайныхъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта...

И какъ ни различны были конечныя цѣли различныхъ теченій, уже опредѣленно намѣчавшихся въ русскомъ об-

ществѣ, всѣ, кто былъ противъ крѣпостного права, сходилися на общемъ характерѣ эмансипаціонной реформы. Это единодушіе особенно ярко сказалось въ томъ восторженномъ чувствѣ, съ которымъ былъ встрѣченъ рескриптъ 1857 г., положившій начало гласному обсужденію реформы, хотя самый рескриптъ по своему содержанію, быть-можетъ, вовсе еще не могъ служить поводомъ къ единодушному восторгу. Но въ немъ видѣли лишь начало великаго дѣла и привѣтствовали это столь давно ожидаемое начало. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» обращаясь къ Александру II, заканчивалъ Герценъ свою статью «Черезъ три года» въ «*Колоколѣ*» 15 февраля 1858 г. И Чернышевскій поддается «общему увлеченію», и онъ начинаетъ въ 1858 г. свою статью «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» эпиграфомъ: «Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой». «Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II,— писалъ Чернышевскій, — счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы,—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ». Ив. Аксаковъ привѣтствовалъ рескриптъ 20 ноября 1857 г. стихами:

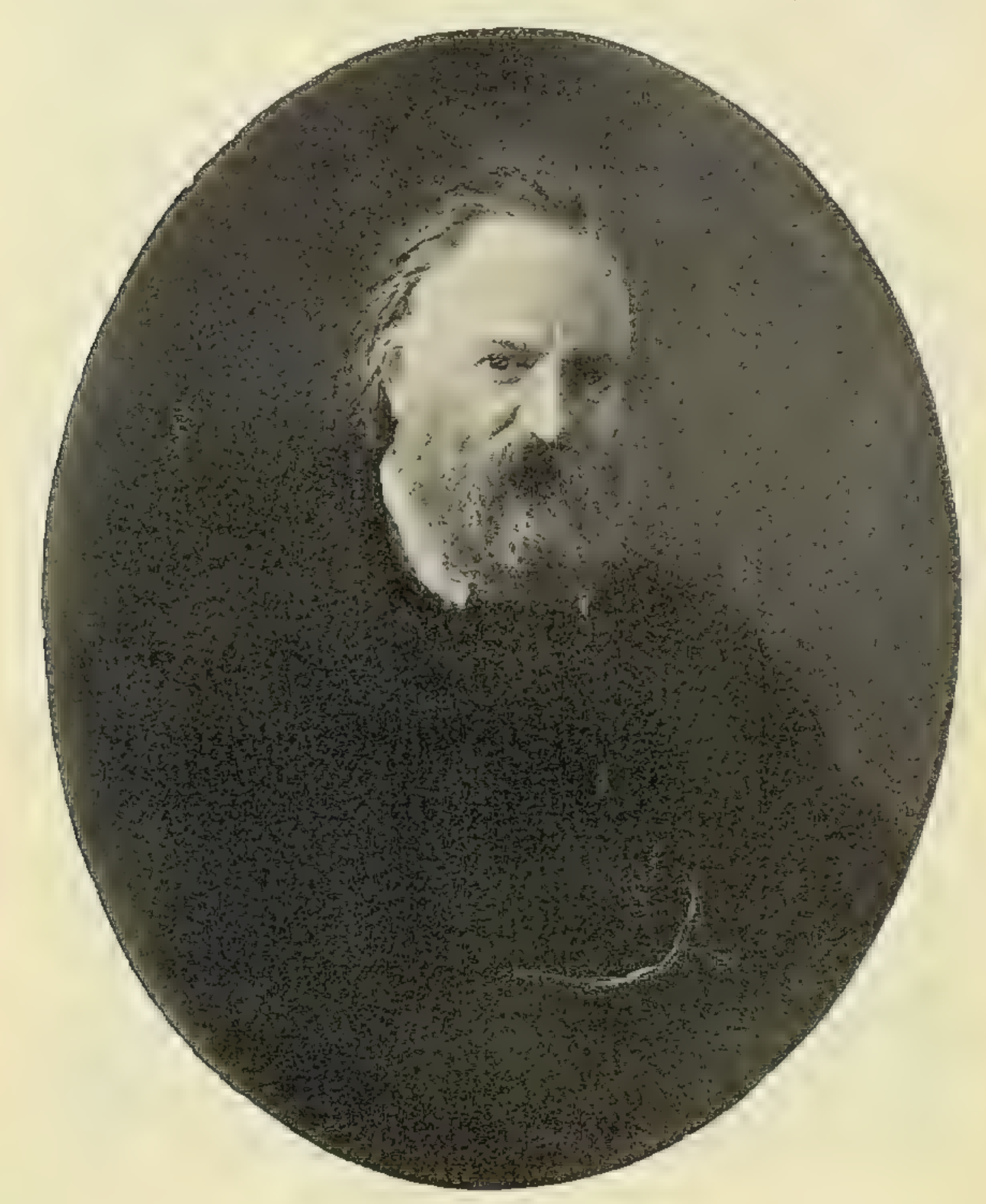
Н. А. Добролюбовъ.

«... Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!»

Пожалуй, общее настроеніе, съ какимъ былъ встрѣченъ рескриптъ въ прогрессивныхъ кругахъ русскаго общества, довольно ярко проявилось на обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г. «профессорами, учеными, журналистами». Устроеніемъ праздника въ московскомъ купеческомъ собра-

піи какъ бы имѣлось въ виду «устроить пиръ въ духѣ примиренія и соединенія всѣхъ литературныхъ партій»; устроители хотѣли, какъ писалъ Кавелинъ, чтобы «явились всѣ цвѣта, колера и мнѣнія безъ различій». И дѣйствительно, на обѣдѣ присутствовали представители «разныхъ мнѣній» — отъ Кавелина, главнаго иниціатора обѣда, до Погодина включительно. Отказались лишь участвовать на обѣдѣ славянофилы. По словамъ Кошелева, они отказались, узнавъ, что на обѣдѣ не будетъ «никого изъ офиціальныхъ лицъ» и изъ дворянства. Славянофилы хотѣли дѣйствовать и думали, что возьмутъ дѣло въ свои руки, если будутъ «вести себя какъ можно скромнѣе», поэтому и не хотѣли «раздражать и безъ того взволнованныя страсти». Было бы слишкомъ длинно приводить здѣсь выписки изъ произнесенныхъ на обѣдѣ рѣчей, сказанныхъ съ большимъ подъемомъ. Первая рѣчь принадлежала Каткову. «Бываютъ эпохи, — говорилъ онъ, — когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди съ усиленнымъ біеніемъ сердца сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ: благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи». «Этого 20 ноября чаяли уже многія поколѣнія... его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца... въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумья всѣхъ», говорилъ Кавелинъ. Погодинъ говорилъ о «дорогомъ нашемъ кормильцѣ, дорогомъ нашемъ поильцѣ, православномъ мужичкѣ» и приносилъ «искреннюю дань хвалы и благодарности достойному русскому дворянству». Эта слащавая рѣчь, впрочемъ, по собственному признанію Погодина, «имѣла успѣха менѣе всѣхъ»... Этотъ обѣдъ былъ какъ бы «первымъ выраженіемъ свободы чувствъ мимо правительства», какъ выразился о немъ Погодинъ. Подобная возможность выраженія «свободы чувствъ» и затемняла въ первый моментъ различіе взглядовъ, которое, однако, очень скоро въ связи съ дѣятельностью губернскихъ комитетовъ и общимъ ходомъ крестьянской реформы проявилось очень рѣзко. Въ этомъ отношеніи очень характерна была рѣчь откупщика Кокорева, предназначавшаяся для произнесенія на обѣдѣ и напечатанная въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*». Рѣчь надѣлала «много шума» и произвела «огромное впечатлѣніе» даже за предѣлами Москвы. Онъ восхвалялъ «истинныхъ благодѣтелей» изъ среды «богатѣйшихъ» за предположеніе «дать бѣднымъ и часть землицы,

чтобы было можно на ней попахать и коровку покормить», и говорилъ о необходимости «спайки всѣхъ сословій» и объ участіи купечества въ пополненіи «убытковъ помѣщиковъ отъ уничтоженія крѣпостного права». Пусть купцы возбла-

А. И. Герценъ (портр. Ге).

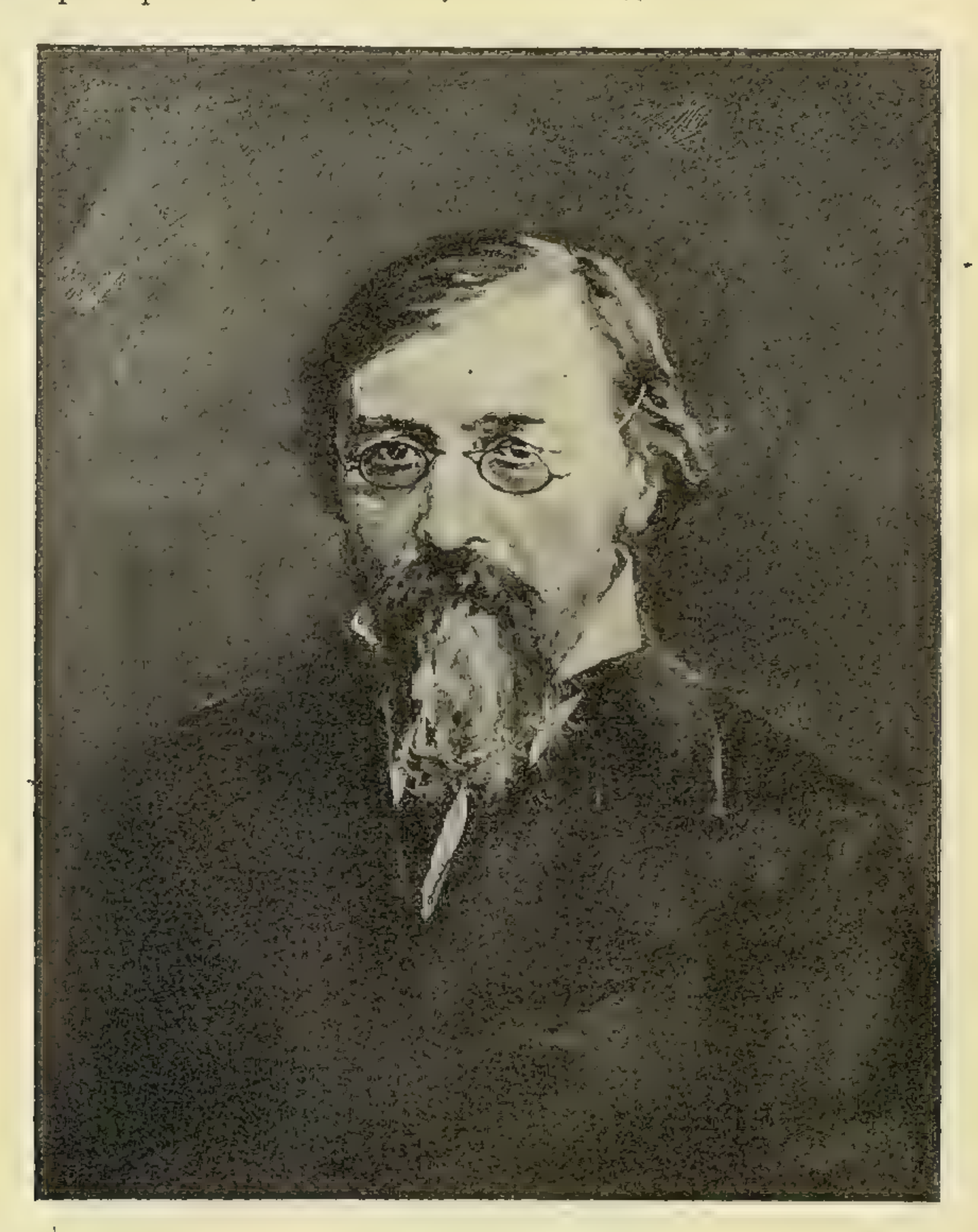
годарятъ «крестьянъ за богатство», ими же «сообщенное», и соберутъ пожертвованія для выкупа крестьянскихъ жилищъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ «при настоящемъ переворотѣ необходимы денежныя средства для насущныхъ потребностей жизни». Купцы будутъ имѣть

«огромную выгоду» отъ новаго порядка, который сообщитъ «довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется». Особенно «удивительную пользу», по мнѣнію Кокорева, принесла бы покупка купцами населенныхъ имѣній для отдачи ихъ въ аренду крестьянамъ. «Сколько бы мелкопомѣстныхъ дворянъ сейчасъ же получили деньги за свои помѣстья!»

Такова была рѣчь, про которую редакція «*Русскаго Вѣстника*» писала: «Рѣчь эта—не просто рѣчь, а поступокъ, который пусть оцѣнитъ Россія». Кокоревъ намѣревался отпечатать свою рѣчь въ 10.000 экз., но это ему было запрещено генералъ-губернаторомъ Закревскимъ, который былъ представителемъ крѣпостнической партіи, убѣжденной, что въ Петербургѣ еще «одумаются» и «все останется по старому». Затѣмъ Кокоревъ устроилъ у себя на квартирѣ 18 января обѣдъ для лицъ, не присутствовавшихъ на первомъ обѣдѣ (славянофиловъ). Однако эти «западные митинги, развивающіе демократическія идеи», съ рѣчами объ эмансипаціи были запрещены, чтобы не раздражать страстей и тѣмъ не затруднять «спокойнаго и разумнаго обсужденія предложеннаго... дворянству государственнаго вопроса».

Описанный моментъ надо считать апогеемъ развитія общественной солидарности въ привѣтствіяхъ «новой зари». Русская печать въ 1858 г. получаетъ возможность говорить о правительственныхъ предначертаніяхъ. Этимъ облегченіемъ печати пользуются славянофилы, чтобы въ своихъ изданіяхъ придать широкое распространеніе мысли объ освобожденіи крестьянъ, ознакомить общество съ технической стороны проведенія готовящейся реформы. При «Русской Бесѣдѣ» открывается спеціальное приложеніе «Сельское Благоустройство». К. Аксаковъ собираетъ матеріалъ для обширнаго труда о крестьянахъ въ древней Россіи. Въ это время выходитъ первое научное изслѣдованіе: «Крестьяне на Руси» московскаго профессора Бѣляева. С. Т. Аксаковъ зоветъ Тургенева пріѣхать въ Россію: «Мы переживаемъ теперь великое время. Важность событія требуетъ, чтобы каждый русскій образованный и благонамѣренный человѣкъ былъ на своемъ мѣстѣ не въ качествѣ помѣщика, а въ качествѣ члена общества... Переломъ засталъ насъ совершенно врасплохъ... Корабль тронулся, и у насъ закружилась голова»...

Дворянство «нисколько или, по крайней мѣрѣ, очень слабо стоитъ за рабство,—пишетъ Хомяковъ, — а просто оно растерялось, не знаетъ, какъ за дѣло взяться».

Н. Г. Чернышевскій.

Однако скоро эта растерянность стала проходить, и въ помѣщичьихъ сужденіяхъ стала проявляться все большая и большая опредѣленность. По мнѣнію Закревскаго, дворяне «помышляютъ только объ одномъ: какъ лучше и удобнѣе для помѣщиковъ и крестьянъ достигнуть благой цѣли

правительства». Достаточно объективный въ данномъ случаѣ кн. Черкасскій въ письмѣ къ Самарину такъ охарактеризовалъ эту готовность дворянства содѣйствовать реформѣ: «видно, по всей святой Руси идетъ теперь одно: вездѣ дворянство взялось за умъ не на шутку и съ помощью Петербурга намѣревается отстаивать свою старину». Оно «взялось за умъ» и стало добиваться, по словамъ Крапоткина, «уменьшенія надѣловъ и такой высокой выкупной платы за землю, которая дѣлала бы экономическую независимость призракомъ». Этихъ крѣпостниковъ Огаревъ называлъ «родными волками». И хотя «настроеніе Петербурга, въ гостиныхъ и на улицѣ, показывало, что итти назадъ теперь уже невозможно», что «освобожденіе крестьянъ должно было быть выполнено» (Крапоткинъ), однако натискъ «плантаторовъ» былъ такъ силенъ, что у многихъ даже сталъ возникать «вопросъ, состоится ли само освобожденіе». Дѣла принимали «мрачный характеръ», и чѣмъ дальше, вѣсти становились «все хуже и хуже». Наканунѣ освобожденія утверждали, что «освобожденіе крестьянъ отложено: боятся революціи».

Бой «плантаторовъ» и «эмансипаторовъ» явно клонился въ сторону преобладанія интересовъ крѣпостниковъ. Можно было думать, по словамъ И. Аксакова, что «новыя насажденія... лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама, но и въ лагерѣ своихъ «эмансипаторовъ» далеко уже не было того единодушія, которымъ отмѣчено начало работъ».

Въ этомъ отношеніи очень характернымъ было выступленіе противъ Герцена московскаго проф. Чичерина, принимавшаго прежде участіе въ катковскомъ журналѣ, а затѣмъ основавшаго свой журналъ «Атеней», болѣе консервативнаго направленія.

До Герцена доходили свѣдѣнія о реакціонномъ вліяніи, онъ выступаетъ съ рѣзкими обличеніями. Въ то время, какъ нѣкоторые органы печати, какъ «Библіотека для чтенія», все еще видятъ лишь «явное стремленіе впередъ» и убѣждены, что «закоренѣлые рутинеры умолкли», потому что имъ «совѣстно стало противъ общаго настроенія умовъ», Герценъ въ свободной прессѣ вскрываетъ фактъ проявленія грубаго крѣпостничества. «*Колоколъ*» переполненъ этими фактами: «Листа вѣдь нѣтъ, гдѣ не было бы какой-нибудь канибальской исторіи», пишетъ Герценъ. Умѣренные либералы уже не одобряютъ позиціи Герцена, не одобряютъ его обличеній

«предсмертныхъ злодѣйствъ помѣщичьяго права». Не одобряютъ и рѣзкой критики поведенія правительства, передъ «ошибками» котораго у Герцена, по его выраженію, «падаютъ руки».

Письмо Чичерина, своего рода отповѣдь Герцену за революціонизмъ, было напечатано въ «*Колоколѣ*». Чичеринъ упрекалъ Герцена въ необдуманности и въ неясномъ пониманіи вещей; вмѣсто того, чтобы внушить къ себѣ довѣріе правительства, онъ губитъ дѣло, впадая въ крайность и разжигая лишь страсти. Письмо Чичерина произвело, правда, крайне неблагопріятное впечатлѣніе въ либеральныхъ кругахъ — въ немъ видѣли какъ бы поощреніе репрессивнымъ мѣрамъ правительства, тѣмъ болѣе, что письмо Чичерина вызвало большое сочувствіе въ средѣ реакціонеровъ и крѣпостниковъ. Но въ дѣйствительности Герценъ, все болѣе и болѣе разочаровываясь, постепенно расходился со своими либеральными друзьями — и Кавелинымъ и Тургеневымъ, что уже опредѣленно проявилось послѣ 1861 г.

Въ такомъ же настроеніи находилась и вся демократическая интеллигенція, та новая молодая сила, которая выступила на смѣну старыхъ поколѣній. Она начинаетъ очень пессимистически смотрѣть на будущее реформы. И теперь уже не восхваляетъ «*Современникъ*» либеральныхъ помѣщиковъ, а очень рѣзко выступаетъ противъ тѣхъ либераловъ, которые совмѣщаютъ либеральные принципы съ поползновеніемъ обезземелить крестьянъ, образовать «сословіе батраковъ», какъ выразился Чернышевскій въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ», помѣщенной въ первой книгѣ «*Современника*» за 1859 г. Еще съ большей рѣзкостью выступаетъ молодой критикъ Добролюбовъ: онъ не вѣритъ въ силы либеральныхъ слоевъ общества; это общество, воспитанное въ дореформенное время, слишкомъ дрябло, чтобы твердо отстоять народные интересы.

Въ статьѣ по поводу Тургеневской «Аси» Чернышевскій уже въ 1858 г. разоблачаетъ либеральныя иллюзіи, онъ не вѣритъ обществу, такъ какъ «жизнь пріучила только къ блѣдной мелочности». За склонность къ компромиссамъ Добролюбовъ развѣнчиваетъ либераловъ. На всемъ этомъ обществѣ лежитъ неизгладимая «печать обломовщины». «Если я, — пишетъ въ статьѣ «Что такое обломовщина» (1859 г.),— вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я ужe съ первыхъ словъ

его знаю, что это Обломовъ»... «Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что все это пишутъ изъ Обломовыхъ». И когда изъ либеральныхъ круговъ неосмотрительно исходила мысль о сохраненіи вотчинной власти помѣщика на освобожденнаго крестьянина въ первое время или о сохраненіи тѣлесныхъ наказаній, то, конечно, она вызывала страстныя нападки—такъ было со статьей кн. Черкасскаго въ «Сельскомъ Благоустройствѣ». Радикальная молодежь готова была совсѣмъ какъ бы отказаться отъ реформы, возлагая всю инициативу на народныя движенія. «Я не желаю, чтобы давали реформы, когда нѣтъ условій, необходимыхъ для того, чтобы реформы проводились удовлетворительнымъ образомъ», говоритъ Чернышевскій отъ лица Волгина, героя романа «Прологъ».

Герценъ всецѣло на сторонѣ этого новаго поколѣнія русской интеллигенціи. Къ этой разночинной радикальной интеллигенціи направляются всѣ симпатіи «ранняго сѣятеля» гражданской свободы. Герценъ умѣлъ оцѣнить нарождающуюся силу новыхъ умственныхъ теченій. Пропаганда Чернышевскаго, писалъ Герценъ, «дала тонъ литературѣ и провела черту между въ самомъ дѣлѣ юной Россіей и прикидывавшейся такой, Россіей немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической».

И между тѣмъ между Герценомъ и радикальными кружками въ 1859 г. происходили большія недоразумѣнія — Герценъ рѣзко высказался противъ *«Современника»*, а для «юной Россіи» самъ Герценъ кажется уже въ значительной степени человѣкомъ отсталымъ. Герценъ, пережившій тяжелую дореформенную эпоху, несочувственно относился къ рѣзкимъ нападкамъ *«Современника»* на либеральное движеніе. Реальныя цѣли побуждали Герцена привлечь къ общественной борьбѣ даже умѣренные элементы, тѣмъ болѣе, что въ связи съ крестьянскимъ вопросомъ въ либеральныхъ кругахъ сильно распространялись и конституціонныя вѣянія. Использовать эти политическія стремленія и считалъ необходимымъ Герценъ. На первыхъ порахъ эти конституціонныя стремленія были очень неясны и подчасъ сливались съ олигархическими тенденціями недовольныхъ крѣпостниковъ, проявившихся довольно опредѣленно въ оппозиціонныхъ заявленіяхъ и адре-

сахъ дворянства въ 1859 г. И когда конституціонно-либеральныя теченія въ образованной средѣ дворянства уже формулировались болѣе отчетливо, отдѣлившись отъ узко-классовыхъ олигархическихъ стремленій недовольныхъ реформой крѣпостниковъ, это дворянское движеніе считалъ необходимымъ поддержать и Чернышевскій (въ не напечатанныхъ въ то время (1862 г.) «Письмахъ безъ адреса»), хотя въ радикальныхъ кружкахъ и пользовалась популярностью идея, такъ сказать, невмѣшательства въ конституціонную борьбу для тѣхъ, кто стремится къ «кореннымъ преобразованіямъ общественнаго строя». Такую именно точку зрѣнія развивалъ поэтъ Михайловъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «*Колоколѣ*».

Герценъ считалъ необходимымъ горячо поддержать эти конституціонныя стремленія, очень опредѣленно формулированныя тверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ февралѣ 1862 г.: «Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля», гласилъ адресъ государю. Поддерживая либерально-конституціонныя движенія, самъ Герценъ всю надежду свою возлагалъ именно на то великое движеніе русской общественной мысли, которое зачиналось въ концѣ 50 гг. и связано было съ именами Чернышевскаго и Добролюбова. «Въ народъ! къ народу! — обращается Герценъ къ молодежи. — Вы начинаете новую эпоху».

С. Мельгуновъ.

Изящная литература 1830—50-хъ гг. и крѣпостное право.

I.

Русская литература 30—50-хъ гг. прошлаго столѣтія находилась въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ: тиски строгой николаевской цензуры давали себя постоянно чувствовать. По словамъ одного цензора, по цензурному уставу 1826 г. можно было и «Отче нашъ» запретить. И дѣйствительно, въ эту эпоху запрещались самыя невинныя вещи; новые журналы не разрѣшались, старые постепенно закрывались. Такъ, напримѣръ, на просьбу кн. Одоевскаго въ 1836 г. о разрѣшеніи издавать журналъ «Русскій Сборникъ» послѣдовала высочайшая резолюція: «и безъ того много». На прошеніи проф. Грановскаго въ 1844 г. о разрѣшеніи ему изданія «Ежемѣсячнаго Обозрѣнія» была сдѣлана высочайшая помѣтка: «ненужно».

Дѣятельность русской цензуры въ царствованіе Николая I представляетъ почти сплошной анекдотъ,—до того невѣроятны подвиги тогдашнихъ цензоровъ. Такъ, цензоръ проф. Давыдовъ исключалъ изъ учебниковъ всеобщей исторіи Магомета, считая его «негодяемъ» и «основателемъ ложной религіи»; другой цензоръ выбрасывалъ изъ учебниковъ даже имена героевъ Греціи и Рима, такъ какъ они были республиканцами. Когда Бѣлинскій, будучи еще юношей-студентомъ, написалъ трагедію, въ которой горячо возставалъ противъ крѣпостного права, то цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ, призналъ ее «безнравственною, безчестящею университетъ».

При такихъ обстоятельствахъ было, разумѣется, совершенно невозможнымъ сдѣлать литературу «зеркаломъ жизни», отраженіемъ всѣхъ сторонъ русской дѣйствительности. Господствующимъ литературнымъ направленіемъ въ эту эпоху

былъ реализмъ, но этотъ реализмъ очень часто направлялся искусственно: противъ реализма, какъ направленія вообще, цензура собственно ничего не имѣла, но она всячески оберегала русское общество отъ реальнаго изображенія въ литературѣ народной жизни съ ея крѣпостнымъ строемъ. Если, съ одной стороны, правительство не оставляло мысли о крестьянской реформѣ, доказательствомъ чего служатъ многочисленные секретные и секретнѣйшіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ николаевское царствованіе, то съ другой—оно принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы общество не принимало никакого участія въ обсужденіи этого вопроса, наивно думая разрѣшить его одно, только своими силами. Вслѣдствіе этого русскіе писатели за послѣднія 30 лѣтъ существованія крѣпостного права и не могли сказать о немъ всего того, что должно было сказать.

Однако не въ этомъ только цензурномъ стѣсненіи коренится причина того, что крѣпостное право въ ту эпоху не нашло полнаго изображенія въ русской литературѣ. Вѣдь какъ ни тяжелы были цензурныя условія, а прогрессивная мысль въ русскомъ обществѣ не заглохла, и писатели второй половины этой эпохи—Григоровичъ, Тургеневъ, Герценъ, Некрасовъ—сумѣли дать читателямъ картины изъ жизни крѣпостной деревни. Другая причина разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что для многихъ писателей эпохи 1830—50-хъ гг., и особенно ея первой половины, крестьянскій вопросъ не былъ вполнѣ назрѣвшимъ, требующимъ своего немедленнаго разрѣшенія въ смыслѣ отмѣны крѣпостного права, или, какъ говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій, «главнѣйшая очередная задача времени—улучшеніе быта крѣпостныхъ и подготовка ихъ эмансипаціи (освобожденія),— занимала въ ихъ сознаніи далеко не подобающее мѣсто». Ихъ вниманіе привлекали другіе вопросы, другія стороны русской жизни. Нѣкоторые изъ нихъ на болѣе или менѣе продолжительное время пришли даже къ мысли о необходимости «примиренія» съ русской дѣйствительностью въ виду выяснившейся невозможности бороться съ ея зломъ; стали отрицательно относиться къ «политикѣ», увлекшись вопросами философіи, искусства, этики (ученіе о нравственности). Наконецъ иные не были способны къ роли бойца или обличителя, а изображать жизнь крѣпостного крестьянина въ то время значило уже обличать и бороться.

Совокупностью этихъ преимущественно условій, а потомъ уже вліяніемъ цензурныхъ препятствій, надо объяснять отсутствіе картинъ крѣпостного права въ произведеніяхъ, напримѣръ, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Другими словами, если одни изъ писателей 30—50-хъ гг. не занимались вопросами соціальными и политическими въ силу внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, то другіе—и притомъ наиболѣе видные—не дѣлали этого по внутреннимъ побужденіямъ.

II.

Пушкинъ, расцвѣтъ литературной дѣятельности котораго относится какъ разъ къ царствованію Николая, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ тяжелому положенію крѣпостныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его стихотворенія: «Деревня» и «Вольность». Въ первомъ изъ нихъ поэтъ говоритъ о томъ чувствѣ спокойствія и блаженства, которое охватываетъ его въ деревнѣ; но въ то же время, говоритъ онъ,

...«Мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ...
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
...Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя».

Стихотвореніе заканчивается такимъ энергичнымъ возгласомъ:

«Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!»

Но надо имѣть въ виду, что это стихотвореніе написано въ 1819 г., когда Пушкину было всего 20 лѣтъ. Впослѣдствіи взгляды его на крѣпостное право измѣнились и такихъ бичующихъ словъ изъ-подъ его пера не выливалось. Въ слѣду-

ющемъ, 1820-мъ, онъ еще пишетъ оду «Вольность», въ которой, между прочимъ, говорится:

«Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!
Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній,
И къ славѣ роковая страсть».

Въ замѣткахъ о русской исторіи, относящихся къ 1821—22 гг., онъ говоритъ, что «политическая свобода наша неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ». Но потомъ онъ сталъ говорить, что самая польза помѣщиковъ заставляетъ ихъ заботиться о благосостояніи крестьянъ, увѣряя, что судьба крестьянина «улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія». Дворянство онъ считалъ «необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа». На будущее положеніе крестьянъ онъ смотрѣлъ какъ-то спокойно, какъ бы увѣренный, что все придетъ своимъ чередомъ, а въ 1826 г. написалъ «Стансы», гдѣ говорилъ, имѣя въ виду возстаніе декабристовъ и его подавленіе:

«*Въ надеждѣ славы и добра**)
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни».

И вообще надо сказать, Пушкинъ въ отношеніи его политическихъ взглядовъ не выдѣлялся изъ большинства своихъ современниковъ. Будучи другомъ многихъ декабристовъ, онъ послѣ 14 декабря 1825 г. и особенно послѣ польскаго возстанія 1830 года пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ шли декабристы, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», написанное въ 1831 г.

Въ своихъ большихъ произведеніяхъ Пушкинъ лишь вскользь касается быта крестьянъ. Такъ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», разсказывая о первомъ времени пребыванія Онѣгина въ деревнѣ, онъ говоритъ (II, IV):

«Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобы только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
И *рабъ* судьбу благословилъ».

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Но и за эту невинную реформу, произведенную отъ нечего дѣлать, а не по внутреннему сознанію ея необходимости, Онѣгинъ, по словамъ Пушкина, попалъ въ разрядъ «опаснѣйшихъ чудаковъ».

Затѣмъ, перечисляя гостей Лариныхъ (V, XXVI), Пушкинъ говоритъ иронически:

«Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ *превосходный*,
Владѣлецъ *нищихъ* мужиковъ».

Вотъ въ сущности и все, что мы находимъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» о бытѣ крестьянъ. Вопроса о крѣпостномъ правѣ Пушкинъ отчасти касается въ «Дубровскомъ», рисуя тяжелую участь крестьянскихъ дѣвушекъ въ ту эпоху. Въ «Капитанской дочкѣ» была глава (выпущенная цензурой), въ которой описывался бунтъ крестьянъ въ одномъ помѣстьѣ въ эпоху Пугачевщины.

Въ уцѣлѣвшихъ главахъ повѣсти крѣпостному праву и крѣпостнымъ крестьянамъ удѣлено мало вниманія.

Симпатичный образъ типичнаго крѣпостного слуги Пушкинъ вывелъ въ лицѣ Савельича. Онъ всей душой, и не за страхъ, а за совѣсть, преданъ Гриневу и готовъ ради него пожертвовать всѣмъ; такъ, онъ проситъ Пугачева оставить живымъ его барина, а «для примѣра, страха ради» казнить хоть его, старика. Онъ не покидаетъ молодого Гринева въ самыя трудныя минуты жизни, всюду слѣдуя за нимъ. Онъ зорко бережетъ господское добро, подаетъ Пугачеву списокъ расхищенныхъ его сподвижниками вещей, требуя удовлетворенія, и не думаетъ, что этотъ поступокъ могъ стоить ему жизни. На слова Пугачева: «Я те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живаго *) кожу велю содрать на тулупы?» онъ отвѣчалъ: «Какъ изволишь, а я—человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ буду отвѣчать». И вотъ этому-то преданному слугѣ отецъ Гринева пишетъ, узнавъ о дуэли сына, письмо съ укорами за то, что онъ не донесъ ему о сынѣ и его проказахъ, и называетъ Савельича въ этомъ письмѣ «старымъ псомъ», угрожая разжаловать его въ свинопасы. Савельичъ обидѣлся за это названіе, но самъ въ отвѣтномъ письмѣ барину назвалъ себя рабомъ и вѣрнымъ холопомъ.

---

[1]) «. . . . аго» по Пушкину.

Взаимныя отношенія помѣщиковъ Гриневыхъ и ихъ крестьянъ изображены Пушкинымъ очень патріархальными. Крестьяне примыкаютъ къ мятежникамъ не по злобѣ на господъ, а по наивности, даже глупости, и невѣжеству. «Бунтъ ихъ,—говоритъ Пушкинъ,—былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія». Гриневъ надѣялся, что крестьяне пощадятъ его родителей, такъ какъ, по его словамъ, его мать они обожали, а отца, несмотря на его строгость, любили, по-

Дѣвочка (карт. Брюллова).

тому что онъ былъ справедливъ и зналъ ихъ истинныя нужды. Когда бунтъ былъ усмиренъ, старикъ Гриневъ вышелъ къ крестьянамъ и свое обращеніе къ нимъ началъ словами: «Ну, что дураки!»—«дураки» признали свою вину, поклонились и, какъ говоритъ авторъ, «пошли на барщину, какъ ни въ чемъ не бывало».

Молодой Гриневъ, пріѣхавъ въ взбунтовавшуюся родную деревню, «по-отечески», какъ говоритъ авторъ, расправляется съ караульными и старостой, т.-е. даетъ имъ затрещины, и

тѣмъ расчищаетъ путь къ амбару, въ которомъ были заперты его родители и невѣста.

Но все это, конечно, слишкомъ случайно и малозначительно. Не такого отношенія требовалъ къ себѣ столь важный вопросъ, какъ крѣпостное право. Приведенныя выдержки показываютъ, что Пушкинъ хорошо понималъ не только душу, но и экономическое положеніе народа, и, тѣмъ не менѣе, онъ не выступилъ со всей силой своего геніальнаго таланта на защиту обездоленныхъ и угнетенныхъ. Объясняется это его общими политическими и соціальными взглядами, въ которыхъ, какъ было указано, онъ шелъ въ ногу съ большинствомъ тогдашняго общества, не проникшагося еще сознаніемъ необходимости полной и немедленной отмѣны крѣпостного права.

Съ другой стороны, надо имѣть въ виду и взгляды Пушкина на задачи поэта и цѣли художественнаго творчества. Стоя на точкѣ зрѣнія «чистаго искусства», чуждаго какой-либо тенденціозности онъ не могъ стать обличителемъ.

Поэтъ эстетической стороны русской дѣйствительности, какъ его принято называть, онъ рисовалъ преимущественно красоту жизни, красоту человѣка, и внутреннюю и внѣшнюю. У него рѣдко можно встрѣтить картину порока или порочнаго человѣка. Такова была натура поэта, и осуждать его за это мы не имѣемъ права.

III.

Великій современникъ Пушкина, Лермонтовъ не могъ «примириться» съ русской дѣйствительностью, съ ея пошлостью и пустотой. Онъ негодовалъ, обличалъ своихъ современниковъ (и не всегда справедливо, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Дума»), но его больше интересовалъ *человѣкъ вообще* съ его внутренней стороны, чѣмъ человѣкъ, какъ членъ общества, какъ представитель того или иного сословія. Съ другой стороны, какъ поэтъ въ высшей степени субъективный, онъ много былъ занятъ самимъ собой, своими личными переживаніями и отражалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

Въ его сочувствіи простому народу не можетъ быть сомнѣній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе «Родина», въ которомъ онъ выражаетъ любовь къ царству *«печальныхъ деревень»*, затѣмъ драма «Странный человѣкъ», изображающая

крѣпостное право очень мрачными красками. Такъ, здѣсь одинъ крестьянинъ жалуется на тяжелую жизнь: помѣщица сѣчетъ ихъ за всякую малость, часто безъ всякой вины; управляющій дѣлаетъ все, что хочетъ; одному мужику, собиравшемуся жаловаться на него въ городѣ, онъ приказываетъ такъ вывертывать руки на станкѣ, что тотъ перестаетъ ими владѣть. По приказу барыни одному крестьянину выщипываютъ бороду по волоску, горничную она сама колетъ ножницами.

Но и Лермонтовъ, подобно Пушкину, въ силу особенностей своей натуры и своего таланта, не выразилъ того протеста противъ крѣпостного права, который встряхнулъ бы все общество и сдвинулъ бы вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной неволи съ той мертвой точки, на которой онъ стоялъ и при Александрѣ I и при Николаѣ I.

Деревенская красавица (карт. Венеціанова).

Другой великій современникъ Пушкина—Гоголь—былъ обличителемъ, проповѣдникомъ по натурѣ, но и онъ не далъ картины жизни крѣпостной деревни ни въ первую половину своей литературной дѣятельности, относящуюся къ 30-мъ гг., когда онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ писателей изъ школы идеалистовъ-романтиковъ, ни во вторую, падающую на 40-е гг., когда онъ вышелъ на самостоятельную дорогу. Его разсказы изъ малороссійской жизни, которыми онъ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ, не даютъ картины жизни малороссійской деревни его времени. Вѣдь и въ Малороссіи въ то время было крѣпостное право (оно окончательно устанавливается здѣсь съ царствованія Екате-

рины II), но Гоголь не обмолвился объ этомъ ни однимъ словомъ; жизнь малороссійскихъ крестьянъ въ его изображеніи полна поэзіи, веселья и довольства. Во вторую половину своей литературной дѣятельности, отдавшись изображенію человѣческой пошлости въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и создавши безсмертные типы чиновниковъ и помѣщиковъ николаевской Россіи, онъ какъ-то отошелъ отъ народной жизни; если, напримѣръ, въ «Мертвыхъ душахъ» онъ коегдѣ говоритъ о крестьянахъ и ихъ положеніи (напримѣръ, въ главахъ о Маниловѣ, Собакевичѣ, Плюшкинѣ), то не для того, чтобы указать на ихъ тяжелую участь—онъ какъ будто не замѣчаетъ ихъ страданій, а для того, чтобы охарактеризовать «безхозяйственность» того или другого помѣщика. Разсказывая о Маниловѣ, онъ говоритъ слѣдующее—чѣмъ показываетъ свое плохое пониманіе положенія крестьянъ: «Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать».—«Ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что *мужикъ шелъ пьянствовать*».

Въ другихъ произведеніяхъ Гоголя, какъ, напримѣръ, «Иванъ Өедоровичъ Шпонька и его тетушка», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Старосвѣтскіе помѣщики», мы тоже встрѣчаемъ лишь отдѣльныя незначительныя замѣчанія о положеніи крестьянъ. Все это и дало основаніе одному критику сказать, что Гоголь «проглядѣлъ» крѣпостное право. Это, однако, не совсѣмъ точно: Гоголь и смотрѣлъ и видѣлъ, но только придавалъ вопросу о крѣпостномъ правѣ своеобразную постановку. Въ своей книгѣ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», вышедшей въ 1847 году, онъ говорилъ, что власть помѣщика надъ крестьянами установлена самимъ Богомъ, какъ и всѣ власти; онъ утверждалъ, что надо только исправить помѣщиковъ, и въ деревнѣ установится полная благодать. Человѣческую пошлость, неподражаемо обрисованную имъ въ его произведеніяхъ, онъ объясняетъ въ этой книгѣ отсутствіемъ въ людяхъ религіозности и не связываетъ ее съ условіями тогдашней общественной и политической жизни—крѣпостнымъ правомъ, низкимъ уровнемъ просвѣщенія, безобразнымъ чиновничьимъ управленіемъ и проч., тогда какъ именно на фонѣ этихъ общихъ условій и создавались такіе

типы, какъ Сквозникъ-Дмухановскій, Чичиковъ, Собакевичъ и др. При такомъ взглядѣ Гоголя на русскую жизнь онъ не могъ, конечно, стать обличителемъ крѣпостныхъ порядковъ.

Другой сатирикъ этой эпохи—баснописецъ Крыловъ, такъ зло и остроумно осмѣявшій многіе пороки современнаго ему общества, тоже не обличалъ крѣпостное право. Въ его басняхъ мы видимъ и взяточника-судью и казнокрада-воеводу, но не видимъ помѣщика-самодура. Дѣло въ томъ, что Крыловъ не былъ въ числѣ людей, стоявшихъ за освобожденіе крестьянъ; онъ думалъ лишь объ улучшеніи ихъ участи—такихъ людей было большинство въ то время. Своей басней «Листы и корни» онъ только напомнилъ обществу и въ частности — дворянству, которое въ баснѣ надо разумѣть подъ листьями, о важномъ значеніи крестьянскаго сословія, которое онъ сравниваетъ съ корнями дерева, и заканчиваетъ басню такимъ обращеніемъ къ листьямъ: «а если корень изсушится,—не станетъ дерева, ни васъ».

IV.

Книга Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» вызвала страстныя нападки на автора. Наиболѣе рѣзкая отповѣдь—и не во всемъ справедливая, такъ какъ Гоголь, во всякомъ случаѣ, *искренно* писалъ то, что думалъ,—исходила отъ Бѣлинскаго. Появись эта книга лѣтъ на 10 раньше, она, быть-можетъ, не была бы встрѣчена такимъ, почти всеобщимъ, негодованіемъ. Дѣло въ томъ, что общественное настроеніе 40-хъ гг. было не то, что въ 30-е гг.; особенно ярко это отразилось въ міросозерцаніи, напримѣръ, Бѣлинскаго, который въ 1840—41 гг. распростился съ отвлеченной нѣмецкой философіей и подпалъ вліянію французскихъ писателей, занятыхъ всецѣло живыми общественными вопросами. Такой же переворотъ пережили въ то время и другіе передовые мыслящіе люди. Вмѣсто недавняго «примиренія» съ дѣйствительностью ей объявляется теперь рѣшительная война,—вопросы соціальные и экономическіе выступаютъ на первый планъ. Періодъ затишья въ общественномъ настроеніи—30-е гг., смѣнялся временемъ усиленной работы. Преслѣдованіе свободной мысли въ 30-хъ гг. не могло совершенно ее заглушить; наоборотъ, казалось, чѣмъ сильнѣе было «дѣйствіе», тѣмъ рѣшительнѣе становилось «противодѣйствіе». Чѣмъ

настойчивѣе правительство и державшіе его сторону писатели твердили о незыблемости тогдашняго строя Россіи и его какихъ-то необыкновенныхъ достоинствахъ *), тѣмъ чаще люди, не привыкшіе плясать подъ чужую дудку, должны были обращаться къ изученію этого строя, къ его критикѣ, чтобы доказать несостоятельность его восхваленій. Такимъ образомъ наболѣвшіе вопросы русской жизни вопреки желанію правительства, но по его же собственной винѣ, становились предметомъ всеобщаго обсужденія. И всѣ разсуждавшіе на эту тему приходили къ выводу, что тогдашній строй Россіи никуда не годенъ; разногласіе было лишь въ средствахъ, при помощи которыхъ можно бы вывести Россію изъ того тупика, въ который она попала: одни, такъ называемые западники, видѣли выходъ въ слѣдованіи западно-европейскимъ культурнымъ и политическимъ началамъ, другіе, такъ называемые славянофилы, звали назадъ, въ допетровскую Русь, которую они сильно идеализировали. Но и тѣ и другіе, повторяемъ, сходились на мысли, что дальше такъ жить нельзя.

Эта перемѣна въ общественномъ настроеніи отразилась и на литературѣ 40-хъ гг., и теперь, по словамъ одного ея историка, «художественное творчество входитъ непосредственно въ область общественныхъ вопросовъ». Такъ какъ наиболѣе важнымъ и наболѣвшимъ вопросомъ былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, то естественно, что и онъ находитъ свое выраженіе въ изящной литературѣ 40-хъ гг. То реалистическое направленіе въ нашей литературѣ, которое сложилось еще въ 30-е гг. и освѣтило яркимъ свѣтомъ жизнь верхнихъ слоевъ русскаго общества, было приложено теперь къ изображенію жизни низовъ («Запутанное дѣло» Салтыкова, «Бѣдные люди» Достоевскаго и др.), и въ частности—къ изображенію жизни «мужика». Борьба двухъ художественныхъ теорій—«искусство для искусства» и «искусство—проповѣдничество»—заканчивается теперь побѣдой второй изъ нихъ, и литературная дѣятельность становится поприщемъ общественнаго служенія. Гуманное отношеніе къ человѣку, при-

---

*) Шефъ жандармовъ Бенкендорфъ говорилъ, напримѣръ, писателю и философу Чаадаеву, стремясь его «образумить»: «Прошлое Россіи было достойно удивленія, ея настоящее болѣе нежели великолѣпно; что же касается будущаго ея, то оно выше всего, что только можетъ вообразить себѣ самое смѣлое воображеніе; вотъ съ какой точки зрѣнія, милый мой, надо понимать и писать исторію Россіи».

сущее русской литературѣ и раньше и выразившееся, напримѣръ, въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Капитанской дочкѣ» Пушкина, въ «Героѣ нашего времени» Лермонтова (по отношенію къ Максиму Максимычу и Бэлѣ), въ «Шинели» Гоголя, теперь все усиливается, доходя еще черезъ 2 десятилѣтія до настоящаго преклоненія передъ «мужикомъ». Не даромъ Достоевскій говорилъ потомъ: «Всѣ мы вышли изъ-подъ гоголевской шинели».

И все это, несмотря на то, что цензурныя условія 40-хъ и первой половины 50-хъ годовъ были не легче, чѣмъ въ 30-е гг.! Послѣ взрыва революціоннаго движенія въ Западной Европѣ въ 1848 г. цензура даже стала еще строже,—для надзора за литературой были учреждены особые чрезвычайные комитеты съ чрезвычайными полномочіями. Профессоръ Грановскій, какъ бы выражая общее угнетенное настроеніе, не разъ повторяетъ послѣ смерти Бѣлинскаго въ 1848 г.: «Благо Бѣлинскому, умершему во-время». Въ эти годы вызывало подозрѣніе и неудовольствіе критическое отношеніе даже къ самому далекому русскому прошлому, напримѣръ, къ вопросу о призваніи варяговъ, такъ какъ казалась подозрительной всякая критика вообще. А тѣмъ не менѣе, безпокойный духъ анализа, критики проникалъ все преподаваніе тогдашнихъ молодыхъ ученыхъ, привозившихъ изъ-за границы духъ вольномыслія и скептицизма.

Итакъ, несмотря ни на что, ростъ недовольства окружающей дѣйствительностью въ русскомъ обществѣ 40—50-хъ гг. все увеличивался, и цѣлый рядъ писателей съ конца 40-хъ гг. выступаетъ съ произведеніями, посвященными крѣпостному праву, о которомъ заговорили въ 1846—47 гг. и въ правительственныхъ кругахъ подъ вліяніемъ усилившагося недовольства крестьянъ, выражавшихъ его частыми бунтами.

Первымъ, по времени выхода въ свѣтъ, произведеніемъ, посвященнымъ изображенію крѣпостного быта, была повѣсть Григоровича «Деревня». Она появилась въ концѣ 1846 г. и сразу обратила на себя всеобщее вниманіе.

Въ этой повѣсти Григоровичъ изобразилъ печальную судьбу крестьянской дѣвушки, сироты Акулины. Рисуя ея чуткую и нѣжную душу, онъ показываетъ, въ какихъ невыносимо-тяжелыхъ условіяхъ прошли ея дѣтство и юность. Всѣ, кому было не лѣнь, бранили бѣдную Акулину, а подчасъ и били. По прихоти барина она была выдана замужъ, противъ своей

воли и противъ воли своего будущаго мужа и его родителей. Жизнь въ замужествѣ, съ пьяницей-мужемъ и его сварливыми тетками, представляла сплошную цѣпь физическихъ и нравственныхъ мученій. Не перенеся такой жизни, Акулина въ чахоткѣ умираетъ, страдая не столько отъ физическихъ мученій и нежеланія разставаться съ жизнью, сколько отъ безпокойства за судьбу своей дочки Дуни, ея единственной отрады при жизни. Повѣсть заканчивается тяжелой картиной похоронъ Акулины: пьяный Григорій въ мятель и вьюгу мчитъ по сугробамъ снѣга, не разбирая дороги, гробъ съ тѣломъ покойной жены, а за нимъ бѣжитъ, несмотря на грозные окрики отца, Дунька: «А вьюга между тѣмъ становилась все сильнѣе да сильнѣе; снѣжные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали младенца и забивались ему подъ худенькую его рубашонку, и обдавали его посинѣвшія ножки, и повергали его въ сугробы... но онъ все бѣжалъ, бѣжалъ»...

Въ повѣсти Григоровича не мало недостатковъ, главнымъ изъ которыхъ является то, что авторъ какъ-то не знаетъ чувства художественной мѣры; картина русской деревни въ повѣсти слишкомъ мрачна—въ ней мы не найдемъ ни одного свѣтлаго пятна. Чувствуется, что авторъ прежде всего хочетъ растрогать, разжалобить читателя. Конечно, тѣ черты, которыми онъ характеризуетъ тогдашнюю деревню—грубость, невѣжество, жестокость, пьянство—свойственны той эпохѣ, но нельзя въ то же время сказать, что ни одного свѣтлаго явленія въ жизни этой деревни не бывало. Тѣмъ не менѣе, повѣсть нравилась своимъ народолюбіемъ и тѣмъ, что изображала крестьянина въ его сѣрой, повседневной жизни. Цѣнили въ ней также то юмористическое освѣщеніе, въ которомъ она изображала помѣщика—по тѣмъ временамъ и это «дѣлало фуроръ» (слова Достоевскаго).

За этой повѣстью вскорѣ послѣдовала другая: «Антонъ-Горемыка». Отличаясь въ общемъ тѣми же недостатками, какъ и первая повѣсть Григоровича, она опять-таки привлекла всеобщее вниманіе своимъ народолюбіемъ, и, по словамъ современниковъ, не мало слезъ было пролито тогда надъ страницами «Антона-Горемыки».

Протеста противъ крѣпостного права, какъ фундамента, на которомъ держался весь строй тогдашней жизни, нѣтъ въ сущности и въ этой повѣсти; всѣ злоключенія Антона совершаются по винѣ управляющаго, который, пользуясь отсут-

ствіемъ господъ, всячески притѣсняетъ его за то, что тотъ, по просьбѣ односельчанъ, написалъ когда-то на него жалобу барину,—жалобу, не дошедшую даже до барина. Этимъ авторъ какъ бы хочетъ сказать, что, если бы баринъ жилъ въ деревнѣ, стоялъ ближе къ своимъ крестьянамъ, то и жизнь ихъ была бы иная, что суть дѣла какъ будто не въ крѣпостномъ правѣ, а въ неисполненіи помѣщикомъ своего прямого назначенія. Не надо, впрочемъ, упускать изъ виду, что автору повѣсти приходилось сильно считаться съ цензурными условіями. Въ началѣ цензура даже совсѣмъ не позволяла ее печатать, находя, что «бѣдственное состояніе крестьянина представлено въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ», но благодаря заступничеству цензора Никитенко ее пропустили при условіи уничтоженія послѣдней главы, въ которой разсказывалось о возмущеніи крестьянъ, которые зажигаютъ домъ управляющаго и бросаютъ его самого въ огонь. Этотъ же цензоръ сочинилъ и тотъ «благополучный» конецъ, съ которымъ она увидѣла свѣтъ.

Повѣсти Григоровича, безъ сомнѣнія, были важнымъ общественнымъ явленіемъ въ то тяжелое и мрачное время: онѣ будили общественную совѣсть, призывали къ покаянію.

V.

Одновременно съ Григоровичемъ выступилъ со своими разсказами изъ крестьянскаго быта Тургеневъ. Первый изъ нихъ—«Хорь и Калинычъ»—появился въ началѣ 1847 г., а въ 1852 году они уже вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Записки Охотника».

«Записки Охотника» не были боевымъ кличемъ—не въ этомъ ихъ сила и значеніе. Онѣ были первымъ истинно-художественнымъ изображеніемъ внутренняго міра нашего крестьянина. Въ нихъ впервые была раскрыта народная душа, и съ геніальнымъ мастерствомъ показано, какіе богатые запасы силъ таятся въ глубинѣ ея. Большая часть разсказовъ, составляющихъ «Записки Охотника», цѣнна именно съ этой стороны, и если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и есть протестъ, то это протестъ особаго рода: онъ проникнутъ не обличеніемъ, не ненавистью, а любовью къ униженному человѣку.

«Записки Охотника» даютъ цѣлую галлерею крестьянскихъ типовъ. Вотъ практичный, домовитый Хорь, умѣющій приспособиться къ жизни, «административная голова», и рядомъ съ нимъ идеалистъ-мечтатель Калиныч, открытый душою,

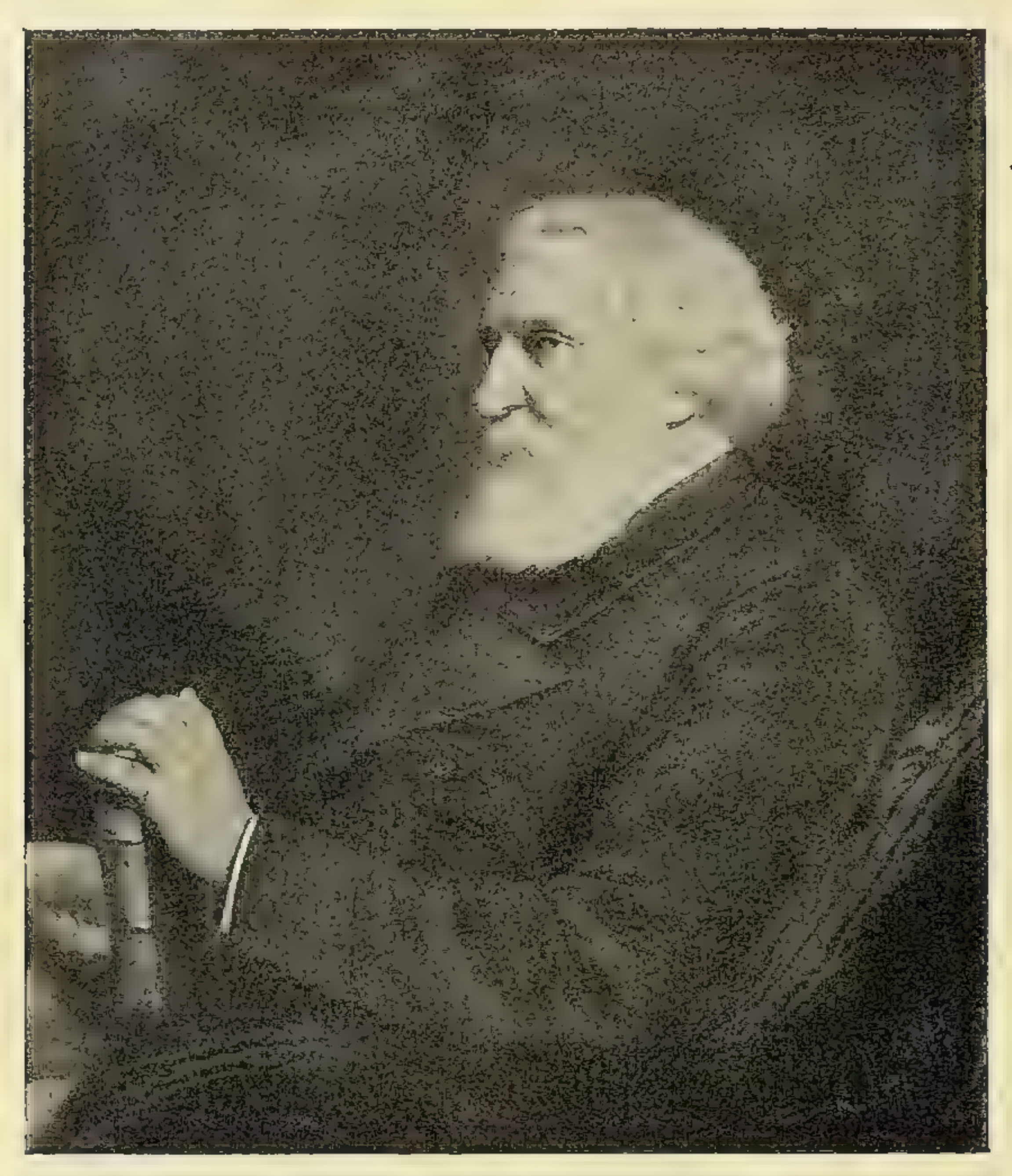
«сердцемъ чистъ», «юродивый» Касьянъ, горячій проповѣдникъ любви и мира, ищущій правды и «земного рая». Разсказъ «Живыя мощи» (написанный, правда, значительно позднѣе) рисуетъ всю необъятную силу долготерпѣнія русскаго народа, основанную на глубокой религіозности. Несчастная Лукерья, напоминающая «живыя мощи», обнаруживаетъ такую душевную чистоту и кротость, такую любовь къ людямъ, до которой могли возвыситься развѣ только древне-христіанскіе подвижники.

Въ «Пѣвцахъ» Тургеневъ показалъ, какое тонкое художественное чувство живетъ въ душѣ народа, но глохнетъ, не имѣя возможности развернуться во всю ширь. «Бѣжинъ лугъ»—тонкій, художественный анализъ души крестьянскихъ ребятишекъ: тутъ передъ нами уравновѣшенный, съ трезвымъ умомъ, но въ то же время фаталистъ—Павлуша, полный мрачнаго мистицизма Илюша, тоже мистикъ, но поэтъ—Костя; все это въ связи съ художественными описаніями природы, въ которыхъ авторъ даетъ почувствовать читателю самое *настроеніе* дня и ночи, производитъ чарующее впечатлѣніе. Разсказы «Ермолай и мельничиха» и «Бирюкъ» рисуютъ людей, внѣшне суровыхъ и грубыхъ, но въ душѣ отзывчивыхъ къ чужимъ страданіямъ. Въ «Бирюкѣ» борьба между чувствомъ долга и состраданіемъ къ ближнему оканчивается побѣдой второго.

Все это было необычно-ново для тогдашняго общества, вызывало чувства удивленія и состраданія и, наконецъ, приводило къ мысли о ненормальности того порядка вещей, при которомъ одинъ *человѣкъ*—а не рабъ, близкій къ животному, какъ думали раньше,—зависитъ отъ другого человѣка. Являлось твердое убѣжденіе, что нельзя людей, надѣленныхъ лучшими сторонами человѣческой природы, лишать человѣческихъ правъ.

Но Тургеневъ не только показалъ въ крестьянинѣ *человѣка*, онъ показалъ и то, какъ часто помѣщикъ перестаетъ быть человѣкомъ, обращаясь въ деспота-самодура. Показалъ онъ это мягко и, такъ сказать, деликатно, не только въ силу внѣшнихъ цензурныхъ условій, но и въ силу своей мягкой, гуманной натуры, не склонной къ рѣзкому протесту и боевому вызову. Цѣлый рядъ разсказовъ въ «Запискахъ Охотника» рисуетъ намъ русскую дореформенную деревню именно съ этой стороны.

Въ разсказѣ «Малиновая вода» передъ нами бывшій дворецкій Туманъ, разсказывающій о своемъ баринѣ-самодурѣ, графѣ Петрѣ Ильичѣ. «Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ, баринъ, и душа была тоже предобрая», разсказываетъ онъ. «Побьетъ, бывало, тебя,—смотришь, ужъ и позабылъ». И вотъ при этомъ баринѣ

И. С. Тургеневъ (портретъ Перова).

судьбой крестьянъ распоряжались «метрески»—его любовницы «изъ низкаго сословія», какъ говоритъ Туманъ. Одна изъ нихъ велѣла забрить лобъ племяннику разсказчика за то, что тотъ пролилъ ей на новое платье шоколадъ. «И не одному ему забрила лобъ», прибавляетъ Туманъ. Дѣлать же это она могла потому, что, по словамъ Тумана, «по щекамъ,

бывало, графа бьетъ». «А все-таки, хорошее было времечко», заканчиваетъ онъ свой разсказъ.

Самодурство помѣщиковъ ярко обрисовано въ разсказѣ «Однодворецъ Овсяниковъ». Мы видимъ тутъ дѣда Тургенева, самовольно захватившаго у отца разсказчика, однодворца Овсяникова, землю и выпоровшаго его за попытку жаловаться. Видимъ помѣщика Комова, на званыхъ вечерахъ у котораго конюха «пріободряли» уставшихъ поющихъ дѣвокъ. Наконецъ, въ этомъ же разсказѣ Тургеневъ показываетъ намъ новый типъ помѣщика-либерала. Помѣщикъ Любозвоновъ желаетъ, повидимому, ближе подойти къ своимъ крестьянамъ, но не умѣетъ этого сдѣлать; онъ думаетъ, что достаточно надѣть простой русскій костюмъ, поговорить съ крестьянами, поддѣлываясь подъ ихъ языкъ, и сближеніе будетъ достигнуто. Но, говоритъ разсказчикъ, онъ «въ собственной вотчинѣ живетъ, словно чужой», и приказчикъ попрежнему обираетъ крестьянъ.

Типъ внѣшне-образованнаго помѣщика, приторно-ласковаго въ обращеніи съ подчиненными, толкующаго о «конституціи», но въ то же время холодно-жестокаго Тургеневъ рисуетъ въ разсказѣ «Бурмистръ». Здѣсь онъ описываетъ намъ такую сцену.

«Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павловичъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? -спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ.

Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой?—спокойно продолжалъ Аркадій Павловичъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павловичъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Pardon, mon cher,—промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера.—Ну, ступай,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— Насчетъ Өедора... распорядиться,—проговорилъ Аркадій Павловичъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ толстый и вышелъ».

Тотъ же Аркадій Павловичъ при видѣ паденія повара, которому заднимъ колесомъ телѣги придавило желудокъ, прежде всего освѣдомился: «цѣлы ли у него *руки?* Получивъ же отвѣтъ утвердительный, немедленно успокоился».

Подобный же типъ выведенъ въ разсказѣ «Два помѣщика».

До чего доходило издѣвательство надъ личностью крестьянина въ эпоху крѣпостного права, показываетъ разсказъ «Льговъ». Выведенный здѣсь крестьянинъ Сучокъ —существо обезличенное, безропотное и безотвѣтное, но благодарящее Бога за то, что подъ старость имѣетъ даровое пропитаніе. Чего только ни испыталъ на своемъ вѣку Сучокъ! Былъ кучеромъ, поваромъ, «кофишенкомъ», актеромъ, доѣзжачимъ, наконецъ, рыболовомъ; когда его взяли въ господскій домъ, то перемѣнили имя—онъ сталъ называться Антономъ, такъ какъ имя Кузьма, полученное имъ при крещеніи, казалось слишкомъ неблагозвучнымъ. Изъ актеровъ въ доѣзжачіе онъ попалъ за то, что убѣжалъ его братъ. За то, что онъ, упавъ съ лошади, зашибъ ее, его выпороли и отдали въ ученье въ Москву.

Не всѣ, однако, крестьяне становились такими, какимъ былъ Сучокъ,—безропотными и незлобивыми, не всѣ, какъ Калинычъ или Касьянъ, могли сохранить лучшія стороны своего характера. Въ другихъ вырабатывались подъ вліяніемъ крѣпостного права самыя дурныя черты характера: льстивость, лицемѣріе, ложь, эгоизмъ и проч.

Къ «Запискамъ Охотника» близко примыкаютъ по содержанію повѣсти: «Муму» и «Постоялый дворъ», написанныя въ 1852 г. и тоже проникнутыя народолюбіемъ.

Цѣлью Тургенева было прежде всего реально изобразить крестьянскую жизнь, вызвать сочувствіе къ народу и показать, какой богатый запасъ нравственныхъ и умственныхъ силъ таится въ простомъ и невѣжественномъ крестьянствѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія ихъ жизни. И эта цѣль была имъ блестяще достигнута, при чемъ особенно помогла ему въ этомъ его полная объективность въ изображеніи быта дореформенной деревни. Поэтому впечатлѣніе, произведенное его разсказами, было еще больше, чѣмъ впечатлѣніе

отъ разсказовъ Григоровича. И не даромъ Александръ II говорилъ, что «Записки Охотника» окончательно укрѣпили его въ намѣреніи освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

VI.

Въ тѣ же самые годы, когда появились повѣсти и разсказы Григоровича и Тургенева, выступилъ со своимъ протестомъ противъ крѣпостного права и Герценъ.

Съ дѣтства въ немъ развилась непреодолимая ненависть ко всякому рабству и произволу, и борьбу съ ними онъ считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни. Въ повѣсти «Сорока-Воровка» онъ вывелъ талантливую актрису изъ крѣпостныхъ, Анету. По прихоти своего владѣльца она попала на сцену, побывала во Франціи, въ Италіи. Особенно сильное впечатлѣніе производила ея игра въ пьесѣ: «Сорока-Воровка». Но ея владѣлецъ, кн. Скарлинскій, поклонникъ искусствъ, видѣлъ въ ней не только талантливую актрису, но и свою рабу. Онъ сталъ ухаживать за ней, добиваясь, чтобы она стала его любовницей. Ея отказъ повлекъ за собой преслѣдованія: князь обращался съ ней на «ты», взвелъ на нее обвиненіе въ развратѣ и проч. Почти на зло князю она полюбила одного артиста и черезъ 2 мѣсяца послѣ того, какъ у нея родился ребенокъ, умерла.

Въ романѣ «Кто виноватъ?» Герценъ разсказываетъ, какъ помѣщикъ Негровъ, принудивъ свою крѣпостную дѣвушку стать его любовницей, затѣмъ приказываетъ своему камердинеру жениться на ней. Здѣсь же выведена барыня, которая занималась продажей парней въ рекруты, не стѣсняясь очередью, затѣмъ отдала однажды нѣсколько дворовыхъ дѣвочекъ въ московскій пансіонъ, вырастила изъ нихъ крѣпостныхъ гувернантокъ, которыхъ и опредѣляла въ дворянскія семьи за извѣстную плату, которая, разумѣется, шла въ ея пользу.

Но Герценъ не былъ писателемъ-беллетристомъ, и потому указанныя его произведенія слабы въ художественномъ отношеніи, отличаясь сильной тенденціозностью; продолжая всю свою слѣдующую жизнь бороться съ крѣпостнымъ правомъ и его послѣдствіями, Герценъ облекалъ свой горячій протестъ въ другія формы—въ формы газетной или журнальной статьи.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ затрогивался и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ И. С. Аксакова, напримѣръ, въ поэмахъ «Зимняя дорога» и «Бродяга», гдѣ онъ противопоставлялъ сытыхъ, довольныхъ помѣщиковъ, только на словахъ проявляющихъ свою любовь къ народу,—этому бѣдному, забитому народу.

Новыя темы, появившіяся въ нашей литературѣ въ концѣ 40-хъ гг., не ограничились областью прозы, онѣ проникли и въ поэзію. Въ томъ же году, когда появилась «Сорока-Воровка» Герцена, вышли стихотворенія Некрасова: «Въ дорогѣ», «Псовая охота», «Родина».

Въ первомъ изъ нихъ передъ нами развертывается цѣлая драма въ разсказѣ ямщика. Его жена Груша воспитывалась въ домѣ помѣщика, вмѣстѣ съ его семьей, но оставалась попрежнему крѣпостной. Послѣ его смерти новый владѣлецъ отсылаетъ ее въ деревню, гдѣ она вскорѣ и выходитъ замужъ за того, кому была очередь жениться. Она блѣднѣетъ и худѣетъ, и ямщикъ не понимаетъ, отчего. «Видитъ Богъ, не томилъ я ее безустанной работой... Одѣвалъ и кормилъ, безъ пути не бранилъ, а, слышь, бить—такъ почти не бивалъ, *развѣ только подъ пьяную руку*».

Стихотвореніе «Родина» въ печати появилось лишь въ 1856 г., а раньше ходило по рукамъ въ рукописи. Здѣсь изображается помѣщичья усадьба, гдѣ жизнь хозяина

«Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства.
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій.
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ».

Стихотвореніе «Псовая охота», какъ и появившіяся въ 1856 г. «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго», рисуетъ пошлость и жестокость помѣщиковъ. Той же темѣ посвящена одна строфа стихотворенія «Нравственный человѣкъ» (1847 г.):

«Крестьянина я отдалъ въ повара:
Онъ удался: хорошій поваръ—счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.

Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посѣкъ его, каналью.
Онъ взялъ да утопился: дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла!»

Стихотвореніе «Забытая деревня» (1856 г.) рисуетъ ожиданія крестьянами барина, отъ пріѣзда котораго они ждутъ избавленія отъ притѣсненій бурмистра и главнаго управителя. Глубокой любовью къ народу проникнуто стихотвореніе «Тишина» (1857 г.):

«Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ ни Колизей.

Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ».

Наконецъ великое событіе совершилось, крѣпостное рабство пало, и Некрасовъ посвящаетъ этому событію стихотвореніе «Свобода».

«Родина мать! По равнинамъ твоимъ
Я не взиралъ еще съ чувствомъ такимъ!
Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ! Не узнаешь ты слезъ!
Съ дѣтства ничѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ...
Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.
Такъ! Но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!»

Стихотворенія Некрасова въ художественномъ отношеніи обладаютъ многими недостатками, и еще Бѣлинскій сказалъ: «Что за талантъ у Некрасова и *что за топоръ* этотъ талантъ!» Но по своему идейному содержанію они должны быть поставлены очень высоко.

Совсѣмъ съ другой стороны подошелъ къ крѣпостному праву Гончаровъ. Въ 1849 г. появился его «Сонъ Обломова», составлявшій часть вышедшаго черезъ 9 лѣтъ романа «Обломовъ».

Въ этомъ произведеніи Гончаровъ съ необыкновенной яркостью показалъ, какіе люди выростаютъ среди помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ. Его «обломовцы» добродушны и благодушны, но въ то же время лишены какихъ-либо умствен-

ныхъ интересовъ. Всѣ стремленія «обломовцевъ» направлены исключительно на насыщеніе желудка—этотъ вопросъ самый главный въ программѣ всего дня. Съ тонкой ироніей рисуетъ

Н. А. Некрасовъ (портр. Крамского).

Гончаровъ, какъ проходитъ день въ Обломовкѣ, какъ воспитываютъ и учатъ Илюшу, не имѣющаго возможности сдѣлать что-либо даже для самого себя—все дѣлаетъ прислуга.

Да и вообще въ Обломовкѣ никто ничего не дѣлалъ, такъ какъ, говоритъ авторъ, всѣ знали, что «есть въ домѣ ходящее около нихъ и промышляющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ, обуютъ и спать положатъ». Мы видимъ тутъ полное духовное разложеніе дворянства, и для читателя ясно, что причина этого разложенія—крѣпостное право, дающее возможность жить, ничего не дѣлая. Крѣпостное право, такимъ образомъ, оказывалось пагубнымъ не только для крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ. «Обломовъ,—говоритъ одинъ критикъ,—это высшее достигнутое въ нашей литературѣ обобщеніе старой крѣпостной Россіи».

Черезъ 3 года послѣ «Сна Обломова» появилось произведеніе гр. Л. Н. Толстого: «Утро помѣщика». Авторъ рисуетъ тутъ нѣсколько крестьянскихъ типовъ, говоритъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, но не въ этомъ центръ тяжести этой повѣсти. Главное вниманіе автора привлекаетъ самъ помѣщикъ Нехлюдовъ, а не его крѣпостные. Онъ хотѣлъ показать, какъ Нехлюдовъ дошелъ до мысли о томъ, что счастье заключается въ любви и самоотверженіи, а также то, какія онъ терпѣлъ потомъ разочарованія, посвятивши себя работѣ на пользу другихъ (при этомъ гр. Толстой изображаетъ, до нѣкоторой степени, и свою личную душевную драму). Поэтому мы и не встрѣчаемъ тутъ ни прямого, ни скрытаго протеста противъ крѣпостного права.

VII.

Къ концу разсматриваемаго періода русской литературы относится начало литературной дѣятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина, писавшаго преимущественно въ пореформенную эпоху. Салтыковъ, бичевавшій общественные пороки дореформенной и пореформенной Россіи, не могъ, разумѣется, обойти молчаніемъ крѣпостное право. Онъ самъ говорилъ въ разсказѣ «Хищники», написанномъ уже послѣ освобожденія крестьянъ: «Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его. Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, шли *сами*, шли *собственными ногами*, чтобъ

получить это истязаніе или позоръ. Я видѣлъ глаза, которые ничего не могли выражать, кромѣ испуга; я слышалъ вопли, которые раздирали сердце, но за которыми не слышалось ничего, кромѣ физической боли; я былъ свидѣтелемъ звѣрскихъ вожделѣній, которыя разгорались исключительно по поводу куска хлѣба. Въ этомъ царствѣ испуга, физическаго страданія и желудочнаго деспотизма нѣтъ ни одной подробности, которыя бы минула меня, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли». Все это и дало Салтыкову возможность и основаніе обрисовать въ своихъ произведеніяхъ крѣпостной бытъ.

Произведенія Салтыкова, въ которыхъ затронуто крѣпостное право, можно раздѣлить на 3 группы: произведенія, написанныя до 19 февраля 1861 г., произведенія, написанныя въ ближайшіе годы послѣ реформы, и, наконецъ, написанная значительно позднѣе и представляющая какъ бы синтезъ всего предыдущаго—«Пошехонская старина».

Въ произведеніяхъ, написанныхъ Салтыковымъ до 19 февраля, крѣпостному праву удѣлено немного вниманія, главной причиной чего были, повидимому, цензурныя стѣсненія. Именно, онъ касается его въ нѣсколькихъ разсказахъ изъ «Губернскихъ очерковъ», появившихся въ печати въ 1856—1857 гг.

Въ одномъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Обманутый подпоручикъ», Салтыковъ разсказываетъ о продажѣ на своз двороваго Прошки подпоручикомъ Живновскимъ.

Въ разсказѣ «Что такое коммерція» одинъ изъ купцовъ, Инсбурдинъ, повѣствуетъ, какъ онъ достаетъ судорабочихъ. Онъ говоритъ: «Дать писарю сто рублевъ—такъ онъ хошь всю волость за тобой укрѣпитъ. Ну, и выходитъ, что и самъ ты надъ ними будто помѣщикъ. Что Бога гнѣвить, тягости намъ не сколько!»

Изъ разсказа «Аринушка» мы узнаемъ, что у одного нѣмца-управляющаго была жена, страшная ругательница, которая разогнала весь народъ, не кормила его, а работы требовала съ ранняго утра до поздняго вечера. Ея мужъ, по его же собственнымъ словамъ, объ мужиковъ всѣ руки «обшаркалъ», а ей предоставилъ въ полное распоряженіе бабъ и дѣвокъ.

Результатомъ такого управленія было то, что богатѣйшая вотчина пришла въ упадокъ, а мужики сдѣлались разбойниками. Жалобы помѣщику на управляющаго ни къ чему не приводили.

Случай превращенія дворовыхъ крестьянъ въ разбойниковъ разсказывается Салтыковымъ въ очеркѣ «Развеселое житье», напечатанномъ въ 1859 г. и вошедшемъ въ составъ «Невинныхъ разсказовъ».

На громадную роль управляющихъ-нѣмцевъ въ имѣніяхъ русскихъ помѣщиковъ Салтыковъ указываетъ, кромѣ какъ въ выше названномъ разсказѣ «Аринушка», еще и въ разсказѣ «Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ».

Помѣщикъ Буеракинъ хотѣлъ быть благодѣтельнымъ и просвѣщеннымъ «отцомъ» для своихъ крестьянъ, но эта роль ему не удавалась. Постепенно онъ облѣнился и сталъ настоящимъ Обломовымъ; всѣмъ заправлялъ нѣмецъ-управляющій. Послѣдній сѣкъ поголовно всѣхъ крестьянъ, приводя такой мотивъ: «на то и сидѣнье у тебя, чтобъ его стегать». Самъ Буеракинъ сознается, что онъ «то выпоретъ, что называется вплотную, сколько влѣзетъ, то зубы расшибетъ». Однажды по жалобѣ старосты Буеракинъ потребовалъ, чтобы управляющій прекратилъ порку, а затѣмъ даже пригрозилъ ему увольненіемъ. На это нѣмецъ отвѣтилъ Буеракину: «и оставлю имѣніе, но онъ все-таки розги получитъ: заслужилъ и получитъ». И дѣйствительно, староста былъ выпоротъ, но управляющій... остался на своемъ посту.

Иногда управляющимъ сходило съ рукъ совершенно безнаказанно и гораздо большее. Такъ, въ разсказѣ «Неумѣлые» Салтыковъ передаетъ случай, какъ сынъ управляющаго съ пьяными товарищами во время масленицы забилъ до смерти крестьянскую дѣвушку; потомъ участники этого дѣла вывезли тѣло изъ деревни и положили «пообокъ дороги». Когда пріѣхало для слѣдствія отдѣленіе земскаго суда, то оказалось, что никакого убійства не было, а смерть дѣвушки послѣдовала отъ стужи, а рана на головѣ—отъ паденія вискомъ объ землю во время гололедицы. Потомъ пріѣзжали и другіе чиновники, но убійца такъ и не былъ найденъ, хотя его знали всѣ.

Вотъ въ сущности и все, что было написано Салтыковымъ въ обличеніе крѣпостного права до его отмѣны. Но онъ понималъ, что съ отмѣной рабства не пали многіе крѣпостническіе порядки, что врагъ побѣжденъ, но не уничтоженъ. «За работой освобожденія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (II, 383),—слѣдуетъ работа организаціи, и тутъ-то приходится намъ бороться съ препятствіями еще болѣе дѣйствительными, нежели

Охота съ борзыми (карт. Кившенко).

даже тѣ, съ которыми мы боролись во время трудной работы освобожденія». Черезъ нѣсколько строкъ ниже онъ говоритъ, что крѣпостное право не только не умерло, «но мало-по-малу сбрасываетъ съ себя иго распущенности и начинаетъ уже толковать объ организаціи и дисциплинѣ». Поэтому Салтыковъ считалъ далеко не лишнимъ обличеніе крѣпостного права и послѣ его уничтоженія. Произведенія его по этому вопросу, написанныя послѣ 1861 г., настолько важны, что мы должны нѣсколько выйти за хронологическія рамки разсматриваемаго періода русской литературы.

Въ цѣломъ рядѣ очерковъ Салтыковъ обрисовалъ настроеніе помѣщиковъ и крестьянъ ко времени изданія манифеста 19 февраля.

Вотъ передъ нами помѣщица Падейкова (разсказъ «Госпожа Падейкова»), которая считаетъ вольтеріанствомъ слова дворовой Ѳеклуши о томъ, что скоро она будетъ за однимъ столомъ съ барыней сидѣть, и что неизвѣстно еще, кто кому на сонъ грядущій пятки чесать будетъ. Призвавъ Ѳеклушу къ себѣ, г-жа Падейкова «поставила ее передъ лицо свое и предварительномъ тѣлодвиженіемъ дала ей почувствовать разницу между дѣйствительностью и утопіей». Во всякомъ крестьянинѣ и въ каждой бабѣ г-жѣ Падейковой чудится неповиновеніе. Придумывая средства противъ распространенія «вольтеріанства» среди дворовыхъ, она сначала запрещаетъ въѣздъ въ деревню разносчику Фокѣ, потомъ рѣшаетъ прибѣгнуть къ помощи розогъ и, наконецъ, заставляетъ «дѣвокъ» молиться, чтобы *этого зла* (т.-е. освобожденія крестьянъ) не было. Будучи твердо убѣждена, что «у нихъ (т.-е. крестьянъ) и натура такъ создана, что они больше, какъ бы сказать, къ тяжелымъ трудамъ приспособлены, а не то чтобы къ нѣжностямъ, да къ музыкамъ или тамъ объ душѣ что-нибудь побесѣдовать», она до послѣдней минуты не могла повѣрить, что *это* совершится.

Тотъ же вопросъ о тревожномъ состояніи помѣщиковъ и настроеніи крестьянъ передъ реформой затронутъ Салтыковымъ въ очеркахъ «Клевета», «Наши глуповскія дѣла» и «Деревенская тишь». Въ послѣднемъ прекрасно обрисованъ Кондратій Трифоновичъ Сидоровъ, не находящій себѣ мѣста въ своемъ домѣ, который кажется теперь ему сараемъ, не находящій себѣ дѣла и на всѣ грубости прислуги (грубости дѣйствительныя и воображаемыя) отвѣчающій: «ладно!»

Съ другой стороны, Салтыковъ въ произведеніяхъ переходнаго періода продолжалъ, какъ было указано выше, рисовать картины помѣщичьяго произвола при крѣпостномъ правѣ.

Такъ, въ разсказѣ «Нашъ губернскій день» передъ нами «патріархъ-помѣщикъ», въ бояхъ домашнихъ посѣдѣлый, который только что получилъ оброкъ съ возлюбленныхъ домочадцевъ своихъ. Въ названномъ уже выше разсказѣ «Наши глуповскія дѣла» указывается на развратъ помѣщиковъ, которые устраивали цѣлые гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвицъ, называвшихся у нихъ «канарейками», а также указывается на отдачу дѣвокъ въ работу на фабрики, при чемъ помѣщики видѣли въ этомъ «просто доброе дѣло». Въ разсказѣ «Хищники» Салтыковъ указываетъ, что помѣщики, проявляя свой полный произволъ надъ крестьянами, еще требовали благодарности за «науку». «Мы всѣ,—говоритъ онъ,—помнимъ, какъ сѣкли и истязали, и вслѣдъ за тѣмъ заставляли цѣловать истязующую руку», при чемъ «благодарящій обязывался имѣть видъ бодрый и напредки готовый», иначе онъ могъ попасть въ разрядъ нераскаянныхъ и неисправимыхъ, а это доводило «меньшого брата» или до ссылки въ Сибирь или до отдачи въ солдаты. Особенно много такихъ «нераскаянныхъ» было, по словамъ Салтыкова, въ послѣдніе мѣсяцы передъ отмѣной крѣпостного права, когда ихъ толпами приводили въ губернскія правленія и рекрутскія присутствія. На вопросъ, за что ихъ ссылаютъ, слѣдовалъ отвѣтъ: «За ихнюю нераскаянность-съ... Потому, значитъ, помѣщикъ имъ добра желаютъ-съ, а они этого понять не хотятъ». На вопросъ, что же, однако, они сдѣлали, отвѣчали: «Сѣкли ихъ, значитъ... ну, а они, замѣсто того, чтобъ благодарить за науку, совершенно, значитъ, никакого чувствія»...

Случай безсмысленной, самодурной жестокости разсказанъ Салтыковымъ въ «Пятомъ письмѣ къ тетенькѣ». Майоръ Негодяевъ собиралъ съ деревни бабъ и дѣвокъ, раздѣвалъ ихъ и приказывалъ мужикамъ ихъ сѣчь. Когда однажды мужикъ засѣкъ бабу, говоря при этомъ майору: «неладно ты, майоръ, эко дѣло затѣялъ», то въ Сибирь пошелъ не Негодяевъ, а мужикъ за... грубость.

Но особенно сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ «Миша и Ваня, забытая исторія», появившійся въ 1863 году. Герои этого разсказа, дворовые мальчики Миша и Ваня, рѣшились покончить съ собой, не будучи въ состояніи выно-

сить побои и притѣсненія господъ; ночью они пробрались въ ближайшій оврагъ, чтобы тамъ зарѣзаться. Ваня, какъ болѣе рѣшительный и смѣлый, зарѣзалъ себя насмерть, у Миши же рука, очевидно, дрогнула, и онъ только ранилъ себя. Не менѣе трагична была судьба сестры Миши, дворовой дѣвушки Ольги. Обвиненная въ дурномъ поведеніи своей барыней Екатериной Аѳанасьевной и не будучи въ состояніи выносить тяжелую жизнь, она утопилась. Слѣдствіе по этому дѣлу закончилось тѣмъ, что, согласно резолюціи исправника, людей у Екатерины Аѳанасьевны держатъ хорошо и даже кормятъ говядиной, а что Ольга не утопилась, но бѣжала неизвѣстно куда, и что относительно ея есть подозрѣніе въ беременности.

Та же Екатерина Аѳанасьевна, если въ супѣ оказывался таракапъ, призывала повара и приказывала ему тутъ же съѣсть таракана. Но всѣ такіе «фарсы» этой помѣщицы не только не вызывали негодованія сосѣдей, а, наоборотъ, всѣ ее любили, у нея бывалъ весь городъ, и въ присутствіи гостей происходили такія сцены.

— Сенька! поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось; изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вздумалъ!—говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая!—восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Впрочемъ, говоритъ Салтыковъ, продѣлывалось это не изъ злорадства, не изъ желанія причинить Сенькѣ боль, а изъ желанія посмотрѣть, какую онъ скорчитъ рожу, какъ напыжится; просто, прибавляетъ онъ, такое ужъ время юмористическое было.

Въ повѣсти «Господа Головлевы» (1872—76 гг.) Салтыковъ лишь вскользь касается отдѣльныхъ проявленій крѣпостного быта, вскользь говоритъ и о настроеніи помѣщиковъ наканунѣ реформы. Объясняется это тѣмъ, что только начало повѣсти относится къ послѣднимъ годамъ существованія крѣпостного права, главное же ея содержаніе—пореформенная жизнь дворянства. Съ другой стороны, и задачей Салтыкова не было изображеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ: его цѣлью было разсказать въ этомъ произведеніи исторію одной изъ дворянскихъ семей, «надъ которыми, какъ говоритъ Салты-

ковъ, тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе»; онъ хотѣлъ показать, какъ вырождались, и нравственно и физически, дворянскія семьи при господствѣ крѣпостного права, какъ появлялись среди нихъ «коллекціи слабосильныхъ людишекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ празднолюбцевъ и вообще неудачниковъ», «заморышей», неспособныхъ къ жизни и потому погибающихъ при ея первомъ же натискѣ. Но, не нападая въ «Господахъ Головлевыхъ» на крѣпостное право прямо, Салтыковъ дѣлаетъ это косвенно, наглядно показывая, какъ отражалось оно на представителяхъ «первенствующаго» сословія.

Но изъ всѣхъ произведеній Салтыкова для характеристики крѣпостной эпохи особенно важна его «Пошехонская старина». Это произведеніе написано Салтыковымъ въ послѣдніе годы его жизни—1887—89 гг., какъ воспоминаніе о прошломъ. По объему захваченной картины «Пошехонская старина» превосходитъ всѣ другія произведенія русской литературы, посвященныя эпохѣ крѣпостного права. Тутъ передъ читателемъ встаютъ, какъ живые, такіе типы помѣщиковъ-крѣпостниковъ, какъ «пріобрѣтательница» Анна Павловна Затрапезная (главная фигура всей «Пошехонской старины»); тетенька Анфиса Порфирьевна Савельцева, задушенная ключницей и сѣнными дѣвушками; ея мужъ, Николай Потаповичъ, не признававшій другихъ средствъ воздѣйствія, кромѣ нагайки, и попавшій, въ концѣ-концовъ, въ дворовые и шуты къ своей собственной женѣ; «образцовый хозяинъ» Арсеній Потапычъ Пустотѣловъ, бившій нагайкой «по системѣ», и проч. За ними идетъ рядъ болѣе добродушныхъ помѣщиковъ: предводитель дворянства Струнниковъ, оставшійся безъ гроша послѣ 1861 г. и закончившій свою земную карьеру должностью лакея за границей; тетенька Раиса Порфирьевна, по прозвищу «Сластена», и даже идеалистъ-мечтатель 40-хъ годовъ Бурмакинъ.

Кромѣ типовъ помѣщиковъ, «Пошехонская старина» даетъ цѣлую галлерею типовъ дворовыхъ людей: тутъ и крѣпостная по убѣжденію Аннушка, тутъ и отбившійся отъ рукъ Ванька-Каинъ, глубоко-несчастная Мавруша-Новоторка и Матренка, дѣловитый Ѳедотъ и проч.

Наконецъ, Салтыковъ даетъ въ этомъ произведеніи яркую и чрезвычайно типичную картину быта крѣпостныхъ крестьянъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ этой картины трудно взять что-либо на выдержку, какъ наиболѣе типич-

ное, —до того тутъ много замѣчательныхъ, мѣстами прямо геніальныхъ, бытовыхъ сценъ. Картины изъ быта крестьянъ смѣняются картинами быта помѣщиковъ въ самые разнообразные моменты жизни: въ страдную пору и во время зимняго отдыха, въ будничный день и въ праздникъ, и не знаешь, что поставить выше.

«Пошехонская старина»—это отходная умирающему, но не умершему еще во многихъ своихъ проявленіяхъ, крѣпостному строю русской жизни, а что эта отходная вполнѣ объективна, свидѣтельства тому—ученыя изслѣдованія этой эпохи.

Такова была картина крѣпостного быта въ важнѣйшихъ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей 30—50-хъ гг. прошлаго вѣка. Какъ мы видѣли, наша литература въ началѣ этого періода какъ-то нерѣшительно, какъ будто неохотно подходила къ этому вопросу, а то и совсѣмъ его обходила; но съ конца 40-хъ гг., несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, этотъ вопросъ заставляетъ работать въ одномъ направленіи всѣ молодые умы, и эта дружная работа принесла, въ концѣ-концовъ, богатые плоды: цѣпи крѣпостного рабства падаютъ. Это не значитъ, конечно, что литература 1830—50-хъ гг. была причиной паденія крѣпостного права, на это были другія причины, выясняемыя въ другой статьѣ. Но можно сказать, что наша литература этой эпохи подорвала окончательно *нравствеснные* устои крѣпостного права,—и въ этомъ ея громадная заслуга. Съ другой стороны, въ приверженцахъ отмѣны крѣпостного права она поддерживала рѣшимость довести это дѣло до желаннаго конца, давая въ ихъ руки богатый обличительный матеріалъ. Общественное настроеніе становилось бодрѣе, чувствовался подъемъ силъ.

Яркимъ выраженіемъ того перелома въ общественномъ настроеніи, который совершился въ концѣ 40-хъ гг. явился молодой поэтъ Плещеевъ, выступившій въ 1847 г. со стихотвореніемъ «Впередъ», которое заучивалось наизусть всѣми молодыми представителями литературы.

«Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья.
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй, дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ,
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать.
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ:

За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

«Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ.
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ,
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.
Внемлите жъ, братья, слову брата:
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ, впередъ, и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ».

VIII.

Та смѣна интересовъ и направленій, которая, какъ указано было выше, происходила въ русской литературѣ 30—50-хъ гг. прошлаго вѣка, въ той же приблизительно формѣ и послѣдовательности совершалась и въ литературѣ малорусской этого періода.

Малорусская литература вступила на путь новаго развитія съ конца XVIII в., когда въ исторіи Малороссіи совершился цѣлый рядъ важныхъ перемѣнъ: падаетъ Польша, восточная Украйна соединяется съ западной подъ властью Россіи, въ Малороссіи окончательно устанавливается крѣпостное право, во многомъ мѣняются экономическія отношенія. Одновременно съ этими перемѣнами соціально-экономическаго характера совершается важный культурный переломъ: появляется интересъ къ малорусской старинѣ, возникаетъ мысль о возрожденіи малорусской національности, подъ вліяніемъ чего въ началѣ XIX в. дѣлается первая запись казацкихъ «думъ».

Новымъ культурнымъ вѣяніямъ, возникшимъ въ Малороссіи въ концѣ XVIII в., какъ разъ отвѣчало произведеніе Котляревскаго «Перелицованная Энеида», годъ появленія котораго—1798-й—и считается начальнымъ моментомъ новой украинской литературы. «Энеида» Котляревскаго была написана совершенно чистымъ народнымъ языкомъ, проникнута любовью къ роднѣ и простому народу. Этотъ послѣдній мотивъ

сдѣлался господствующимъ во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ малорусской литературы XIX в.

Но до 30-хъ гг. прошлаго столѣтія малорусская литература была недостаточно реальна, и изображеніе жизни крестьянства носило на себѣ печать романтизма. Это вліяніе, какъ было указано выше, характеризуетъ и первые разсказы Гоголя изъ малороссійской жизни. Литературная дѣятельность Квитки-Основьяненка, ярко отражавшаго народный бытъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Украинскихъ разсказахъ», усилила реалистическое направленіе въ малорусской литературѣ, но и онъ не чуждъ былъ нѣкотораго сентиментализма въ отношеніи къ народу. Однако важно было въ его произведеніяхъ уже то, что онъ интересовался народомъ и его жизнью. О существованіи такого интереса въ средѣ малорусской интеллигенціи 20—30-хъ гг. прошлаго вѣка свидѣтельствуетъ предпринятое тогда изданіе произведеній малорусской народной поэзіи и широкій интересъ къ украинской археологіи.

Все это подготовило почву для дѣятельности виднѣйшаго представителя малорусской литературы 40—50-хъ гг. прошлаго вѣка—Шевченка. Онъ окончательно поставилъ родную литературу на новый путь развитія, освободилъ ее изъ тѣснаго круга мѣстныхъ интересовъ и, внеся въ нее вопросы, волновавшіе Западную Европу и Россію, ввелъ ее, по словамъ одного критика, въ кругъ литературъ цивилизованнаго человѣчества.

Горячій патріотъ, Шевченко любилъ Украйну не слѣпой любовью: описывая ея прошлую судьбу и современную неволю, онъ не закрывалъ глазъ на темныя стороны народной жизни. Но что бы онъ ни описывалъ, онъ всюду вносилъ присущій ему въ высшей степени духъ гуманности, о чемъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, стихотворенія: «Воетъ вѣтеръ, злится вьюга», «Сиротка» и др.

Любя народъ и на опытѣ своей собственной жизни узнавъ его горести и нужды *), Шевченко не могъ не затронуть въ своихъ произведеніяхъ, несмотря на всѣ цензурныя строгости, вопроса о крѣпостномъ правѣ. Можно даже сказать,

*) Шевченко былъ крѣпостнымъ помѣщика Энгельгарда, у котораго онъ былъ выкупленъ за 2.500 р. стараніями Жуковскаго и художника Брюллова.

что онъ поставилъ этотъ вопросъ опредѣленнѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему русскихъ писателей. Шевченко мечталъ о всеобщемъ равенствѣ, мечталъ о времени, когда на Украйнѣ не будетъ дѣленія на холоповъ и пановъ, а всѣ будутъ только «люди», и онъ вѣрилъ, что такое время наста-

Т. Г. Шевченко (портр. Крамского).

нетъ, и что «невольничьи дѣти будутъ молиться на волѣ» Свободу Шевченко ставилъ выше всего, и потому завидовалъ даже киргизамъ (въ близкомъ сосѣдствѣ съ которыми ему пришлось прожить во время своей ссылки за участіе въ культурно-политическомъ обществѣ «Кирилло-Меѳодіевское брат-

ство»), такъ какъ они, «хоть и голы, но зато живутъ на волѣ», а Шевченкѣ было запрещено не только писать, но и рисовать. Особенно проникнуты ожиданіемъ «воли» его стихотворенія 1860 года, но до объявленія манифеста 19 февраля 1861 года онъ такъ и не дожилъ, скончавшись въ февралѣ 1861 года и не проживъ, такимъ образомъ, на свободѣ полныхъ 4-хъ лѣтъ, такъ какъ онъ вернулся изъ десятилѣтней ссылки осенью 1857 г.

Романтикъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ 30-хъ годовъ, Шевченко съ самаго начала 40-хъ годовъ вступаетъ на путь реализма и не покидаетъ его до конца жизни, когда онъ нашелъ себѣ единомышленника и сподвижника въ Маркѣ Вовчкѣ, въ разсказахъ котораго, появившихся на малорусскомъ языкѣ въ началѣ царствованія Александра II, были ярко вскрыты язвы крѣпостного права.

Сборникъ стихотвореній Шевченка подъ заглавіемъ «Кобзарь» появился впервые въ 1840 г. Въ «Кобзарѣ» отразились какъ самое крѣпостничество, такъ и солдатчина съ ея невзгодами, и воспоминанія о казацкой вольности. Несмотря на то, что на отдѣльныхъ стихотвореніяхъ Шевченка можно прослѣдить вліяніе Пушкина, Мицкевича и др., онъ является въ «Кобзарѣ» вполнѣ самобытнымъ и національнымъ писателемъ. Какъ же и какими чертами онъ изображаетъ тутъ крѣпостное право?

Шевченко, съ одной стороны, изображаетъ симпатичными чертами крестьянъ, а съ другой—не жалѣетъ мрачныхъ красокъ для характеристики помѣщиковъ, не нарушая, однако, исторической правды. Первые всегда готовы на самопожертвованіе, прощаютъ своихъ притѣснителей, способны глубоко и искренно любить; вторые—эгоисты, насильники, для которыхъ всякая ихъ прихоть—законъ.

Въ стихотвореніи: «Не спалось, а ночь, какъ море»... передается разговоръ двухъ солдатъ-часовыхъ. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ, какъ онъ, бывшій крѣпостной, за любовную связь съ барыней былъ отданъ бариномъ въ солдаты. Другой говоритъ, что онъ хотѣлъ жениться на одной дѣвушкѣ, но баринъ не согласился на это, сказавъ, что она еще мала. Черезъ годъ онъ потребовалъ за нее 500 руб., и разсказчикъ рѣшилъ отправиться на заработки, чтобы достать эту сумму. Въ его отсутствіе эта дѣвушка вступила въ связь съ баричемъ, имѣла ребенка, но утопила его въ колодцѣ и была сослана въ Сибирь. Разсказчикъ хотѣлъ мстить баричу и однажды,

схвативъ ножъ, бросился изъ хаты къ барскому дому, но оказалось, что барича увезли въ Кіевъ, а онъ добровольно пошелъ въ солдаты. Онъ хотѣлъ спалить барскій домъ, покончить съ собой, «да, говоритъ онъ, Богъ миловалъ». И хотя теперь этотъ баричъ служитъ въ ихъ полку, онъ на совѣтъ собесѣдника покончить съ нимъ отвѣчаетъ, что не хочетъ мстить:

«Нѣтъ, пусть! Господь поможетъ
Забыть. Не буду вспоминать!..»

Такими же симпатичными чертами обрисованы казакъ въ стихотвореніи: «Межъ скалами, какъ будто бы злодѣй» и Петруша, герой стихотворенія того же имени.

Тотъ же мотивъ—широкая способность крестьянъ къ самопожертвованію и защитѣ поруганной чести собрата—звучитъ въ стихотвореніяхъ: «Я нерѣдко слышу рѣчи» и «Изъ-за лѣсу солнце всходитъ».

Стихотвореніе «Варнакъ» разсказываетъ о судьбѣ дворсвого крестьянина, который потомъ сталъ разбойникомъ. Еще въ дѣтствѣ онъ былъ взятъ въ барскій домъ и учился вмѣстѣ съ барчатами. Но удѣлъ крестьянъ, «невольниковъ въ жизни», по словамъ Варнака, въ томъ, чтобы смиряться, страдать, молиться и работать. Когда ученье кончилось, его не отпустили на волю и не позволили жениться. Мало того: сѣдой возлюбленный старой барыни погубилъ его невѣсту. Но вотъ вернулись въ деревню барчуки, чтобы сыграть здѣсь свадьбу. Передъ свадьбой они «шутили».

« . . . Съ тоски
До свадебъ тѣшились, гуляли
По паркамъ, пѣли, въ банкъ играли,
Да красныхъ дѣвокъ безъ стыда,
Смѣясь, въ селѣ перебирали...
Простое дѣло—господа!

И вотъ Варнакъ съ товарищами перебили въ паркѣ господъ, возвращавшихся со свадьбы. Самъ онъ потомъ бѣжалъ, сдѣлался разбойникомъ и жестоко мстилъ панамъ.

Такъ, по словамъ Шевченка, крестьяне дѣлались преступниками *). Уже изъ названныхъ стихотвореній, рису-

*) На крайне тяжелую жизнь народа и безсердечную эксплуатацію помѣщиковъ указываютъ также стихотворенія «Сонъ», заключающее нѣсколько рѣзкихъ выпадовъ противъ крѣпостного права, «По улицѣ вѣтеръ вѣетъ» и «Когда бъ вы знали, панычи».

ющихъ крестьянъ и ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ, видно, насколько отрицательно Шевченко относился къ помѣщикамъ той эпохи. Но еще рѣзче это отрицательное отношеніе выступаетъ въ стихотвореніи «Князь». Самого князя и его времяпровожденіе онъ такъ характеризуетъ:

«Пьянъ князь и гости пьяны,—
И повалились на диваны.
А завтра снова оживутъ,
И вновь кутятъ, и снова пьютъ.
И такъ за днями дни другіе
Мелькаютъ. Души крѣпостныя
Ужъ и не стонутъ, а пищатъ;
Въ судахъ за князя Бога молятъ,
А гости, знай, себѣ изволятъ
Имъ восторгаться, знай кричатъ:
«Нашъ князь — мужъ правилъ самыхъ строгихъ!
И патріотъ, и братъ убогихъ,
Нашъ славный князь! Виватъ! Виватъ!»

А въ это время прославляемый князь,

«..... патріотъ, убогихъ братъ,
Съ крестьянъ чуть шкуры не сдираетъ,
Послѣдней дочки не щадитъ».

У князя была жена, вышедшая за него замужъ добровольно, но жизнь ея съ такимъ мужемъ сложилась очень несчастливо. Единственнымъ ея утѣшеніемъ и радостью была дочь. Но княгиня вскорѣ умираетъ, и ея дочь остается безъ призора. Потомъ ее отдаютъ въ институтъ. Въ ея отсутствіе князь ведетъ прежній разгульный и расточительный образъ жизни.

«А голодъ стонетъ на селѣ...
Онъ стонетъ по Украйнѣ всей —
То Божья кара на людей!
Скирды же панскіе гніютъ,
Паны жидамъ все продаютъ»...

Но вотъ пріѣзжаетъ дочь князя и вскорѣ же начинаетъ скучать. Она была весела,

«... Пока случайно
Не узнала золъ —
Не увидѣла печальныхъ
Разоренныхъ селъ».

Она идетъ въ деревни и всюду несетъ любовь и помощь. Но князь попрежнему кутитъ и однажды, продавъ урожай,

устраиваетъ грандіозную попойку. Въ пьяномъ видѣ онъ забирается въ комнату спящей дочери и совершаетъ надъ ней насиліе. Вскорѣ загорается домъ и уничтожается огнемъ при полномъ равнодушіи собравшихся крестьянъ и гостей. Дочь князя ушла въ монастырь, а онъ доживалъ послѣдніе дни, всѣми брошенный *).

Что Шевченко не видѣлъ въ этомъ князѣ и въ этомъ панѣ какихъ-нибудь исключительныхъ выдающихся извергов, показываютъ, напримѣръ, его стихотворенія: «Мое дружеское посланіе» и «Избушка», въ которыхъ онъ характеризуетъ такъ всѣхъ вообще пановъ.

Въ первомъ изъ названныхъ стихотвореній онъ выражается такъ:

«... И оковами мѣняясь,
Правдою торгуютъ,
И людей въ ярмо впрягая,
Бога унижаютъ;
Пашутъ ими и бѣдою
Поле засѣваютъ».

Тѣмъ не менѣе, условія ссылки Шевченка были такъ тяжелы, что онъ иногда предпочиталъ ей прежнюю неволю.

Но это бывало только въ минуты отчаянія. Обыкновенно всѣ мысли Шевченка неслись впередъ, въ свѣтлое будущее, въ наступленіе котораго онъ твердо вѣрилъ. Въ стихотвореніи «И тутъ и тамъ—кругомъ погано» онъ говорилъ:

«И тутъ и тамъ — кругомъ погано!
... Но часъ придетъ — и солнце встанетъ,
День за собою приведетъ —
И все гнетущее погибнетъ,
И снова правда оживетъ».

Мечты крестьянки о волѣ онъ изобразилъ въ стихотвореніи «Жница». Уставъ отъ работы, жница заснула.

«И снится ей, житьемъ довольный,
Ея Иванъ: пригожъ, богатъ;
На вольной, кажется, женатъ
И потому, что самъ ужъ вольный
Они съ лицомъ веселымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу,

*) Нѣчто подобное Шевченко разсказываетъ въ поэмѣ «Вѣдьма». Изображенный здѣсь панъ дѣлаетъ своей возлюбленной свою же собственную незаконную дочь. Ея мать, брошенная когда-то паномъ на произволъ судьбы, сошла съ ума и прослыла вѣдьмой. Несмотря на свою естественную ненависть къ пану, она, узнавъ о его тяжелой болѣзни, хотѣла помочь ему тѣми средствами, о которыхъ она узнала отъ старой цыганки, но ее не допустили къ пану. Послѣ его смерти она молилась за него и, какъ говоритъ Шевченко, «жила себѣ святой» — учила уму-разуму дивчатъ, лѣчила больныхъ и дѣлилась съ убогими послѣднимъ кускомъ.

А дѣтки имъ обѣдъ несутъ.
И тихо улыбнулась жница.
Потомъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ—дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра».

Вѣрой въ освобожденіе крестьянъ проникнуты и стихотворенія «Сестрѣ» и «Радуйся нива неполотая».

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какъ отразилось крѣпостное право на поэзіи Шевченка. Что касается его прозы, и особенно на русскомъ языкѣ, то она значительно слабѣе стиховъ и имѣетъ меньшее значеніе.

Въ произведеніи подъ заглавіемъ «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали» Шевченко даетъ много интереснаго матеріала для характеристики крѣпостного быта въ Украйнѣ. Такое же значеніе имѣютъ такія произведенія, какъ «Близнецы», «Капитанша» и «Княгиня». Но наиболѣе удачной въ этомъ отношеніи можно признать его повѣсть «Музыкантъ», въ которой онъ изобразилъ тяжелую участь крѣпостныхъ артистовъ, надѣленныхъ способностями и талантами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній есть, кромѣ того, не мало автобіографическаго матеріала, что дѣлаетъ ихъ важнымъ пособіемъ при изученіи личности и творчества украинскаго поэта.

К. Сивковъ.

Императоръ Александръ II.

(Карт. *Галкина*).

Губернскіе комитеты.

Императоръ Александръ II, раньше мало интересовавшійся крестьянскимъ вопросомъ и примыкавшій въ этомъ вопросѣ скорѣе къ партіи крѣпостниковъ, послѣ окончанія Крымской кампаніи неоднократно заявлялъ въ частной бесѣдѣ съ придворными и нѣкоторыми предводителями дворянства о томъ, что необходимо заняться разрѣшеніемъ этого вопроса. Послѣ же рѣчи государя къ московскимъ дворянамъ, въ которой было сказано, что «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ уничтожаться само собой снизу», было ясно для дворянъ, что правительство въ это царствованіе обязательно приступитъ къ уничтоженію въ той или иной формѣ крѣпостного права.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой рѣчи Александръ II поручаетъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому заняться составленіемъ общаго плана крестьянской реформы, «дабы дѣйствовать систематически и съ должною осторожностью». Тогда же былъ образованъ секретный комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, членами котораго были назначены наиболѣе приближенные царедворцы, частью упорные поклонники старины, частью лица индиферентныя къ крестьянскому вопросу. Ланской былъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе: онъ очень мало понималъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, а между тѣмъ ему нужно было представить государю опредѣленный планъ реформы. Ланской тогда находитъ такой выходъ. Въ докладѣ, составленномъ товарищемъ министра внутр. дѣлъ Левшинымъ, онъ представилъ государю лишь самыя общія основанія реформы и предложилъ теперь же объявить дворянамъ, что правительство будетъ производить реформу на этихъ основаніяхъ. Въ запискѣ предлагалась безвозмездная отмѣна лич-

наго закрѣпощенія крестьянъ. При освобожденіи крестьяне получаютъ въ пользованіе извѣстный земельный участокъ за опредѣленныя повинности. Далѣе, авторъ записки предлагалъ предоставить крестьянамъ право выкупать уже въ собственность усадьбы съ огородомъ и предусадебными землями. Болѣе же подробныя условія улучшенія участи крестьянъ Ланской предлагалъ поручить выработать самимъ дворянамъ въ образованныхъ для этой цѣли губернскихъ комитетахъ. Александръ II сочувственно отнесся къ этому проекту. Считая дворянъ наиболѣе заинтересованными въ этой реформѣ, государь хотѣлъ, чтобы «благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами бы сказали, въ какой степени они полагаютъ возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ для обѣихъ сторонъ неотяготительныхъ и человѣколюбивыхъ». Несмотря на свое неизмѣнное желаніе провести реформу, Александръ II все-таки не рѣшался путемъ давленія со стороны правительства произвести такой сильный переломъ въ дворянскомъ быту безъ добровольно выраженнаго согласія на это дворянъ. Поэтому въ этомъ дѣлѣ онъ ждалъ почина со стороны самихъ дворянъ.

Скоро въ Петербургъ пріѣхалъ литовскій генералъ-губернаторъ Назимовъ съ прошеніемъ на Высочайшее имя отъ литовскаго дворянства. Во всеподданнѣйшемъ прошеніи дворянъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній высказывалось желаніе образовать на мѣстѣ губернскій комитетъ изъ дворянъ для разсмотрѣнія крестьянской реформы. Литовское дворянство, недовольное инвентарями, введенными при Николаѣ I, опредѣлявшими отношеніе крестьянъ къ помѣщику, предполагало освободиться отъ нихъ путемъ пересмотра крестьянскихъ отношеній. Въ этомъ прошеніи литовскихъ дворянъ Александръ II увидѣлъ первое открыто выраженное желаніе дворянъ приступить къ реформѣ. Въ отвѣтъ на это 20 ноября 1857 г. былъ данъ рескриптъ на имя литовскаго генералъ-губернатора, въ которомъ разрѣшалось дворянамъ этихъ губерній теперь же приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ, для чего повелѣно было образовать въ каждой губерніи дворянскіе комитеты. Но, такъ какъ эти дворяне желали освободить своихъ крестьянъ безъ земли, что императоръ считалъ губительнымъ не только для крестьянъ, но и для всего государства, то въ этомъ же рескриптѣ были указаны слѣдующія главныя начала, которыя обяза-

тельно должны быть положены въ основаніе комитетскихъ проектовъ. Эта программа является повтореніемъ доклада Ланского: 1) вся земля остается собственностью помѣщика; крестьянамъ уступается усадьба, которую они выкупаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени, а для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ими обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками они получаютъ въ пользованіе извѣстное количество земли, за которую они должны платить оброкъ или работать на помѣщика; 2) крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; вотчинная же власть предоставляется помѣщику; 3) при новомъ устройствѣ крестьянъ должна быть обезпечена исправная уплата государственныхъ податей и земскихъ сборовъ. Изъ рескрипта и разъясненій къ нему министра внутреннихъ дѣлъ выяснялось, что освобожденіе крестьянъ будетъ происходить постепенно, и что крестьяне, прежде чѣмъ стать окончательно свободными, должны нѣкоторое время (не больше 12 лѣтъ) пробыть въ переходномъ состояніи, въ продолженіе котораго они должны выкупить усадьбы. Съ разрѣшенія государя копіи съ этого рескрипта были разосланы губернаторамъ и предводителямъ дворянства для свѣдѣнія, втайнѣ же для побужденія дворянъ другихъ губерній къ присылкѣ адресовъ съ изъявленіемъ желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Разсылка этого рескрипта не дала ожидаемыхъ результатовъ: дворянство отвѣчало молчаніемъ.

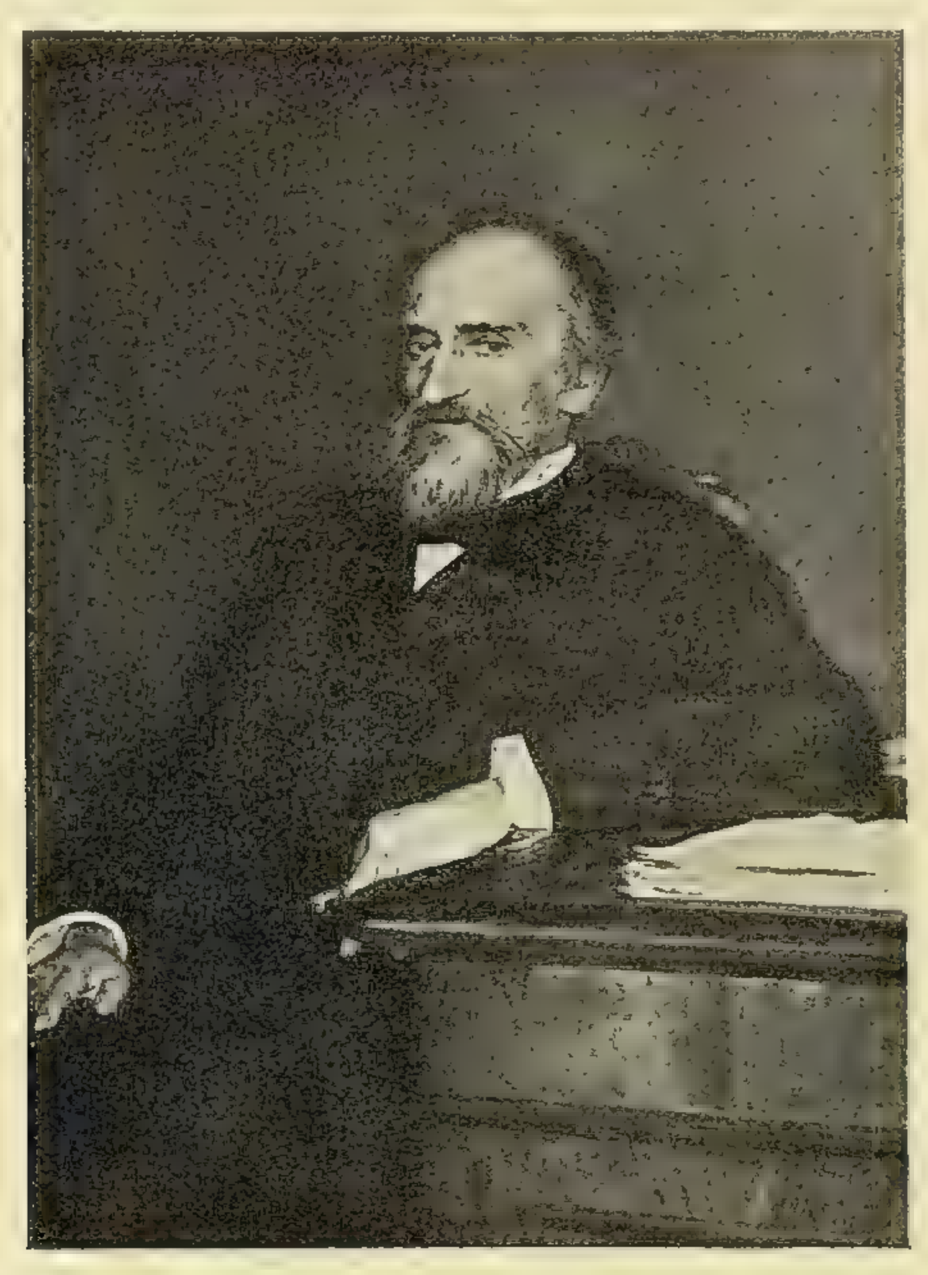
Дворяне-крѣпостники, не желавшіе никакихъ измѣненій въ положеніи крестьянъ, недовольны были тѣмъ, что правительство сдѣлало первый шагъ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Дворяне же, считавшіе отмѣну крѣпостного права печальною необходимостью для себя и надѣявшіеся при раскрѣпощеніи крестьянъ извлечь для себя какъ можно больше матеріальныхъ выгодъ, недовольны были началами, возвѣщенными въ рескриптѣ, которыя далеко не отвѣчали требованіямъ дворянъ, подчасъ совершенно противоположнымъ, въ зависимости отъ того, въ черноземной или нечерноземной полосѣ владѣли дворяне имѣніями. Дворяне нечерноземныхъ губерній мало дорожили неплодородной землею; крѣпостные въ этихъ губерніяхъ большею частью отпускались на оброкъ, что доставляло помѣщикамъ большой доходъ. Не дорожа землею, эти дворяне требовали единовременнаго и повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ съ землею и съ выкупомъ за нее. Деньгами за землю они надѣялись замѣнить оброчный доходъ.

Наоборотъ, въ черноземныхъ губерніяхъ дворяне высоко цѣнили землю; здѣсь они требовали освобожденія безъ земли и потому были очень недовольны началами, возвѣщенными въ рескриптѣ, согласно которымъ крестьяне обязательно получали въ пользованіе извѣстное количество земли.

Петербургское дворянство еще раньше обращалось къ правительству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи заняться пересмотромъ крестьянскихъ отношеній къ помѣщикамъ. Теперь правительство воспользовалось этимъ: 5 дек. 1857 г. былъ данъ рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора съ разрѣшеніемъ образовать въ Петербургской губерніи комитетъ для составленія проекта освобожденія крестьянъ. Но дворяне другихъ губерній не откликались на призывъ правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ послѣ разсылки рескрипта просилъ губернаторовъ и предводителей дворянства сообщить, какое впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ. Изъ этихъ отвѣтовъ выяснялось, что дворяне нигдѣ не желаютъ приступить къ реформѣ на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ. Нѣкоторые предводители сообщали, что дворяне совершенно не желаютъ приступить къ освобожденію изъ боязни народныхъ волненій. Первымъ послѣ разсылки рескрипта изъявило желаніе приступить къ реформѣ нижегородское дворянство. Затѣмъ послѣдовали адреса отъ другихъ дворянскихъ обществъ съ подобными же заявленіями. Къ августу 1858 г. дворяне всѣхъ губерній подали такіе адреса. По мѣрѣ поступленія адресовъ государь давалъ рескрипты на имя начальниковъ губерній, въ которыхъ повелѣвалось открывать комитеты для составленія проекта освобожденія крестьянъ. Дворяне не спѣшили съ открытіемъ комитетовъ: иной разъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ со дня полученія рескрипта, а дворяне еще не приступали даже къ выборамъ членовъ въ комитеты. Все-таки къ концу 1858 г. начали дѣйствовать уже всѣ губернскіе комитеты.

Согласно рескрипту государя въ составъ каждаго комитета входили: губернскій предводитель дворянства въ качествѣ предсѣдателя, дворяне по 2 человѣка отъ каждаго уѣзда, выбираемые самими помѣщиками, и 2 представителя отъ правительства, назначаемые губернаторомъ изъ дворянъ его губерніи. Комитеты должны были въ 6-мѣсячный срокъ со дня открытія составить проекты освобожденія крестьянъ для представленія ихъ въ главный комитетъ, образованный изъ секрет-

наго, который и долженъ былъ изъ всѣхъ поступившихъ проектовъ выработать общій проектъ освобожденія крестьянъ. Правительство предвидѣло, что большинство дворянъ въ комитетахъ будетъ изъ крѣпостнической партіи; оно боялось, что при такомъ составѣ комитеты будутъ мало считаться съ

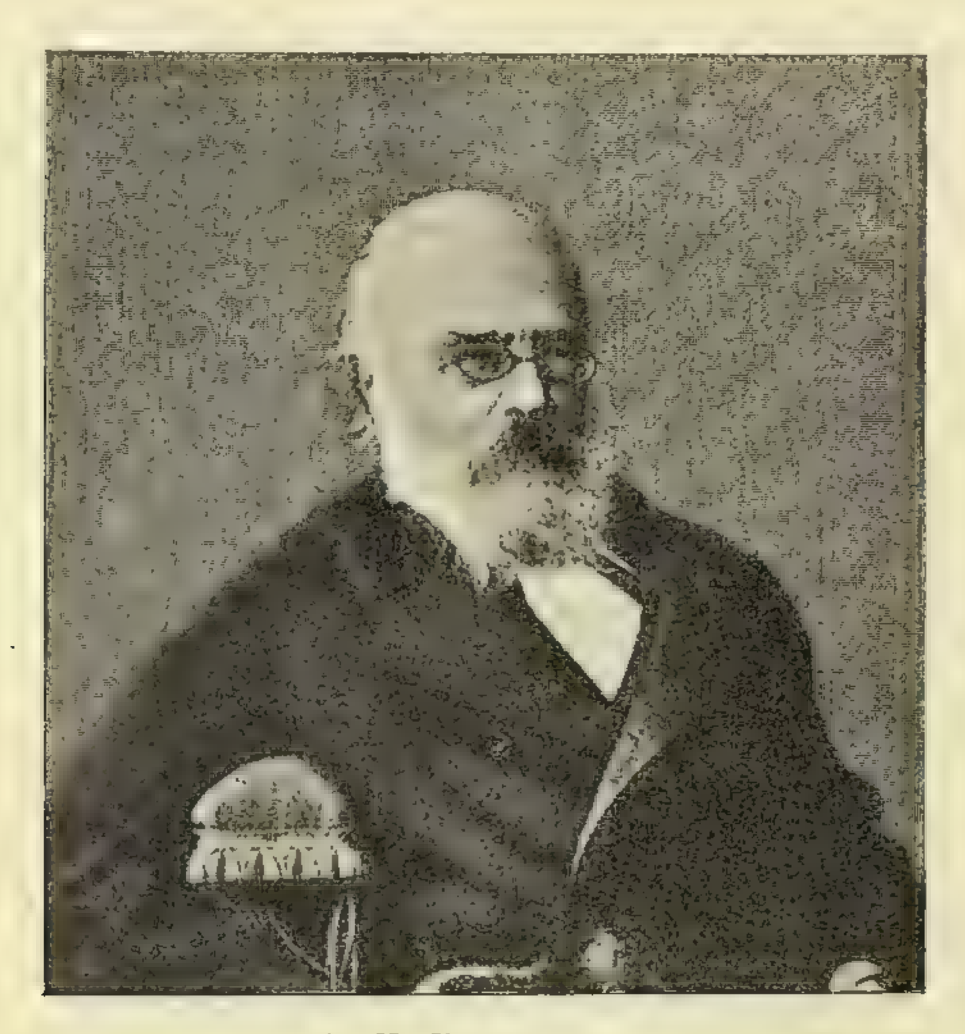
А. М. Унковскій.

видами правительства. Во избѣжаніе этого въ составъ комитетовъ введены были представители отъ правительства; для контроля за дѣятельностью комитета губернатору дано было право требовать представленія ему комитетскихъ журналовъ, право ставить свои замѣчанія на обсужденіе комитета и право закрывать комитеты, если онъ уклонится отъ своего назначенія. Губернаторы не оправдали ожиданій правительства:

многіе губернаторы, принадлежа къ крѣпостнической партіи, назначали въ комитеты членами отъ правительства дворянъ изъ этой партіи. Но все-таки благодаря этой мѣрѣ въ комитеты попали такіе передовые люди, такіе сознательные сторонники уничтоженія крѣпостного права, какъ А. И. Кошелевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій и др., которые благодаря своимъ передовымъ взглядамъ въ этомъ вопросѣ едва ли были бы выбраны дворянами въ комитеты. Хотя и былъ со стороны правительства стѣснительный контроль за дѣятельностью комитетовъ, хотя министръ внутреннихъ дѣлъ и давалъ свои разъясненія при затрудненіяхъ, встрѣчавшихся въ комитетахъ, все-таки правительство не желало сначала давать подробной программы въ руководство комитетамъ, «дабы подробной программой не стѣснять разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ». Но потомъ главный комитетъ измѣнилъ свой взглядъ на это. Рѣшено было дать губернскимъ комитетамъ подробную правительственную программу. Принята была программа, составленная однимъ изъ членовъ главнаго комитета Ростовцевымъ при содѣйствіи дворянина Позена. Эта правительственная программа 21 апрѣля 1858 г. и была разослана по высочайшему повелѣнію въ руководство губернскимъ комитетамъ. Программа эта раздѣляла дѣятельность комитетовъ на 3 періода. Первый періодъ дѣятельности долженъ быть посвященъ на выработку проекта положенія помѣщичьихъ крестьянъ на время ихъ переходнаго или срочно-обязаннаго состоянія. Во второмъ періодѣ намѣчалось приведеніе въ исполненіе по каждому имѣнію этого положенія. Въ третій періодъ поручалось комитетамъ начертать сельскій уставъ, опредѣляющій всѣ подробности крестьянскаго быта.

Главнымъ дѣломъ въ первый періодъ было составленіе проекта положенія для срочно-обязанныхъ крестьянъ. Самый проектъ долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ 10 главъ: 1) переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное; 2) сущность срочно-обязаннаго положенія; 3) поземельныя права помѣщиковъ; 4) усадебное устройство крестьянъ; 5) надѣлъ крестьянъ землею; 6) повинности крестьянъ; 7) устройство дворовыхъ людей; 8) образованіе сельскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способъ исполненія. По своему существу этотъ проектъ представлялъ изъ себя подробно разработанныя начала, преднacер-

танныя въ рескриптахъ государя. Главное же отличіе состояло только въ слѣдующемъ: въ рескриптахъ государя точно указывалось, что земля крестьянамъ дается непремѣнно въ безсрочное пользованіе, правительственная же программа давала комитетамъ возможность заключить, что земля дается не въ безсрочное пользованіе, а только на время срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ, такъ какъ самый проектъ положенія программа обязывала составить лишь для срочно-обязанныхъ

А. И. Кошелевъ.

крестьянъ. Благодаря этой недомолвкѣ можно было думать, что земля по истеченіи этого срока опять поступитъ въ полное распоряженіе помѣщика.

Правительство не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ относительно состава комитетовъ. Уже на уѣздныхъ дворянскихъ совѣщаніяхъ, которыя были разрѣшены правительствомъ при выборѣ членовъ въ комитеты, было видно, что большинство въ комитетахъ будетъ принадлежать къ партіи крѣпостниковъ. Такъ и оказалось. Но все-таки въ каждомъ комитетѣ образо-

валось маленькое ядро болѣе или менѣе либеральныхъ членовъ, а въ тверскомъ комитетѣ либералы даже составили большинство. На первыхъ порахъ почти всѣ члены приняли дѣятельное участіе въ работѣ комитетовъ; только отъявленные крѣпостники всячески старались затормозить дѣло. По мѣрѣ того, какъ выяснялись взгляды меньшинства, борьба между ними и крѣпостниками все болѣе и болѣе разгоралась. Либеральное меньшинство, потерявъ надежду на успѣхъ своихъ взглядовъ въ комитетахъ, рѣшило подавать особыя письменныя мнѣнія. Крѣпостническая партія старалась воспрепятствовать этому. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ была запрещена подача отдѣльныхъ мнѣній, были допущены на засѣданія посторонніе дворяне въ надеждѣ, что они повліяютъ на либераловъ; иные комитеты старались сдѣлать обязательными для членовъ комитета постановленія уѣздныхъ совѣщаній съ ярко выраженными крѣпостническими взглядами. Представители «закоснѣлаго невѣжества и корысти» въ борьбѣ съ либералами не стѣснялись даже такими средствами, какъ доносами правительству на передовыхъ членовъ. Правительство черезъ губернаторовъ зорко слѣдило за работами комитетовъ. Оно старалось всѣми мѣрами способствовать тому, чтобы крѣпостническое большинство не тормозило дѣла и не разрабатывало проекта положенія согласно своимъ требованіямъ. Наоборотъ, видя въ либеральномъ меньшинствѣ комитетовъ сочувствіе въ той или иной мѣрѣ реформѣ, правительство всячески старалось поддержать его. Такъ оно объявило необязательными для членовъ комитетовъ постановленія уѣздныхъ совѣщаній, запретило допускъ постороннихъ дворянъ на комитетскія засѣданія и, наконецъ, разрѣшило подачу отдѣльныхъ мнѣній.

Для комитетовъ нечерноземныхъ губерній въ высшей степени стѣснительнымъ было то, что они въ своей работѣ обязательно должны были считаться съ правительственной программой, которая заранѣе предрѣшала тѣ выводы, къ которымъ должны были прійти комитеты, и которая совершенно не соотвѣтствовала требованіямъ дворянъ нечерноземныхъ губерній. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ комитетахъ такихъ губерній рѣшено было не поступаться своими взглядами и не ставить себя въ стѣснительныя рамки правительственной программы. Такъ въ комитетахъ тверскомъ, нижегородскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ было вынесено постановленіе о предоставленіи крестьянамъ полевой земли съ тѣмъ, чтобы они выкупили ее

при содѣйствіи правительства. Правительство энергично выступило на защиту своей программы: оно безусловно запретило комитетамъ даже поднимать вопросъ о выкупкѣ земель, предоставляемыхъ крестьянамъ. Тогда тверской комитетъ отправилъ въ Петербургъ депутацію во главѣ съ предводителемъ дворянства Унковскимъ, которая благодаря своему смѣлому и энергичному выступленію заставила правительство пойти

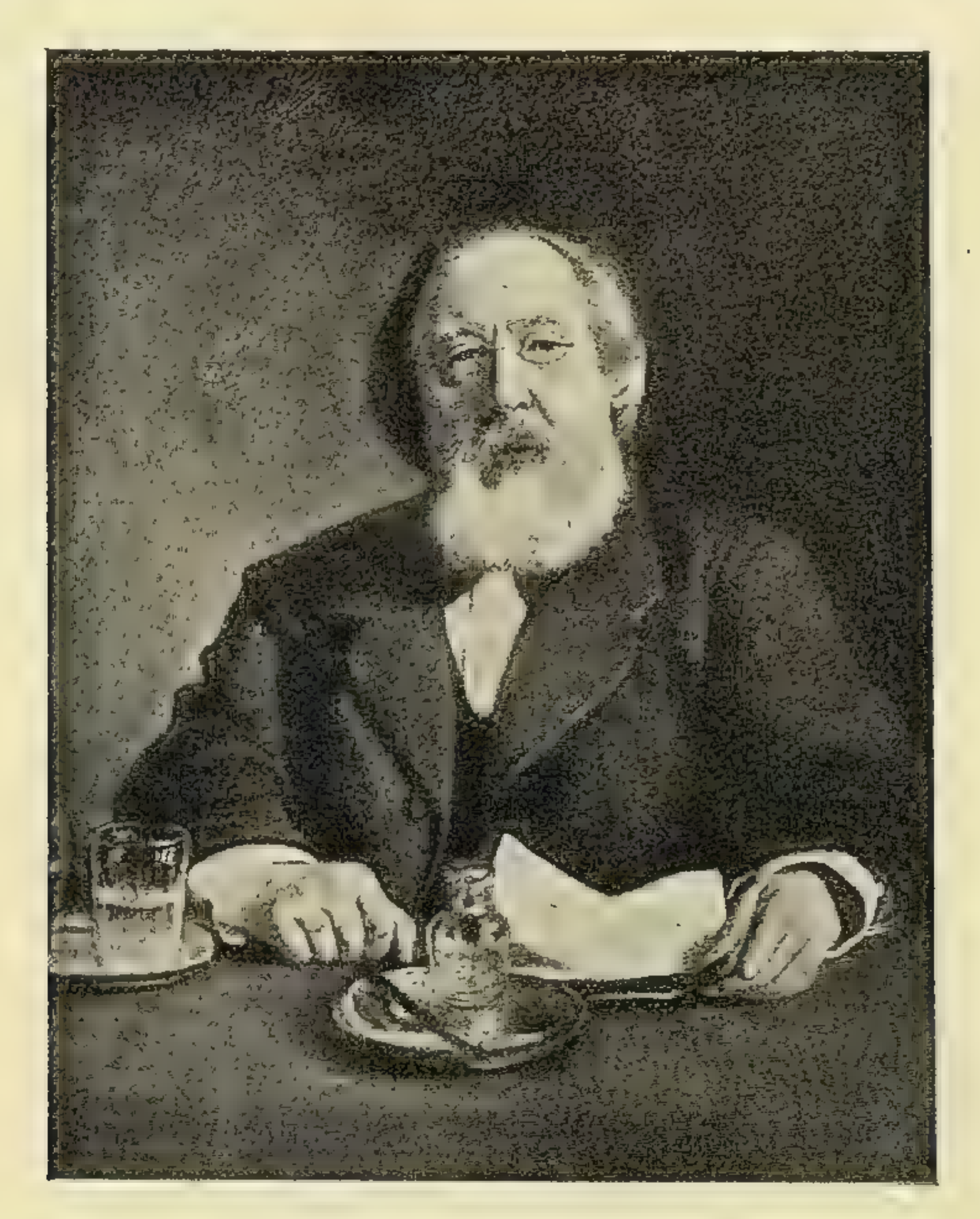

А. С. Хомяковъ (портр. Васнецова).

на уступки. Правительство разрѣшило тверскому комитету составить выкупной проектъ, послѣ чего и другіе комитеты занялись составленіемъ такихъ же проектовъ. Проекты единовременнаго и повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ съ землею и съ обязательнымъ выкупомъ ея при содѣйствіи правительства выработаны были большею частью въ комитетахъ нечерноземныхъ губерній: только такое освобожденіе крестьянъ не считали для себя разорительнымъ. Впрочемъ, мысль объ обязательномъ выкупѣ встрѣтила отрицательное отношеніе

въ комитетахъ черноземной и степной полосъ. Черноземные комитеты собственно признавали только личную свободу крестьянъ и надѣляли крестьянъ возможно малымъ земельнымъ надѣломъ, да и то только на срочно-обязанный періодъ, въ надеждѣ, что и эта земля послѣ окончанія этого періода поступитъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Комитеты же степной полосы, принципіально признавая необходимость надѣленія крестьянъ землею, были противъ обязательнаго выкупа изъ боязни лишиться рабочихъ рукъ благодаря слабой населенности степной полосы. Расходясь въ вопросѣ объ обязательномъ выкупѣ земель, комитеты зато были довольно единодушны въ опредѣленіи размѣра надѣловъ. Большинство комитетовъ, надѣлявшихъ крестьянъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ землею, старались уменьшить участки, бывшіе въ крестьянскомъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ. Особенно сильной урѣзкѣ подверглись надѣлы въ проектахъ черноземныхъ комитетовъ. Надѣлы въ прежнихъ размѣрахъ за крестьянами оставляли только комитеты: могилевскій, самарскій, смоленскій, тверской и меньшинство нѣсколькихъ другихъ комитетовъ. При опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, за которыя отдавалась земля крестьянамъ, только комитеты: тверской, ярославскій да меньшинство владимирскаго и калужскаго отмѣнили совершенно барщину, замѣнивъ ее оброкомъ и притомъ умѣреннымъ; большинство же комитетовъ черноземныхъ, степныхъ и нечерноземныхъ стояли за сохраненіе барщины во время срочно-обязаннаго періода или соглашались на постепенный переходъ во время этого періода съ барщины на оброкъ. Комитеты, сохранившіе барщину, проектировали уменьшеніе числа барщинныхъ дней въ недѣлю съ 3-хъ до 2-хъ, однако при условіи, что $^3/_4$ барщинныхъ годовыхъ дней могутъ быть распредѣлены помѣщикомъ между лѣтними мѣсяцами. Такое сокращеніе барщины мало облегчало крестьянъ, такъ какъ и раньше крестьяне отбывали барщину, главнымъ образомъ, лѣтомъ, зимой же были свободны отъ нея. Что касается размѣра оброка, то онъ довольно произвольно устанавливается во всѣхъ комитетахъ. Въ нечерноземныхъ комитетахъ размѣръ оброка или оставлялся прежній или еще болѣе повышался; гораздо меньшій размѣръ оброка проектировали комитеты черноземныхъ губерній, но, такъ какъ эти послѣдніе сильно урѣзали надѣлы крестьянъ, то, конечно, и этотъ пониженный оброкъ для крестьянъ былъ очень высокъ.

Крестьянинъ согласно рескрипту государя долженъ быть освобожденъ безъ всякаго вознагражденія за это помѣщику. Поэтому всѣ комитеты принуждены были отказаться отъ вознагражденія за личность освобождаемаго крѣпостного. Потеря крѣпостного труда безъ вознагражденія наносила матеріальный ущербъ всѣмъ дворянамъ, но особенно сильно страдали

Ив. С. Аксаковъ (портр. Рѣпина).

отъ этого дворяне нечерноземныхъ губерній, такъ какъ тамъ крѣпостной трудъ цѣнился очень дорого. И вотъ комитеты рѣшили въ скрытой формѣ вознаградить помѣщиковъ за безвозмездную утрату крѣпостного труда. Большинство комитетовъ этого достигло тѣмъ, что чрезвычайно дорого оцѣнило усадьбы, которыя должны были выкупить крестьяне. При разработкѣ

вопроса объ устройствѣ сельскихъ обществъ и опредѣленіи власти помѣщика во время срочно-обязаннаго періода, большая часть комитетовъ всецѣло слѣдовала правительственной программѣ, данной въ руководство комитетамъ; часть же комитетовъ въ корнѣ разошлась по этимъ вопросамъ съ программой правительства. Согласно съ правительственными взглядами эти вопросы были разработаны въ черноземныхъ и степныхъ комитетахъ, которые признавали всю необходимость срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ. По проектамъ этихъ комитетовъ крестьяне получали многія личныя права, какихъ не имѣли раньше, и самоуправленіе съ сельскимъ сходомъ, выборными судьями и должностными лицами. Награждая крестьянъ многими личными правами свободныхъ сословій, эти комитеты принуждены были лишить ихъ очень цѣннаго права— свободы передвиженія и перехода въ другія сельскія общества, такъ какъ согласно правительственной программѣ крестьяне въ срочно-обязанный періодъ должны быть «крѣпки землѣ». Какъ ни широки были личныя права и самоуправленіе, предоставляемыя въ проектахъ этихъ комитетовъ крестьянамъ, все же крестьяне были въ значительной степени стѣснены тою властью, которую предоставляли эти комитеты помѣщику надъ сельскимъ обществомъ. Большинство комитетовъ въ помѣщикахъ видѣло «начальниковъ» будущихъ сельскихъ обществъ и поэтому предоставило имъ право довольно сильнаго контроля и вмѣшательства въ дѣла этихъ обществъ. Такъ, по проектамъ помѣщикъ получалъ право отмѣнять постановленія мірскихъ сходовъ, увольнять и утверждать выборныхъ должностныхъ лицъ и наказывать всякими средствами вплоть до высылки изъ имѣнія и сдачи въ рекруты крестьянъ, проявившихъ въ чемъ-либо неповиновеніе или оказавшихся плохими плательщиками. Эти комитеты сильно отстаивали сохраненіе вотчинной власти помѣщика надъ сельскимъ обществомъ: безъ этой власти при существованіи барщины, полагали они, крестьянами не будутъ правильно выполняться повинности. Зато совершенно отрицательно былъ разрѣшенъ вопросъ о сохраненіи вотчинной власти помѣщика надъ сельскими обществами въ комитетахъ нечерноземныхъ. Эти комитеты требовали единовременнаго освобожденія крестьянъ съ землею и съ немедленнымъ выкупомъ ея при помощи правительства и поэтому отрицали цѣлесообразность срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ совсѣмъ

лишали помѣщика вотчинной власти и отстаивали гражданское равенство крестьянъ. Иные комитеты предлагали правительству предоставить дворянамъ вмѣсто вотчинной власти право участвовать въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи.

Такъ разрѣшены были въ проектахъ губернскихъ комитетовъ вопросы о выкупѣ личности, обезпеченіи крестьянъ землею, размѣрѣ надѣловъ, опредѣленіи крестьянскихъ повинностей и правовомъ положеніи крестьянъ. Болѣе широкое разрѣшеніе и болѣе подходящее ко взглядамъ правительства эти вопросы получили во мнѣніяхъ либеральнаго меньшинства комитетовъ. Поэтому правительство разрѣшило меньшинству составить свои особые проекты, которые вмѣстѣ съ проектами большинства и поступили послѣ окончанія перваго періода комитетскихъ занятій въ образованныя при главномъ комитетѣ редакціонныя комиссіи. Нужно сказать, что не въ однихъ только проектахъ меньшинства либерально разрѣшались многіе вопросы; и въ нѣкоторыхъ проектахъ большинства иные вопросы получали довольно широкое разрѣшеніе. Вообще же почти всѣ комитеты при составленіи проектовъ имѣли въ виду прежде всего свои сословные интересы и выше этой точки зрѣнія не поднимались. Только очень немногіе комитеты при сильной защитѣ дворянскихъ интересовъ не упускали изъ виду и интересовъ крестьянъ. Составленіемъ этихъ проектовъ и ограничилась работа комитетовъ. Послѣ этого они прикрылись, а вслѣдствіе перемѣны взглядовъ правительства на планъ реформы больше и не открывались для окончанія своихъ работъ.

Дворяне сначала были очень обрадованы тѣмъ, что правительство, поручивъ составленіе проектовъ дворянамъ, отдало разрѣшеніе крестьянской реформы въ ихъ руки. Послѣ же разсылки правительственной программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, они были глубоко разочарованы. Но все-таки они питали большую надежду на то, что въ Петербургѣ будутъ непремѣнно считаться съ проектами комитетовъ, и что, такимъ образомъ, реформа въ концѣ-концовъ будетъ проведена въ ихъ духѣ. Особенно надежда эта укрѣпилась послѣ обѣщанія Александра II призвать по 2 депутата отъ каждаго комитета «для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ». Но ожиданія дворянъ не оправдались. Редакціонныя комиссіи мало считались съ требованіями дво-

рянъ, изложенными въ проектахъ; на эти послѣдніе они смотрѣли, какъ на матеріалъ, изъ котораго онѣ брали только то, что имъ было нужно. Вызванные же депутаты скоро убѣдились, что съ ихъ требованіями правительство совершенно не намѣревается считаться, и что они вызваны не для разработки какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, а «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, какія оно признаетъ нужнымъ имѣть».

Вообще же губернскіе комитеты сыграли немаловажную роль въ исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи. Во-первыхъ, работы комитетовъ оказались необходимымъ матеріаломъ для редакціонныхъ комиссій; во-вторыхъ, благодаря болѣе или менѣе либеральной постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ въ нѣкоторыхъ комитетахъ и правительство стало смотрѣть на освобожденіе крестьянъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи первое мѣсто должно быть отдано тверскому комитету во главѣ съ предсѣдателемъ его А. М. Унковскимъ, человѣкомъ передовыхъ идей, сумѣвшимъ при защитѣ дворянскихъ интересовъ соблюсти и интересы крестьянъ.

М. Марковъ.

Редакціонныя комиссіи и „Положенія 19 февраля".

I.

Къ декабрю 1858 года губернскіе комитеты были открыты повсюду, а нѣкоторые уже кончали работу и присылали свои проекты въ Петербургъ. Первоначально для разсмотрѣнія этихъ проектовъ въ составѣ Главнаго Комитета еще въ іюлѣ того же года была образована особая комиссія изъ четырехъ членовъ: министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, гр. В. Н. Панина, М. Н. Муравьева и Я. И. Ростовцева. Но эта комиссія дѣйствовала вяло, такъ какъ члены ея сильно расходились во взглядахъ. Тогда, по мысли Ростовцева, рѣшено было для подробнаго изученія и сводки комитетскихъ проектовъ образовать при Главномъ Комитетѣ двѣ особыя редакціонныя комиссіи. Въ ходѣ крестьянской реформы и въ выработкѣ не только основъ ея, но и деталей, эти комиссіи сыграли чрезвычайно важную роль; поэтому при изученіи крестьянской реформы на дѣятельности ихъ слѣдуетъ остановиться съ особымъ вниманіемъ.

Постановленіе объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій утверждено было государемъ 17 февраля 1859 г., а 4 марта онѣ были уже открыты. Предполагалось, что одна изъ этихъ комиссій при помощи комитетскихъ проектовъ составитъ проектъ общаго положенія для всѣхъ губерній, а другая выработаетъ мѣстныя положенія для отдѣльныхъ губерній и областей. Сообразно съ этимъ рѣшено было въ составъ второй комиссіи, кромѣ представителей министерствъ, допустить еще экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ. По своему личному составу редакціонныя комиссіи стояли очень высоко: ихъ предсѣдатель генералъ Я. И. Ростовцевъ былъ горячимъ

сторонникомъ реформы и въ теченіе 1858 г. усердно занимался изученіемъ крестьянскаго вопроса. Представителемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ приглашенъ новый товарищъ министра Н. А. Милютинъ, талантливый и необычайно работоспособный чиновникъ, получившій за свою преданность реформѣ такую славу «краснаго» и демократа, что Александръ II лишь послѣ долгихъ колебаній согласился на его назначеніе «временно» исправляющимъ должность товарища министра. Кромѣ него отъ министерства внутреннихъ дѣлъ были еще назначены: непремѣнный членъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ и А. К. Гирсъ; отъ министерства юстиціи: оберъ-прокуроры Сената М. Н. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ министерства государственныхъ имуществъ: В. Н. Булыгинъ и Н. Н. Павловъ; отъ 2-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи Н. В. Калачовъ и А. Н. Поповъ; отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ И. П. Арапетовъ и отъ канцеляріи Главнаго Комитета статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта С. М. Жуковскій. Изъ экспертовъ самыми видными были члены губернскихъ комитетовъ: Тульскаго—кн. В. А. Черкасскій, Симбирскаго—А. Н. Татариновъ и Самарскаго—Ю. Ф. Самаринъ.

Сдѣлавъ визитъ предсѣдателю Главнаго Комитета кн. Орлову и представившись государю, члены редакціонныхъ комиссій приступили къ занятіямъ. Но при самомъ началѣ работъ обнаружилось неудобство раздѣленія, принятаго въ комиссіяхъ: члены-эксперты входили только во вторую комиссію, поэтому общая комиссія лишалась ихъ помощи, и общія засѣданія, гдѣ за общей работой объединялись бы всѣ силы обѣихъ комиссій, становились невозможными. Чтобы устранить это неудобство, рѣшено было воспользоваться тѣмъ пунктомъ Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, который предоставлялъ предсѣдателю ихъ право «дать симъ комиссіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію... соединять обѣ комиссіи въ одинъ составъ или одно присутствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія». Основываясь на этомъ, Ростовцевъ слилъ обѣ комиссіи въ одну, но зато разбилъ ее на три отдѣленія: 1) *юридическое*, которое должно было опредѣлить права и обязанности крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныя права помѣщиковъ;

2) *административное*—для выработки внутренняго устройства крестьянскихъ обществъ и опредѣленія отношеній ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и 3) *хозяйственное*, опредѣлявшее всѣ поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, т.-е. вопросы объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ. Когда вслѣдъ за тѣмъ учреждена была особая *финансовия* комиссія, спеціально для разработки вопроса о выкупѣ, то и она была присоединена къ редакціонной комиссіи и составила какъ бы четвертое ея отдѣленіе, пополнивъ своимъ составомъ число членовъ редакціонной комиссіи. Что касается состава отдѣленій, то члены финансовой комиссіи были назначены и приглашены прямо въ нее, но могли принимать участіе и въ работахъ другихъ отдѣленій; первыя же три отдѣленія составлялись изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, при чемъ каждый могъ выбрать себѣ то или другое отдѣленіе, согласно своему желанію и сообразно своей спеціальности; можно было состоять членомъ двухъ и даже всѣхъ трехъ отдѣленій, какъ это сдѣлали Соловьевъ и Жуковскій. Такимъ образомъ вмѣсто предположенныхъ трехъ комиссій: *двухъ* редакціонныхъ и одной финансовой, при Главномъ Комитетѣ получилась подъ общимъ предсѣдательствомъ Ростовцева *одна* комиссія, разбитая на четыре отдѣленія. Этимъ, кстати сказать, и объясняется несходство терминологіи въ сочиненіяхъ по крестьянскому вопросу: одни авторы, держась офиціальнаго термина, говорятъ объ этомъ учрежденіи во множественномъ числѣ «редакціонныя комиссіи», другіе, имѣя въ виду лишь суть дѣла, предпочитаютъ названіе «редакціонная комиссія». Мы будемъ держаться второго.

Каждое изъ отдѣленій комиссіи должно было разсматривать проекты губернскихъ комитетовъ и составлять предположенія спеціально по своему предмету; доклады отдѣленій должны были обсуждаться и утверждаться общимъ присутствіемъ комиссіи.

Кромѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ и правительственныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ, члены редакціонной комиссіи должны были принимать во вниманіе всѣ полезныя мысли, разбросанныя какъ въ печатныхъ сочиненіяхъ по крестьянскому вопросу, такъ и въ рукописныхъ проектахъ и мнѣніяхъ. Съ этой цѣлью предсѣдатель комиссіи принялъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ созданію при комиссіи большой библіотеки, гдѣ были собраны сочиненія и рукописи, обсуждав-

шія крестьянскій вопросъ не только въ Россіи, но и на Западѣ. Въ эту библіотеку, между прочимъ, былъ присланъ изъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи заграничный журналъ Герцена «Колоколъ». Затѣмъ были вытребованы изъ губерній тѣ свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, какія каждымъ помѣщикомъ представлены были въ губернскіе комитеты. При работахъ комиссіи рѣшено было допустить широкую гласность съ тѣмъ, чтобы, по выраженію Ростовцева, «призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ во-время каждую ошибку комиссіи». Въ цѣляхъ гласности рѣшено было журналы и труды комиссіи печатать въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и разсылать ихъ министрамъ, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства съ просьбой прислать къ опредѣленному сроку свои замѣчанія.

Отъ вопроса о внутреннемъ устройствѣ комиссіи обратимся теперь къ ея дѣятельности.

Первымъ вопросомъ, который надлежало разрѣшить членамъ комиссіи, былъ вопросъ объ общихъ руководящихъ началахъ, которыхъ надо было придерживаться при обсужденіи реформы. Ростовцевъ уже на первомъ засѣданіи комиссіи заявилъ, что главнымъ руководствомъ для предстоящихъ работъ должны послужить два журнала Главнаго Комитета, Высочайше утвержденные 26 октября и 4 декабря 1858 г. Но это заявленіе не избавило комиссію отъ необходимости самой обсуждать общія начала реформы. Дѣло въ томъ, что журналъ 26 октября говорилъ лишь о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ, слѣдовательно, относился къ формальной сторонѣ дѣла, а въ журналѣ 4 декабря среди опредѣленныхъ постановленій были и неясныя. Къ числу первыхъ относилось постановленіе, что при обнародованіи новаго положенія о крестьянахъ имъ предоставляются права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы. Затѣмъ предполагалось распредѣлить крестьянъ на сельскія общества съ своимъ мірскимъ управленіемъ, обязательнымъ для всѣхъ губерній въ административномъ отношеніи, а тамъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями,— завѣдующимъ и хозяйственной жизнью. Власть надъ крестьяниномъ, какъ членомъ сельскаго общества, должна была принадлежать міру, который круговою порукой отвѣчаетъ за ка-

ждаго изъ своихъ членовъ по отправленію казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей. Но вмѣстѣ съ этимъ журналъ 4 декабря съ недоумѣніемъ останавливался передъ такими центральными пунктами предстоящей реформы, какъ вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ выкупѣ ихъ земельныхъ угодій и вопросъ о

Я. И. Ростовцевъ (портр. Крамского).

сохраненіи вотчинной власти помѣщика надъ освобожденными крестьянами.

Въ томъ и другомъ вопросѣ Ростовцевъ значительно отступилъ какъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, такъ и отъ тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу программы, данной губернскимъ комитетамъ. Въ этой программѣ, выработанной помѣщикомъ Позеномъ, тайнымъ сторонникомъ *беззсмель-*

наго освобожденія крестьянъ, проводилась мысль, что вся земля должна остаться собственностью помѣщиковъ, а крестьяне на срочно-обязанный періодъ получаютъ ее въ пользованіе за извѣстныя повинности. Помѣщики черноземныхъ губерній сообразно съ своими интересами толковали этотъ коварно-неясный пунктъ такъ, что будто по окончаніи срочно-обязаннаго періода вся земля возвращается въ полное распоряженіе помѣщика, а крестьяне остаются ни съ чѣмъ. Противъ этого принципа Ростовцевъ выдвинулъ идею выкупа земли. Эта идея вопреки волѣ правительства настойчиво высказывалась уже губернскими комитетами промышленныхъ губерній, гдѣ дворянству выгодна была полная ликвидація крѣпостныхъ отношеній съ продажей земли по возможно высокой цѣнѣ, что могло бы вознаградить за потерю крѣпостныхъ, доставлявшихъ доходъ не барщиной, а оброкомъ. Но самъ Ростовцевъ, считая надѣленіе крестьянъ землею необходимымъ, сначала не видѣлъ никакой возможности совершить выкупъ и только въ своемъ четвертомъ письмѣ къ Александру II изъ-за границы лѣтомъ 1858 г., всего черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ писалъ императору о невозможности выкупа, онъ говоритъ о томъ, что «пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности можетъ совершиться прочно и даже скоро». Въ этомъ же письмѣ Ростовцевъ высказалъ мысль, что выкупъ и продажа земли не должны быть обязательными ни для крестьянъ ни для помѣщиковъ и что правительство должно оказать свое содѣйствіе выкупу земли крестьянами.

По мѣрѣ того, какъ выяснялись у Ростовцева основы раціональнаго проведенія крестьянской реформы, его все меньше безпокоили опасенія возможныхъ бунтовъ и волненій среди крестьянъ, и онъ переставалъ отстаивать сильную власть надъ крестьянами въ лицѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и помѣщиковъ съ вотчинной властью. Но забота объ исправномъ отбываніи крестьянами ихъ повинностей заставила его защищать власть крестьянскаго міра, связаннаго круговою порукой и поставленнаго подъ опеку общей администраціи. Н. П. Семеновъ такъ формулировалъ окончательную программу Ростовцева, сложившуюся у него ко времени открытія редакціонныхъ комиссій:

1) Освободить крестьянъ съ землей.

2) Конечной развязкой освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.

3) Оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе.

5) Барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

На первыхъ засѣданіяхъ комиссіи, когда не съѣхались еще члены-эксперты и большинство членовъ были правительственные, Ростовцевъ легко проводилъ свои взгляды на основныя начала предстоящей реформы, но когда собрались всѣ эксперты, то предложенія Ростовцева стали вызывать гораздо больше критическихъ замѣчаній и споровъ, кончавшихся иногда рѣзкими столкновеніями. Еще большее неудовольствіе должна была вызывать дѣятельность редакціонной комиссіи въ дворянствѣ: созванная для обработки проектовъ губернскихъ комитетовъ, она получила, однако, программу, которая во многомъ существенно отличалась отъ программы, данной губернскимъ комитетамъ. Комитеты вырабатывали свои проекты для *срочно-обязанныхъ* крестьянъ, надѣленныхъ чужою землей, редакціонная же комиссія должна была имѣть въ виду *окончательный* періодъ, т.-е. полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа земли.

Разбившись на отдѣленія, члены редакціонной комиссіи распредѣлили сообразно съ задачами каждаго отдѣленія матеріалъ, полученный отъ сводки проектовъ губернскихъ комитетовъ и стали вырабатывать свои особыя программы, принимая во вниманіе какъ труды губернскихъ комитетовъ, такъ и новыя начала, принятыя редакціонной комиссіей. Выработка положеній реформы теперь всецѣло сосредоточилась въ редакціонной комиссіи, но дворянство не теряло надежды повліять на ея постановленія. Еще лѣтомъ 1858 г. при посѣщеніи нѣкоторыхъ губерній государь обѣщалъ дворянству, что по окончаніи работъ въ губернскихъ комитетахъ депутаты отъ каждаго изъ нихъ будутъ приглашены въ Петербургъ для присутствія при обсужденіи ихъ проектовъ въ Главномъ Комитетѣ. Съ учрежденіемъ редакціонной комиссіи это намѣреніе государя не было оставлено, и депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ

рѣшено было пригласить двумя группами, но уже не въ Главный Комитетъ, а въ редакціонную комиссію. Раздѣленіе депутатовъ на группы мотивировалось тѣмъ планомъ работъ комиссіи, который принятъ былъ Ростовцевымъ. Дѣятельность комиссіи Ростовцевъ разбилъ на три періода. Въ первый періодъ комиссіи должны были разсмотрѣть проекты тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые уже успѣли окончить свою работу, и на основаніи ихъ составить вчернѣ, или, какъ выразился Ростовцевъ, «оболванить» свой проектъ. Затѣмъ депутаты, вызванные отъ этихъ же комитетовъ, должны были представить свои замѣчанія на составленный проектъ, а редакціонная комиссія во второй періодъ своей дѣятельности должна была исправить свой проектъ, принявъ во вниманіе эти замѣчанія и изучивъ подоспѣвшіе проекты остальныхъ комитетовъ; для обсужденія исправленнаго проекта комиссія должна была пригласить депутатовъ отъ этихъ остальныхъ комитетовъ. Въ третьемъ періодѣ предполагалась новая переработка проекта, какъ говорилъ Ростовцевъ, можетъ быть, еще не окончательная.

Первый періодъ занятій редакціонной комиссіи продолжался полгода, до начала сентября 1859 г. За это время комиссіей были разработаны важнѣйшіе вопросы крестьянской реформы: 1) вопросъ о выкупѣ земли крестьянами, 2) вопросъ о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей и 3) вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ и о вотчинной власти помѣщика. Подъ давленіемъ критики депутатовъ перваго и второго призыва редакціонная комиссія внесла потомъ въ свои постановленія нѣкоторыя измѣненія въ смыслѣ большаго обезпеченія интересовъ помѣщиковъ, но въ существенныхъ чертахъ эти постановленія комиссіи и вошли потомъ въ «Положенія» 19 февраля 1861 г. Занятія перваго періода представляютъ поэтому особый интересъ.

При крѣпостномъ правѣ помѣщики имѣли право собственности на землю, а фактически и на личность крестьянъ. При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній эти права помѣщиковъ должны были измѣниться, а какъ—на это давалъ отвѣтъ рескриптъ 20 ноября 1857 г. и правительственная программа, разосланная въ руководство губернскимъ комитетамъ въ апрѣлѣ 1858 г. Что касается права на личность крестьянъ, то этотъ пунктъ опредѣленно рѣшался въ I главѣ упомянутой про-

граммы и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщавшаго губернаторамъ волю государя, который «призналъ, что личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ». Относительно земли такого опредѣленнаго постановленія не было: въ поясненіяхъ къ рескрипту 20 ноября вслѣдъ за заявленіемъ, что «помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю» шло предложеніе, что «крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику».

При такой неопредѣленности руководящихъ началъ часть губернскихъ комитетовъ отводила крестьянамъ безсрочный постоянный надѣлъ, остальные—лишь на переходное время, на срокъ не болѣе 12 лѣтъ, по истеченіи которыхъ вся земля должна была вернуться къ помѣщикамъ. Въ губерніяхъ промышленныхъ, гдѣ выгодна была полная ликвидація крѣпостного права, гдѣ отъ продажи земли крестьянамъ по высокой оцѣнкѣ могло получиться возмѣщеніе убытковъ отъ потери крѣпостного труда, прилагаемаго не къ землѣ, а къ отхожимъ промысламъ,—тамъ явилась мысль о *выкупѣ* земли крестьянами. Относясь сначала очень отрицательно къ этой мысли, правительство потомъ сдѣлало уступку: позволило губернскимъ комитетамъ, еще не кончившимъ занятій, составлять свои проекты при условіи выкупа земли и само стало высказывать эту мысль какъ основное начало реформы. Въ правительственныхъ сферахъ и у самого государя мысль о выкупѣ стала укрѣпляться особенно благодаря Ростовцеву, который впервые высказалъ ее лѣтомъ 1858 г. въ своемъ четвертомъ письмѣ къ Александру II и подробнѣе развилъ въ февралѣ 1859 г. въ запискѣ «Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса». Признавая въ этой запискѣ, что «выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наиполезнѣйшій, если бы только онъ былъ признанъ возможнымъ и справедливымъ», Ростовцевъ въ засѣданіи редакціонной комиссіи предложилъ, однако, что «выкупъ долженъ совершаться по *полюбовному* соглашенію между помѣщиками и крестьянами» и подтвердилъ, что и государь

признаетъ выкупъ добровольный. Итакъ, при разрѣшеніи вопроса о правѣ собственности на землю передъ редакціонной комиссіей были четыре возможности: 1) надѣленіе крестьянъ землею во временное пользованіе, 2) надѣленіе ихъ землею въ постоянное пользованіе, 3) обязательный выкупъ земли крестьянами и 4) добровольный выкупъ.

Въ комиссіи раздавались голоса въ защиту каждаго изъ этихъ мнѣній.

1) Возставая противъ предложенія Ростовцева о выкупѣ земли, орловскій губернскій предводитель дворянства В. В. Апраксинъ требовалъ лишь надѣленія крестьянъ землей на время 12 лѣтъ срочно-обязаннаго періода, по истеченіи котораго вся земля должна была перейти въ полное распоряженіе помѣщика. Его поддерживалъ другой сторонникъ беззсмельнаго освобожденія—М. Н. Позенъ.

2) Еще рѣшительнѣе поднялись противъ выкупа петербургскій губернскій предводитель дворянства гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ. Они желали значительнаго сокращенія срочнообязаннаго періода, но окончательную развязку крѣпостныхъ отношеній видѣли не въ надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, а въ предоставленіе имъ въ безсрочное пользованіе опредѣленныхъ земельныхъ угодій за справедливыя повинности, при чемъ за крестьянами, какъ за людьми свободными, должно было оставаться право принимать землю или отказаться отъ нея по своему усмотрѣнію. Редакціонная комиссія высказала опасеніе, что при подобныхъ условіяхъ крестьяне легко будутъ покидать свои надѣлы, что принесетъ ущербъ имъ самимъ, вызоветъ разстройство помѣщичьяго хозяйства и будетъ грозить опасностью для государственнаго спокойствія. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля повысится въ цѣнѣ, помѣщики будутъ употреблять насильственныя мѣры, чтобы, заставивъ крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться имъ съ большею для себя выгодою. Поэтому редакціонная комиссія отвергла это предложеніе, считая его косвенно направленнымъ къ беззсмельному освобожденію крестьянъ и къ образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ и беззсмельныхъ работниковъ.

3) За обязательный выкупъ высказался въ комиссіи оберъ-прокуроръ Сената Н. П. Семеновъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ консервативныхъ членовъ комиссіи, и его либерализмъ въ данномъ вопросѣ объясняется тѣмъ, что онъ былъ помѣщикомъ

промышленной Ярославской губерніи, гдѣ выкупъ земли былъ выгоденъ для помѣщиковъ, потому что въ оцѣнку ея они разсчитывали вложить и стоимость крѣпостного труда, прилагавшагося не къ землѣ.

4) Остальные члены редакціонной комиссіи соглашались съ тѣми предложеніями, которыя вызвали такой рѣзкій отпоръ со стороны Шувалова и Паскевича. Въ спорѣ съ ними комиссія окончательно формулировала свои взгляды. Они сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Комиссія, неуклонно слѣдуя началамъ, Высочайшею волею указаннымъ, постановила даровать немедленно крестьянамъ личную свободу и упрочить ихъ поземельный надѣлъ, за опредѣленныя въ пользу помѣщиковъ повинности. Но, какъ подобныя обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны имѣть исходъ, то редакціонной комиссіей предложены къ тому слѣдующія средства:

1. Покупка крестьянами земли безъ содѣйствія правительства.

2. Выкупъ ими земель съ помощью отъ правительства.

3. Обращеніе крестьянскихъ обществъ въ городское сословіе, посредствомъ образованія изъ промышленныхъ селеній, мѣстечекъ и

4. Дозволеніе крестьянамъ переселиться на земли, не принадлежащія помѣщику.

Ни одно изъ этихъ средствъ не есть принудительное; слѣдовательно, могутъ оказаться крестьяне, которые не воспользуются этими предоставленными имъ способами, а потому для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію, комиссія опредѣлила срокъ этому періоду».

Такимъ образомъ, допуская срочно-обязанный періодъ, комиссія имѣла въ виду окончательное освобожденіе. Обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами представляли, конечно, большія неудобства для обоихъ сословій. Редакціонная комиссія ясно понимала, что выйти изъ этого неудобства можно только путемъ выкупа земли при гарантіи со стороны правительства и поэтому всѣ свои заключенія клонила къ выкупу. Въ результатѣ получился рядъ постановленій, нанесшихъ сильный ударъ прежнему понятію собственности. Важнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія:

1. Право собственности на личность и трудъ отмѣняется безъ вознагражденія.

2. Часть земли помѣщиковъ отдается въ *безсрочное* пользованіе крестьянъ. За помѣщиками остается только титулъ собственниковъ на эту землю, такъ какъ они теряютъ право распоряжаться ею и только получаютъ съ нея извѣстную ренту.

3. На помѣщиковъ возложена была обязанность продать крестьянамъ усадьбы по установленной правительствомъ цѣнѣ.

4. Что касается выкупа полевыхъ угодій, то для крестьянъ онъ былъ обязателенъ, если того желаютъ помѣщики, а для помѣщиковъ устанавливалось начало добровольнаго выкупа.

Всѣ эти постановленія нарушали неприкосновенность частной собственности, но комиссія все-таки не отступила передъ этими рѣшительными мѣрами, потому что иного выхода при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не было.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, разсмотрѣннымъ въ первый періодъ занятій редакціонной комиссіи былъ вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ и повинностяхъ.

Исходной точкой для опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ были слова рескрипта 20 ноября 1857 г. о томъ, что «крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и обществомъ». Но и губернскіе комитеты и редакціонная комиссія понимали, что если дѣйствительно надѣлить крестьянъ землей въ количествѣ, *достаточномъ* для ихъ обезпеченія и несенія повинностей, то крестьянское землевладѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно поглотитъ дворянское. Указаніе рескрипта было явно невыполнимо. Поэтому редакціонная комиссія подобно комитетамъ остановилась на мысли, что земля должна служить лишь однимъ изъ источниковъ крестьянскаго дохода. При такомъ взглядѣ самымъ правильнымъ было сохранить за крестьянами существующіе надѣлы въ расчетѣ на то, что гдѣ земли было мало, тамъ крестьяне и впредь будутъ пополнять свои скудныя средства все тѣми же подсобными заработками. Но противъ этого положенія уже въ проектахъ комитетовъ приводилось возраженіе, что закрѣпленіе существующихъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопреки справедливости узаконитъ случайность и произволъ. Нѣкоторые помѣщики по безпечности или великодушію отводили крестьянамъ большіе надѣлы; несправедливо было бы теперь отбирать у нихъ земли больше, чѣмъ у другихъ. Съ другой стороны, признаніе существующихъ надѣловъ было бы вопіющей несправедливостью

по отношенію къ крестьянамъ тѣхъ имѣній, гдѣ помѣщики заранѣе почти обезземелили своихъ крестьянъ. Принявъ это во вниманіе, редакціонная комиссія рѣшила въ огражденіе помѣщиковъ установить высшій надѣлъ, а въ огражденіе крестьянъ—низшій, равный $^{2}/_{5}$, а по позднѣйшему постановленію $^{1}/_{3}$ высшаго. Въ случаѣ, если существующій надѣлъ оказывался

Н. А. Милютинъ.

больше установленнаго высшаго, должны были дѣлаться *отрѣзки* въ пользу помѣщика, или же этотъ излишекъ оставался у крестьянъ за особыя повинности, и, наоборотъ, если существующій надѣлъ былъ меньше низшаго, то помѣщикъ обязанъ былъ сдѣлать *прирѣзку* земли въ пользу крестьянъ или же соотвѣтственнымъ образомъ понизить повинности. Впрочемъ, впослѣдствіи и здѣсь подъ вліяніемъ депутатовъ перваго при-

зыва были сдѣланы оговорки въ пользу помѣщиковъ: до $^1/_3$ всѣхъ удобныхъ земель имѣнія, во всякомъ случаѣ, должно было остаться за помѣщикомъ, притомъ при исчисленіи земель, подлежащихъ отрѣзкѣ въ пользу крестьянъ, принимались во вниманіе не всѣ удобныя земли помѣщика, а только земли того села, гдѣ производилась отрѣзка, и земли другихъ селъ, отстоящихъ отъ перваго не далѣе, какъ на 25 верстъ. Въ степной полосѣ, гдѣ недостатка въ землѣ не чувствовалось, предположенъ былъ одинъ размѣръ надѣла указный, съ предоставленіемъ помѣщику права уменьшить его, если при надѣленіи крестьянъ у него остается менѣе $^1/_2$ всей земли въ имѣніи.

Для опредѣленія размѣровъ высшихъ и указныхъ надѣловъ комиссія воспользовалась присланными изъ губернскихъ комитетовъ свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣющихъ 100 и болѣе душъ, и, кромѣ того, данными изъ комитета о земскихъ повинностяхъ. На основаніи этихъ данныхъ редакціонная комиссія раздѣлила губерніи согласно хозяйственнымъ условіямъ и размѣрамъ существующихъ надѣловъ на полосы, а полосы—на мѣстности и установила для каждой полосы и мѣстности нормы высшаго и низшаго надѣла. Черноземная полоса была раздѣлена на 5 мѣстностей съ высшими надѣлами въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ десятины на душу; нечерноземная полоса—на 7 мѣстностей съ высшими надѣлами отъ $3^1/_4$ до 8 десятинъ; степная полоса—на 4 мѣстности съ указными надѣлами въ $6^1/_2$, $8^1/_2$, $10^1/_2$ и 12 десятинъ. Кромѣ того, въ виду особенностей земельныхъ отношеній были выработаны особыя нормы для губерній Малороссіи: Полтавской, Черниговской и части Харьковской, и для губерній Новороссіи и юго-западныхъ. Устанавливая нормы надѣловъ, редакціонная комиссія стремилась къ тому, чтобы отрѣзки земель, бывшихъ у крестьянъ въ пользованіи, имѣли мѣсто какъ исключеніе, но она не достигла своей цѣли, а дальнѣйшее пониженіе надѣловъ, сдѣланное во 2-й и 3-й періодъ дѣятельности редакціонной комиссіи, повело къ еще большему сокращенію крестьянскаго землевладѣнія. Стремясь отклонить отъ себя обвиненіе въ пристрастіи къ крестьянамъ, комиссія слишкомъ внимательно отнеслась къ интересамъ помѣщиковъ, и потому провела не надѣленіе крестьянъ землей, а обдѣленіе ихъ.

Перейдя къ вопросу о размѣрѣ крестьянскихъ повинностей, редакціонная комиссія отказалась отъ мысли соразмѣрить повинности съ цѣнностью земли, такъ какъ для этого

потребовалась бы перепись, которая отняла бы много времени. Комиссія рѣшила принять за исходную точку своихъ работъ по этому предмету существующія крестьянскія повинности, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что платежи крестьянъ, установившіеся при крѣпостномъ правѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ средствамъ. Эта исходная точка была, очевидно, невѣрна: изъ того, что крестьяне, неся различныя лишенія, платили при крѣпостномъ правѣ извѣстныя повинности, отнюдь, конечно, не слѣдовало, что эти платежи имъ по средствамъ. Здѣсь редакціонная комиссія явно стала на сторону помѣщиковъ. Признавъ существующія повинности, комиссія отбросила крайности и опредѣлила средній размѣръ оброка и барщины, неодинаковый для различныхъ мѣстъ Россіи. Впрочемъ, размѣръ оброка и барщины былъ гораздо однообразнѣе, чѣмъ нормы земельнаго надѣла. Было установлено всего четыре полосы: 1) нечерноземная оброчная; норма оброка здѣсь была 9 руб. съ душевого надѣла за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей губерній Московской, Петербургской, Ярославской, Владимирской и Нижегородской, для которыхъ оброкъ повышенъ былъ до 10 рублей, 2), 3) и 4) - нечерноземная полоса, барщинная черноземная и степная; во всѣхъ этихъ полосахъ устанавливался одинаковый оброкъ— 8 руб. съ души. Для тѣхъ губерній, гдѣ была барщина натуральная, повинность за высшій душевой надѣлъ установлена была въ 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней.

Эти нормы оброка назначались за высшій земельный надѣлъ. Съ пониженіемъ величины душевого надѣла уменьшались и размѣры повинностей. Но пропорціональнаго уменьшенія редакціонная комиссія не допустила. Исходя изъ выгоднаго для помѣщиковъ, но совершенно невѣрнаго расчета, что первая десятина надѣла, въ которую крестьянинъ вкладываетъ весь свой трудъ, приноситъ все, что она можетъ дать, а вторая и слѣдующія, на обработку которыхъ у него не хватаетъ уже ни труда ни капитала, представляютъ уже меньше выгодъ, редакціонная комиссія установила систему *градаціи* повинностей, какъ это предлагалъ тверской комитетъ и нѣкоторые другіе. Размѣры платежа за первую десятину были опредѣлены отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб.; часть оброка за вторую десятину въ мѣстностяхъ съ искусственнымъ удобреніемъ была установлена ниже, чѣмъ за первую, но больше, чѣмъ за остальныя; тамъ же, гдѣ искусственнаго удобренія не было, всѣ де-

сятины, кромѣ первой, облагались поровну. При надѣлѣ въ 6 десятинъ 9-рублевый оброкъ въ нечерноземной полосѣ распредѣлялся, напримѣръ, такъ: на первую десятину—4 руб., на вторую—2 руб., на остальныя 4 десятины—по 75 коп. Ясно, что при отрѣзкѣ послѣдней десятины или вообще при уменьшеніи надѣла помѣщикъ только выигрывалъ, а крестьянинъ много терялъ.

Опредѣленіе повинностей имѣло очень важное значеніе при выкупѣ земли. Выкупная сумма опредѣлялась не оцѣнкой выкупаемой земли, а капитализаціей платимаго за нее оброка. По желанію помѣщика правительство выкупало у него для крестьянъ землю, давая ему капиталъ, который, считая по 6%, приносилъ доходъ, равный оброку. Такимъ образомъ система градаціи повинностей, возлагая всю тяжесть платежей на первую десятину надѣла, вела къ повышенной оцѣнкѣ этой десятины и давала помѣщикамъ возможность, обдѣляя крестьянъ землею, получать съ нихъ въ то же время ту сумму, которая представляла запрещенный выкупъ за личность крестьянина.

При дальнѣйшемъ ходѣ реформы предположенныя нормы земельныхъ надѣловъ не разъ подвергались перемѣнамъ и въ концѣ концовъ стали значительно меньше; нормы повинностей измѣнялись меньше, но въ общемъ онѣ сдѣлались выше, разъ падали теперь на меньшіе надѣлы. Осталась и система градаціи, при которой путемъ повышенной оцѣнки первой десятины надѣла помѣщикъ при выкупѣ земли обходнымъ путемъ получалъ и запрещенный выкупъ за личность освобожденныхъ крестьянъ.

Съ неменьшей ясностью сказывалось вліяніе интересовъ правительства и помѣщиковъ и при обсужденіи вопроса объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

Исходной точкой послужили постановленія губернскихъ комитетовъ, относившіяся къ VIII и IX гл. данной имъ программы («Образованіе сельскихъ обществъ» и «Права и отношенія помѣщиковъ»). Эти постановленія составили предметъ обсужденія въ административномъ отдѣленіи редакціонной комиссіи. Но редакціонная комиссія, отражая колебанія правительства, какъ мы видѣли, совершенно измѣнила основные взгляды по этому вопросу. Основываясь на рескриптѣ 20 ноября, который предоставлялъ помѣщикамъ вотчинную полицію въ сельскомъ обществѣ и на IX гл. своей программы,

дѣлавшей помѣщика «начальникомъ общества», губернскіе комитеты по разнымъ мотивамъ назначили помѣщика начальникомъ сельскихъ обществъ съ очень широкою вотчинной властью, и только шесть комитетовъ и меньшинство въ остальныхъ, устраняя помѣщичью власть надъ крестьянами, предлагали ввести у нихъ мірское управленіе. Редакціонная комиссія въ своихъ взглядахъ по этому вопросу основывалась на журналѣ Главнаго Комитета отъ 4 декабря 1858 г., гдѣ было сказано: «Государь императоръ повелѣлъ сообразить, можетъ ли IX гл. програмы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, оставаться въ прежней силѣ, или ее слѣдуетъ измѣнить». Редакціонная комиссія рѣшила это колебаніе въ послѣднемъ смыслѣ. Въ первомъ же докладѣ своемъ административное отдѣленіе постановило, что «замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ» составляетъ «одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости». Но административное отдѣленіе считалось здѣсь не только съ интересами крестьянъ, оно находило также, что вопросъ этотъ «имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія». Эта двоякая цѣль привела членовъ административнаго отдѣленія къ мысли создать двѣ независимыхъ другъ отъ друга единицы крестьянскихъ учрежденій: сельское общество и поземельную общину. Первое должно было служить административнымъ цѣлямъ правительства, и на него предполагалось возложить судебно-полицейскія обязанности, второе должно было вѣдать мірскія хозяйственныя дѣла и распредѣлять помѣщичьи и казенныя повинности между домохозяевами, связанными по отбыванію ихъ круговою порукой.

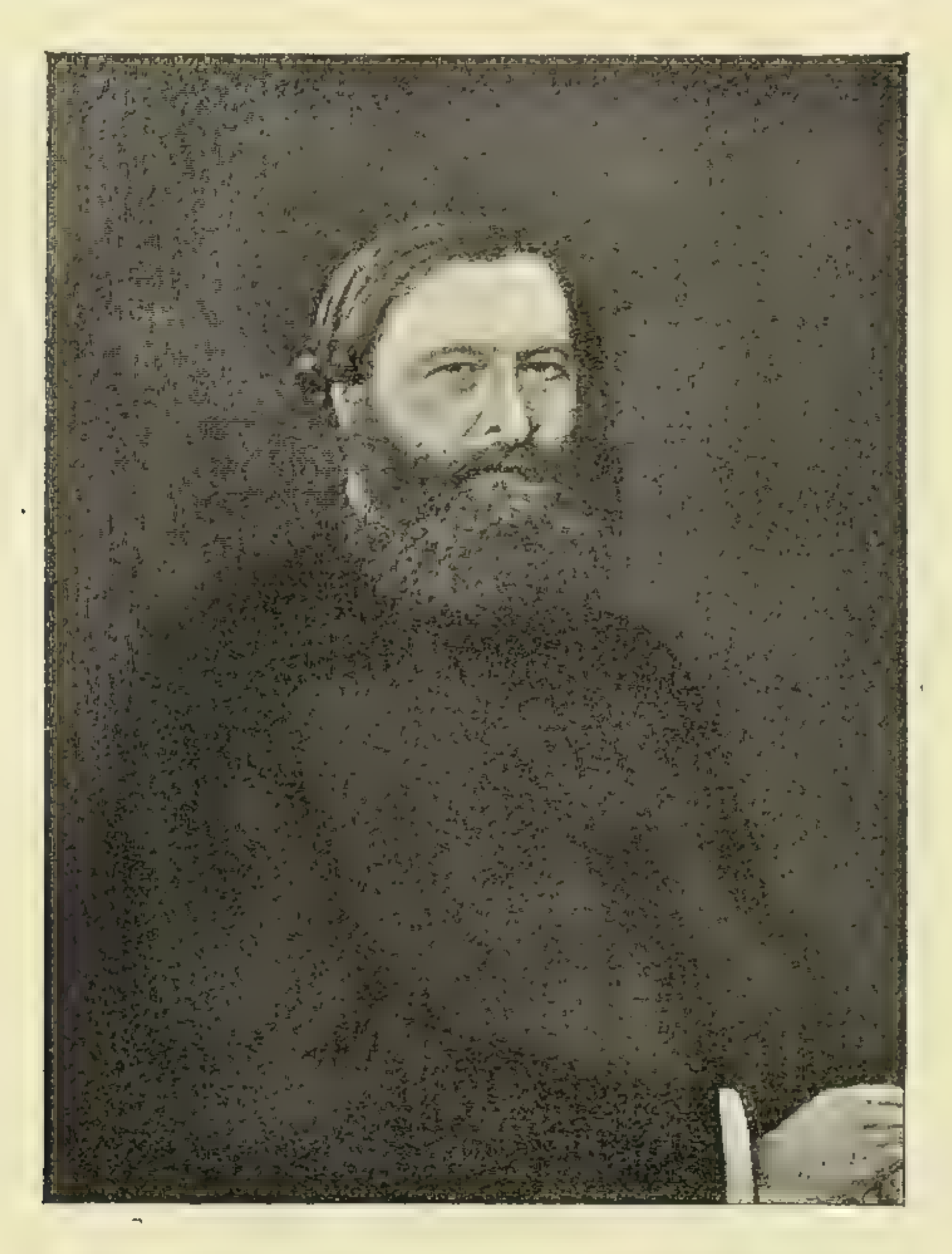
Но при обсужденіи докладовъ административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи редакціонной комиссіи первоначальный планъ подвергся весьма существеннымъ измѣненіямъ, потому что забота о сохраненіи порядка и спокойствія перевѣсила заботу о крестьянскихъ интересахъ.

Признано было необходимымъ, чтобы сельскія общества имѣли надзоръ за отбываніемъ повинностей поземельными общинами. Поэтому выборный представитель общины—староста сдѣланъ былъ полицейской властью и подчиненъ сельскому старшинѣ. Такимъ образомъ исчезла независимость этихъ

двухъ учрежденій, и община превратилась въ простое подраздѣленіе общества. Самыя названія замѣнены были новыми: поземельную общину стали называть сельскимъ обществомъ, а сельское общество—волостью.

Волость отвѣчала первой цѣли правительства и была создана въ «видахъ правительственныхъ и административныхъ». Поэтому на волостное правленіе и волостного старшину возложено было множество полицейскихъ обязанностей и, кромѣ того, было постановлено, что онъ долженъ «исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и *всѣхъ* установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства». По отношенію къ сельскимъ обществамъ (по новой терминологіи) волостной старшина являлся начальникомъ, потому что ему подчинялись всѣ лица крестьянскаго самоуправленія, и онъ имѣлъ право налагать на нихъ различныя взысканія. Самъ онъ былъ поставленъ въ зависимость отъ мирового посредника, который за проступки по службѣ могъ подвергать его, равно какъ и другихъ должностныхъ лицъ, замѣчаніямъ, выговору, штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней. Другіе представители правительственной власти не могли сами наказывать волостного старшину, но имѣли право заявлять требованіе о подобныхъ же взысканіяхъ мировому посреднику. Такимъ образомъ волостной старшина, а черезъ него и сельское общество были подчинены общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ. Естественно было бы ожидать, что волостные старшины и сельскіе старосты будутъ подвергаться контролю волостныхъ и сельскихъ сходовъ, выборными органами которыхъ они являлись. Но редакціонная комиссія, предоставивъ сходамъ наблюденіе за тѣмъ, какъ ведутъ старшины и старосты хозяйственныя дѣла и какъ расходуютъ общественныя деньги, однако не дала имъ права подвергать своихъ представителей отвѣтственности. Сельскимъ обществамъ предоставлена была нѣкоторая самостоятельность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но въ общемъ принципъ крестьянскаго самоуправленія, провозглашенный редакціонной комиссіей, осуществленъ не былъ, и правительство въ лицѣ должностныхъ лицъ крестьянскаго будто бы самоуправленія получило выборныхъ и безплатныхъ агентовъ своей власти, содержимыхъ крестьянами, но подчиненныхъ общей администраціи и занятыхъ больше дѣлами администраціи, чѣмъ крестьянства.

Редакціонная комиссія рѣшительно отрицала вотчинную власть помѣщика; она уничтожила всѣ ея виды за исключеніемъ права помѣщика на особый почетъ во время срочно-обязаннаго періода и права его оказывать крестьянамъ защиту и покровительство. Но, освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщика, редакціонная комиссія поставила ихъ подъ власть часто

Ю. Ф. Самаринъ.

не менѣе тягостную и произвольную—подъ власть бюрократіи. И уже нѣкоторые члены-эксперты редакціонной комиссіи, напримѣръ, А. Д. Желтухинъ и Ю. Ф. Самаринъ, самъ по болѣзни не участвовавшій въ работахъ административнаго отдѣленія, подвергали сдѣланныя постановленія рѣзкой, но справедливой критикѣ.

II.

Къ срединѣ августа 1859 г. задача перваго періода занятій редакціонной комиссіи была исполнена: вчернѣ проектъ реформы былъ готовъ. По плану занятій для его обсужденія теперь надо было пригласить депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

Благодаря «Матеріаламъ редакціонныхъ комиссій», которые печатались въ 3.000 экземплярахъ и повсюду разсылались, дворянство могло слѣдить за ходомъ крестьянской реформы. Изъ этихъ отчетовъ оно ясно увидѣло, что редакціонная комиссія мало считается съ волей дворянства, выраженной въ проектахъ губернскихъ комитетовъ. Дворянство было недовольно рѣшеніями редакціонной комиссіи, и на почвѣ этого недовольства быстро росла дворянская оппозиція, консервативная и либеральная. По рукамъ стали ходить сочиненія, враждебныя редакціонной комиссіи. Одно изъ нихъ, написанное сенаторомъ Безобразовымъ, представляло проектъ адреса къ государю. Главная мысль этого адреса заключалась въ томъ, что для пересмотра положеній, заготовленныхъ редакціонной комиссіей и для окончательнаго составленія законоположеній реформы, надо учредить особое дворянское собраніе, составленное изъ выборныхъ отъ каждой губерніи. Ясно было, что когда по плану занятій въ редакціонную комиссію будутъ вызваны депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, то между правительствомъ и дворянствомъ произойдетъ генеральное сраженіе. И правительство стало къ нему готовиться. Оно приняло рядъ мѣръ.

1) Прежде всего оно постаралось повліять на личный составъ депутатовъ. Въ первую очередь должны были пріѣхать депутаты отъ 21 комитета, проекты которыхъ были уже разсмотрѣны. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ комитетовъ меньшинство членовъ осталось при особомъ мнѣніи и составило свои проекты, во многомъ согласные съ видами Ростовцева и министерства внутреннихъ дѣлъ. Желая найти поддержку въ меньшинствѣ, министръ съ разрѣшенія государя распорядился, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ было составлено два проекта, одинъ изъ двухъ депутатовъ былъ избранъ непремѣнно изъ среды меньшинства. Депутаты отъ двухъ губерній (Витебской и Минской) были отчислены ко второму призыву; поэтому въ первую очередь явилось 36 представителей отъ 19 губерній —

9 отъ меньшинства и 27 отъ большинства каждаго губернскаго комитета.

2) Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ государю записку, въ которой выражалъ опасеніе, что дворянскіе депутаты по своимъ матеріальнымъ и сословнымъ интересамъ будутъ мѣшать реформѣ, и потому считалъ нужнымъ ограничить ихъ участіе въ занятіяхъ редакціонной комиссіи представленіемъ правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, которыя оно само сочтетъ нужнымъ имѣть. Государь согласился съ предложеніемъ министра, и въ результатѣ явилась инструкція 11 августа Ростовцеву, опредѣлявшая образъ дѣйствій какъ его самого, такъ и депутатовъ. По этой инструкціи депутаты разсматривались не какъ учрежденіе, а какъ отдѣльныя лица; каждый изъ нихъ долженъ былъ давать *особый по своей губерніи* письменный отвѣтъ, представляя мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по такимъ вопросамъ, которые возникли при разработкѣ крестьянскаго дѣла.

25 августа депутаты въ первый разъ были приглашены въ общее собраніе редакціонной комиссіи и съ чувствомъ глубокаго недовольства и разочарованія выслушали здѣсь эту инструкцію. Послѣ этого они нѣсколько разъ собирались у графа Шувалова и рѣшили обратиться къ государю съ просьбой о дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія. Это имъ было дозволено, но съ указаніемъ, что ихъ частныя совѣщанія не должны носить офиціальнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь еще разъ обѣщалъ, что всѣ рѣшенія редакціонной комиссіи будутъ потомъ представлены на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Это успокаивало дворянъ, потому что здѣсь они разсчитывали найти поддержку противъ комиссіи.

На своихъ совѣщаніяхъ депутаты перваго призыва подвергли труды редакціонной комиссіи строгой критикѣ и составили на нихъ замѣчанія, занявшія три объемистыхъ тома. Наиболѣе важными пунктами этой критики были слѣдующіе:

1. Соглашаясь на надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землей, большинство депутатовъ было рѣшительно противъ отвода надѣловъ въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности. Имъ казалось, что съ уничтоженіемъ власти помѣщика отбываніе повинностей не будетъ исправнымъ, и они считали несправедливымъ и невыгоднымъ для помѣщика неизмѣнный оброкъ въ то время, какъ земля постоянно возвышается въ цѣнѣ. Такъ какъ большая часть этихъ

депутатовъ была изъ промышленныхъ нечерноземныхъ и полу-черноземныхъ губерній, то они требовали обязательнаго единовременнаго выкупа земли при помощи особой кредитной операціи. Были, впрочемъ, и такіе, которые стояли за возвращеніе всей земли въ полное распоряженіе помѣщика послѣ окончанія срочно-обязаннаго періода.

2. Что касается постановленій комиссіи о надѣлахъ, то депутаты возражали противъ установленныхъ комиссіей нормъ высшихъ и низшихъ надѣловъ, считая ихъ слишкомъ высокими, особенно для небольшихъ имѣній. Многіе депутаты говорили даже, что для крестьянскаго надѣла совсѣмъ не надо устанавливать минимальнаго размѣра, до котораго помѣщикъ долженъ бы былъ нарѣзать крестьянамъ земли, въ случаѣ, если при крѣпостномъ правѣ они имѣли земли меньше этого минимальнаго надѣла. Кромѣ того, депутаты требовали, чтобы при отводѣ земли крестьянамъ въ распоряженіи помѣщика оставалось, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины или даже двухъ третей всей земли; при исчисленіи этихъ земель, они предлагали не принимать во вниманіе лѣсовъ и земель, лежавшихъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Нормы оброковъ, предположенныя редакціонной комиссіей, тоже встрѣтили критику депутатовъ. Депутаты промышленныхъ губерній, особенно Ярославской, предлагали свои, болѣе высокія нормы.

3. Но особенно рѣзко критиковали депутаты проектъ административнаго устройства крестьянъ. Выразителемъ мнѣній большинства явился тверской депутатъ А. М. Унковскій. Исходя изъ мысли, что интересы помѣщичьихъ крестьянъ неразрывно связаны съ интересами другихъ сословій, онъ считалъ неправильнымъ обособлять крестьянскія учрежденія. «Это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ». Устройство крестьянскаго управленія, по мнѣнію Унковскаго, немыслимо безъ общей реформы всего административнаго строя, основаннаго на мелочной правительственной опекѣ и безотвѣтственности исполнительной власти. Основаніями этой реформы должны быть: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда присяжныхъ, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ и послѣдовательно проведенная система самоуправленія.

По окончаніи своихъ работъ депутаты перваго призыва, неувѣренные въ томъ, что ихъ замѣчанія будутъ приняты во вниманіе, рѣшили обратиться къ государю съ ходатайствомъ, чтобы при окончательномъ обсужденіи проекта редакціонной комиссіи въ Главномъ Комитетѣ имъ снова было позволено представить свои замѣчанія. Но при составленіи адреса государю депутаты не могли столковаться: въ указанномъ смыслѣ подали адресъ 18 депутатовъ, Шидловскій представилъ государю письмо съ олигархическими тенденціями, а пять депутатовъ съ Унковскимъ во главѣ изложили въ своемъ адресѣ главныя начала общей реформы административнаго и судебнаго строя Россіи. Съ подачей этихъ адресовъ совпало представленіе государю крайне безтактной записки камергера Безобразова, выражавшаго олигархическія стремленія придворнаго дворянства и требовавшаго «обузданія» министерства внутреннихъ дѣлъ. Быть можетъ, это обстоятельство и послужило послѣднимъ толчкомъ къ тому, что правительство взглянуло на корректныя и лойяльныя заявленія депутатовъ какъ на признаки фронды и, обсудивъ ихъ въ Главномъ Комитетѣ, сдѣлало черезъ губернаторовъ замѣчанія и выговоры тѣмъ лицамъ, которыя ихъ подписали. Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ особымъ циркуляромъ запретилъ на предстоящихъ дворянскихъ собраніяхъ обсуждать крестьянскій вопросъ. Это уже было прямымъ нарушеніемъ правъ дворянства. Поэтому дворянство нѣкоторыхъ губерній выступило противъ бюрократіи съ протестомъ и демонстраціями и стало обращаться къ верховной власти для защиты своихъ правъ. Но это движеніе было истолковано какъ нежеланіе дворянства подчиниться видамъ правительства, и въ результатѣ явились новыя репрессіи; тверской губернскій предводитель дворянства Унковскій и помѣщикъ Европеусъ были даже высланы административнымъ порядкомъ, одинъ въ Вятскую, другой въ Пермскую губернію.

Пробывъ въ Петербургѣ нѣсколько недѣль, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ разъѣхались по мѣстамъ съ чувствомъ недовольства и разочарованія, а редакціонная комиссія продолжала свою работу.

Во второй періодъ своихъ занятій, отъ 16 сентября 1859 г. до 12 марта 1860 г., редакціонная комиссія изучила проекты остальныхъ 25 комитетовъ и пересмотрѣла свои прежнія рѣшенія. Когда эти работы близились къ концу, то были вызваны

депутаты отъ этихъ комитетовъ, всего 45 человѣкъ. Эти депутаты собрались въ Петербургѣ всего черезъ четыре мѣсяца послѣ того, какъ окончилась дѣятельность депутатовъ перваго призыва, но ихъ отношеніе къ редакціонной комиссіи подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ стало еще болѣе рѣзкимъ.

Въ это время по рукамъ ходила безыменная записка подъ заглавіемъ «Письмо депутата перваго призыва въ депутатамъ второго приглашенія». Авторомъ ея былъ А. И. Кошелевъ. Онъ совѣтовалъ депутатамъ не развлекаться мелочами, примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое ставила ихъ инструкція, и, сплотившись вмѣстѣ, направить всѣ свои силы на борьбу съ самыми существенными положеніями редакціонной комиссіи. Такими положеніями авторъ считалъ:

1. «Отдачу помѣщичьихъ земель крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за неизмѣнныя повинности». Онъ совѣтовалъ добиваться *обязательнаго* выкупа, нужнаго крестьянамъ, выгоднаго и помѣщикамъ (однако, какъ мы знаемъ, не всѣмъ, а только тѣмъ, чьи земли находились въ нечерноземной промышленной полосѣ; самъ Кошелевъ—рязанецъ).

2. «Огромный просторъ, допущенный редакціонной комиссіей между высшими и низшими крестьянскими надѣлами». Авторъ рекомендовалъ депутатамъ стоять за существующіе надѣлы.

3. Наконецъ Кошелевъ убѣждалъ депутатовъ бороться за самостоятельность народа, ограниченіе бюрократіи и развитіе самоуправленія, гласный и устный судъ,—словомъ, повторялъ программу Унковскаго.

Но кромѣ добраго совѣта на мнѣнія депутатовъ вліяли еще ихъ интересы. Это были преимущественно помѣщики черноземныхъ и западныхъ губерній, гдѣ дворянство не хотѣло выпускать земли изъ своихъ рукъ. Поэтому они противились выкупу и, стремясь къ безземельному освобожденію крестьянъ, желали сохранить надъ ними вотчинную власть помѣщика. Въ противоположность депутатамъ перваго призыва, которые предлагали широкую программу либеральныхъ реформъ, депутаты второго приглашенія были настроены очень консервативно. Такое настроеніе поддерживалось въ нихъ слухами о томъ, что правительство кореннымъ образомъ измѣнило свои взгляды на крестьянскую реформу. Слухи эти имѣли нѣкоторое оправданіе въ томъ, что на мѣсто Ростовцева, умершаго 6 февраля

1860 г. отъ болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія, назначенъ былъ, къ удивленію и огорченію лучшей части русскаго общества, извѣстный реакціонеръ гр. Панинъ. Окрыленные надеждой на перемѣну курса депутаты не послушались совѣтовъ Кошелева и, обвиняя членовъ редакціонной комиссіи

Кн. В. А. Черкасскій.

въ республиканскихъ, соціалистическихъ и даже коммунистическихъ стремленіяхъ, они въ своей критикѣ рѣзко высказались противъ надѣленія крестьянъ землею и противъ крестьянскихъ учрежденій, независимыхъ отъ помѣщичьей власти. Но надежды депутатовъ не сбылись: Панинъ кое въ чемъ портилъ дѣло редакціонной комиссіи, которой самъ не сочувствовалъ,

но измѣнить ея рѣшеній коренным образомъ онъ не могъ: это былъ прежде всего исполнительный чиновникъ, поступавшійся своими мнѣніями передъ ясно выраженной волей государя.

Въ третій періодъ занятій редакціонной комиссіи (отъ 12 марта до 10 октября 1860 г.) мнѣнія и возраженія депутатовъ подверглись специальному обсужденію. Нѣкоторыя мнѣнія ихъ были, впрочемъ, приняты во вниманіе уже во второмъ періодѣ. Подъ вліяніемъ этихъ мнѣній редакціонная комиссія сдѣлала рядъ поправокъ въ своихъ предположеніяхъ, относившихся къ матеріальной сторонѣ реформы: во многихъ уѣздахъ были понижены нормы земельныхъ надѣловъ, въ черноземной полосѣ душевой оброкъ былъ повышенъ съ 8 руб. до 9; въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне безсрочно пользовались полевою землей, допущена была переоцѣнка повинностей черезъ 20 лѣтъ.

Наконецъ, всѣ предположенія редакціонной комиссіи получили окончательную редакцію, и 10 октября 1860 г. она была закрыта. Въ исторіи русскихъ учрежденій редакціонная комиссія выдѣляется по своей работоспособности и энергіи: безъ обычной бюрократической волокиты, безъ отдыха, она менѣе, чѣмъ въ двадцать мѣсяцевъ, быть можетъ, даже съ излишней поспѣшностью, разрѣшила свою сложную задачу.

Въ самый день закрытія редакціонной комиссіи началось обсужденіе составленнаго ею проекта въ Главномъ Комитетѣ. Рядъ обстоятельствъ способствовалъ тому, что внесенный проектъ не могъ здѣсь подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. Во-первыхъ, Комитетъ не имѣлъ достаточно времени, такъ какъ государь приказалъ торопиться съ реформой и кончить обсужденіе ея въ январѣ. Затѣмъ не малое значеніе имѣла смѣна председателя: вмѣсто тяжко заболѣвшаго кн. Орлова былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ реформы. При помощи самыхъ видныхъ членовъ редакціонной комиссіи онъ хорошо изучилъ ея постановленія и потому искусно руководилъ преніями въ Комитетѣ. Наконецъ имѣло значеніе и то, что большинство Комитета, не сочувствовавшее постановленіямъ комиссіи, не столковалось между собой и голосовало врозь, такъ что относительное большинство голосовъ оставалось за сплоченнымъ меньшинствомъ Комитета. Въ результатѣ проектъ редакціонной комиссіи про-

шелъ въ Главномъ Комитетѣ безъ особыхъ измѣненій; были только понижены въ разныхъ мѣстностяхъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ и повышены оброки.

14 января 1861 г. Главный Комитетъ кончилъ свои занятія. Проектъ долженъ былъ теперь пройти черезъ Государственный Совѣтъ. 28 января, когда истекъ двухнедѣльный срокъ, данный членамъ Государственнаго Совѣта для ознакомленія какъ съ проектомъ реформы, такъ и съ журналомъ Главнаго Комитета, Александръ II открылъ засѣданія Государственнаго Совѣта рѣчью, въ которой указывалъ на неотложность реформы и требовалъ, чтобы все дѣло было рѣшено въ первую же половину февраля. Начались очень длинныя и бурныя засѣданія; престарѣлый предсѣдатель гр. Блудовъ съ трудомъ руководилъ преніями. Члены Государственнаго Совѣта пытались измѣнить проектъ реформы, но государь, которому представлялись журналы каждаго засѣданія, почти всегда утверждалъ мнѣніе меньшинства. Измѣненій въ законопроектѣ поэтому было сдѣлано немного. Они опять относились къ матеріальной сторонѣ реформы: 1) Для многихъ мѣстностей былъ пониженъ максимумъ крестьянскаго надѣла, вслѣдствіе чего понизился и низшій надѣлъ, составлявшій одну треть высшаго. 2) Затѣмъ по предложенію кн. Гагарина, приняты были четвертные «дарственные» надѣлы: помѣщику предоставлялось подарить крестьянамъ четверть высшаго надѣла, и если крестьяне соглашались принять этотъ «подарокъ», то всѣ отношенія между ними, основанныя на крѣпостномъ правѣ, считались оконченными. Дворяне съ радостью встрѣтили это добавленіе: тамъ, гдѣ помѣщикъ держался за землю, онъ могъ уступкой небольшой части надѣла какъ бы выкупить для себя право владѣть остальною землей своего имѣнія. Доходы съ этой земли и ростъ арендной платы должны были очень скоро вознаградить его за этотъ «подарокъ».

17 февраля кончилось обсужденіе реформы въ Государственномъ Совѣтѣ, а 19-го государь подписалъ представленныя ему положенія и манифестъ, возвѣщавшій народу о реформѣ. Затѣмъ началось печатаніе какъ манифеста, такъ и положеній, составившихъ довольно объемистый томъ, и, наконецъ, 5 марта послѣдовало опубликованіе манифеста въ Петербургѣ. Съ большимъ или меньшимъ опозданіемъ вскорѣ послѣ этого историческаго дня узнала о возвѣщенной реформѣ и вся Россія.

III.

Такъ какъ «Положенія» 19 февраля были изданы почти безъ перемѣнъ въ томъ видѣ, какъ ихъ кодифицировала редакціонная комиссія, то общій обзоръ ихъ можетъ служить заключеніемъ къ очерку ея дѣятельности.

«Положенія» 19 февраля можно разбить на двѣ большія группы. Къ первой относятся положенія общія для всѣхъ губерній. Они опредѣляютъ: а) личныя права освобожденныхъ крестьянъ, б) ихъ отношенія къ землѣ и помѣщику и в) ихъ управленіе. Вторую группу составляютъ четыре «мѣстныхъ» положенія, опредѣляющихъ поземельное устройство крестьянъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и ихъ повинности въ пользу помѣщика. Наконецъ отдѣльно стоятъ «дополнительныя правила», всего семь статей, касавшихся различныхъ частностей крестьянскаго вопроса, имѣвшихъ, впрочемъ, очень важное значеніе. Таковы, напримѣръ, правила «о крестьянахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ», «о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ» и другія.

Наиболѣе интересны и важны положенія первой группы.

а) Съ отмѣной крѣпостного права сильно мѣнялось къ лучшему правовое положеніе крестьянъ. Они становились лично свободными и какъ таковые могли порознь или цѣлыми обществами заключать съ частными лицами и казной договоры, вести торговлю, открывать промышленныя заведенія, предъявлять иски и жалобы въ судъ и подвергаться наказанію не иначе, какъ по суду или законному распоряженію установленныхъ властей. Но, съ другой стороны, «положенія» содержали рядъ постановленій, сильно стѣснявшихъ личную свободу и несогласныхъ съ идеей гражданскаго равноправія. Крестьяне уравнивались въ правахъ только съ другими *податными* сословіями, которыя по финансовымъ соображеніямъ правительства были ограничены въ своихъ правахъ, находились въ своего рода крѣпостной зависимости. Государство было заинтересовано въ томъ, чтобы лица податного состоянія не ускользали отъ отбыванія своихъ повинностей; поэтому какъ выходъ изъ податного состоянія, такъ и перечисленіе изъ одного въ другое были обставлены разными стѣснительными условіями, которыя коснулись теперь и крестьянъ. Затѣмъ въ цѣляхъ болѣе исправнаго поступленія казенныхъ и земскихъ сборовъ правительство имѣло дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣ-

лыми группами лицъ, обложенныхъ податями и ручавшихся другъ за друга. При такой податной системѣ лицо, связанное круговою порукой, не могло быть свободнымъ, такъ какъ на немъ тяготѣла власть цѣлой группы лицъ, несущихъ за него отвѣтственность. Та же податная система вмѣстѣ съ сообра-

Вел. кн. Елена Павловна.

женіями полицейскаго характера заставила ограничить для крестьянъ право свободнаго передвиженія: крестьянинъ не могъ уйти на сторону съ мѣста, гдѣ онъ приписанъ, не имѣя паспорта, полученіе котораго часто было затруднено разными условіями. Не былъ свободенъ крестьянинъ и въ своей хозяйственной жизни: заботясь о платежеспособности податныхъ

единицъ, правительство стремилось поставить крестьянъ подъ опеку; они были стѣснены, напримѣръ, въ правѣ семейныхъ раздѣловъ и въ правѣ отказываться отъ земельныхъ надѣловъ, что мѣшало имъ свободно выбирать себѣ родъ занятій. Такимъ образомъ, выдвинувъ идею личной свободы и гражданскаго равноправія, положенія 19 февраля далеко не полно провели ихъ въ жизнь и поэтому послужили источникомъ одного изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ крестьянскаго вопроса послѣдняго времени.

б) Что касается отношенія крестьянъ къ землѣ, то имъ отводились усадьбы и полевые надѣлы *въ постоянное пользованіе* за извѣстныя повинности, но съ правомъ выкупить усадьбы по своему требованію, а полевые надѣлы—съ согласія помѣщика. Съ переходомъ къ выкупу крестьяне переставали быть временно-обязанными и дѣлались собственниками земли. Нормы надѣловъ для отдѣльныхъ мѣстностей были установлены различныя, сообразно съ плодородіемъ почвы, густотой населенія и цѣнностью земли. При опредѣленіи этихъ нормъ, какъ мы видѣли, были приняты во вниманіе интересы не крестьянъ, а землевладѣльцевъ. Нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ при выработкѣ положеній нѣсколько разъ понижались, и въ результатѣ отрѣзка земель отъ крестьянскихъ надѣловъ помѣщику сдѣлалась обычнымъ явленіемъ, а прирѣзка отъ помѣщика была лишь исключеніемъ, другими словами, площадь крестьянскаго землепользованія въ общемъ значительно уменьшилась. Введеніе четвертного или дарственнаго надѣла, на который перешло приблизительно 600 тысячъ человѣкъ, вызвало появленіе разряда крестьянъ, совсѣмъ плохо обезпеченныхъ землей. Наконецъ довольно значительное число сельскихъ обывателей осталось совершенно безъ земли. Это были дворовые, которыхъ по 10-й ревизіи (1858 г.) насчитывалось болѣе 720 тысячъ, и крестьяне, перечислившіеся въ классъ мѣщанъ. При надѣленіи крестьянъ землей «Положенія» 19 февраля только въ частностяхъ принимали во вниманіе ихъ интересы: такъ, напримѣръ, строго указывалось, что отрѣзывать изъ крестьянскихъ надѣловъ можно только неунавоженныя пашни, непоемные луга, кустарники, удаленные отъ деревень, лѣса. Изъ унавоженныхъ полей позволялось дѣлать отрѣзки только въ томъ случаѣ, когда другихъ земель не было. Наоборотъ, когда надо было сдѣлать прирѣзку до назначеннаго въ «Положеніи» низшаго надѣла, то она дѣла-

лась изъ угодій, смежныхъ съ крестьянской землей или лежащихъ вблизи.

Временно-обязанные крестьяне за пользованіе землей должны были платить оброкъ. Нормъ оброка было установлено четыре: 12, 10, 9 и 8 руб. съ полнаго душевого надѣла. Оброки эти платились за землю, значитъ, они должны были опредѣляться доходами съ нея, но на самомъ дѣлѣ въ интересахъ дворянства ихъ исчислили выше, принявъ во вниманіе доходы и отъ другихъ неземледѣльческихъ заработковъ крестьянъ. Благодаря этому оброкъ въ нечерноземной промышленной полосѣ съ ея бездоходными землями оказался выше, чѣмъ въ черноземной. Такимъ образомъ оброкъ вознаграждалъ помѣщика не только за уступку земли, но и за личное освобожденіе крестьянъ. То же стремленіе получить недозволенный выкупъ за личность крестьянъ заставило при распредѣленіи оброка ввести въ «Положенія» 19 февраля подесятинную градацію: первую и вторую десятину облагали выше на основаніи того, что будто бы онѣ доходнѣе, такъ какъ крестьянинъ можетъ на обработку ихъ истратить больше капитала и труда; на самомъ же дѣлѣ этотъ невѣрный финансовый расчетъ велъ къ тому, что высокая оцѣнка первой и второй десятины давала помѣщику возможность даже при небольшихъ надѣлахъ получать выкупъ за личность крестьянъ.

Добавочные сборы натурой: птицей, масломъ, яйцами и т. д. для временно-обязанныхъ крестьянъ отмѣнялись совсѣмъ; барщина осталась, но была опредѣлена точными правилами (12 часовъ лѣтній рабочій день и 9 часовъ зимній).

Въ случаѣ добровольнаго соглашенія сторонъ оброкъ могъ быть замѣненъ единовременнымъ выкупомъ при содѣйствіи правительства. Стоимость выкупаемой земли опредѣлялась капитализаціей годового оброка изъ $6^0/_0$; для этого годовой оброкъ надо было умножить на $^{100}/_6$. Затѣмъ правительство платило за крестьянъ помѣщикамъ отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ этой суммы, притомъ не деньгами, а особыми кредитными бумагами, такъ называемыми выкупными свидѣтельствами. Остальную долю выкупа $^1/_4$ или $^1/_5$ крестьяне платили изъ своихъ средствъ, но если помѣщикъ переводилъ крестьянъ на выкупъ помимо ихъ желанія, то онъ терялъ право на полученіе этой доли. Такимъ образомъ, пріобрѣтая землю въ собственность, крестьяне становились должниками казны. Свой долгъ они должны были выплатить въ теченіе 49 лѣтъ ежегодными взносами въ размѣрѣ

6% съ ссуды; $^1/_2$% шли на расходы казны по веденію выкупной операціи, а остальные $5^1/_2$—на погашеніе долга. Выкупленная земля становилась собственностью не отдѣльныхъ крестьянъ, а цѣлой общины, которая распредѣляла полевыя угодья между наличными душами и разверстывала платежи, въ отбываніи которыхъ всѣ члены общины были связаны круговою порукой.

Мы видѣли, что оброкъ былъ опредѣленъ выше доходовъ съ земли. Поэтому и выкупная стоимость земли значительно превышала ея дѣйствительную стоимость: тамъ, гдѣ помѣщикъ, нуждаясь въ деньгахъ, требовалъ выкупа и потому, согласно закону, терялъ право на полученіе $^1/_4$ или $^1/_5$ выкупной суммы, онъ все-таки оставался въ прибыли: такъ высока была оцѣнка земли. Невыгодно было для него только то, что выкупъ онъ получалъ не деньгами, а выкупными свидѣтельствами, при размѣнѣ которыхъ на деньги могли получаться потери. Такимъ образомъ, если недостаточные надѣлы, опредѣленные «Положеніями» 19 февраля вызвали въ скоромъ времени крестьянское малоземелье и безземелье, то высокая оцѣнка ихъ прибавила еще одну сторону къ крестьянскому вопросу—чрезвычайное обѣднѣніе деревни.

Въ «Положеніяхъ» опредѣленъ былъ и порядокъ земельнаго устройства крестьянъ. Изъ потомственныхъ дворянъ, имѣвшихъ землю въ уѣздѣ, выбирались губернаторомъ и утверждались Сенатомъ мировые посредники, которые должны были объяснять крестьянамъ условія освобожденія и вѣдать поземельныя отношенія между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами. Слѣдующей инстанціей считался уѣздный мировой съѣздъ, состоявшій изъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена, назначеннаго правительствомъ. Высшимъ учрежденіемъ по устройству освобождаемыхъ крестьянъ должны были служить открытыя по губернскимъ городамъ «Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія»; въ нихъ засѣдали высшіе чиновники губерніи и выборные члены отъ дворянства.

в) Не свободны были отъ крупныхъ недостатковъ и тѣ части «Положеній», гдѣ опредѣлялось административное устройство крестьянъ.

Вотчинная власть помѣщиковъ уничтожалась. Она сохранена была только въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ до выкупа, но и здѣсь права помѣщика не имѣли реальнаго значенія, такъ какъ сводились лишь на нѣкоторыя почетныя

привилегіи безъ права подвергать крестьянъ взысканіямъ. Крестьяне получили самоуправленіе. Низшей единицей было сельское общество, которое составлялось изъ одного или нѣсколькихъ селеній или изъ нѣсколькихъ частей различныхъ селеній, смотря по общности хозяйственныхъ интересовъ. Всѣ домохозяева сельскаго общества составляли сходъ, на кото-

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

ромъ рѣшались хозяйственныя дѣла общества, опредѣлялся порядокъ пользованія землей, назначались опекуны надъ малолѣтними, разрѣшались семейные надѣлы, разверстывались всѣ земскіе и государственные платежи и разбирались нѣкоторыя другія дѣла. На сходѣ выбирался сельскій староста— органъ власти исполнительной. Изъ сельскихъ обществъ,

имѣющихъ вмѣстѣ отъ 300 до 2 тысячъ ревизскихъ душъ образованы были волости. Здѣсь были особыя учрежденія: 1) волостной сходъ, 2) волостное правленіе и старшина и 3) волостной судъ. Членами волостного схода могли быть сельскія и волостныя должностныя лица и выборные крестьяне, по одному отъ 10 домохозяевъ. На волостной сходъ возлагалось разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ по хозяйству и управленію волостью. Волостное правленіе съ писаремъ и выборнымъ старшиной вѣдало текущія дѣла, при чемъ старшинѣ дана была значительная административная власть. Вѣдѣнію волостного суда, состоящаго изъ выбранныхъ на волостномъ сходѣ судей, подлежали дѣла, касающіяся только крестьянъ: мелкія уголовныя и гражданскія до 100 рублей. Волостному суду дано было право приговаривать къ заключенію подъ арестъ, къ денежному штрафу и къ тѣлесному наказанію до двадцати ударовъ розгою.

Въ административномъ устройствѣ крестьянъ было двѣ темныхъ стороны: 1) надъ личностью освобожденнаго крестьянина была поставлена деспотическая власть міра и 2) органы крестьянскаго самоуправленія, вопреки возраженіямъ либеральныхъ депутатовъ перваго призыва, подчинены были бюрократіи, которая сдѣлала крестьянскія учрежденія орудіемъ своей власти и убила крестьянское самоуправленіе, превративъ его въ систему выборныхъ и даровыхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ.

«Положеніями» 19 февраля крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ гораздо радикальнѣе и справедливѣе, чѣмъ это предполагалось при первыхъ шагахъ къ реформѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ рѣшеніи оказалось такъ много темныхъ сторонъ, что меньше, чѣмъ черезъ четверть вѣка, надъ Россіей снова грозною тучей нависъ крестьянскій вопросъ съ крестьянскимъ малоземельемъ и безземельемъ и чрезвычайно тяжелымъ экономическимъ и правовымъ положеніемъ деревни. Ясно, какъ это замѣтили уже современники, и не только радикально настроенные, подобно Чернышевскому, но и такіе умѣренные либералы, какъ Ив. Аксаковъ,—ясно, что «Положенія» 19 февраля не обезпечили интересовъ крестьянства. Это произошло прежде всего оттого, что на ходъ реформы оказывало сильное вліяніе дворянство. Интересы его, смотря по мѣстнымъ условіямъ, были различны или оно понимало ихъ различно: часть дворянъ желала раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ, которое перестало быть для нихъ выгоднымъ, другіе все еще дер-

Л. Н. Толстой—мировой посредникъ. (Карт. *Курдюмова*).

жались за него; одни желали надѣлить крестьянъ землею, притомъ путемъ обязательнаго выкупа, другіе всю землю хотѣли удержать за собой. Нѣкоторые изъ дворянъ горячо выступали на защиту крестьянъ, но лишь постольку, поскольку это было совершенно необходимо въ цѣляхъ государственныхъ и не задѣвало сильно ихъ собственныхъ интересовъ. «Положенія» 19 февраля пошли посрединѣ всѣхъ этихъ желаній, въ большей или меньшей степени отвѣчая на каждое.

Со стороны правительства для разработки реформы выставлены были лучшія силы: въ редакціонной комиссіи собранъ былъ цвѣтъ чиновничества, люди съ знаніемъ дѣла, хотѣвшіе и умѣвшіе работать. Но даже самые блестящіе изъ нихъ, какъ Н. А. Милютинъ, не говоря уже о Ростовцевѣ, все-таки были слишкомъ чиновниками, чтобы вполнѣ хорошо разрѣшить это живое дѣло. Въ своей дѣятельности они руководились не столько идеей соціальной справедливости и нуждами крестьянъ, сколько заботами о сохраненіи государственнаго спокойствія и безопасности. Такъ же много заботились они объ исправномъ отбываніи крестьянами казенныхъ и другихъ повинностей, но шли къ этому не путемъ достаточнаго обезпеченія крестьянъ, а усиленіемъ чиновничьей опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и установленіемъ власти міра и круговой поруки.

Но при всѣхъ несовершенствахъ своихъ «Положенія» 19 февраля являются актомъ чрезвычайной важности: отмѣна крѣпостного права необходимо требовала, чтобы и другія стороны народной жизни, особенно управленіе и судъ, были реформированы въ духѣ тѣхъ же, хотя и не вполнѣ осуществленныхъ, но все же провозглашенныхъ принциповъ: свободы и гражданскаго равенства. Отмѣна крѣпостного права являлась залогомъ скораго обновленія всего общественнаго и политическаго строя Россіи, потому въ лучшей части тогдашняго общества «Положенія» 19 февраля на ряду съ чувствомъ разочарованія вызывали также радостную надежду, что эпоха великихъ реформъ только еще начинается.

IV.

Знаменательные дни 19 февраля и 5 марта, дни утвержденія и опубликованія крестьянской реформы, составили эру обновленной Россіи, но для проведенія возвѣщенной реформы въ жизнь потребовалось еще нѣсколько лѣтъ.

По Положеніямъ 19 февраля введеніемъ реформы должны были заниматься три инстанціи. Главная работа была возложена на *мировыхъ посредниковъ*, избираемыхъ губернаторомъ по совѣщанію съ предводителемъ дворянства изъ числа мѣстныхъ дворянъ и утверждаемыхъ Сенатомъ, что должно было придать имъ большую независимость отъ общей администраціи. Вторую инстанцію представлялъ уѣздный мировой съѣздъ, учрежденіе не постоянное и состоящее изъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и уѣзднаго предводителя дворянства въ качествѣ предсѣдателя. Третьей инстанціей являлось губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, гдѣ, кромѣ представителей высшей администраціи — губернатора, прокурора и управляющаго государственными имуществами, были еще предводитель дворянства и представители помѣщиковъ — два по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ и два по выбору предводителей дворянства.

Ланской понималъ, что при проведеніи реформы особенно важное значеніе должны будутъ имѣть мировые посредники, на которыхъ падала работа на мѣстахъ, и потому особымъ циркуляромъ отъ 22 марта 1861 г. рекомендовалъ губернаторамъ приглашать въ посредники только такихъ лицъ, «которые извѣстны несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами». Хотя лишь немногіе губернаторы послѣдовали этому указанію, однако, въ общемъ составъ мировыхъ посредниковъ оказался хорошимъ, и на ряду съ людьми равнодушными въ ихъ число почти повсемѣстно попали и горячіе сторонники крестьянской реформы.

На мировыхъ посредниковъ возложена была обязанность: 1) устроить матеріальный бытъ крестьянъ и 2) организовать новое крестьянское управленіе со сходами, волостными судами и выборными должностями. Кромѣ того, они должны были разъяснять крестьянамъ ихъ права и обязанности и разрѣшать всякіе споры и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами.

Первая изъ этихъ обязанностей была особенно трудна. Поземельное устройство крестьянъ и размѣры ихъ повинностей опредѣлялись *уставными грамотами*, составленіе которыхъ предоставлено было помѣщикамъ, обязаннымъ при этомъ вступать въ соглашеніе съ крестьянами, либо руководиться нормами положеній. Если помѣщики въ теченіе года не успѣ-

вали выработать уставную грамоту, то обязанность эта переходила къ мировымъ посредникамъ. Они же провѣряли и утверждали добровольныя сдѣлки крестьянъ съ помѣщиками и разбирали возникавшія при этомъ недоразумѣнія и жалобы. Мировымъ посредникамъ приходилось при этомъ, съ одной стороны, бороться противъ злоупотребленій и посягательствъ помѣщиковъ, а съ другой стороны — побѣждать предразсудки крестьянъ, очень часто не понимавшихъ своихъ собственныхъ интересовъ. Яркимъ примѣромъ такого непониманія можетъ служить стремленіе многихъ крестьянъ получить лишь *даровой четвертной* надѣлъ, который впослѣдствіи при быстромъ ростѣ арендныхъ цѣнъ долженъ былъ поставить этихъ *дарственниковъ* въ чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе. Всю громадную работу поземельнаго устройства крестьянъ предполагалось окончить къ веснѣ 1863 г., но она вездѣ немного затянулась.

Не менѣе трудной была работа по образованію волостей и по организаціи волостного правленія, волостныхъ судовъ и крестьянскихъ выборовъ. На все это назначенъ былъ восьмимѣсячный срокъ.

И безъ того трудная дѣятельность мировыхъ посредниковъ скоро была поставлена въ крайне неблагопріятныя обстоятельства, вызванныя интригами крѣпостниковъ, которые продолжали кричать о грядущей пугачевщинѣ и гибели государства и добились того, что Ланской и Милютинъ помимо своей воли получили отставку. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ въ 1859 и 60 году былъ сторонникомъ дворянской аристократической партіи. Теперь онъ собирался строго и буквально исполнять «Положенія», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ больше всего заботился объ успокоеніи помѣщиковъ, для чего ему надо было прижимать крестьянъ. Новый правительственный курсъ заставилъ уйти въ отставку тѣхъ немногихъ губернаторовъ, которые горячо взялись за проведеніе крестьянской реформы. Позднѣе другихъ ушелъ калужскій губернаторъ В. А. Арцимовичъ. Назначенный по настоянію Валуева сенаторомъ, онъ вынужденъ былъ оставить свой постъ, на которомъ успѣлъ проявить себя талантливымъ администраторомъ и дѣятельнымъ сторонникомъ крестьянской реформы.

Труднѣе было Валуеву удалить неугодныхъ ему мировыхъ посредниковъ, которые утверждались Сенатомъ и потому не

зависѣли отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ ряда неудачныхъ мѣръ онъ остановился на мысли сократить число мировыхъ участковъ. Послушные ему губернаторы провели эту мѣру черезъ губернскія присутствія, и нѣкоторые участки были признаны лишними. Уничтожались, конечно, тѣ участки, гдѣ дѣйствовали наиболѣе независимые посредники. Съ уходомъ ихъ уровень мировыхъ посредниковъ замѣтно понизился, а это должно было неблагопріятно отразиться и на крестьянскомъ дѣлѣ. Правда, бо́льшая часть уставныхъ грамотъ къ этому времени была уже составлена, и хозяйственное устройство крестьянъ опредѣлилось уже довольно точно, но зато должно было измѣниться къ худшему положеніе только что образованныхъ волостныхъ правленій и судовъ, которые зависѣли отъ руководства мировыхъ посредниковъ. Какъ разъ въ этомъ пунктѣ было одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ крестьянской реформы: редакціонная комиссія, признавъ принципъ крестьянскаго самоуправленія, однако поставила его подъ сильную административную опеку, которая лишала крестьянскія учрежденія всякой самостоятельности. Нѣкоторыя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія старались поправить этотъ слабый пунктъ разъясненіями, въ которыхъ проводили мысль, что рѣшенія крестьянскихъ сходовъ и судовъ должны быть совершенно самостоятельны и потому въ ихъ дѣятельность не должны вмѣшиваться никакіе представители правительственной власти. При Валуевѣ этотъ взглядъ былъ оставленъ, и органы крестьянскаго самоуправленія, образованные по «Положеніямъ 19 февраля», скоро превратились въ низшіе полицейскіе органы, подчиненные общей администраціи.

Такимъ образомъ, при выполненіи крестьянской реформы совершенно такъ же, какъ и при выработкѣ ея основъ и деталей, происходила борьба партій, которыя отстаивали свои несходные матеріальные интересы и различныя политическія и общественныя программы. Соотношеніе общественныхъ силъ было таково, что въ томъ и другомъ случаѣ эта борьба неблагопріятно отразилась на великой реформѣ 1861 года, поставившей крестьянъ въ такое положеніе, изъ котораго очень скоро выросъ современный крестьянскій вопросъ, еще ждущій своего разрѣшенія.

Евг. Вишняковъ.

Манифестъ 19 февраля въ народномъ сознаніи.

Сознательно и напряженно ждала наша передовая интеллигенція этого манифеста, который былъ для нея поворотнымъ моментомъ въ культурной жизни страны, знаменіемъ новой эры. «Въ ожиданіи его, — говорилъ Кавелинъ, — истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ людей». Смолкали принципіальные споры западниковъ и славянофиловъ, когда рѣчь заходила объ освобожденіи крестьянъ. Сколько поколѣній, со временъ Радищева, вѣрило и надѣялось, что доживутъ, что увидятъ эти дни! И тяжела была «жертва отсутствія» тѣхъ изъ нихъ, кто, какъ Герценъ, встрѣчали этотъ день на чужбинѣ.

Напряженно, въ мучительной тоскѣ, порой переходящей въ отчаяніе, ожидала своего раскрѣпощенія народная масса. Здѣсь, въ ея нѣдрахъ, всякую сознательную работу мысли пересиливала страстная вѣра въ лучшее будущее. «Воля» пересиливалась прежде всего *чувствомъ*, это было мистическое, святое слово, безъ вѣры въ нее нельзя было жить. Это чувство волновало мысль, усиленно разжигало воображеніе, создавало легенду.

И представляетъ глубокій психологическій интересъ прослѣдить, проанализировать и понять, какъ реагировала народная масса на доходившіе до нея слухи о готовящемся освобожденіи, какъ она восприняла самую вѣсть о немъ, какъ поняла и встрѣтила слова манифеста. Но, приступая къ освѣщенію этого вопроса, мы сознаемъ, что у насъ слишкомъ мало данныхъ для правильнаго сужденія объ этихъ переживаніяхъ народа. Вѣдь большинство источниковъ, по которымъ мы можемъ судить объ этомъ, идутъ не непосредственно отъ самого народа, а отъ разнообразныхъ представителей дру-

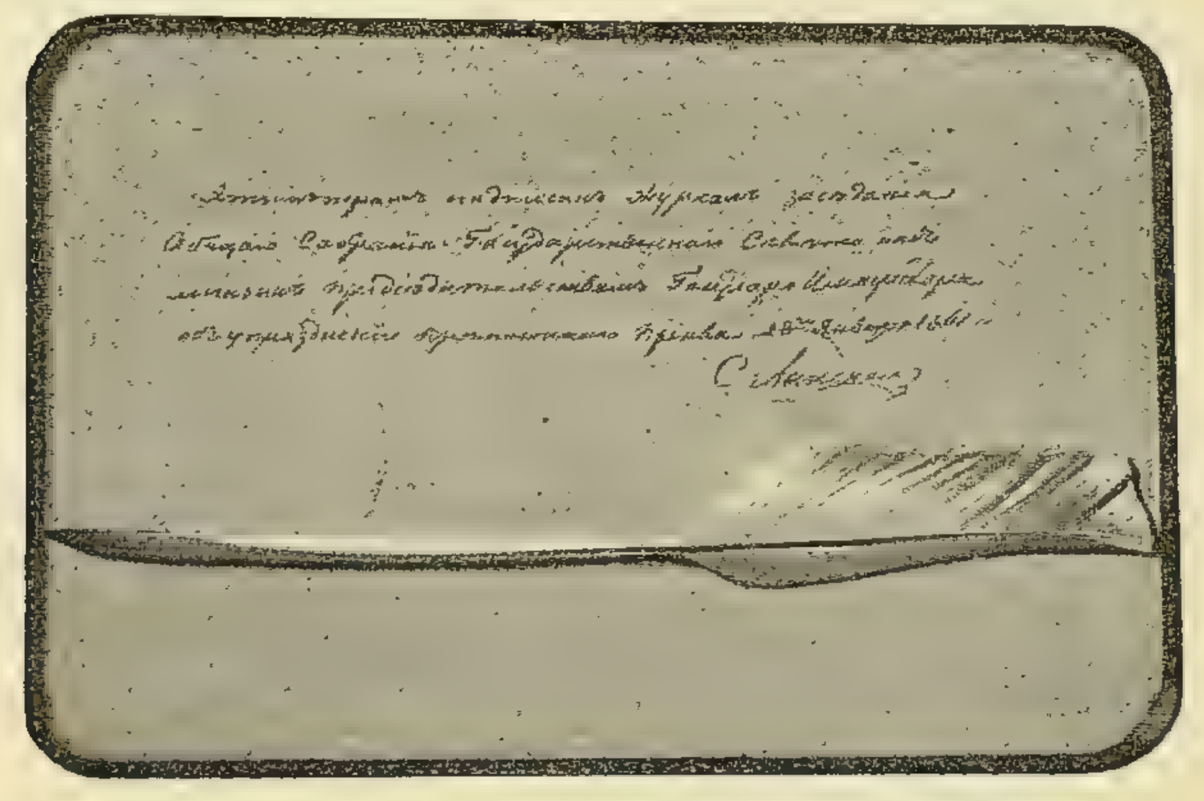
гихъ сословій, — отъ интеллигентовъ-народниковъ до представителей духовной и административной власти включительно. А это еще большой вопросъ, насколько добросовѣстно и объективно сумѣли они разобраться въ томъ, что дѣйствительно переживалъ народъ, насколько глубоко могли проникнуть въ его настроенія. Вѣдь даже quasi - народныя пѣсни о волѣ, — и тѣ носятъ опредѣленный интеллигентско-народническій характеръ. Наконецъ самое понятіе «народа» нельзя представлять себѣ, какъ нѣчто безусловно однородное, цѣлостное, вѣрнѣе, говорить о народныхъ группахъ, переживавшихъ въ это радостно-тревожное время до противорѣчивости разнообразныя настроенія, въ зависимости отъ того, какъ сложились условія неволи, что было пережито до этого момента и пр. И приходится быть крайне осторожнымъ и щепетильнымъ, опираясь на многіе косвенные источники.

Прежде всего необходимо пристальнѣе присмотрѣться къ тому, каковы были предшествующія ожиданія, какая въ этомъ смыслѣ могла создаться традиція, которая могла бы вліять на народное сознаніе къ моменту объявленія «воли» и такъ или иначе предрасполагать народъ къ опредѣленнымъ настроеніямъ.

Это начало ожиданій близкаго раскрѣпощенія ранній историкъ крѣпостного права Бѣляевъ возводитъ къ моменту раскрѣпощенія дворянства, т.-е. за столѣтіе передъ 61 годомъ. Крестьяне «надѣялись, что и крѣпостнымъ людямъ будетъ дана такая же свобода служить или не служить тому или другому владѣльцу, какую свободу уже получили, по манифесту отъ 18 февраля (1762 г.), дворяне относительно государственной службы». А вслѣдъ за указомъ 29 марта 1762 г. стали возникать и слухи, что «новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольно-наемными людьми, готовитъ указъ о свободѣ крестьянъ». И начавшая въ этомъ направленіи работать народная фантазія тогда же, какъ это бывало постоянно и потомъ, переходила въ легенду, что «указъ объ ихъ свободѣ уже готовъ, что его отъ нихъ скрываютъ, и что только имъ самимъ должно начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ». Вспыхнувшіе же въ связи съ этими слухами бунты (въ Тверской и Смоленской губ.) показываютъ, какъ отвѣчали эти слухи имѣвшимся настроеніямъ, а изъ цѣлаго ряда послѣдующихъ указовъ и

манифестовъ, напоминающихъ о суровомъ наказанiи для распространителей ложныхъ слуховъ, можно заключать, что эти явленiя были общаго характера, а не случайнаго.

А желанные слухи, неопредѣленные, но настойчивые и таинственные, о готовящемся или уже совершившемся, но скрываемомъ освобожденiи проникали въ народную массу, въ ней жили, ею напряженно воспринимались и всею силою истомленнаго чувства народъ имъ охотно вѣрилъ. Въ иные моменты они прiобрѣтали особую силу и вѣроятность. Новое воцаренiе, коронацiя, новый манифестъ, тревожное время

Перо Александра II.

войны—это было достаточнымъ поводомъ для ихъ усиленiя. Въ эпоху Крымской войны, когда уже чувствовались новыя назрѣвающiя вѣянiя, а прежняя неволя давила еще попрежнему, и тѣмъ тяжелѣе было сносить ее,—въ это дѣйствительно переходное, предреформенное время ожиданiя сдѣлались особенно напряженными, и всякiй новый манифестъ интенсивно возбуждалъ мечту о волѣ. Такъ было съ указомъ 3 апрѣля 1854 г. и съ манифестами 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г. Въ первомъ указѣ призывались крестьяне, желающiе зачислиться въ морское ополченiе для сформированiя гребной флотилiи въ цѣляхъ усиленiя обороны балтiйскихъ береговъ. Съ разрѣшенiя помѣщика крѣпостные могли записываться

въ это ополченіе съ временнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостныхъ повинностей. И вотъ, разсказываетъ г. Слуспинскій, «среди нихъ быстро появились слухи, что поступленіе въ морское ополченіе ведетъ за собою полное освобожденіе отъ крѣпостной зависимости не только для самихъ охотниковъ, но и для ихъ семействъ, и что въ ополченіе можно поступать помимо желанія помѣщиковъ» *). Въ результатѣ въ одну Москву явилось 1371 человѣкъ, желающихъ поступить въ ополченіе. А въ Новгородской губ. «всѣ вотчины заволновались, поднялись на ноги. Прежде всего крестьяне, почувствовавъ за плечами «волю», перестали повиноваться господамъ, начали глумиться надъ крѣпостничествомъ и гордо выражали свое мнѣніе, что наступилъ теперь и на ихъ сторонѣ праздникъ. Они отовсюду шли и властно требовали билетовъ».

Манифестъ о воцареніи Александра II совершенно умалчивалъ о крѣпостномъ правѣ. Тѣмъ радостнѣе былъ встрѣченъ слѣдующій манифестъ—24 января 1855 г.—опять о народномъ ополченіи, такъ какъ слухи снова упорно говорили, что «помѣщичьи крестьяне, которые добровольно пойдутъ въ ополченіе, получатъ волю съ ихъ семействами и избавятся навсегда отъ власти помѣщиковъ».

Но воли все еще не было, мечты не сбывались, и вновь создается молва, что власть скрываетъ волю, искажаетъ манифесты и пр. И чѣмъ дальше, тѣмъ нетерпѣливѣе и нервнѣе реагируетъ народная молва на новые указы. Такъ, по поводу указа «по вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ», «вдругъ въ городѣ (Петербургѣ) разнесся слухъ, что вышелъ указъ о вольности и что его продаютъ въ Сенатѣ. Толпы народа бросились въ сенатскую лавку за дорогимъ указомъ, и въ теченіе трехъ дней не было въ лавкѣ отбоя, а на Сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что, наконецъ, полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавкахъ, и цѣна его доходила до трехъ рублей. Множество экземпляровъ послано было крестьянами во внутрь губерній, и цѣлый годъ спустя еще о немъ толковали по деревнямъ». Именно въ связи съ этимъ указомъ, по словамъ Демерта, въ народѣ жилъ

*) Архивныя мелочи. Морское ополченіе. *Русск. Стар.*, 1905 г., № 12.

слухъ, что еще передъ коронаціей царь далъ мужикамъ волю, и что «кому удастся поймать бумажку или хоть уголки какой-нибудь бумажки, тотъ и вольный».

И когда подлинное содержаніе этихъ указовъ разъяснялось — чаще всего, конечно, вооруженной силой — народъ

Императорская комната въ Останкинѣ.

все же не вѣрилъ, а если и вѣрилъ, то наивно прибавлялъ: «Батюшка, мы и сами добре знаемъ, що такого указа нема, коли жъ намъ хочется, щобъ винъ буве».

«Года за три до 1861 г.,—разсказываетъ мировой посредникъ перваго призыва Крыловъ,—народъ въ каждомъ про-

ѣзжающемъ видѣлъ вѣстника воли. Съ ярмарки, съ базаровъ, съ богомолій всегда крестьяне привозили новости о волѣ. Разсказы велись на всѣ лады: какъ царь посылалъ волю въ бочкахъ съ икрою, въ ящикахъ просмоленныхъ, но господа успѣютъ пронюхать и выкрадутъ. Пробовалъ царь и черезъ своихъ вѣрныхъ людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили въ острогахъ».

Итакъ, еще задолго до 19 февраля или, точнѣе, до 5 марта манифестъ въ народномъ сознаніи выросталъ въ нѣчто легендарное. Ждали страстно, напряженно *чистой* воли, полнаго паденія крѣпостныхъ цѣпей, полнаго возвращенія земли народу.

И этотъ моментъ насталъ.

Какъ отвѣтилъ, какъ понялъ народъ давно ожидаемый манифестъ?

Глубоко былъ правъ Герценъ, когда писалъ въ «Колоколѣ»: «Не отдыхъ, не воля ждетъ народъ, а новый страшный искусъ».

Манифестъ далеко не оправдалъ такъ страстно лелѣемыхъ ожиданій. Радостная вѣсть была моментомъ великихъ разочарованій и испытаній, моментомъ недоразумѣній и недоумѣній.

Прежде всего — тяжелая, витіеватая, книжная редакція самаго *манифеста*, не говоря уже о канцелярскомъ языкѣ *Положеній*. Погодинъ писалъ Шевыреву 4 мая 1861 г.: «Манифестъ написанъ Филаретомъ прескверно. Въ *Положеніяхъ* переломишь ногу. Народъ ничего не понялъ, и крупичатая мука сдѣлана хуже аржаной. Грустно и тяжело!»

«Съ напряженнымъ вниманіемъ читая и перечитывая,— писалъ тотъ же Погодинъ Д. А. Толстому,—ничего въ толкъ не возьмешь: что же могли понять здѣсь крестьяне, для которыхъ нужны правила простыя, ясныя, въ родѣ десяти заповѣдей?»

Періодическая печать того времени лишь крайне односторонне могла освѣтить народныя настроенія. Восторгъ, радость, благодарность — эти чувства мы только и встрѣчаемъ въ официальныхъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ. Такъ, въ Рязани манифестъ «принятъ радостно отъ всѣхъ сословій»; въ Витебскѣ «принятъ народомъ съ выраженіемъ глубокой благодарности»; въ Ярославлѣ «народъ съ благо-

говѣніемъ встрѣтилъ великую радость»; въ Нижнемъ-Новгородѣ «народъ привѣтствовалъ его криками «ура!» «Вездѣ тихо, спокойно и радостно» и пр. и пр., все въ томъ же духѣ. Лишь телеграмма изъ Харькова, сухо, сдержанно, какъ отмѣтка стараго педагога, гласила: «Впечатлѣніе вполнѣ удовлетворительное»...

Обратившись къ дневникамъ и воспоминаніямъ лицъ, имѣвшимъ возможность ближе присмотрѣться къ народу въ этотъ рѣдкій въ его жизни моментъ, мы найдемъ нѣчто совершенно иное. Правда, особаго единодушія въ этихъ показаніяхъ мы не встрѣтили. Да это и понятно: очень трудно было въ эту минуту отвлечься отъ своихъ собственныхъ переживаній, тѣмъ болѣе, что они сами по себѣ были радостны, такъ какъ моментъ былъ дѣйствительно исключительный.

Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно долетали слова: «Указъ о вольности — свобода». Одинъ, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиновеніи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ: «Чортъ дери эту бумагу! Два года — какъ бы не такъ, стану я повиноваться!» Другіе молчали».

А Погодинъ отмѣчаетъ въ дневникѣ то, что мы узнаемъ и изъ другихъ источниковъ: «Народъ вдругъ не понялъ, не выразумѣлъ, не взялъ въ толкъ, что онъ манифестомъ получаетъ... *Недоумѣніе* вотъ слово, которое характеризуетъ настоящее положеніе въ воскресенье... Вскорѣ начали доноситься слухи объ общемъ ропотѣ: что это за свобода съ оброками и барщиной? Надо было непремѣнно ожидать недоразумѣній и столкновеній»...

Такое же настроеніе подчеркиваетъ и другой очевидецъ Сухотинъ: «Народъ, не понимая ни слова изъ манифеста, что-то плохо вѣритъ свободѣ».

Изъ извѣстной, такъ горячо написанной замѣтки Ушинскаго («5 марта 1861 г.»), пережившаго вмѣстѣ съ столичнымъ населеніемъ моментъ объявленія воли, мы узнаемъ о

тихой радости, о торжественности и сосредоточенности настроенія въ простой массѣ, ея сознательное желаніе — быть *трезвымъ* въ этотъ день, несмотря на послѣдній день масленицы.

Итакъ, въ столицахъ, если и были недоумѣнія, то была и радость, были и манифестаціи при встрѣчѣ царя.

Что же переживалось тамъ, въ глухой деревнѣ, куда манифестъ, вслѣдствіе весенняго бездорожья, проникалъ значительно позднѣе, а *Положенія* нерѣдко доставлялись не цѣликомъ, а частями, подстрекая новыя надежды? Что творилось тамъ, гдѣ напряженное, томительное ожиданіе достигало своего максимума, питаясь слухами и вѣрой въ скорую *чистую* волю?

Здѣсь радости было куда меньше. Она сразу же смѣнялась тревогой, недоумѣніемъ, разочарованіемъ, за которыми слѣдовали новыя, томительныя ожиданія *настоящей* воли, которую тщетно искали и хотѣли вычитать изъ манифеста и Положеній.

Такъ, сельскій конторщикъ Владимирской губерніи заноситъ въ дошедшій до насъ дневникъ малоутѣшительныя впечатлѣнія дня: «Манифесту никто не обрадовался. Отъ крестьянъ ни слова ни звука радости. Народъ понялъ одно: оставаться, дескать, два года крѣпостнымъ, да и шабашъ... Снова уныло повѣсилъ онъ голову и занялся мыслями объ оброкѣ... Въ церкви утромъ вчера (11 марта) читали манифестъ. Народъ внимательно слушалъ и также остался недоволенъ. «Два года, значитъ, еще подвластны, а тогда и будетъ настоящая воля. Можетъ-быть, околѣешь до той поры!» говорилъ одинъ мужикъ, выбираясь изъ церкви»...

Даже самое чтеніе манифеста въ иныхъ мѣстахъ далеко не встрѣчалось въ тишинѣ и безмолвіи.

«Это были не люди,—пишетъ одинъ сельскій священникъ,— а клокочущая подземная лава, рвущаяся наружу и готовая затопить собою и уничтожить все». Этому священнику, какъ благочинному, по указу консисторіи, предписывалось находиться при священникахъ въ качествѣ наблюдателя при чтеніи ими манифеста. И когда въ мартѣ 1861 г. онъ съ исправникомъ поѣхалъ къ ближайшему пригородному селу, гдѣ становые пристава, сотскіе и десятскіе уже успѣли оповѣстить народъ, «въ первой же деревнѣ народъ весь высыпалъ имъ навстрѣчу».

«На всѣхъ лицахъ ясно были видны и радость и недовѣріе... Они не знали, радоваться имъ нашему пріѣзду или плакать... Всѣ стояли безъ шапокъ, въ какомъ-то забвеніи: и радость, и горе, и надежда, и недовѣріе,—все ясно выражалось въ этомъ стоявшемъ народѣ... «На себѣ донесемъ васъ, — закричали всѣ, смѣясь, — лишь волю-то намъ дайте!»

«И вотъ всѣ собрались въ церковь, гдѣ вскорѣ же воцарилась мертвая тишина, но очень не надолго. Уже первыя тирады манифеста стали прерываться шумомъ толпы. А когда прочтено было: «Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ Положеніи повинности», крестьяне «были огорчены и повѣсили головы». Одинъ изъ стоявшихъ впереди крестьянъ сказалъ вслухъ:

«— Да какая же это воля?

«А когда выяснилось, что въ теченіе двухъ лѣтъ крестьяне должны еще быть подъ властью помѣщиковъ, этотъ же мужикъ опять вслухъ сказалъ:

«— Да господа-то, въ два-то года-то, всѣ животы наши вымотаютъ!

А. П. Щаповъ.

«Когда же священникъ прочелъ: «До истеченія сего срока крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности», крестьяне зашумѣли не на шутку. Поднялся ропотъ и крикъ до того, что священникъ долженъ былъ остановиться чтеніемъ».

Въ другомъ селѣ «во время чтенія манифеста крестьяне стояли, понуривъ головы, и видно было, что они отъ воли этой не ждутъ ничего для себя добраго. Они слушали манифестъ, какъ приговоръ въ ссылку». Правда, отъ этого же священника узнаемъ, что «когда по выходѣ изъ цер-

кви исправникъ все объяснилъ, они совершенно успокоились».

Вполнѣ понятно, что отношеніе къ манифесту и къ тѣмъ льготамъ, которыя непосредственно имъ давались, находилось въ зависимости прежде всего отъ огромной разницы въ положеніи крестьянъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ. Такъ, напр., въ предѣлахъ Калужской губерніи по одну сторону Оки находились больше имѣнія оброчныя, въ которыхъ крестьяне пользовались всѣми землями, за исключеніемъ лѣсовъ, съ платою умѣреннаго сравнительно оброка (отъ 11 р. 50 к. до 16 р. съ тягла), безъ всякихъ дополнительныхъ сборовъ и даней, тогда какъ по другую сторону были расположены имѣнія съ тяжелой барщиной. И вотъ въ послѣднихъ мѣстахъ «крестьяне встрѣтили волю торжественнымъ звономъ колоколовъ и говорили, что это для нихъ настоящій Свѣтлый праздникъ». Особенно ликовали бабы, что отмѣняются дани и произвольные сверхъ барщины поборы: птицею, яйцами, холстомъ, пряжею, грибами и пр. Напротивъ, въ первыхъ районахъ ликованія не было, а были опасенія, «какъ бы при волѣ-то не сдѣлалось хуже».

Въ предѣлахъ Казанской губерніи среди мужиковъ стали ходить слухи, что настоящая воля придетъ только черезъ два года, теперь дана лишь «бабья воля». Но этимъ слухамъ не хотѣли вѣрить: «Какъ этому можно вѣрить, — толковали мужики, — чтобы царь подумалъ о курахъ, холстахъ, яйцахъ да о бабахъ, а про мужиковъ забылъ и отложилъ волю еще на два года? Въ два-то года вы насъ такъ обездолите, что намъ и воля хуже неволи будетъ»... А потому и приходили къ убѣжденію, что вмѣстѣ съ «бабьею волей» прислалъ царь и «мужичью волю», но ее господа утаили, чтобы «еще два года воспользоваться даровымъ крестьянскимъ трудомъ». Посылались на мірскія деньги и ходоки разузнать, какъ обстоитъ дѣло съ волей въ другихъ мѣстахъ, но, вернувшись назадъ, къ общему разочарованію, докладывали міру, что вездѣ одно и то же: «Бабью волю господа выказали, а мужичью не выказываютъ».

Это мнѣніе, что пришла и настоящая воля, но что попы и господа ее прячутъ отъ народа, повидимому, было очень распространеннымъ. Приходилось думать, что «всѣ закуплены!..»

Толкованіе манифеста 19 февраля въ с. Безднѣ. (Карт. *Зайцева*).

Молва о томъ, что отъ крестьянъ скрываютъ настоящую царскую волю, росла быстро, подобно волнѣ, перекатываясь изъ одного селенія въ другое.

— Облыжный указъ намъ читаютъ! А настоящую золотую царскую грамоту скрываютъ отъ насъ! — уже въ одинъ голосъ говорили по разнымъ деревнямъ.

Всякая обмолвка со стороны лицъ, читавшихъ крестьянамъ манифестъ, нервно ловилась и будила нужныя ассоціаціи.

«Въ одномъ селѣ, — разсказываетъ Якушкинъ, — старикъ-попъ сталъ читать съ амвона въ церкви манифестъ; разбиралъ плохо и, плохо разбирая, прочиталъ:

— О сѣни... о сѣни... Нѣтъ, ребята! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!..

Народъ вообразилъ, что въ манифестѣ сказано что-то о сѣнѣ, что священникъ не хочетъ читать. Заставили читать дьякона, но о сѣнѣ все-таки ничего не было. Взяли манифестъ, вышли изъ церкви и стали читать сами».

На почвѣ недовѣрчиваго отношенія къ лицамъ, читавшимъ «превратно» манифестъ, рождалось понятное желаніе самимъ, непосредственно раздобыть подлинный манифестъ и вычитать-таки въ немъ желанную вѣсть. При этомъ возникали новыя догадки, строились гипотезы, опять создавались легенды, росло броженіе, нерѣдко переходившее въ открытый бунтъ. И такъ легко, по-дѣтски наивно, вѣрили всякому, кто *сумѣлъ* вычитать золотыя слова о подлинной волѣ. А когда былъ присланъ циркуляръ, предписывающій строго надзирать, чтобы безъ позволенія начальства никто не читалъ крестьянамъ Положенія, то онъ будилъ лишь новую подозрительность и подогрѣвалъ прежнія надежды. Это распоряженіе, разсказываетъ Крыловъ, «вновь возбудило въ нихъ надежду, что въ Положеніи скрывается гдѣ-нибудь «истинная воля», и, во что бы то ни стало, надо ее отыскать. Начались тайныя сходбища, на которыя привозили чтецовъ, которые читали и толковали, по найму, за деньги, за водку. Общій интересъ крестьянъ и чтецовъ соединялъ ихъ; они возили ихъ изъ села въ село, кормили, поили, и, разумѣется, лучшій чтецъ считался тотъ, кто больше *правилъ* найдетъ въ книгѣ».

Бывало и такъ, что послѣ такого чтенія, въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ, послѣдніе шли къ священнику

и уже требовали, чтобы былъ въ церкви прочитанъ подлинный манифестъ. Такъ было, напр., въ Кандеевкѣ (Пенз. губ.), гдѣ вскорѣ же вспыхнулъ бунтъ.

— Ребята, пойдемъ къ церкви, — кричалъ народъ, — волю выбивать отъ попа! Скрываетъ попъ настоящую царскую волю... Выходи, батюшка! Читай намъ новую волю!

— Вамъ манифестъ уже читали...

— Не ту, та поддѣльная! А настоящую читай; въ ней сказано, что земля, значитъ, вся наша. Скрываешь ее отъ насъ!— шумѣла толпа. — И ты подкупленъ господами. Мы вѣдь знаемъ, что настоящая воля лежитъ въ церкви на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и со знаменемъ Пресвятыя Богородицы. Помни: если мы найдемъ ее въ церкви, то тебѣ не сдобровать: повѣсимъ вверхъ ногами.

Комментаріи манифеста *своими* людьми были свободны, своеобразны и таинственны. И чѣмъ загадочнѣе были они, тѣмъ больше имъ вѣрили. Глубокая вѣра жила въ народѣ въ царское слово. А эта вѣра иногда грубо эксплуатировалась. Такъ было въ Старой Тишанкѣ, слободѣ Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Толкователемъ манифеста здѣсь явился унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардейскаго уланскаго полка, только что прибывшій изъ Петербурга въ родное село. Иногда онъ выполнялъ обязанности дворцовой стражи, оберегалъ покой его величества, покойнаго государя. «Онъ былъ при царѣ? Этого было достаточно, чтобы лейбъ-уланъ заслужилъ полное и глубокое довѣріе мужиковъ».

— Я при царѣ былъ! Я самъ слышалъ! — говорилъ онъ, и эти слова придавали его рѣчамъ значеніе евангельской истины. Онъ говорилъ, что царь отдалъ крестьянамъ всю барскую землю въ полную собственность, безъ урѣзокъ, цѣликомъ; паны же скрываютъ этотъ манифестъ, а вмѣсто него читаютъ свой, совсѣмъ не тотъ, который писалъ самъ царь.

— И становой и попъ читали намъ, — говорилъ лейбъ-уланъ, — что мы еще «съ осени» стали православный народъ, еще «съ осени» батюшка-царь *призывалъ* насъ *свободно* работать на нашей землѣ, начальство и паны досель не хотѣли объявить намъ милость царя... Теперь, вишь, весна на дворѣ, а намъ только теперь читаютъ манифестъ, да и то не тотъ, не царскій, а панскій. Царскій за большой золотой печатью, а на тѣхъ листахъ, что читалъ становой, ничего нѣтъ... Не давайтесь, стойте крѣпко, за свою волю да за милость царскую

просите, чтобы вамъ прочли *настоящій* манифестъ, за золотой печатью...

Въ результатѣ унтеръ-офицеръ собралъ съ тишанцевъ по гривеннику съ души и отправился въ Петербургъ, «чтобы лично у государя просить царскій манифестъ». А *тишанская воля* закончилась жестокой экзекуціей.

Въ другомъ мѣстѣ (въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губ.) изъ среды народа вышелъ иной, искренній истолкователь манифеста — Антонъ Петровъ, ставшій вскорѣ же народнымъ героемъ, подвижникомъ. Малограмотный расколь-

Чтеніе манифеста. Съ карт. Мясоѣдова.

ничій начетчикъ, — онъ долго и напряженно вдумывался въ каждую строку манифеста и Положеній, желая понять скрытый, таинственный смыслъ. Подобно своимъ землякамъ, онъ вѣрилъ, что разъ *воля* прислана, то она должна быть въ книгѣ, только нужно умѣть найти ее. И ему удалось найти ее!. Уже прочитавъ половину книги мудреныхъ Положеній, надъ которыми, какъ мы видѣли, ломалъ голову даже Погодинъ, онъ вдругъ встрѣтилъ непонятный для него знакъ *10%*. Знакъ этотъ стоялъ посреди страницы 13 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ. А на слѣдующей страницѣ онъ нашелъ образецъ уставной грамоты

и въ первой же строкѣ прочиталъ царское: «*Быть по сему*». Самый видъ уставной грамоты привелъ его въ недоумѣніе, особенно знаки: *00*.

Эти знаки и выраженіе: «*отпущено послѣ ревизіи на волю*», а также какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ приходившійся на предыдущей страницѣ знакъ *10⁰/₀*, да еще царское «*Быть по сему*» — все это навело его на мысль, что тутъ-то и скрывается *воля*, и онъ открылъ народу эту таинственную волю, что «дворовые и крестьяне всѣ отпущены послѣ ревизіи на волю».

Легко себѣ представить, какъ такое открытіе могло подѣйствовать на чувство народа. Такъ упорно скрываемая воля была-таки найдена! Антонъ Петровъ сразу же превращается въ героя, подвижника. На сходкахъ пошли толки, что «царь письмо прислалъ къ Антону Петровичу и велѣлъ народу караулить домъ Антона для того, чтобы господа царскую волю отъ него не отняли». И шли охранять своего героя издалека, за 60 и 80 верстъ: «Шли какъ на праздникъ, шли какъ на богомолье: новые кафтаны, нарядные кушаки, въ рукахъ узелки съ хлѣбомъ и падоги, какъ обыкновенно у дальнихъ прохожихъ».

Среди крестьянъ слободы Борисовки (Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда) появился странникъ, который разсказывалъ, что «идетъ царь Михаилъ и хочетъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ»; странникъ показывалъ *золотую книгу*, гдѣ было сказано, что «всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего».

Эта мысль, что барская земля должна отнынѣ принадлежать народу, конечно, встрѣчалась съ особеннымъ ихъ сочувствіемъ. Якушкинъ передаетъ намъ, что строились, напримѣръ, такіе силлогизмы. Слова манифеста: «Пусть они (крестьяне) тщательно воздѣлываютъ землю и *собираютъ плоды ея*», приводили къ выводу: «Посѣешь рожь, рожь и родится, а *плодовъ* все-таки не будетъ! Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало — и сады къ намъ отойдутъ». Тѣмъ же путемъ слова: «чтобы потомъ изъ *хорошо наполненной житницы* взять сѣмена для посѣва на землѣ», понимались такъ, что здѣсь рѣчь идетъ о *барскихъ житницахъ*, такъ какъ у крестьянъ не житницы, хорошо наполненныя, а только кое-какіе «амбаришки». Наконецъ Якушкинъ слышалъ и

такія рѣчи: «Для чего же я покупать стану землю, коли и такъ можно ее пахать? Хочешь пахать — бери землю... Сказано: перекрестись и только! Тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ! Какая тутъ купля?»

Но какъ же быть съ помѣщиками-землевладѣльцами, разъ земля теперь отходитъ къ мужику? Въ Новгородской губерніи этотъ вопросъ рѣшался очень просто: «Помѣщикамъ не для чего и имѣть землю», такъ какъ «истинное назначеніе дворянъ — это не быть земледѣльцемъ, а чиновникомъ; царь, отнявъ у помѣщиковъ землю, даетъ имъ за это жалованье и служебныя новыя мѣста».

Въ соотвѣтствіе съ этой соціальной идіологіей уяснялся и смыслъ двухгодичнаго срока: «Два года даны помѣщикамъ на размышленіе, чтобы, значитъ, они успѣли приготовиться къ отъѣзду изъ своихъ деревень, потому что черезъ два года въ деревняхъ останутся мужики, а господъ всѣхъ разселятъ по городамъ: въ деревняхъ де вамъ совсѣмъ нечего дѣлать».

Такъ далеки были представленія крестьянъ отъ духа и смысла манифеста, который иногда понимался, какъ *малая воля*, за которою *черезъ два года* будетъ и *большая*, т.-е. полная, настоящая; такъ радикально рѣшался ими вопросъ о землѣ и волѣ. При этомъ вѣра въ царя, въ царское слово была всемогуща: его намѣренія, его волю рѣзко обособляли, выдѣляли отъ крѣпостническихъ тенденцій землевладѣльческаго дворянства.

Такъ истомленное чувство народа, не понимая или не принимая подлиннаго смысла манифеста, заставлявшаго *еще* ждать, по существу отрицая срочно-обязанный періодъ, успокаивалось до поры до времени вѣрою въ подлинное царское слово, лелѣя призрачное убѣжденіе въ близкое наступленіе настоящей воли. Очевидно, больше ждать было невозможное и недоумѣнія часто разрѣшались бунтами.

И. Соловьевъ.

Экономическое положеніе пореформеннаго крестьянства.

Тотъ, кто хочетъ изучать экономическое положеніе крестьянъ послѣ реформы 60-хъ годовъ, прежде всего долженъ ознакомиться съ условіями освобожденія крестьянъ. Освобожденію крестьянъ, какъ извѣстно, предшествовала упорная борьба между двумя партіями,—между тѣми, кто считалъ необходимымъ освободить крестьянъ съ землею, и тѣми, кто всячески противился такому освобожденію. Сторонники освобожденія съ землею въ самомъ началѣ одержали было принципіальную побѣду: Высочайшими рескриптами предрѣшалось сохранить за крестьянами ихъ «усадебную осѣдлость» и предоставить въ пользованіе имъ «надлежащее, по мѣстнымъ условіямъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли». Но затѣмъ путемъ цѣлаго ряда уступокъ землевладѣльческому классу результаты одержанной побѣды въ значительной мѣрѣ были сведены на нѣтъ. Крестьянъ освободили съ надѣломъ, но размѣръ надѣла во многихъ случаяхъ не только не былъ достаточенъ для выполненія крестьянами «обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ», но даже и «для обезпеченія ихъ быта».

Однако этимъ еще не исчерпывается отрицательная сторона реформы 61 года. Получивъ при выходѣ на волю землю въ недостаточномъ количествѣ, крестьяне должны были дорого за нее платить. За исходную точку при опредѣленіи размѣра повинностей (оброковъ) редакціонныя комиссіи сначала приняли существовавшіе при крѣпостномъ правѣ размѣры повинностей, затѣмъ увеличили ихъ. А такъ какъ тяглы были уменьшены, то повинности оказались сугубо увеличенными. Кромѣ того, повинности были распредѣлены крайне неравномѣрно. Была установлена система такъ назы-

ваемыхъ «градацій повинностей», при которой первая десятина облагалась выше, чѣмъ прочія. При этой системѣ, напр., при 12-рублевомъ оброкѣ и 5-десятинномъ надѣлѣ на первую десятину ложилось 6 рублей, на вторую—3, на остальныя три десятины—по одному рублю. Такимъ образомъ крестьянинъ, имѣвшій надѣлъ въ 2 десятины, платилъ 9 рублей оброка; когда у него было 3 десятины—платилъ 10 руб., у кого 4 десятины—11 руб. и т. п.

Исчисляемый такимъ своеобразнымъ способомъ оброкъ легъ впослѣдствіи въ основаніе вычисленія выкупныхъ платежей. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ таковые были исчислены въ размѣрѣ 897 милліоновъ рублей (за 32 милліона десятинъ). Между тѣмъ по продажнымъ цѣнамъ того времени весь надѣлъ долженъ быть оцѣненъ въ 648 милліоновъ рублей, т.-е. на одну четвертую часть дешевле оцѣнки выкупного долга. Въ дѣйствительности же бывшіе помѣщичьи крестьяне вмѣстѣ съ процентами внесли 1.544 милліона рублей, хорошо заплативъ тѣмъ самымъ не только за надѣльную землю, но и за свою личную свободу.

Въ лучшемъ положеніи послѣ реформъ 60-хъ годовъ очутились удѣльные крестьяне, но и они оказались пострадавшими. Дѣло въ томъ, что земля, состоявшая въ ихъ пользованіи, когда они находились въ зависимости отъ удѣловъ, была занесена въ такъ называемыя табели поземельнаго сбора безъ точнаго измѣренія. При межеваніи же оказалось, что вмѣсто 3.353 тыс. десятинъ, числившихся въ пользованіи 826 тысячъ ревизскихъ душъ въ 20 губерніяхъ, въ ихъ фактическомъ владѣніи находилось 4.053 тыс. десятинъ. Въ результатѣ освобожденные удѣльные крестьяне получили въ надѣлъ столько земли, сколько ее значилось въ табеляхъ поземельнаго сбора. Излишекъ же противъ табели оставлялся крестьянамъ лишь въ случаѣ, если площадь табельной земли не достигала высшей нормы надѣла для помѣщичьихъ крестьянъ. Примѣненіе этого начала привело къ тому, что удѣльные крестьяне 13 губерній вмѣсто 3,4 милліона десятинъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи, получили при освобожденіи 3,08 милл. дес., т.-е. на 10% менѣе. Правда, въ пяти сѣверныхъ губерніяхъ селеніямъ, ведущимъ переложное хозяйство или занимающимся смолокуреніемъ, была сдѣлана прирѣзка земли, но крестьяне отъ этой прирѣзки ничего не выиграли, а только потеряли. Дѣло въ томъ, что въ этихъ губерніяхъ крестьяне послѣ нѣ-

скольких лѣтъ обработки какого-нибудь участка земли забрасываютъ его и даютъ на немъ расти лѣсу. Взамѣнъ забрасываемыхъ участковъ изъ-подъ лѣса расчищаются новые участки. Такая расчистка—дѣло очень трудное, и потому у крестьянъ, ведущихъ лѣсопольное хозяйство, расчищенная площадь обыкновенно небольшая. Свое благополучіе такой крестьянинъ строитъ не на той площади, которая имъ расчищена, а на томъ, чтобы можно было пользоваться окружающимъ лѣсомъ. Съ отграниченіемъ крестьянскихъ земель отъ удѣльныхъ крестьяне лишились права на этотъ окружающій лѣсъ и должны были ограничиться небольшимъ пространствомъ своей земли.

Всего менѣе потрясеній испытало хозяйственное положеніе государственныхъ крестьянъ, но и по отношенію къ нимъ дѣло не прошло совсѣмъ гладко. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ практиковалось лядинное или переложное хозяйство, крестьяне потеряли право производить расчистки въ казенныхъ лѣсахъ, взамѣнъ этого имъ отводилось въ постоянное пользованіе опредѣленное количество лѣсныхъ угодій. Кромѣ того, вмѣстѣ съ преобразованіемъ быта государственныхъ крестьянъ была увеличена на 2 милл. рублей оброчная съ нихъ подать. Въ довершеніе всего и государственныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землею доселѣ на правахъ собственности, заставили выкупать эти земли, что, по мнѣнію И. Аксакова, было равносильно тому, чтобы «заставить дубъ выкупать свои собственные корни».

Нужны были особенно благопріятныя обстоятельства, чтобы освобожденные при описанныхъ выше условіяхъ крестьяне могли благополучно перенести ударъ, нанесенный ихъ хозяйству отрѣзками, тяжелыми повинностями и другими отрицательными сторонами освободительной реформы. Но обстоятельства слагались далеко не въ пользу крестьянства. Прежде всего росъ государственный бюджетъ: еще наканунѣ реформы (въ 1857 г.) обыкновенные государственные расходы составляли менѣе 300 милл., а въ 1862 году они возросли уже почти до 400 милл. рублей, продолжая увеличиваться съ каждымъ слѣдующимъ годомъ. Одновременно увеличивался и нашъ государственный долгъ, который въ 1857 году равнялся 1,5 милліарда рублей, а въ 1867 г. — 2,2 милліарда. Къ государственнымъ повинностямъ присоединились повинности земскія, мірскія.

Какъ же отразилось все это на хозяйствѣ крестьянъ того времени? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ обстоятельномъ трудѣ профессора Янсона. По его изслѣдованію, въ 12 нечерноземныхъ губерніяхъ за рѣдкими исключеніями не только надѣлъ, но и вся обрабатываемая крестьянами земля можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства; въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи. Но за прокормленіемъ остается еще уплата податей, оброковъ и выкупныхъ. Въ Новгородской, напр., губерніи платежи съ десятины земли только у бывшихъ государственныхъ крестьянъ равнялись доходности ея. У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ эти платежи по отношенію къ доходности земли составляли 160⁰/₀, т.-е. болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза превышали ее. У бывшихъ помѣщичьихъ это отношеніе выражалось 180⁰/₀, а у временно-обязанныхъ—210⁰/₀. Были случаи, когда платежи превышали доходность земли въ 3—$5^1/_2$ раза.

Тягость податного бремени, лежащаго на крестьянствѣ, видна и изъ сравненія съ поголовнымъ обложеніемъ помѣщиковъ. По даннымъ такъ называемой Валуевской комиссіи (офиціальной) на 90 милл. дес. частновладѣльческихъ земель приходилось въ началѣ 70-хъ годовъ 13 милл. руб. поземельныхъ налоговъ, или менѣе $14^1/_2$ коп. съ десятины, а на 105 милл. дес. крестьянскихъ земель—104 милл. руб. тѣхъ же поземельныхъ налоговъ, или болѣе $93^1/_4$ коп. съ десятины; не надо забывать, что помимо поземельнаго налога крестьяне платили еще 90 милл. руб. разныхъ сборовъ (по $85^1/_2$ коп. съ десятины), взимаемыхъ съ крестьянъ подушно.

Справиться съ такого рода платежами крестьяне могли, или повысивъ доходность надѣльной земли, или найдя приложенія своему труду въ другомъ мѣстѣ. Повысить сколько-нибудь замѣтно доходность надѣльной земли—значило измѣнить систему хозяйства, обратившись отъ производства обыкновенныхъ хлѣбовъ къ производству болѣе цѣнныхъ растеній, къ разведенію культурныхъ породъ скота и т. п. Но производству цѣнныхъ растеній и разведенію культурнаго скота мѣшало отсутствіе на нихъ спроса въ странѣ. Незначительное по числу и мало отличающееся по своимъ потребностямъ отъ сельскаго люда городское и торгово-промышленное населеніе Россіи предъявляло спросъ на незначительное количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, требуя къ тому же для своего потребленія невысокихъ сортовъ мяса, муки и т. п. продуктовъ,

производимыхъ въ хозяйствахъ дореформеннаго періода. Въ свою очередь, и внѣшній рынокъ предъявляетъ спросъ на такіе предметы, которые составляли главную цѣль производства въ годы, предшествующіе паденію крѣпостного права. Въ 1864 г. изъ Россіи было вывезено разныхъ товаровъ на 165 милліоновъ рублей, изъ которыхъ половина приходилась на хлѣбъ (33% общей суммы вывоза), ленъ (10%), пеньку (6%) и скотъ (1%). Въ 1878 г. эти четыре предмета составляли уже 78% отъ общей суммы вывоза, при чемъ 61% падалъ на вывозъ хлѣба. Слѣдовательно, если спросъ на внѣшнемъ рынкѣ на

На льдинѣ (карт. В. Васнецова).

наши товары и увеличивался, то, главнымъ образомъ, на обыкновенные хлѣба. Для болѣе цѣнныхъ растеній и для разведенія въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ культурнаго скота не было соотвѣтствующаго спроса. Отсутствіе спроса послужило, между прочимъ, одной изъ главныхъ причинъ неудачнаго окончанія попытокъ многихъ помѣщиковъ, пожелавшихъ перестроить свои хозяйства по типу западно-европейскихъ.

Невозможность увеличенія доходности надѣльной земли вынуждала крестьянъ обратиться къ инымъ источникамъ дохода. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ такимъ источникомъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ были осѣдлые или отхожіе обра-

батывающіе промыслы—ремесла, кустарничество и работы на фабрикахъ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ—лѣсные промыслы; въ приречныхъ селеніяхъ—гонка судовъ; въ чисто-земледѣльческихъ уѣздахъ—наемъ помѣщичьихъ земель и т. д. Но и этихъ источниковъ очень часто не хватало крестьянамъ на ихъ нужды и на уплату лежащихъ на нихъ повинностей.

Работникъ Костромской губерніи, по свидѣтельству проф. Янсона, если онъ—государственный крестьянинъ, долженъ былъ отдать изъ своего заработка на подати около 26%, а если онъ помѣщичій крестьянинъ—до 41%. Остального едва хватало на покупку хлѣба. Въ промысловыхъ уѣздахъ Нижегородской губ. повинности были такъ велики сравнительно съ надѣлами и заработками, что многіе крестьяне цѣлыми деревнями уходили неизвѣстно куда, оставляя на мѣстѣ прежнихъ поселковъ пустыри.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ для громаднаго большинства крестьянъ никакихъ заработковъ и промысловъ внѣ земледѣлія обыкновенно нѣтъ, крестьяне принуждены были наниматься въ качествѣ постоянныхъ или поденныхъ работниковъ въ мѣстныхъ помѣщичьихъ экономіяхъ, снимать въ аренду помѣщичьи земли или, наконецъ, уходить на сторону на отхожіе земледѣльческіе промыслы. Но наемъ въ работники не могъ дать средствъ, необходимыхъ для пополненія недочетовъ въ доходахъ, большому проценту крестьянскаго населенія, по той простой причинѣ, что хозяйствъ, которыя велись бы вольнонаемнымъ трудомъ, въ трехпольной черноземной полосѣ было весьма немного. Всѣ помѣщичьи земли обрабатывались крестьянами по испольной системѣ (изъ половины или части урожая), за такъ называемыя отработки, или, наконецъ, сдавались мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ. Помимо того, заработокъ вольно-наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ былъ очень незначительный (обыкновенная плата на своихъ харчахъ—50 коп. въ день и 40—50 руб. въ годъ). Чаще поэтому приходилось прибѣгать къ найму земли за отработки, исполу или, наконецъ, за деньги.

Тѣснимые нуждою крестьяне принуждены были соглашаться на самыя невыгодныя для себя условія, обязываясь, напримѣръ, за наемъ десятины обработать, засѣять нерѣдко своими сѣменами и убрать помѣщику (отработочная система) одну, полторы и даже 2 десятины. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Щигровскій уѣздъ) за одну десятину крестьяне, помимо обра-

ботки и уборки 2 десятинъ, обязывались еще приплатить помѣщику 5—6 руб. деньгами. Наемная плата при такихъ условіяхъ доходила до 27—28 руб. въ то время, какъ за деньги ту же десятіну можно было нанять за 20 руб.

При такъ называемой испольной обработкѣ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ крестьяне, обрабатывая, обсѣменяя своими сѣменами поля помѣщиковъ и убирая хлѣбъ, довольствовались иногда менѣе, чѣмъ половиною урожая и едва вырабатывали себѣ вознагражденіе за трудъ.

Въ тяжеломъ положеніи находились и крестьяне, снимающіе помѣщичьи земли за деньги. Ихъ положеніе опредѣлялось высотою арендной платы, которая, по словамъ того же проф. Янсона, въ теченіе 10 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ повысилась въ среднемъ на 300—400%, тогда какъ цѣна за трудъ за то же время увеличилась лишь на 50—100%, а цѣна на хлѣбъ—на 50—80%. И это несмотря на то, что производительность земледѣльческаго труда осталась за это время почти безъ перемѣнъ.

Наконецъ послѣдній рессурсъ, открытый въ то время черноземному крестьянину—отхожіе земледѣльческіе промыслы. Въ черноземной полосѣ они имѣли большое распространеніе, но, лишенные всякой правильной организаціи, и они давали крестьянамъ часто очень мало. Отходъ крестьянъ совершается чаще всего въ другія губерніи, иногда на очень значительныя разстоянія, идетъ, такъ сказать, наугадъ. Идущіе, напримѣръ, на заработки полтавцы знаютъ лишь, что въ степи можетъ быть работа и можетъ быть высокій заработокъ, если, однако, тамъ будетъ хорошій урожай и большой спросъ на рабочія руки. Уродятся хлѣбъ и сѣно въ степяхъ, крестьяне вернутся съ деньгами; не уродятся—вернутся въ буквальномъ смыслѣ слова нищими.

«Мы прошли,—пишетъ въ заключеніе проф. Янсонъ,—всю Россію Европейскую, отъ сѣвера Вятской губерніи и степей оренбургскихъ и самарскихъ до Подоліи, Волыни и Литвы, отъ болотъ Новгородскаго помѣстья до степей Новороссіи—и вездѣ нашли много сходнаго въ положеніи массы нашего крестьянства. Вездѣ мы нашли въ немъ слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда»,

Послѣ всего сказаннаго ясно, что для крестьянъ однимъ изъ средствъ сбалансировать свой бюджетъ являлось или неисправность въ несеніи повинностей, или ухудшеніе собственнаго продовольствія. Въ дѣйствительности мы видимъ то и другое: съ одной стороны, накоплялись недоимки, а съ другой—обнаружилось неудовлетвореніе продовольственныхъ потребностей значительной части крестьянства.

Крестьянка Осташев. у.

Недоимки въ платежахъ, какъ оброчная подать и выкупные, въ губерніяхъ, гдѣ промыслы менѣе развиты, или превышали оклады (годовой платежъ) или почти равнялись имъ. Въ Петербургской губерніи недоимка по оброчной подати составляла 74$^0/_0$ оклада, а по выкупнымъ платежамъ превосходила окладъ на 12$^0/_0$; въ Смоленской губ. оброчная недоимка превышала окладъ на 26$^0/_0$, выкупная—на 51$^0/_0$. По всей Рос-

сіи общая сумма податныхъ недоимокъ равнялась въ 1875 г. 29 милл. рублей, въ 1880 г.—38 милл., въ 1890 г.—50 милл.

Что касается продовольствія крестьянства, то о немъ лучше всего можно составить представленіе по слѣдующимъ цифрамъ. Въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки *потребляется* на душу хлѣба и картофеля 62 пуда въ годъ, въ Даніи—57, во Франціи—34, въ Германіи—28, у насъ, въ Россіи, *весь сборъ*, по расчету на душу земледѣльческаго населенія, не превышаетъ въ среднемъ 22,4 пуда. На потребленіе нашего земледѣльческаго населенія поступаетъ въ среднемъ по однимъ расчетамъ 16, по другимъ—18 пудовъ, значитъ, гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ (Данія, Франція, Германія), прокармливающихся покупнымъ хлѣбомъ,. а главное—меньше, чѣмъ сколько необходимо для поддержанія и здоровья человѣка. Эта разница между Россіей, съ одной стороны, и Западомъ и Америкой—съ другой усугубляется еще низкимъ качествомъ народнаго продовольствія въ Россіи. Западно-европейскій или американскій крестьянинъ, помимо хлѣба, имѣетъ къ своему столу мясо, молоко, яйца, фрукты и пр., нашъ же крестьянинъ мясо видитъ не каждый праздникъ, а яйца ѣстъ чуть ли только не на Пасхѣ.

Одновременно съ ухудшеніемъ питанія сельскаго населенія приходится наблюдать и паденіе его хозяйства, о чемъ можно судить по количеству имѣвшагося у крестьянъ сѣна. Въ 1876 г., по вычисленію Николая—она, во всей Россіи было столько же лошадей, сколько ихъ было въ 1851 г., и это, несмотря на то, что населеніе за это время численно очень возросло. Число головъ крупнаго рогатаго скота за десятилѣтіе (1866—76 гг.) по всей Россіи уменьшилось.

Но чѣмъ бы ни опредѣлялось описанное оскудѣніе деревни, создавшееся вскорѣ послѣ реформы 60-хъ годовъ, ясно, что подобное положеніе не могло не обратить на себя вниманія и общества и правительственной власти.

Настроеніе правительственныхъ и общественныхъ круговъ вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ было очень малоблагопріятно для крестьянства. Изъ числа дѣятелей крестьянской реформы многіе были отставлены отъ дѣла, другіе сами ушли подъ вліяніемъ все растущей непріязни и даже враждебности къ реформѣ. Поэтому періодъ времени отъ освобожденія крестьянъ до начала 80-хъ годовъ характеризуется какъ время пассивнаго отношенія и законодательства и административной практики къ

крестьянскому вопросу. И только съ начала 80-хъ годовъ, отчасти подъ вліяніемъ оживившагося общественнаго мнѣнія, отчасти и подъ вліяніемъ выводовъ, полученныхъ проф. Янсономъ въ своемъ изслѣдованіи, правительство начало какъ будто проявлять тревогу относительно платежеспособности широкихъ народныхъ массъ. Оно хотя и въ крайне слабой степени обнаружило нѣкоторую активную дѣятельность. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было изданіе закона объ обязательномъ выкупѣ (1881 г.). Въ силу этого закона прекращались обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками въ имѣніяхъ, въ которыхъ еще не состоялись къ тому времени добровольныя сдѣлки о выкупѣ крестьянами отведенныхъ имъ надѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для облегченія крестьянамъ, перешедшимъ на выкупъ, уплаты выкупныхъ платежей, эти платежи были понижены. Черезъ нѣсколько лѣтъ была отмѣнена подушная подать (1885 г.); ея отмѣною снималось съ крестьянъ тяжелое платежное бремя, превышающее 55 милл. рублей. Затѣмъ предприняты были мѣры и для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Такъ, крестьянскимъ обществамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы по арендованію казенныхъ земель (въ 1881 и 1884 гг.); имъ же была предоставлена покупка свободныхъ башкирскихъ земель (1882 г.). Далѣе былъ учрежденъ Крестьянскій поземельный банкъ (1882 г.), главная задача котораго заключалась въ устраненіи среди крестьянъ земельной тѣсноты. Наконецъ, были сдѣланы нѣкоторые начатки организаціи переселенческаго дѣла (1882 и 1889 гг).

Оцѣнивая всѣ эти мѣры, приходится сказать, что только пониженіе выкупныхъ платежей и отмѣна подушной подати, какъ непосредственно связанныя съ ослабленіемъ податного бремени, внесли нѣкоторое облегченіе въ крестьянскую жизнь; остальныя мѣропріятія, направленныя къ расширенію площади крестьянскаго землепользованія, безслѣдно потонули въ огромной земельной нуждѣ крестьянъ. Возьмемъ хотя бы льготы по арендованію казенныхъ земель. Что могла дать аренда этихъ земель многочисленной группѣ малоземельнаго крестьянства, разбросанной по всей территоріи имперіи? Вѣдь казенныя земли располагаются почти всегда поблизости отъ селеній государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, слѣдовательно, вблизи наименѣе нуждающихся въ землѣ крестьянъ. Наоборотъ, болѣе нуждающіеся въ землѣ—бывшіе помѣщичьи

крестьяне живутъ вдали отъ главнаго мѣстоположенія казенныхъ земель, значитъ, фактически лишены возможности воспользоваться какими бы то ни было льготами по арендѣ этихъ земель.

Гораздо больше надежды возлагалось въ то время на Крестьянскій банкъ. Выдавая крестьянамъ долгосрочныя ссуды на покупку частновладѣльческой земли, банкъ долженъ былъ содѣйствовать расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Но и Крестьянскій банкъ существеннаго измѣненія въ крестьянскую жизнь не внесъ. Несмотря на дороговизну банковскаго кредита, крестьяне начали жадно накидываться на землю, но очень скоро выяснились неблагопріятныя послѣдствія дорогого кредита и неразборчивой покупки земли. Многія изъ сдѣлокъ оказались крайне невыгодными, вслѣдствіе чего до 15% всѣхъ покупокъ разстроились; крестьяне начали забрасывать земли и теряли деньги, внесенныя ими на доплату при покупкѣ земли. Платежи вносились неисправно; банкъ встрѣчалъ большія затрудненія при продажѣ оставшихся за нимъ земель. Подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій въ правящихъ кругахъ начали измѣняться взгляды на крестьянскій кредитъ. Вмѣсто того, чтобы тщательно изучить причины массоваго забрасыванія земель, купленныхъ при посредствѣ Крестьянскаго банка, и приступить немедленно къ удешевленію кредита, банкъ сталъ сокращать (съ 1887 г.) свою дѣятельность.

Еще меньше пользы крестьянству принесла переселенческая политика, съ которой въ тѣ времена робко выступило правительство. По первоначальнымъ предположеніямъ имѣлось въ виду организовать переселеніе въ Сибирь довольно широко, но Государственный Совѣтъ нашелъ, что малоземелье прекрасно устраняется дешевою арендою владѣльческихъ земель и покупкою ихъ. Правительство, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, должно «скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его»; а ужъ если издавать законъ о переселеніи, то такъ, чтобы не давать «пищи какъ преувеличеннымъ надеждамъ, такъ неосновательнымъ ожиданіямъ дополнительныхъ надѣловъ», чтобы мужикъ не подумалъ, что правительство взяло на себя устройство всѣхъ малоземельныхъ. Точка зрѣнія Государственнаго Совѣта вполнѣ отвѣчала земельному дворянству, которое было заинтересовано въ томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ крестьянъ, поставлявшихъ дворянамъ и дешевыхъ рабочихъ и выгодныхъ арендаторовъ.

Неудивительно, что активная дѣятельность правительства отъ начала 80-хъ годовъ до начала 90-хъ годовъ не оказала никакого вліянія на благосостояніе крестьянства. Крестьянское хозяйство продолжало падать, показателемъ чего, помимо

Крестьянка (карт. Мартынова).

всего прочаго, являлись разорительные неурожаи, начавшіеся уже въ концѣ 80-хъ годовъ, и прогрессивное возрастаніе недоимокъ. Къ 1890 году среднія душевыя недоимки достигли: въ южныхъ губерніяхъ—1 р. 80 к., въ средне-промышленныхъ—2 р. 8 к., въ средне-черноземныхъ—2 р. 40 к. и въ восточныхъ—7 р. 50 к. Въ 1891 г. сплошной неурожай хлѣбовъ и кормовыхъ

травъ постигъ обширный районъ изъ 16 губерній. Послѣдствія этого неурожая были ужасны, потому что ему подверглось населеніе, не только не имѣвшее никакихъ запасовъ, но и еле перебивавшееся со дня на день. Картина крестьянскаго хозяйства, которая развернулась во время и послѣ неурожая, говорила объ ослабленіи экономическихъ силъ крестьянства непомѣрными платежами, объ измельченіи и истощеніи его надѣльныхъ земель.

При такихъ условіяхъ задача экономической политики по крестьянскому вопросу сводилась къ устраненію земельной тѣсноты и облегченію крестьянскаго податного бремени, которое послѣ неурожайныхъ лѣтъ увеличилось еще за счетъ новыхъ недоимокъ и за счетъ продовольственнаго дѣла. Но экономическая политика дальше полумѣръ и палліативовъ не пошла. Въ податной системѣ правительство, правда, произвело нѣкоторое облегченіе при взысканіи денежныхъ повинностей съ крестьянъ; большому облегченію мѣшалъ разраставшійся государственный бюджетъ. Не далеко ушла экономическая политика и въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землепользованія. Продолжалъ дѣйствовать Крестьянскій банкъ, нѣсколько развилось переселеніе, но и только. Въ общемъ правительственныя мѣропріятія и въ періодъ 90-хъ годовъ не оказали должнаго вліянія на улучшеніе благосостоянія широкихъ народныхъ массъ. Послѣднія были попрежнему предоставлены самимъ себѣ и поставлены въ исключительную зависимость отъ окружающихъ ихъ условій. А условія эти слагались для населенія все хуже и хуже. Прежде всего повышался размѣръ требованій, предъявляемыхъ государствомъ къ населенію. Съ 398 милл. рублей въ 1867 г. обыкновенные государственные расходы возросли въ 1887 г. до 836 милл. рублей, въ 1897 г. — до 1.300 милл. и въ 1904 г.—до 1.907 милл. Одновременно съ этимъ возросъ и государственный долгъ съ 2,2 милліарда руб. (въ 1867 г.) до 7,1 милліарда (въ 1904 г.). Насколько велики эти цифры, можно судить по тому, что общая цѣнность всего земледѣльческаго и фабрично-заводскаго производства страны, по офиціальнымъ исчисленіямъ, равнялась менѣе 4 милліардовъ рублей.

Источникъ же, за счетъ котораго происходилъ ростъ государственнаго бюджета, не только не увеличивался, а, наоборотъ, замѣтно уменьшался. Сельское населеніе, исчисляемое въ 1860 г. въ 50 милл. душъ обоего пола, къ концу 1900 г.

Взысканіе недоимокъ. (Карт. *Нукорева*).

достигло 86 милл. человѣкъ, т.-е. возросло на 72%. Между тѣмъ земельная площадь, находившаяся въ рукахъ крестьянъ, осталась безъ перемѣнъ. Это, конечно, не могло не отразиться на размѣрахъ земельнаго надѣла. По даннымъ комиссіи объ оскудѣніи центра, въ 1860 г. средній надѣлъ на ревизскую душу для 50 губерній Европейской Россіи составлялъ: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 6,7 дес., у бывшихъ удѣльныхъ—4,9 дес. и у бывшихъ помѣщичьихъ—3,2 дес., а для всѣхъ разрядовъ вмѣстѣ—4,8 дес. Въ 1880 г. средній размѣръ надѣла на наличную душу мужского пола для всѣхъ разрядовъ крестьянъ понизился до 3,5 дес., а въ 1900 г.—до 2,6 дес.

Почти безъ перемѣны остались и условія рынка, который попрежнему предъявлялъ спросъ, главнымъ образомъ, на зерновой хлѣбъ и притомъ на хлѣбъ дешевый. Этимъ самымъ, слѣдовательно, предрѣшался вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи въ Россіи зернового хозяйства съ присущими ему недостатками. Зерновое хозяйство могло еще кое-какъ существовать въ 60-хъ годахъ, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сокращенія надѣловъ оно постепенно приходило въ упадокъ. Сельскій хозяинъ, принужденный производить такой однообразный продуктъ, какъ зерно, подвергаетъ свою почву одностороннему истощенію. Чтобы удержать урожаи зерна на должной высотѣ, хозяинъ долженъ примѣнять удобреніе и притомъ такое, которое меньше всего могло бы повліять на вздорожаніе зернового хлѣба. Самымъ дешевымъ удобреніемъ является обычно навозъ, полученный отъ домашняго скота. Содержаніе такого скота, въ свою очередь, должно обходиться какъ можно дешевле, такъ какъ каждая лишняя затраченная копейка ложится на стоимость полученнаго отъ него навоза, а слѣдовательно, и на стоимость главнаго продукта хозяйства—зерна. Дешевле всего содержаніе скота обходится при наличности естественныхъ пастбищъ или луговъ. Слѣдовательно, для правильнаго функціонированія зернового хозяйства необходимо, помимо полевой земли, засѣваемой зерномъ, имѣть еще нѣкоторую площадь и подъ естественными лугами и пастбищами. При достаточной обезпеченности населенія землею всегда поэтому наблюдается извѣстное соотношеніе между полевой землей, съ одной стороны, и луговой и пастбищной—съ другой. Съ наступленіемъ малоземелья это отношеніе скоро измѣняется: часть луговъ и выгоновъ распахивается и засѣвается зерномъ. Со-

отвѣтственно этому уменьшается количество корма и скота въ хозяйствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество получаемаго въ хозяйствѣ удобренія. Урожаи зерна падаютъ и, что особенно важно, подвергаются рѣзкимъ колебаніямъ: выпадетъ одинъ годъ, особо благопріятный по состоянію погоды—и населеніе обезпечено урожаемъ, зато мало-мальски неблагопріятное теченіе погоды—и населеніе едва собираетъ хлѣба на посѣвъ.

Описанная картина съ давнихъ поръ и наблюдается въ Россіи. Во многихъ центральныхъ губерніяхъ распахано уже четыре пятыхъ всей надѣльной площади, а въ нѣкоторыхъ—и того больше. Соотвѣтственно возрастанію посѣвной площади за счетъ кормовой происходитъ убыль скота. Въ 1846 г. на 1.000 душъ населенія у насъ приходилось по 40 лошадей, въ 1861 г. ихъ было уже только 26, въ 1898 г.—уже только 19. То же наблюдается и по отношенію къ крупному рогатому скоту: по расчету на 1.000 жителей въ 1861 г. приходилось 357 головъ скота, въ 1882 г.—306, въ 1898 г.—уже всего только 252 штуки. Наконецъ, что касается урожаевъ хлѣбовъ, то, по вычисленію проф. Фортунатова, въ цѣлой четверти Европейской Россіи нѣтъ *ни одной* губерніи, которую неурожай ржи или овса не захватилъ бы *менѣе 5—7 разъ* въ теченіе 10 лѣтъ (1896—1908 гг.). Есть губерніи, гдѣ неурожай того или другого хлѣба былъ за этотъ срокъ 7 и даже 8 разъ.

Если къ сказанному добавить, что на ряду съ упадкомъ сельскаго хозяйства наша обрабатывающая промышленность за это время сдѣлала очень малые успѣхи, кое-какъ перебиваясь отъ одного постигающаго ее кризиса до другого, то станетъ понятнымъ мнѣніе большинства комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, работавшихъ въ началѣ 900-хъ годовъ, что ростъ нашего государственнаго бюджета происходитъ не на почвѣ сопутствующаго ему роста народнаго благосостоянія, а на почвѣ прогрессирующаго народнаго оскудѣнія. Это оскудѣніе въ значительной степени и обусловливается именно непосильностью тѣхъ требованій, которыя не въ мѣру экономическихъ силъ страны разросшееся государство ставитъ массѣ недостаточнаго деревенскаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли считаться посильнымъ податное бремя, когда, напр., крестьянинъ Клинскаго уѣзда, принадлежащій къ наиболѣе распространенной группѣ бѣдныхъ хозяевъ, болѣе трети (34%) энергіи и производительныхъ силъ тратитъ только на уплату разнаго вида и наимено-

ваній налоговъ, или когда на долю населенія Орловской губерніи, получающаго 12 милліоновъ рублей въ годъ чистаго денежнаго дохода, остается въ свободномъ распоряженіи лишь $2^1/_2$ милл., или 1 р. $30^1/_2$ коп. на жителя.

Ходокъ (карт. Перова).

Съ теченіемъ времени положеніе измѣняется къ худшему— народное оскудѣніе замѣтно прогрессируетъ. Даже хорошіе урожаи и тѣ мало содѣйствуютъ улучшенію благосостоянія широкихъ крестьянскихъ массъ. «Въ хорошій годъ,—пишетъ проф. Кауфманъ,—всѣ излишки урожая приходится крестья-

нину продать, а когда наступаетъ недородъ, съ нимъ вмѣстѣ приходитъ голодъ съ его обычными спутниками—толченою корою и мякиною, и обычными послѣдствіями—цынгою, тифомъ и проч. Для многихъ мѣстностей кора и мякина не только спутники неурожая: они стали уже обычною пищею значительной части крестьянъ».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ условіями питанія находятся и жилищныя условія крестьянъ. «Жилищемъ крестьянину,—читаемъ мы въ трудахъ Тульскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—служитъ обычно 8—9-аршинная изба, высотою не болѣе сажени. До сихъ поръ нерѣдки курныя избы: въ Епифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ шестую часть жилыхъ построекъ. Изба почти всегда крыта соломою, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. На пространствѣ 7—9 куб. саж. живетъ крестьянская семья, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ значительныхъ размѣровъ. Спятъ въ два этажа—на лавкахъ, нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята, иногда вводятся даже и коровы. Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ уѣздахъ соломою, а въ неурожайные годы даже навозомъ, и такимъ образомъ лишаютъ землю необходимаго ей удобренія. Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу помощью небольшого количества теплой воды, и почти всегда безъ мыла. Чесотка и другія кожныя болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Вообще, несмотря на благопріятныя, казалось бы, общія условія деревенской жизни, въ деревнѣ создается такая антигигіеническая обстановка, которая дѣлаетъ борьбу съ эпидеміями почти невозможною».

Картина хорошо знакомая всякому, кому приходилось бывать въ русской деревнѣ».

Плохое питаніе, смѣняющееся полнымъ голоданіемъ, ужасная антигигіеническая и антисанитарная обстановка оказываютъ огромное вліяніе на ухудшеніе народнаго здравія, мало того, прямое физическое вырожденіе народныхъ массъ. Это хорошо видно изъ данныхъ о числѣ забракованныхъ при призывѣ на военную службу или получившихъ отсрочку «по невозмужалости», значитъ, по слабости организма. За десятилѣтіе— 1871—1883 гг.—на каждые 100 призывавшихся приходилось въ среднемъ 13 забракованныхъ и получившихъ отсрочку

человѣкъ. За восьмилѣтіе, 1894—1901 гг., количество забракованныхъ и получившихъ отсрочку возросло почти въ $1^1/_2$ раза (19 чел.).

Переселенцы.

Мало того, недоѣданіе и связанныя съ нимъ болѣзни отражаются и на смертности населенія. Смертность въ Россіи въ $1^1/_2$—2 раза больше, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. Въ Россіи смертность на тысячу равна 35, между тѣмъ какъ

въ Германіи и Италіи изъ каждой тысячи умираетъ не болѣе 26 человѣкъ, во Франціи—22, въ Голландіи и Швейцаріи—20, въ Англіи—18, въ Швеціи и Норвегіи—16—17 человѣкъ. При этомъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ смертность, благодаря улучшенію условій жизни населенія, замѣтно понижается. Во Франціи 100 лѣтъ тому назадъ умирало 30 человѣкъ изъ тысячи, теперь же умираетъ всего 22; въ Англіи полвѣка тому назадъ умирало 23—24, теперь умираетъ 20 человѣкъ и т. д. Въ Россіи же наблюдается какъ разъ обратная картина: въ началѣ XIX вѣка у насъ умирало 24—27 человѣкъ на тысячу, а въ среднемъ за послѣднія 25 лѣтъ – 35 человѣкъ, повышаясь въ годы недорода (1892 г.) до 40 человѣкъ.

На почвѣ прогрессирующаго оскудѣнія деревни и создалось то настроеніе, которое нашло себѣ выраженіе въ продолжающихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1901 г., аграрныхъ волненіяхъ и безпорядкахъ. Не останавливаясь на описаніи этихъ волненій и безпорядковъ, ждущихъ еще своего изслѣдователя, мы только отмѣтимъ, что общимъ во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ аграрнаго движенія было требованіе крестьянами земли, требованіе расширенія тѣмъ или другимъ путемъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Но правительство выдвинуло старыя мѣры помощи крестьянскому населенію: податное бремя было облегчено отмѣною выкупныхъ платежей, а на помощь расширенію крестьянскаго землепользованія были призваны снова Крестьянскій банкъ и переселеніе. Но ни усиленная дѣятельность банка ни чрезвычайное развитіе переселенія въ Сибирь не могли уже разрѣшить кризиса крестьянскаго хозяйства: милліоны десятинъ земли, купленной Крестьянскимъ банкомъ, сотни тысячъ ежегодно переселяющихся за Уралъ крестьянъ не поглощали даже ежегоднаго прироста населенія. Кризисъ оставался неразрѣшеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не устранялась возможность и обостренія недовольства среди крестьянъ.

В. Дроздовъ.

Правовое положеніе пореформеннаго крестьянства.

Отношеніе правительствъ къ многомилліонной массѣ крестьянскаго населенія за протекшее 50-лѣтіе распадается на четыре періода, отличныхъ одинъ отъ другого какъ по духу законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій каждаго изъ нихъ, такъ и по тому значенію, которое эти акты и распоряженія получили для правовой и экономической жизни крестьянства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что составители Положенія 19 февраля 1861 г.—редакціонныя комиссіи—смотрѣли на многія отрицательныя, и притомъ весьма существенныя, правовыя черты его, какъ на нѣчто временное, имѣющее смыслъ и основу для краткаго переходнаго періода въ жизни крестьянства и всего государства, но теряющее этотъ смыслъ и эту основу въ дальнѣйшемъ. Наоборотъ, положительныя основы Положенія 19 февраля составители его закладывали съ тѣмъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ было приступлено къ ихъ планомѣрному расширенію и углубленію, которыя вывели бы крестьянство на свѣтлую дорогу свободныхъ *полноправныхъ* гражданъ.

Между тѣмъ дѣйствительность сложилась какъ разъ въ противоположномъ этимъ ожиданіямъ смыслѣ. Первый періодъ пореформеннаго законодательства о крестьянахъ, тянувшійся цѣлое 20-лѣтіе, ушелъ какъ разъ на то, чтобы все то, что лучшіе дѣятели крестьянской реформы считали въ Положеніи 19 февраля 1861 г. сомнительнымъ и безусловно временнымъ, стало безспорнымъ и стало фундаментомъ для послѣдующей законодательной надстройки. Остальные два слѣдовавшихъ за этимъ законодательныхъ періода, за немногими отклоненіями, заполнились работами по возведенію этой надстройки, высокой стѣной отгородившей крестьянство, не

только отъ того свободнаго полноправнаго гражданства, о которомъ мечталось лучшимъ дѣятелямъ эпохи освобожденія, но даже и отъ тѣхъ правовыхъ условій, въ которыхъ жили за истекшее 50-лѣтіе всѣ остальныя сословія.

Наконецъ, четвертый и послѣдній періодъ, связанный съ введеніемъ народнаго представительства въ Россіи, характеризуется рѣшительной ломкой въ области аграрнаго законодательства и нѣкоторыми положительными мѣрами въ области правовыхъ соотношеній крестьянъ и прочихъ сословій.

Наступившій непосредственно вслѣдъ за крестьянской реформой періодъ законодательства о крестьянахъ тянулся до начала 80-хъ годовъ и ушелъ цѣликомъ почти на распространеніе Положенія 19 февраля 1861 г. на остальные разряды сельскихъ обывателей. Распространеніе это было, можно сказать, главнымъ образомъ, механическое: подъ наименованіемъ разныхъ «правилъ о поселеніи», «правилъ о введеніи сельскаго общественнаго устройства», «правилъ о поземельномъ устройствѣ», къ государственнымъ, горнозаводскимъ, удѣльнымъ крестьянамъ различныхъ губерній и областей, башкирамъ, бессарабскимъ царанамъ (поселянамъ), старообрядцамъ и т. д. и т. д.—примѣнялись основныя правила Положенія 19 февраля 1861 г., какъ въ отношеніи земельнаго устройства, такъ и въ отношеніи правовомъ.

Это стремленіе—механическимъ путемъ распространить Положеніе 19 февраля 1861 г. на самыя разнообразныя группы сельскаго населенія—особенно отчетливо выступитъ, если скажемъ, что только въ Западномъ краѣ (по чисто политическимъ соображеніямъ) временно обязанные крестьяне въ 1863—64 гг. были переименованы въ крестьянъ-собственниковъ, уставныя грамоты ихъ были замѣнены выкупными актами; по тѣмъ же соображеніямъ политическаго характера крестьяне Царства Польскаго получили (19 февраля 1864 г.) особое общественное и поземельное устройство. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ, несмотря на все разнообразіе и пестроту мѣстныхъ, экономическихъ, бытовыхъ и всякихъ иныхъ условій вводились, съ небольшими варіаціями, все тѣ же правила Положенія 19 февраля 1861 г., что и въ первое время по его обнародованіи.

Первые два года освобожденные отъ крѣпостной зависимости помѣщичьи крестьяне были поставлены по отношенію къ помѣщикамъ во «временно-обязанныя» отношенія. Это

обстоятельство, по необходимости, дѣлало крестьянъ обособленными въ правахъ и обязанностяхъ отъ другихъ сословій государства. Но неизмѣримо большее, основное, значеніе для правовой обособленности крестьянъ получили такіе факторы, какъ сохраненіе за крестьянами обязанностей *податного сословія*, платящаго *подушную подать* за *круговой*

Б а б а (карт. Турлыгина).

порукой съ *обязательной припиской* къ крестьянскому обществу, *безъ права* выхода изъ него.

Длительное, въ теченіе 20-лѣтія, распространеніе этихъ тяжелыхъ правовыхъ ограниченій (къ которымъ надо еще прибавить особенности общественнаго и волостного устройства, волостныхъ судовъ и натуральныхъ повинностей) на

остальные разряды крестьянъ углубило допущенную вначалѣ правовую обособленность крестьянъ отъ другихъ сословій, закристаллизовало ее въ невыносимо-стѣснительныя формы, еще и до сего дня ожидающія во многомъ энергичнаго вмѣшательства законодателя, имѣющаго своей неотложной задачей разрушить эту тяжелую обособленность и слить правоотношенія крестьянъ съ правоотношеніями всѣхъ свободныхъ гражданъ государства.

Реакціонные круги съ самаго начала были недовольны дѣятельностью мировыхъ посредниковъ, защищавшихъ довольно энергично интересы крестьянъ и подъ разными предлогами рекомендовали отмѣну института мировыхъ посредниковъ. Правительство въ концѣ концовъ вняло ихъ просьбамъ и, въ ихъ интересахъ, 27 іюня 1874 г. былъ опубликованъ законъ «объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ», отмѣнившій институтъ мировыхъ посредниковъ и вводившій коллегіальный надзоръ и *руководство* дѣлами крестьянскаго управленія подъ названіемъ «уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе». По существу организаціи новаго органа коллегіальность его была въ значительной степени (если не вполнѣ!) фиктивной, существовавшей на бумагѣ. Въ дѣйствительности главными дѣйствующими лицами новаго института являлись правительственные агенты, —исправникъ, съ его карательной властью въ области денежныхъ сборовъ съ крестьянъ, и непремѣнный членъ—въ области поземельныхъ, т.-е. самыхъ чувствительныхъ для крестьянства, дѣлъ и отношеній. Послѣдній, по откровенному выраженію журнала главнаго комитета, долженъ даже былъ представлять собою «главную рабочую силу присутствія». Такимъ образомъ суть нововведенія заключалась въ установленіи правительственнаго надзора и *руководства* надъ крестьянской жизнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ актомъ *временное* крестьянское управленіе, со всѣми его дефектами, признано было за *постоянное;* въ основѣ этихъ дефектовъ, по мнѣнію правительства, лежала не правовая обособленность крестьянства, желѣзное кольцо которой стягивалось все туже и туже съ годами, а недостатокъ мѣстной власти, недостатокъ ея *надзора* за крестьянской жизнью и *руководства* всѣми ея проявленіями. Основная забота правительства — закрѣпить правовую обособленность крестьянства—пополнялась другой, едва ли не превышавшей ея, заботой—гарантировать уплату

крестьянами лежавшихъ на нихъ платежей и недоимокъ. Здѣсь опять-таки смущало правительство не явное несоотвѣтствіе платежей съ надѣлами и низкой культурой и интенсивностью крестьянскаго хозяйства, не располагавшаго ни дешевымъ кредитомъ, ни самостоятельностью, ни обезпеченностью личной инициативы, ни однимъ вообще изъ необходимыхъ вспомогательныхъ факторовъ мелкаго земледѣлія, а всѣ надежды возлагались на повышеніе платежеспособности путемъ репрессивныхъ воздѣйствій власти. Порученное исправнику, въ подкрѣпленіе котораго еще черезъ 4 года, въ 1878 г., былъ организованъ институтъ полицейскихъ урядниковъ, взысканіе платежей и недоимокъ, хотя бы цѣною полнаго разоренія и обнищанія плательщика, сдѣлано было важнѣйшей функціей этого правительственнаго агента, которой должны были служить всѣ органы крестьянскаго управленія.

Б а б а (карт. Малявина).

Итакъ, водвореніемъ надзора и руководства, организаціей безпощадной фискальной системы и подчиненіемъ дополненному ими Положенію 19 февраля всѣхъ разрядовъ крестьянъ закончился первый періодъ пореформеннаго законодательства.

Быстрое обѣднѣніе крестьянскаго хозяйства, полная правовая обособленность крестьянъ были его наслѣдіемъ. Наступившій за тѣмъ періодъ законодательства о крестьянахъ начался съ нѣкоторыхъ положительныхъ мѣръ. Самыми крупными изъ нихъ были *учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка* и *отмѣна подушной подати.*

Если первый законъ (18 мая 1882 г.), которымъ вводилась организація покупки крестьянами земли въ кредитъ, и не далъ особенно благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ помощью банка фактически могли воспользоваться только болѣе достаточные элементы крестьянства, то все же этотъ законъ и дополнившія его въ 1888 году правила объ устройствѣ поземельныхъ товариществъ (допустившія въ ихъ составъ также и мѣщанъ и не предъявлявшія при вступленіи въ товарищество никакихъ стѣснительныхъ требованій) въ первые годы оказалъ несомнѣнную пользу. Но очень скоро уже банкъ сталъ повышать оцѣнку продававшихся черезъ него земель, главнымъ образомъ помѣщичьихъ, и въ операціяхъ его интересы крестьянства были заслонены интересами помѣщичьими. Отмѣна подушной подати,—основы правовой обособленности крестьянъ,—состоявшаяся 28 мая 1885 г., влекла за собою, какъ это не скрывало и правительство, отмѣну и всѣхъ, связанныхъ съ нею, правоограниченій. «Независимо отъ уменьшенія окладныхъ платежей крестьянъ,—писалъ министръ финансовъ,—и тѣхъ коренныхъ измѣненій не только въ податномъ, но *и въ общественномъ строѣ нашемъ, которыя задерживаются* существованіемъ *подушнаго* счета податныхъ сословій, окончательная отмѣна этой подати даетъ возможность совершить давно признанное необходимымъ преобразованіе паспортной *системы*, съ отстраненіемъ тѣхъ стѣсненій рабочаго населенія въ его передвиженіяхъ для пріисканія заработка, которыя теперь обусловлены фискальными цѣлями».

Государственный Совѣтъ въ своемъ журналѣ общаго собранія 14 мая 1885 г. еще расширилъ и углубилъ оцѣнку этой реформы и вытекавшихъ изъ нея послѣдствій. Признавъ, что взиманіе налоговъ по подушной системѣ связывалось съ тяглымъ и крѣпостнымъ состояніемъ «низшаго сословія», Государственный Совѣтъ указываетъ далѣе, что съ «отмѣной крѣпостного права такой порядокъ оказался въ *противорѣчіи* съ правами, дарованными крестьянамъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г., ибо подушная подать, основанная не на доходахъ и средствахъ плательщиковъ, а на исчисленіи мужского населенія по ревизіи, требовала для обезпеченія исправнаго поступленія этого налога и *круговой*, другъ на друга, *поруки* крестьянъ и стѣснительной *паспортной системы*, затруднявшей для нихъ отхожіе промыслы и пріисканіе заработковъ. Установленіе на иныхъ началахъ системы налоговъ получило,

такимъ образомъ, значеніе *настоятельной* государственной потребности, *безъ удовлетворенія которой* самое освобожденіе *крестьянъ не могло считаться завершеннымъ*». Однако, несмотря на столь категорическія утвержденія, послѣдовавшее одновременно съ отмѣной подушной подати порученіе министру финансовъ—«приступить безотлагательно» къ подготовительнымъ работамъ по измѣненію законовъ «о счетѣ населенія по ревизскимъ душамъ», «о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ» и «о паспортной системѣ»—осталось невыполненнымъ, хотя крайнимъ срокомъ для этого порученія было назначено 1 января 1887 года. Другими словами, несмотря на отмѣну подушной подати, связанныя съ ней тягостныя правоограниченія оставлены были въ силѣ. Такимъ образомъ реформа свелась къ платежному облегченію крестьянства, съ котораго отмѣна подушной подати снимала свыше 55 милліоновъ руб. платежей.

Въ самомъ началѣ этого законодательнаго періода, именно—въ октябрѣ 1880 года, была образована, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, особая комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «для составленія проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія». Комиссія эта начала свои работы съ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянскимъ управленіемъ. Она располагала отзывами земствъ о дѣятельности уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; опираясь на богатый фактическій матеріалъ, земства писали въ своихъ отзывахъ, что не только уѣздныя присутствія, а *весь* строй крестьянскаго управленія требуетъ *коренного* преобразованія. Комиссія въ общемъ очеркѣ своихъ предположеній встала на ту же точку зрѣнія, признала сословно-правовую обособленность крестьянства, въ силу которой «$80^0/_0$-ное населеніе имперіи составляетъ во многихъ отношеніяхъ какъ бы государство въ государствѣ»; комиссія признала также, что, не удовлетворяя потребностямъ общаго управленія и «обходясь крестьянамъ весьма дорого *), крестьянское управленіе въ то же время во многомъ уже не служитъ и интересамъ самихъ крестьянъ»; комиссія проекти-

*) Такъ, по свѣдѣніямъ Центр. Статист. Комитета, одно только волостное управленіе въ 47 губ. Евр. Россіи (за исключеніемъ Прибалтійскихъ губ.) обходилось крестьянамъ, вмѣстѣ съ почтовой гоньбой, въ $15^1/_2$ милл. рублей.

ровала «образованіе *всесословныхъ* сельскихъ обществъ», упраздненіе волости и замѣну ея «административнымъ участкомъ», съ особымъ, *избираемымъ земствомъ*, должностнымъ лицомъ; упраздненіе спеціальныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ; волостной судъ комиссія не отмѣняла въ своихъ предположеніяхъ, но ставила его *подъ предсѣдательство мирового судьи* и устанавливала обжалованіе рѣшеній въ съѣздъ мировыхъ судей.

Но нараставшія реакціонныя теченія выдвинули въ кахановской комиссіи своихъ представителей, составившихъ ея меньшинство, внесшее расколъ и противорѣчія въ ея дальнѣйшихъ занятіяхъ. Назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого, означавшее полную побѣду реакціонныхъ круговъ, положило конецъ существованію комиссіи, и ея работы были забыты подъ напоромъ начавшагося затѣмъ рѣзко-реакціоннаго періода законодательства.

Правительство вернулось къ идеѣ подчиненія обезправленнаго крестьянства своей *опекѣ*. Вслѣдъ за закономъ 18 марта 1886 г. о *семейныхъ раздѣлахъ*, поставившимъ крестьянина въ этомъ чисто-семейномъ дѣлѣ подъ опеку схода и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и признавшимъ за нераздѣльныя (въ податномъ отношеніи) единицы семейства, подѣлившіяся безъ требуемаго разрѣшенія,—12 іюля 1886 г. былъ изданъ законъ о *наймѣ на сельскія* работы. Игнорированіе правъ и интересовъ крестьянъ въ этомъ законѣ поднялось до высоты полнаго закабаленія попавшагося въ работники крестьянина нанявшему его хозяину. Законъ приравнялъ нарушеніе договора со стороны сельско-хозяйственнаго рабочаго къ *уголовно*-наказуемымъ проступкамъ. Легко представить себѣ, какой широкій просторъ этотъ законъ давалъ эксплуатаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ помѣщичьимъ экономіямъ, фактически являвшимся главными наемщиками такихъ рабочихъ.

Черезъ три года многолѣтнія домогательства заинтересованныхъ крѣпостнически - реакціонныхъ круговъ — подчинить крестьянъ *опекѣ* власти—увѣнчались успѣхами: одновременно съ отмѣной института мировыхъ судей, завоевавшихъ повсемѣстно полное довѣріе населенія, 12 іюля 1889 года былъ опубликованъ законъ о введеніи «твердой и близкой къ населенію власти»—*института земскихъ начальниковъ*.

«Реформа эта, — говоритъ изслѣдователь крестьянскаго права А. А. Леонтьевъ,—была прямой противоположностью, прямой антитезой освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ. Она закрѣпила крестьянъ въ ихъ сословности и существенно

Старикъ (карт. Архипова).

ограничила ихъ свободу не только въ общественной, но и въ чисто-личной жизни попечительнымъ воздѣйствіемъ власти земскаго начальника».

Прежде всего носитель новой, «близкой къ населенію и твердой власти», земскій начальникъ, по закону 12 іюля

1889 г.—по преимуществу—мѣстный дворянинъ-помѣщикъ. Далѣе онъ *совмѣщаетъ* въ своемъ лицѣ власть судебную и власть административную, вопреки твердо установившемуся (и въ теоріи и на практикѣ судебныхъ установленій) принципу строгаго раздѣленія судебной власти отъ административной. Сельское и волостное управленія, включая и волостныхъ судей, въ своемъ личномъ составѣ подчинены земскому начальнику включительно до права утвержденія имъ волостного старшины, временнаго устраненія отъ должности *всѣхъ* лицъ крестьянскаго самоуправленія, отрѣшенія отъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей и наложенія, *безъ всякаго производства*, ареста на всѣхъ этихъ лицъ до 7 дней. Приговоры крестьянскихъ сходовъ подчинены его надзору и *вліянію*, а фактически—непосредственно вытекаютъ въ большинствѣ случаевъ изъ его инструкцій сельскому и волостному старшинѣ и чинамъ сельской полиціи, помимо того, что по закону порядокъ дня каждаго крестьянскаго схода утверждается и дополняется земскимъ начальникомъ; онъ же разсматриваетъ всѣ приговоры сходовъ, опротестовываетъ ихъ и можетъ добиваться полной отмѣны ихъ въ съѣздѣ земскихъ начальниковъ, даже безъ жалобы заинтересованныхъ лицъ, а по собственному усмотрѣнію. И это—не только въ отношеніи приговоровъ чисто-общественнаго, земско-хозяйственнаго характера, но и касающихся земельныхъ дѣлъ. Въ отношеніи личности крестьянина «усмотрѣніе» земскаго начальника достигаетъ самаго безбрежнаго произвола по закону 1889 г. По 61 ст. его, земскому начальнику предоставлено право каждое, подвѣдомственное крестьянскому управленію, лицо подвергать штрафу *до шести* рублей или аресту до *трехъ* дней. Причины и поводы для примѣненія этой статьи на практикѣ являлись до безконечности разнообразными и произвольными вплоть до 1896 г., когда разъясненіемъ Сената земскіе начальники поставлены были въ обязанность испытывать ея примѣненіе не на произволѣ, а на законѣ. Не забудемъ, что на ряду съ этими полномочіями земскій начальникъ—одновременно и *судья*, которому подсудны и гражданскія дѣла (иски до 500 руб., дѣла по договорамъ до 300 руб., разборъ жалобъ на личныя оскорбленія и т. п. —все не крупныя, но самыя обычныя въ крестьянскомъ обиходѣ) и уголовныя, включая кражи со взломомъ и безпатентную продажу водки (не свыше чѣмъ на 300 руб.).

Уѣздное земское собраніе во время обѣда. (Карт. *Мясоѣдова*).

Такимъ образомъ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ, какъ это видно изъ бѣгло очерченной ихъ компетенціи, установлена была мелочная, настойчивая, безпрерывная *опека* надъ крестьянствомъ, какъ въ области общественныхъ, такъ и личныхъ правъ и интересовъ, и притомъ— пропитанная произволомъ и усмотрѣніемъ.

Чтобы покончить съ содержаніемъ закона 12 іюля 1889 г., надо упомянуть, что второй инстанціей для постановленій и рѣшеній земскаго начальника является *уѣздный съѣздъ*, состоящій изъ двухъ присутствій: административнаго, въ

Деревня (карт. Левитана).

которое входятъ всѣ земскіе начальники уѣзда, исправникъ, предсѣдатель уѣздной управы и податные инспектора уѣзда; и судебнаго, въ которое входятъ уѣздный членъ окружнаго суда, почетные мировые судьи, городскіе судьи и земскіе начальники. Надъ уѣздными съѣздами поставлены *губернскія присутствія*, имѣющія надзоръ за уѣздными съѣздами и земскими начальниками губерніи. Въ настоящее время институтъ земскихъ начальниковъ дѣйствуетъ въ 40 губерніяхъ Европейской Россіи. Въ Сибири съ 1898 г. введенъ аналогичный имъ институтъ крестьянскихъ начальниковъ *). Въ осталь-

*) За неимѣніемъ тамъ помѣщиковъ, крестьянамъ начальники назначаются изъ чиновниковъ Мин. Вн. дѣлъ.

ныхъ мѣстностяхъ мѣстами сохранены еще: гдѣ - мировые посредники и мировые съѣзды, гдѣ—чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, уѣздныя, губернскія, областныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Заботы о введеніи института земскихъ начальниковъ составили содержаніе дальнѣйшей законодательной дѣятельности описываемаго періода, къ которому относятся также и образованіе (24 января 1884 г.) специально-крестьянскаго, второго департамента Сената, куда перешли дѣла закрытаго въ 1882 г. Главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ. Къ этому моменту курсъ правительственной политики въ области крестьянскаго правопорядка можно считать вполнѣ опредѣлившимся въ смыслѣ установленія опеки надъ крестьянствомъ и дальнѣйшаго закрѣпленія его правовой обособленности. Дѣятельность второго департамента Сената, будучи по существу законодательной, на это и направилась. Практикой Сената крестьяне были, въ дополненіе къ прочимъ правоограниченіямъ, изъяты изъ общихъ законовъ о наслѣдствѣ и фактически лишены права оставлять завѣщанія имущества. Наконецъ, благодаря разъясненіямъ Сената, былъ достигнутъ рядъ новыхъ правоограниченій установленіемъ института «крестьянскаго двора» съ тяжелыми ограниченіями личныхъ и имущественныхъ правъ его членовъ.

Но ограничительныя тенденціи по отношенію къ крестьянамъ производились не только въ области спеціально-крестьянскаго, но и въ области общаго законодательства. Такъ, при введеніи новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. (значительно сужавшаго права земства) представительство крестьянъ было урѣзано почти вдвое за счетъ дворянскаго элемента, и, кромѣ того, введено было утвержденіе кандидатовъ, избранныхъ волостными сходами, въ званіи гласныхъ губернаторской властью. При проведеніи общей реформы паспортной системы въ 1894 г. крестьяне были опять-таки выдѣлены изъ прочаго населенія и подчинены особымъ правиламъ при выдачѣ и отобраніи паспорта, а именно: самостоятельные домохозяева получали и утрачивали паспортъ по волѣ сельскаго схода, а члены крестьянскаго двора—по волѣ своего домохозяина, обязаннаго руководиться въ этомъ властнымъ указаніемъ земскаго начальника. Это уже была опека, возведенная, такъ сказать, въ квадратъ!..

Земельная тѣснота; хищническія арендныя цѣны; правовая замкнутость; проникавшая повсюду начальственная опека, въ корнѣ парализовавшая личную иниціативу крестьянина; наконецъ, явно непосильное, несообразное съ дѣйствительными условіями жизни и хозяйства податное бремя,—все это понизило платежную и покупную способность крестьянства до угрожающаго уровня. Становилось уже неотложной необходимостью,—особенно послѣ страшныхъ голодовокъ въ 16 губерніяхъ въ 1891 и 1892 гг., потребовавшихъ огромныхъ продовольственныхъ ссудъ отъ правительства,—пойти на облегченіе земельной тѣсноты и платежей. Это составило содержаніе третьяго періода законодательства крестьянъ. Для

Крестьяне на богомольѣ.

увеличенія площади крестьянскаго «землепользованія» рѣшено было облегчить переселеніе. Во главѣ переселенческаго дѣла въ 1896 г. было поставлено переселенческое управленіе, подчиненное Министерству Внутреннихъ дѣлъ.

Переселеніе на казенныя земли началось еще по закону 1889 г. Въ 1896 г. новымъ закономъ оно было расширено. Въ главныхъ чертахъ, организація переселенческаго дѣла создана была на тѣхъ же правоограничительныхъ началахъ, на которыхъ покоилось и все крестьянское устройство. Переселенцы направлялись въ Сибирь, предварительно, черезъ ходоковъ, выбравъ участки; на новыхъ мѣстахъ имъ отводились надѣлы до 15 десятинъ (не въ собственность, а въ пользованіе, безъ права даже выкупать надѣлъ). Всѣ администра-

тивные порядки, такъ стѣснявшіе самодѣятельность переселенцевъ въ Европейской Россіи, переѣзжали съ ними и на новыя мѣста, включительно до земскаго начальника, переименованнаго въ крестьянскаго. Но выигрывая иногда въ величинѣ надѣла, переселенецъ попадалъ съ семьей въ новыя незнакомыя климатическія условія, въ мѣстность съ очень рѣдкимъ населеніемъ; помощь земства и его учрежденій (школъ, больницъ, страховки, складовъ земледѣльческихъ орудій и т. п.) онъ утрачивалъ, ибо въ Сибири и до сихъ поръ земство не введено. Наконецъ не надо забывать, что переселялись по преимуществу крестьяне малосильные въ хозяйственномъ отношеніи, распродавшіе къ тому же передъ переселеніемъ весь инвентарь, который зачастую втридорога приходилось заводить на новомъ мѣстѣ. Закономъ о переселеніи и ограничились заботы законодательства этого періода облегченія надѣльной тѣсноты.

Что касается облегченія податного бремени, то къ нему приступлено было сначала въ смыслѣ установленія *льготъ по взносу* выкупныхъ платежей. Именно, закономъ 1894 г. министру финансовъ указано было разрѣшать разсрочку выкупныхъ недоимокъ (накопившихся на сумму около 100 милліоновъ рублей); законами 1896 и 1899 гг. установлены были правила пересрочки выкупного долга. Одновременно полиція, въ лицѣ исправника, была отстранена отъ взысканія окладныхъ сборовъ, а оно передано было податнымъ инспекторамъ и земскимъ начальникамъ. Но на ряду съ этимъ законъ предоставлялъ право налагать арестъ на заработную плату недоимщика-домохозяина и даже на находящихся въ отлучкѣ членовъ его двора, назначенія опекуна надъ нимъ и тому подобное.

Наконецъ закономъ 12 марта 1903 г. отмѣнена была *круговая порука*, остававшаяся, какъ мы знаемъ, послѣ отмѣны подушной подати. Съ перемѣнами въ податной системѣ въ ней уже не было надобности, а правоограничительное ея значеніе съ избыткомъ возмѣщалось всей системой крестьянскаго управленія и властной опеки надъ нимъ. Въ слѣдующемъ, 1904 г., Высочайшимъ манифестомъ 11 августа были сложены выкупныя недоимки и одновременно *отмѣнено тѣлесное наказаніе* для крестьянъ.

Двумя годами ранѣе, въ 1902 г., были организованы губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышлен-

ности, признавшіе, несмотря на свой дворянско-бюрократическій составъ (въ который, однако, входилъ и земскій элементъ), что источникъ крайняго упадка экономическаго положенія крестьянства—его тяжкая *сословно-правовая обособленность*. Этимъ признаніемъ, получившимъ отраженіе въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г., повелѣвавшимъ, чтобы при окончательномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса крестьяне были поставлены въ положеніе «*полноправныхъ* сельскихъ обывателей» и законодательство о нихъ было бы «*объединено* съ общимъ законодательствомъ имперіи», открывается послѣдній, современный намъ, періодъ законодательства о крестьянахъ. Послѣдовавшее за тѣмъ привлеченіе населенія къ законодательной работѣ въ лицѣ народныхъ представителей, однако, оставило крестьянъ обособленными и въ области избирательнаго права при выборахъ депутатовъ Государственной Думы. Избирательный законъ 11 декабря 1905 г. изолировалъ крестьянъ въ особую крестьянскую курію съ четырехстепенной подачей голосовъ, а актомъ 3 іюня 1907 г., значительно сузившимъ вообще избирательное право при выборахъ въ Государственную Думу, самое представительство крестьянъ было урѣзано въ пользу сословно-дворянскаго и крупно-буржуазнаго элемента. Съ крестьянскимъ представительствомъ въ Государственной Думѣ повторилось въ болѣе обширномъ масштабѣ то же самое, что и при введеніи новаго земскаго положенія 1890 г. съ крестьянскимъ представительствомъ въ земствѣ.

Послѣ отмѣны $^1/_2$ выкупныхъ платежей, числившихся еще на крестьянахъ, манифестомъ 3 ноября 1905 г. и окончательнаго сложенія ихъ въ 1906 г., состоялось два законодательныхъ акта,—Высочайшіе указы 5 октября и 9 ноября 1906 г., вносившіе, особенно второй, крупныя, какъ принципіальнаго, такъ и практическаго характера, измѣненія въ строѣ крестьянской жизни.

Первымъ актомъ отмѣнялся рядъ правовыхъ ограниченій, вторымъ—въ корнѣ мѣнялось поземельное устройство крестьянъ. Самымъ важнымъ правовымъ пріобрѣтеніемъ изъ всѣхъ пунктовъ указа 5 октября для крестьянъ, несомнѣнно, явился пунктъ пятый, по которому крестьянамъ и вообще лицамъ бывшихъ податныхъ сословій дано, наконецъ, право *свободнаго избранія постояннаго мѣстожительства* «на одинаковыхъ, указанныхъ въ уставѣ о паспортахъ, основаніяхъ

съ лицами другихъ состояній». Крестьянинъ по этому пункту указа безъ всякой волокиты получаетъ теперь *безсрочную* паспортную книжку. Всѣ прежнія стѣсненія, весь произволъ въ выдачѣ и отобраніи паспорта, буквально сковывавшія крестьянина по рукамъ и ногамъ, теперь отпали *). Согласно прочимъ пунктамъ указа 5 октября, разрѣшено вступать крестьянамъ въ новыя сельскія общества *безъ* обязательнаго прежде увольненія изъ прежняго и *безъ* потери связанныхъ съ пребываніемъ въ послѣднемъ правъ на надѣльную землю. Поступающіе въ учебное заведеніе или на государственную службу крестьяне освобождаются отъ натуральныхъ повинностей и несенія общественной службы на все время нахожденія тамъ, а при поступленіи *освобождены отъ представленія увольнительнаго* приговора своего общества, что фактически является весьма чувствительнымъ и существеннымъ правовымъ облегченіемъ. Всѣмъ лицамъ изъ крестьянъ, добившимся *привилегій* на государственной службѣ, по образованію, чинамъ и орденамъ, указъ разрѣшаетъ оставаться въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, чѣмъ нарушается прежняя тѣсно замкнутая сословность крестьянскаго общества и вводятся въ него *болѣе культурные* элементы. Наконецъ 10-мъ пунктомъ указа отмѣнено правило утвержденія земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ губернаторомъ, и кандидаты *самостоятельно* избираютъ изъ своей среды положенное число гласныхъ.

Институтъ земскихъ начальниковъ оставленъ указомъ въ силѣ и только нѣсколько смягченъ административный произволъ этой «близкой къ населенію власти», какъ по отношенію къ личности крестьянина, такъ и по отношенію къ общественнымъ приговорамъ. Оставлены въ силѣ, и даже не переложены на деньги, и натуральныя повинности. Такимъ образомъ оба самыхъ отрицательныхъ фактора правового строя крестьянъ не затронуты указомъ.

Оцѣнивая реформу, произведенную указомъ 5 октября 1906 г., не слѣдуетъ забывать, что этотъ актъ изданъ въ междудумье, въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ Законовъ, и пока не

---

*) Однако и здѣсь оставлена, какъ говорится, лазейка для обхода закона о свободномъ повсемѣстномъ проживаніи крестьянина: есть оговорка, что паспортныя книжки не выдаются, между прочимъ, «лицамъ, не могущимъ снискать себѣ пропитаніе трудомъ». Этой оговоркой полиція пользуется въ широкихъ размѣрахъ и, приравнивая къ нимъ безработныхъ крестьянъ въ городахъ, высылаетъ этапомъ въ деревню.

пройдетъ черезъ законодательныя учрежденія, носитъ временный характеръ; что онъ не согласованъ съ другими постановленіями о крестьянахъ; что далеко не всѣ правоограниченія крестьянъ имъ отмѣнены и, слѣдовательно, основываясь на этомъ актѣ, преждевременно и легкомысленно говорить о будто бы произведенномъ имъ *уравненіи* крестьянъ и въ правахъ съ привилегированными сословіями. Но если практическое его значеніе не такъ высоко, то принципіальное—очень велико: правовая обособленность крестьянства, съ такой энергіей укрѣплявшаяся пореформеннымъ законодательствомъ, еще разъ осуждена указомъ 5 октября на полное уничтоженіе, и для послѣдняго окончательно расчищенъ законодательный путь.

Вторымъ актомъ, указомъ 9 ноября 1906 г., какъ сказано, въ корень измѣнены поземельныя права крестьянъ. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ здѣсь лишь на самый принципъ произведенной указомъ 9 ноября реформы. Сущность этого акта можетъ быть сведена къ тому, что общинное владѣніе надѣльными землями, которое долгое время тщательно охранялось правительствомъ, принимавшимъ его за оплотъ государственнаго порядка, указомъ признано не только излишнимъ, но даже вреднымъ. За крестьяниномъ признано право требовать выдѣла изъ общинной земли его участка, право распорядиться этимъ участкомъ, какъ *своей* полной личной собственностью. Цѣль, къ которой стремится правительство въ этомъ необычайной важности актѣ, состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлить изъ всей массы крестьянства особую группу, имѣющую составить собою *новый соціальный классъ— мелкихъ земельныхъ собственниковъ*, поставленныхъ притомъ въ условія обособленнаго отъ крестьянскихъ общинъ подворнаго и хуторского хозяйства.

А. Титовъ.

Цѣна **1** руб. **10** коп.

